

Юрий Сбитнев
Ольга Гринёва

МАГИЯ СЛОВА

*«Чтобы рассказать, а не доказать.
Для памяти...»*

Скиф Анахарсис. VII век до н. э.

Чернигов
2021 г.

ББК 83.3(4Рос)3
С 23

Обложка и оформление — Сергей Гринёв

Юрий Сбитнев, Ольга Гринёва

С 23 Магия Слова. — Чернигов: ----- 2021. — --- с.

ISBN

В книге представлены исследования выдающегося памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». В неё вошли переработанная и дополненная книга писателя Юрия Сбитнева «Тайны родного Слова. Моё прикосновение...», историко-лингвистическое исследование Ольги Гринёвой, авторские Реконструкция и Переложение «Слова», факсимиле издания 1800 года, древо упоминаемых в произведении князей и карта похода Игоря (по Ю. Сбитневу).

Предисловие Алексея Широкова.

ISBN

ББК 83.3(4Рос)3

© Ю. Н. Сбитнев, 2021

© Ольга Гринёва, 2021

© Сергей Гринёв. Оформление, 2021

Творческое двуголосие

Кто только не пытался за двести с лишним лет разгадать тайны, «тёмные» места «Слова о полку Игореве»! Целые институты! Каких только версий не выдвигали! Кого только не прочили в Авторы! А тайны так и оставались тайнами. И теперь кажется невероятным, что рубеж этот взят, и достиг его исследователь в одиночку. Один! И прочтение это длилось ни много ни мало более 70 лет!

Древнерусская поэма ещё в юношеском возрасте поразила воображение и навсегда вошла в его жизнь, он знает её до буквы, слышит её ритм, музыку — магически это действует на него! «Два раза был я на грани жизни и смерти, — рассказывает, — и оба раза спасло меня «Слово». Я чувствовал, как его мощный ритмический поток вливается в меня, проходит тёплой волной по спинному мозгу, проникает в каждую клетку, в каждый капиллярчик...»

Вот где, думается мне, ключ к разгадке его метода прочтения — слышать и чувствовать каждую букву, ритм, музыку фразы. Там, где сбивается ритм, где образуются узлы, как он говорит, — «начинай развязывать».

Мы не знаем, какой у нас список «Слова» — пятый или десятый, не знаем, кто разделял сплошные древнерусские строчки на слова, на фразы, кто ставил запятые и точки, а неверная разбивка на слова, бывает, совершенно меняет смысл. И услышь теперь, улови, где надо прерваться, где сделать паузу! Юрий Сбитнев наделён именно таким слухом, какой позволяет делать это. Необычный слух у него, сродни композиторскому, дирижёрскому.

В журнале «Наш современник» (№12, 2005 г.) опубликованы его воспоминания о великом композиторе Георгии Свиридове, с которым дружил. Тот хорошо знал «Слово о полку Игореве». Сидят они рядом, Сбитнев читает текст в первой публикации 1800 года, Георгий Васильевич вдруг прерывает:

— Нет-нет, исчез ритм, нет музыки!

Юрий Николаевич читает свою реконструкцию:

— Вот она, музыка! — восклицает композитор. — Ах, как хорошо! Уж он-то слышал всё!

Такой же, видимо, слух и у Сбитнева.

...Шаг за шагом восстанавливал он подлинный ритм поэмы, по своему разделяя фразы, реконструируя текст. При этом образовывались новые слова — одни понятные, другие по-прежнему «тёмные». Тут и приходило на помощь его уникальнейшее собрание дошедших до нас из древности слов, записанных в поездках по стране, которую исколесил вдоль и поперёк.

В ранее опубликованных статьях о работе Юрия Николаевича я подчёркивал, что он прочитывал «Слово о полку Игореве» исключительно с помощью живого русского языка. Это конечно так, но само по себе наличие такого словаря ещё ничего не значит. Дай его мне — и сколько бы ни листал я его, древний текст так и останется непонятным, без музыкально-поэтического слуха ничего не сделать. Юрий же Николаевич держит в памяти и текст «Слова» с его ритмом и музыкой, и словарь свой (память на слова у него поразительная!) — и тут, мне кажется, происходит необъяснимое: слова либо сами находят свои места, либо интуиция писателя так срабатывает, что он расставляет их, как им и следовало стоять.

Суждение, ясно, очень упрощённое, но что-то в этом усматривается. Ведь процесс писания — это своего рода сон, творческий сон, в который погружается пишущий. И как обычный сон человек объяснить не может, так и творческий — почему вышло так, а не этак? Поди пойми, как это происходит — в подсознании, что ли, в подкорке вершится?..

В реальности, конечно, всё гораздо сложнее. Чтобы прояснить текст «Слова», сделать его понятным, писателю потребовалось надолго «переселиться» в XII век, хорошо освоиться там, переворочить древние писания, познать особенности древнерусской письменности, нормы поведения прародителей наших, определить родственные княжеские связи и многое-многое другое. За всем этим — огромный, многолетний труд!

И всё же — не будь наделён Юрий Сбитнев редким поэтическим слухом, не будь у него изумительного чувства слова, удивительной памяти на слова, вряд ли можно было достичь желаемого.

Думаю, мы имеем дело с явлением исключительным, необычным.

Меня прямо-таки поражает, как могло прийти решение присоединить частицу «бо» к слову «готские» в совершенно непонятной фразе: «Се бо Готскія красные девы въспеша на брезе синему морю,

звоня Русскимъ златомъ, поють время Бусово, лелеють мечь Шароканю» — сплошные вопросы! А появились вместо готских дев боготские — сразу всплывает слово «богот», по Далю, «омут», а в речных омутах, по народным поверьям, русалки водятся... Вот и стали готские красные девы нашими русалками, выходят они на берег и, звеня русским златом, поют, исполняя ритуальный танец в память Игорева полка. Всего одна частичка, а сделала ясной всю фразу!

Что тут помогло реставратору? Воссоздание ритма?.. Озарение?.. Скорее всего, то и другое.

И таких озарений в работе Сбитнева было много. Главное же из них — раскрытие имени Автора «Слова о полку Игореве».

Обо всём этом читатель узнаёт из книги «Тайны родного Слова», изданной в Чернигове в 2010 году, прочитав которую, воспринимаешь её не как очередную версию, а как неопровержимые доказательства.

Так же скрупулёзен Юрий Сбитнев во всех своих книгах — о современной русской деревне, сибирском Севере, Древней Руси (его роман-дилогия «Великий князь» в 2009 году удостоен историко-литературной премии «Александр Невский»). Везде отличается он тщательнейшей работой со словом. Вовсе не красивости ради. В интервью журналу «Чернигов-24» сказал: «Вся моя жизнь подчинена Слову». Это поистине так. Тираж первого издания «Тайн» разошёлся с невероятной быстротой, и теперь книга — библиографическая редкость. Раскуплена она в основном в Украине, где живёт нынче «последний русский классик», как говорят о нём читатели. Увы, на родине его, в России, хотя он и не обделён читательским вниманием и памятью, официальные литературные круги к исследованию Юрия Сбитнева отнеслись более чем прохладно.

И вот перед вами, дорогие читатели, новая книга с новым названием. Пополневшая в объёме, но постройневшая сюжетно, дополненная новыми прочтениями и повествованиями об исторической судьбе этого гениальнейшего произведения мировой литературы Средневековья, книга приобрела и то, чего многие ждали, — авторскую реконструкцию и переложение. Но что более всего примечательно — Юрий Николаевич в этой новой работе не одинок! На обложке книги стоят два имени. В одном из последних писем ко мне он признаётся: «Ты не можешь себе представить, сколько сил,

сколько титанического труда приложил я, чтобы уговорить Ольгу поставить своё имя на новом издании «Тайны». И всё-таки убедил! Это самая крупная за всю мою жизнь победа в общении с женщинами. Можешь рассматривать сие как остроу, но поистине это так!..»

Более десяти лет работает Ольга Гринёва литературным секретарём писателя, она неизменный редактор всех его произведений последних лет, составитель собрания сочинений в шестнадцать томах. Под общей редакцией О. Гринёвой вышло и первое издание «Тайны родного Слова». Я называю Ольгу подвижницей. Невозможно переоценить её кропотливый и повседневный труд в продлении творческой жизни Юрия Николаевича. Благодаря этому писатель на девятом десятке лет завершает роман «Великая княгиня», издаёт первый и продолжает писать второй том его... И вот перед вами новая книга. Осуществив первое издание, писатель признавался: «Не ставлю я точку в этой книге только потому, что едва-едва прикоснулся к Тайне родного Слова, попробовав осмыслить крохотную толику. Верю, что впереди новая книга, новые прикосновения и осмысления Тайны родного Слова». А чуть ниже перечисление городов и годы работы: Лопасня — Чехов — Чернигов — Новгород-Северский — Глухов — Путимль — Белополье — Сумы — Лебедин — Донецк — Славянск — Святогорск — Талез... 1946 – 2010 г.г.

В том же году написал мне: «Книга отдана в производство. Очень скоро обещают издать. Начнётся новая жизнь «Слова», но оно не оставило меня, оно во мне и требует продолжения. Я это вполне понимаю... Ты не можешь себе представить сколько неизреченного во мне, сколько тайн, уже познанных, сколько прочитанных, многие из которых я побоялся озвучить. Да-да — побоялся... А теперь ясно понимаю: не хватит у меня силёнок на новую книгу, не осилю я эту «сладкую каторгу». Нельзя оставаться с этим один на один...»

Не оказался он один на один со «Словом»... Полное семилетие прошло теперь уже полновесной соавторской работы с Ольгой Гринёвой. Надеюсь, читатель услышит это уникальное творческое двухголосие. Новую кровь, жизненную новую силу обрела книга.

Алексей Широков, 2017 г.

Предисловие

Этого предисловия не должно было быть, хотя Юрий Николаевич и просил меня написать. Я считала тогда, что оно не нужно — достаточно предисловий его друга, критика и литературоведа Алексея Широкова, и самого писателя Юрия Сбитнева. Но теперь, когда мне одной приходится завершать, упорядочивать и издавать эту книгу, которую мы вместе готовили и мечтали издать к 90-летнему юбилею Юрия Николаевича, считаю необходимым прокомментировать некоторые моменты.

Первая часть книги — это «Тайны родного Слова», изданные в 2010 году, переработанные и дополненные автором. Кроме того, он писал ещё одну большую часть-исследование об обретении «Слова» в конце 18 века. Работал над ней долго, собирая по крупицам сведения и обдумывая собственные прозрения. К сожалению, работу эту не закончил, и я не могу её завершить, поскольку он не делился со мной тем, что намеревался ещё написать, а возможно, и сам не постиг всего, к чему стремился. Поэтому публикую в таком виде, в каком она осталась...

«Моё прочтение» — это моё собственное исследование, которое я начала несколько лет назад, когда, по предложению Юрия Николаевича, попробовала сделать переложение «Слова». Тогда я поняла, что без знания той эпохи, летописей ничего не выйдет. Какое-то время ушло на чтение летописных источников, поиск и изучение словарей и т. п. Своё исследование я написала ещё при жизни писателя, он с ним полностью знаком и имел о нём своё мнение. Я частями приносила ему свои наработки, мы их обсуждали, порой спорили, но всегда приходили к согласию. Юрий Николаевич очень одобрял мои изыскания и почти все мои «открытия» принял. Поэтому Реконструкция и Переложение стали нашим общим творчеством, хотя основаны на его версиях. Некоторые места я прочитала по-другому и нашла доказательства в летописях и словарях. Например, фразу «два молодая месяца Олег и Святослав», и Юрий Николаевич отказался от своего предыдущего прочтения, поддержав моё, поэтому в Переложении уже моя версия. В него также внесены мои прочтения многих слов, с которыми он был полностью согласен, таких

как, например: «пардусы гнездо», «стрикусы», «убуди», «хоботы», «пашут», «кощей», «отдуду», «окони» и других. Точно так же он принял с восторгом и такое важное и принципиально новое, «фундаментальное» открытие — «Ярославля Ольгова». Но не буду забегать вперёд, «спойлерить», как модно сейчас говорить.

С некоторыми моими предложениями он не согласился. Это прочтение слов «башеть», «боречь», «десяток соколов», «трояни» и «еста начала». Поэтому в Переложении оставлено его прочтение этих мест, а моя версия изложена в главе «Моё прочтение».

Юрий Николаевич всё откладывал на потом переложение обращений Автора к князьям. Над этой частью пришлось работать мне самостоятельно, чтобы объяснить, в том числе для себя, что за князья упоминаются в «Слове» и почему именно они. Юрий Николаевич прочитал мои исследования и одобрил. Поэтому в Реконструкцию и Переложение внесено моё прочтение этих мест.

Когда я сомневалась, помещать ли мою версию «Святославич боян», а также версию о существовании сына Болеславы, Юрий Николаевич предложил всё же их опубликовать, ведь они тоже имеют право на существование, считал он.

«Моё прочтение» больше исследовательское, лингвистическое, чем литературное, поэтому написано более сухим, «научным» языком, со ссылками на словари и летописи. Я нашла доказательства некоторым открытиям Юрия Николаевича, которые он сделал интуитивно, основываясь на «памяти крови», как он говорил. Внимательный читатель это увидит.

В книгу включены факсимиле 1800 года издания «Слова», уточнённое и отредактированное древо князей, упомянутых в «Слове» (по Ю. Сбитневу) (на форзаце), карта похода Игоря Святославича, опубликованные в прошлом издании, а также новое — Реконструкция и Переложение, которые представляют особый интерес для знатоков и любителей этой древнерусской Поэмы.

Думаю, для них, да и для всех, эта книга будет интересным чтением, которое подвигнет на собственные исследования и открытия. Я считаю свою работу не законченной — ещё столько тайн таит в себе этот шедевр Средневековья.

*Ольга Гринёва,
литературный секретарь писателя Юрия Сбитнева*

Вначале было Слово

Из дневника:

«16 октября 2008 года. Опять возвращается лето в лукавые дни октября. Покрова Богородицы, а за окном плюс двадцать. Небо голубое-голубое, половодье солнечного света. Озолоченность берёз, гроздь червонной калины. На орешнике серебряные серёжки и набухшие с зелёными клювиками почки. В яблонях, всё ещё обременённых плодами, шелестит южный ветер. Не рыжая — рудовая белка скачет по ветвям сада...

Перебираю старые бумаги, накопилось их за жизнь — не пересмотреть, а тем более не перечитать, впору в мешки складывать и выносить. Давно следует почистить этот бумажный Монблан, он уже не нужен мне для работы, да и вряд ли для кого-то другого представляет интерес, но никак не решусь на выброс и сожжение — рука не поднимается, и душа не велит. В этих бумагах вся моя жизнь — от начала и до сегодняшнего дня... А что было в начале?..

В руках покоробленный временем, совсем «нездешний» блокнот, за обложкой на пожелтевшей страничке размашисто зелёными чернилами на всём поле витиевато начерчено: «1946 год», почему-то с тремя восклицательными знаками. На других страничках — попытки отобразить окружающее в рисунках (мечтал отрок стать художником): графин со стаканом, окно с веточкой, мама читает, сестра пишет, облетающее дерево... Следовало бы каждый рисунок подписывать, потому что трудно определить в нарисованном, что есть что и кто есть кто... Но на каждой страничке новые бессловесные муки творчества, и всего одна запись в конце блокнота: «... октября (число утратилось). Сегодня начали проходить «Слово о полку Игореве». Николай Иванович читал нам по-древнерусски. Здорово!»

Я отчётливо помню тот октябрьский солнечный день в мельчайших подробностях, он был точно таким же, как и сегодняшний, — солнечным и озолочённым, и полным великим таинством впервые обретённого «Слова». По какому движению души и мысли читал нам, недавней военной безотцовщине, незабвенный наш учитель литературы Николай Иванович Бизянихин древним, непонятным, но таким родным языком ставшее для меня сутью творческой жизни

«Слово»?..

Сегодня с Олей начнём работу над книгой «Тайны родного Слова». Следует выгащить на свет белый всё, что написано мною за всю жизнь о «Слове», перебелить, выстроить «сюжет», многое дописать, а кое-что и продиктовать. Оля будет печатать с голоса, разбираться в моих рукописных каракулях, совершать редактуру и держать корректуру... Итак, с Богом!..»

«Что ми шумить, что ми звенить давеча рано пред зорями?..»

Вся жизнь прошла с того далёкого октябрьского солнечного дня, а оно всё шумит и звенит во мне величайшей тайной, это вечное, родное и непостижимое Русское Слово!

Нет в истории мировой литературы, во всех памятных веках и доныне, шедевра более загадочного, до конца не раскрытого, не прочитанного и не уяснённого, чем древнерусская «повесть», «песнь», «поэма», «плач» — «Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова».

Тайна сия велика есть! Была и остаётся.

Если собрать всё написанное о «Слове» за двести двадцать лет со дня его первого издания, то потребуются уже не книжные полки, но весьма вместительное здание отдельной библиотеки. Не десятки, но сотни и сотни блистательных умов девятнадцатого и двадцатого веков: историки, лингвисты, филологи, писатели — отдали свой талант изучению этой тайны. Великие поэты переводили «Слово» на современный им язык, гений Пушкина прикоснулся к загадочной глубине...

Сонмы читателей, прикинув душой к этой тайне, пытались уяснить и разрешить её не только для самих себя — предлагали миру свои прочтения. По-разному относились к тому «учёные мужи» и академическая наука. Профессиональные исследователи пытались «оберегать» шедевр от «дилетантов» и «неучей», отгородившись от читательского интереса незыблемостью «научных стен». Но народный интерес и любовь к «Слову» не раз разрушали цитадель... Явление это поистине уникально и не имеет ничего подобного в мировой литературе. К этим тысячам и тысячам ревностных читателей национального шедевра, заболевших на всю жизнь любовью к «Слову», я причисляю и себя. Всю сознательную жизнь не оставляла меня надежда, что рано либо поздно, погрузившись в непостижимые глубины, я разгадаю великую тайну. И чем глубже вникал в написанное гением

Древней Руси, тем больше открывалось новых тайн. И год от года рос интерес, росла неуправляемая тяга к «Слову». К семидесятым годам прошлого века по всем весям необъятной России из народного языка, на котором вопреки всему разговаривала наша русская глубинка — на Брянщине, Курщине, Белгородчине, Орловщине, на русских югах и северах, в Сибири и на Дальнем Востоке — я собрал удивительный словарь. Оказалось, что русские люди в своём повседневно всё ещё хранят лексемы, не просто созвучные древним, но и раскрывающие смысл их. Русское народное слово раскрыло для меня тайну многих, названных учёными «тёмными», мест в первоиздательском тексте. Многие из них удалось прочитать. Но это не столько обрадовало, сколько напугало. Как так: я, всего лишь страстный почитатель «Слова», читаю и уясняю то, что до меня не прочли и не уяснили профессионалы-учёные, скрупулёзно изучающие в течение более полутора веков текст величайшего памятника?! Но эта боязнь не помешала моей тайной страсти познать непознанное. Тайной потому, что я мало кого посвящал в свои занятия. К тем же семидесятым годам было прочитано всё, или почти всё, опубликованное в печати о «Слове». Непростое было занятие отыскивать публикации, относящиеся к девятнадцатому веку и началу двадцатого. Непросто, зато захватывающе интересно обретать то, что предано забвению, и что, по мнению современных учёных, перестало представлять какой-либо научный интерес. А интерес учёных к «Слову», как и читательский, в то время не убывал, но прибавлялся. Постоянными были научные всемирные конференции, происходили защиты диссертаций, издавались академические труды и доступные для широкого чтения книги, проводились дискуссии... Не бездействовали и «простые читатели», создавались читательские клубы любителей «Слова о полку Игореве» во многих городских, заводских и сельских библиотеках, возникло такое сообщество и в писательской организации Москвы, в Киеве и Минске и во многих других городах Советского Союза. В газетах, и не только в литературных, в толстых и тонких журналах часто печатались статьи, высказывались гипотезы о предполагаемом Авторе великого произведения, о местах его написания и о многом другом, появлялись и новые переводы с древнерусского. Велик был у меня соблазн высказать своё «наболевшее», поведать читающему люду всё, что накопилось в душе и в рукописях за тогда

почти тридцатилетнее общение со «Словом». Не соблазнился...

К тому времени твёрдо уяснил для себя: пока не влезу со всеми потрохами в двенадцатый век, пока не уясню для себя предысторию создания «трудной повести», не смогу понять и прочесть само «Слово». И началось, пожалуй, самое необыкновенное в моей жизни погружение в двенадцатый век Древней Руси. Мне не без напряжения, не без немалых затрат удалось приобрести тома из «Полного собрания русских летописей», вышедших в шестидесятые годы двадцатого века, и то, что оказалось доступным, о времени, меня интересующем. Цель заключалась не в том, чтобы освоить труды русских историографов от Татищева до современных историков — они были уже прочитаны, а в том, чтобы самому вникнуть в первоисточник, прочитать и осмыслить. Читать летописи оказалось неимоверно трудным занятием, но интересным тоже неимоверно. Пришлось самому осваивать язык прашуров. Архитрудное занятие.

Было не в таком уж далёком времени выражение: «грамотный, но не письменный». Что означало: читать могу, а вот писать не научился. Такую грамотность в чтении летописей я и освоил. Смог, хотя и недостаточно бегло, но с великим упоением читать не только деяния Нестора «Повести временных лет» (единственное, что тогда было переведено на современный язык), но и последующие повести в Ипатьевской летописи, Лаврентьевской, Новгородской, Патриаршей... Был буквально ошарашен тем, что открылось при чтении всех этих сводов. Я узнавал о своей древней родине и о прашурах своих много такого, чего не было написано ни в одном учебнике истории и даже в трудах признанных и несомненно замечательных учёных. В своё время я с упоением читал Карамзина, позднее открыл блистательного Василия Никитича Татищева, зачитывался Соловьёвым, радовался лекционной доступности Ключевского и речению Костомарова... И каждый из них, рассказывая о Руси, предлагал не просто своё видение событий, обретённых в тех же летописях, но определённую концепцию. Я же, проникая в суть написанного далёким прашуром, видел только свою Русь, созвучную моему току крови и моему биению сердца. Необъяснимость некоторых описываемых событий иногда ставила в тупик, а иногда раскрывалась совсем по-иному, нежели в официально принятой истории... Многоподробный, много-

ликий, непредсказуемый мир предков, иногда весьма противоречивый, возникал в повестях летописцев и, что удивительнее всего, он не шибко был похож на тот, что сформировался в моей душе, в моём знании за всю жизнь...

Шестьдесят три года потребовалось, чтобы прикоснуться к этой Тайне, и многотрудный, но всего лишь год — на создание книги «Тайна родного Слова. Моё прикосновение к «Слову о полку Игореве». Она была издана в Чернигове в 2010 году. За неполных три года тираж разошёлся полностью. Не пропал, не исчез народный интерес к «Слову» в Белоруссии, Украине и России. Особливо в Украине. Семьдесят процентов тиража ушло к украинскому читателю. Меня приглашали на встречи в университеты, институты, школы, в библиотеки и клубы, на предприятия Киева, Чернигова, Донецка, Славянска, Горловки, Сум, Шостки и Глухова, Новгорода-Северского и Прилук, в Сосницу, Корюковку и Мезин... И каждая из них стала для меня незабываемой!

В Крыму готовилась международная встреча славистов в 2014 году, и я был приглашён в Симферополь одним из почётных гостей...

И вот перед вами книга в новой редакции и новом прочтении, на которые ушли ещё десять лет уже соавторской работы с Ольгой Гринёвой.

Итак, читатель, в новый путь в бессмертное Слово...

*Юрий Сбитнев
Январь 2021 года*

Юрий СВИТЧЕВ

Тайны родного слова

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО СЛОВА

Кому неизвестно, что такое любовь с первого взгляда? Этому чувству посвящено сотни, тысячи книг, картин, музыкальных произведений... А известно ли кому-нибудь о любви с первого слова? Ведь именно такая любовь посетила меня более 60 лет назад и уже не оставляла всю жизнь...

Когда мне исполнилось четыре года, отец в подарок принёс большую яркую коробку. На её крышке был изображён древний воин — князь. Он сидел на белом коне, в золотом шлеме, в голубой кольчуге, на широком поясе стальной меч, за могучими плечами развеивался алый плащ. Я, зачарованный, раскрыл коробку: в ней оказалась толстая пачка плотной бумаги с красивыми цветными картинками. Сев на пол, тут же начал их рассматривать. Красивые кони, люди в боевых доспехах, походные шатры, странные двухколёсные телеги, причудливые терема, седой старик с гусями на коленях... Всё было интересно, всё незнакомо и сказочно. Моим вопросам не было конца. Отвечая на них, папа объяснил, что это настольная игра «Битва князя Игоря с половцами». Мне тут же захотелось в неё поиграть. «Нет, сынок, — сказал отец, — сначала мы с тобой должны вырезать и склеить каждый рисунок, и только когда у нас будут настоящие воины, кони, княжеские терема, походные шатры, игра будет готова». Всю осень папа по вечерам, придя с работы, вырезал, склеивал, а кое-что и подкрашивал, рассказывая, какая это будет замечательная игра, а мама читала совсем не детские стихи, которые меня завораживали и снились по ночам. Эта пора осталась в моём детстве самым светлым и счастливым временем. Так я впервые встретился со «Словом о полку Игореве».

Но настоящая встреча произошла одиннадцать лет спустя, в первом послевоенном году. В 8 «А» классе лопасненской сельской школы был урок литературы. Наш учитель Николай Иванович Бизянихин, недавний фронтовик, всё ещё одетый в военную форму, пришёл в класс и сказал просто: «Сегодня мы, ребята, начинаем изучение величайшего произведения мировой литературы — «Слово о полку Игореве». Он достал из старенького захудалого портфельчика тоненькую, похожую на канцелярскую папку книжицу, береж-

но раскрыл её и прочёл: «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе двенадцатого столетия с переложением на употребляемое ныне наречие». Сделал совсем малую паузу и значительно закончил: «Напечатана в Москве, в Сенатской типографии в одна тысяча восьмисотом году». И снова помолчал, взглядываясь куда-то поверх наших голов, потом очень доверительно повторил: «Писанная старинным русским языком. Вот на нём я и буду вам читать». И поплыло напевное: «Не лепо ли ны бяшето, братие, начати старыми словесы трудных повестий о полку Игореви, Игоря Святославича...»

Первые минуты мы ещё переглядывались друг с другом, даже перешёптывались, но потом какая-то необъяснимая сила захватила весь класс, подчинила себе, заставила слушать даже не сами слова, которые во многом не были нам понятны, но странную музыку, наполнявшую сердца то ли тревогой, то ли радостью, то ли любовью. Эта музыка завораживала, и мне казалось, что я не просто понимаю её, но слышал когда-то и, более того, люблю её давно... Так я с первого слова полюбил на всю жизнь этот древнерусский шедевр.

Вернувшись после школы домой, нашёл в книжном шкафу то-ненькую книжечку, стихи из которой читала мама той памятной осенью. Открыл первую страницу и начал читать, стараясь понять, что читаю, либо услышать ту музыку, которая наполняла класс при чтении нашего учителя. Но не понимал и не слышал. Однако продолжал читать. И вдруг осознал, что со мною происходит нечто удивительное: все эти странные незнакомые слова радовали и были близки сердцу.

Николай Иванович сказал, что «Слово» было написано в одну сплошную строку, без знаков препинания, без разделения на предложения и слова. И я пытался так и читать: «БОЯНБОВЕЩИЯЩЕКОМУХОТЯЩЕПЕСНЬТВОРИТИТОРАСТЕКАШЕТСЯМЫСЛИЮПОДРЕВУ...» А потом попробовал написать, но оказалось это необыкновенно трудно. Решил, что если каждый день писать по две-три строки, то к концу четверти у меня будет готов древний список. Вот удивлю ребят! А если написать, изменив почерк, да на старой жёлтой бумаге, которая без дела лежит на чердаке в дедушкином саквояже, то можно будет сказать, что это я там и нашёл. Во дело! Тогда

это намерение так же быстро угасло, как и возникло. Однако почти через сорок лет я проделал эту работу. И не для того, чтобы кого-то удивить, а дабы самому провести реконструкцию древнего текста.

А тогда, спустя недели две, мы писали итоговое сочинение по «Слову». Я выбрал тему «О чём я хочу рассказать, прочитав «Слово о полку Игореве». Писал увлечённо, тетрадку сдал после звонка. А через два дня Николай Иванович принёс проверенные сочинения. Вынул из портфельчика стопку тетрадок, отложил одну из них и сказал: «Я вами доволен, вы хорошо усвоили материал и в основном успешно справились с первым для вас сочинением. А сейчас я хочу прочитать работу, которая меня поразила». Он так и сказал: «поразила», и нельзя было понять по его тону, хорошо это или плохо. «Сочинение на свободную тему. У этого автора имеется подзаголовок: «Поникли цветы в горести, и древо с тоской к земле приклонилось». И опять непонятно, нравится это учителю или нет. А я сгорал от страха, ведь сочинение-то моё! Николай Иванович обладал удивительным даром декламатора и прочёл он моё творение так вдохновенно, отчего страх мой ещё более усилился. Я так и не мог понять, во хвалу это или в позор. Однако класс слушал в полной тишине, с большим вниманием. А учитель, закончив чтение, спросил: «Ну, что скажете? Хорошее это сочинение?» Класс безмолвствовал. А мой друг Олег, с которым мы сидели на последней парте и считались «лентяями» и «посредственниками», сказал вызывающе громко: «Что надо сочинение! Очень хорошее!» Он знал, что сочинение моё. «Молодец, Кузнецов, друга надо всегда поддерживать. И ты прав — очень, очень хорошее сочинение. То, что надо!» Класс одобрительно зашумел. «И это сочинение написал Сбитнев, — продолжил Николай Иванович. — Очень хорошо написал, но поставил меня в чрезвычайно трудное положение, даже безвыходное — как оценить эту работу? При столь отличном раскрытии темы, при безупречном стиле и форме ты, дорогой мой Юра, сумел накалякать тридцать две орфографических ошибки!» Класс ахнул. «Впервые в жизни, Юра, я поставил такую вот оценку: пять с плюсом за сочинение и кол с минусом за грамотность, то бишь орфографию». — «Пять первых, Николай Иванович, и получается твёрдая пятёрочка с плюсом!» — выкрикнул Олег. Учитель оценил его остроумие: «Нет, мой хороший, одна пятая!» И мне: «Останься после уроков, поработаем над ошибками».

Николай Иванович был директором школы, и «работали» мы в его кабинете. Он называл слово и спрашивал, как следует его написать. Я отвечал, и верно. «Назови правило», я легко называл. Таким образом мы «отработали» все ошибки. И почти во всех случаях ответы мои были верные и правила написания я знал. Он покачал головой: «Знаешь, как писать, а ошибки лепишь грубейшие. Сядь и перепиши сочинение набело». Я переписал, он прочёл и обнаружил уже не тридцать две, но... двадцать три ошибки. Мы проработали и эти. «Пиши заново!» И я писал ещё трижды. В последнем варианте ошибок было пять, и тетрадка закончилась. Николай Иванович долго глядел на меня: «Странно, очень странно... Я даже подумал, что ты надо мной издеваешься. Но вижу, что нет. Станный ты человек, Сбитнев, очень странный! — и вдруг, по-доброму улыбнувшись, добавил: — А может быть, это и хорошо...» Он и ещё поговорил со мною и о «Слове», и о словах, и о том, почему я взял в подзаголовок сочинения те самые строки, и осторожно, чтобы не обидеть, — самостоятельно ли я писал сочинение. Я ответил утвердительно, и вдруг признался, что всё, о чём писал в сочинении, вычитал в самом тексте «Слова». «Ты читал древний текст?» — «Много раз». — «И всё понял?» Я признался, что нет, но мне было интересно читать и я, заглядывая в перевод, воображал, что всё понимаю сам. Тогда и спросил, можно ли уяснить все «тёмные» места в тексте «Слова», о которых он рассказывал нам на уроке. «Можно, но только для этого надо долго-долго работать, а сначала упорно учиться, любить свой язык, свою землю и людей. Любить и само «Слово о полку». А потом сказал вещь: «Юра, я верну тебе эту тетрадку взамен первой изданной тобой книги».

Более четверти века спустя мы встретились с ним на улице нашего городка. Меня только что приняли в Союз писателей, в разных издательствах страны вышло несколько книг. Мы как-то неожиданно кинулись в объятия друг к другу, и по лицу его вдруг покатались крупные слёзы. Стесняясь их, пошутил: «Плачу потому, что двойки тебе ставил, потому что не разглядел в тебе писателя! Можешь так и сказать: повинился Николай Иванович, поплакался в жилетку». Он здорово постарел, но был всё ещё очень бодрым, улыбчивым, доброжелательно-открытым. «Пойдём, посидим у меня дома, поговорим. У меня все твои книги есть! Хорошие книги написал, добрые.

Вот и автограф оставишь: «Побеждённому учителю от победителя-ученика». Я всё-таки надеюсь, что имею маленькое отношение к твоей литературной судьбе». Я искренне ответил, что, кроме него, у меня в литературе учителя не было и нет. И хотелось добавить что-то относительно «Слова о полку», но он сам вспомнил об этом: «Был у нас пожар в старом доме, сгорела моя библиотека и архив. И твоё первое сочинение. Помнишь, обещал тебе отдать взамен на первую книгу?» Я не забыл об этом...

Вот так странно определился мой творческий путь. Были книги, сценарии, радиопередачи, очерки, стихи, я писал и издавал романы, повести, рассказы... И всё это время писал одно «сочинение» — по «Слову о полку Игореве». Более шестидесяти лет писал, собирая слова из местных наречий в разных уголках страны, куда заносила меня судьба, чтобы попробовать с помощью такого словаря не только прояснить «тёмные» места в «Слове», но и, прочитав его, разгадать эту поистине Благую весть, пришедшую к нам из далёкой святой Руси. «Спало мне на ум» такое желание. И привело оно меня наконец в Украину, к «злату столу черниговскому», в славный Новгород-Северский, где обрёл я древние корни своего рода, где надеюсь и верую завершить новый роман «Великая княгиня», в котором — вся моя жизнь и непроходящая любовь к Слову и Руси...

ХОДЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ

«Слово о полку Игореве» — самое загадочное явление русской и мировой культуры. Оно всё — тайна: текст, прочитанный каждым исследователем по-своему, содержание, цель похода Игоря и даже то, целый ли текст дошёл до нас, так ли он был выстроен, кто его переписывал, дописывал ли своё — всё это до сих пор остаётся загадкой. И одна из главных загадок: кто же автор этого великого произведения?

Вот уже более двух веков, с первой публикации в самом начале 19 столетия, этот вопрос волнует серьёзных исследователей и простых читателей. Работам, посвящённым открытию авторства, несть числа. Среди них монументальные труды не только академиков, работавших в Советском Союзе, но и многих-многих учёных мира. Автором исследователи предлагали считать и кого-то из современных «Слову» князей, бояр, дружинников, и мудрых монахов-летописцев, и вольных сказителей, которых во все времена было достаточно среди талантливой древнерусской культуры, и, наконец, самого князя Игоря! Не ошибусь, если счёт предполагаемых авторов идёт уже на сотни. Пусть моя версия будет даже тысячной, но она в своём роде единственная. Я, после долгих лет работы над этой великой тайной, совершенно точно могу сказать:

АВТОР — ЖЕНЩИНА!

Все исследователи (за исключением, кажется двух, которые лишь высказали такое предположение, но не доказали) уверены, что величайшую поэму написал мужчина. О наша вечная мужская самоуверенность! О наше мужичье величие, подчас граничащее с глупостью! Как же мы, сидящие на всех главенствующих высотах литературы, истории, литературоведения и просто во главе всего, можем допустить такое?! Я допущу. И попробую сейчас это доказать.

Начну с главного. С любви. К князю Игорю. Эту любовь замечали многие исследователи, и она в какой-то мере смущала их, поскольку никак не могла быть объяснена. Представьте себе на мгновение, что такой вот чистой любовью одаривает неудачливого князя дружинник либо боярин, либо равный ему по званию. Не может того быть! И не было! Но примеры щедрой женской любви буквально

рассыпаны по всей поэме! Такая же любовь подарена и великому князю Святославу Всеволодовичу, одному из заглавных героев поэмы. Многие исследователи «Слова» считали, что автор — близкий человек Святославу Всеволодовичу. В нашем случае куда ближе — дочь! Эта дочерняя близость легко угадывается в «Слове» в каждом упоминании о нём. Был он не шибко удачливым князем, но в «Слове» предстаёт как достойный и мудрый правитель Руси, сильный полководец, несомненный творец доброго, авторитет, каким может быть только родной отец своим детям. Таковым Святослав Всеволодович в жизни не был, но таков он в восприятии Автора: семейному трогательно-близкий — мудрый, добрый, заботливый отец, овеянный искренней женской любовью, только дочерней. Чего стоит лишь одна такая фраза: «...тогда Великий Святослав изрони злато слово, слезами смѣшено...» Речь тут идёт о плаче Святослава, о самых обычных горьких слезах, которые не смог сдержать великий князь. И они не признак слабости растерянного, убитого горем человека, но, несомненно, положительное качество его отзывчивой широкой души, глубоко воспринимающей чужое несчастье, как своё. Всё произнесённое дальше Святославом убеждает нас в этом. Тут Автор, как и во всём, что связано с именем великого князя, не просто свидетель, но духовный соучастник, каким может быть только родной и очень близкий человек. С глубокой дочерней любовью выписан этот образ, именно с дочерней. И всё касающееся поражения Игоря вплоть до обращения ко всем князьям русским — это одно глубокое, истинное сочувствие Женщины. Смее утверждать, что ни один мужчина не смог бы выразить словом того истинного горя, той великой печали и любви, той женской ласки, которая буквально разлита от начала и до конца в этом великом произведении, которая и есть суть его бессмертия. Любовь-то бессмертна!

Мне могут возразить, что великий писатель, поэт-мужчина может написать и женскую любовь. Может. Но любовь, и не только к двум названным князьям, в Поэме не написана — она выражена. А вот выразить женскую любовь может только женщина. Когда-то, беседуя с академиком Борисом Александровичем Рыбаковым, я сказал, что воспринимаю «Слово о полку Игореве» как плач. Он задумался и не отверг моего предположения. Русские национальные плачи — самые древние и, увы, мало изученные до сих пор шедевры устной

литературы. «Слово» — первый письменный плач. И плачей таких необыкновенно много в Поэме: плачут русские жёны, потерявшие мужей; плачут, «воспеша», девы «на брезе синего моря», плачут деревья, травы; плачет, наконец, и великий князь Святослав Всеволодович, плачет вся земля Русская... А возьмём хотя бы непревзойдённый шедевр — «Плач Ярославны»: «Полечю, рече, зегзицею по дунаеви; омочю бибрянъ рукавъ въ Каяле рѣцѣ, утру Князю кровавья его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ...» Мог ли плачем выразить великую суть Поэмы мужчина? Плачи от древней Руси и до нынешних дней исполняли только женщины (кстати, исполнять «Слово» на древнем языке в наше время со сцены «решались» только женщины). «Русские плачи» как образцы высокого подлинного искусства, к сожалению, до сих пор мало известные широкому читателю, изначально были проявлениями чисто женского творчества. Повторюсь: истинного и высокого!

Тут следует сказать несколько слов о роли женщины в жизни Древней Руси. Во-первых, женщины тогда были свободны и чтимы. Русский народ издревле исповедовал божественную суть Матери — не случайно же покровительницей земли Русской является Богородица. И женщина на Руси была не просто равноправна с мужчиной, но и почиталась как хранительница не только семейного очага, но и «дедних» традиций — «свычаев и обычаев». А сохранившиеся в украинском языке — дружина, то бишь жена?! Истинная защитница дома своего! Такое дорогого стоит! Во-вторых, женщины были образованны не в пример мужчинам. И происходило это вот почему. Мальчика в княжеских семьях до восьми лет воспитывала и учила мать. Всю мудрость мира княгиня обязана была передать сыну до этого возраста: она учила его чтению, письму, счёту, Божьему слову, развивала интеллект. Посвящаемый в князья мальчик должен быть грамотен, уметь читать и писать, преуспевать в счёте и иных познаниях, необходимых в мирной жизни. А для этого мать должна сама быть образованной. В восемь лет мальчика отдавали «на мужскую половину», он проходил «постеги» — посвящение в князья и постигал «мужские» науки: умение управлять людьми, быть воином, воспитывались в мальчике отвага, бесстрашие. Наставлял его в этом отец и ближние боевые его соратники — воеводы. Образование же девочки не прерывалось в восемь лет, а углублялось

и расширялось. В этом возрасте её уже сватали за суженого и часто забирали в семью будущего мужа — «за муж», где ещё несколько лет до свадьбы постигала она разные науки. Занималась этим све-кровь — «сведённая, породнённая кровь» (от древнерусского «свековаться» — породниться) — опять женщина! Да и потом, обучая уже своих детей, женщина продолжала совершенствоваться в знаниях. Женская Русь поголовно была грамотной. Теперь это уже доказано, тому есть вещественные подтверждения — берестяные грамоты, веретенца, посуда, исписанные, и подчас очень талантливо, женской рукой. Я не хочу утверждать, что на Руси тогда не было высокообразованных мужчин, но то, что женщина была образованнее в общей массе — это факт.

Многие найденные новгородские грамоты XI–XIII веков, написанные простолюдинами, адресованы женщинам, значит они могли их прочитать, то есть тоже были грамотными, не говоря уже о княгинях: «От Бориса ко Настасии како приде ся грамота тако пришли ми цоловекъ на жеребце зане ми здесе делъ много да пришли сороцицю сороцице забыле» — «От Бориса к Настасье. Как придёт эта грамота, пришли мне человека на жеребце, потому что у меня здесь дел много. Да пришли рубашку — рубашку забыл». А вот и сами женщины пишут: «Поклоно о Фовронее к Филиксу с плацоמו убиле мя пасынке и выгониле мя изо двора велише ми ехати в городо или самъ поеди семо убита есемо» — «Поклон от Фовронии Филиксу с плачем. Избил меня пасынок и выгнал со двора. Велишь ли мне ехать в город? Или сам поезжай сюда. Я избита». А попадья наказ даёт попу: «приказъ от попадьи к попу что у тебе было а пошло к Онании а нинече проносится от Кюрьюяка а нанече понаболи о томъ» — «Наказ от попадьи попу. То, что у тебя произошло, дошло до Онании, и теперь это разносит Кюрьюк. Так что позаботься об этом».

А вот Анна пишет целый рассказ: «От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Коснятином в моём деле. Сделай ему при людях следующее заявление о его неправоте: «После того как ты возложил поручительскую ответственность на мою сестру и на её дочь и назвал сестру мою курвою, а дочь блядью, теперь Фед (Федор), приехавши и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить». Так что, господин брат, согласовавши с Воеславом, скажи ему: «Раз ты предъявил это обвинение, так докажи».

Если же скажет Коснятин: «Она поручилась за зятя», — то ты, господин братец, скажи ему так: «Если будут свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком она поручилась за зятя, то вина на ней». Когда же ты, брат, проверишь, какое обвинение и какое поручительство он на меня взвёл, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это, — я тебе не сестра, а мужу не жена. Ты же меня и убей, не глядя на Федора. А давала моя дочь деньги при людях, с публичным объявлением и требовала заклада. А он вызвал меня в погост, и я приехала, потому что он уехал со словами: «Я шлю четырёх дворян за гривнами серебра».

Женщины переписывались и между собою: «Поклон от Харитании Софье. Что касается того, что я послала Михалю три резаны на повой (плат), то пусть он отдаст (очевидно, повой). Да еще прошу тебя, госпожа моя: пусть он поскорее выдаст соленье и свежих рыбок. Целую тебя».

Некоторые исследователи как аргумент в пользу того, что автор «Слова» — мужчина, приближённый князя Игоря, один из участников похода, приводят его якобы осведомлённость в военном быте, знание оружия — дескать, так точно, так зримо может описать русское войско только один из воинов. Но я всегда улыбался, когда читал об этом. Ведь как раз сборы в поход, сам поход и битва написаны со стороны, и так доверительно, по-женски трогательно, что диву даёшься, как этого можно было не заметить! Луки, мечи харалужные, сулицы, копьё калёные, шлемы, щиты и всё, о чём сказано в «Слове», с самого раннего детства сопровождало как мальчиков, так и девочек в княжеских домах, жилищах бояр и простых воинов. Обращу внимание читателя, что в обязательных детских играх «в войну» моего поколения и позже охотно участвовали девочки, которые не хуже нас разбирались в «вооружении». И снова напомним о древнерусских плачах. Женщины, оплакивая погибших на войне, упоминали и об оружии, их убившем. Как и Ярославна в своём плаче: «Чему мычеша хиновьскыя стрелки на своею нетрудною крилицю на моя лады вои?», «Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? В поле безводне жаждею имь лучи съпряже, тугою им тули затче?..»

Но кто же она, эта талантливая женщина, автор произведения, пережившего многие столетия? В древние и средние века авторы часто засекречивали своё имя в конце произведения, называя себя в тре-

тьем лице. Этот литературный приём — скрытую авторскую «печать», подпись — сфрагиду в древнем тексте «Слова о полку Игореве» выделяли многие исследователи. Однако прочтение её за долгие два века так и не привело к однозначному толкованию. Прочитав эту строку по изданию 1800 года: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣтворца старого времени Ярославля Ольгова коганя хоти». Первые издатели перевели это так: «Сказал сие Боян, и о походах, воспетых им в прежние времена. Князей Святослава, Ярослава и Олега». Такой перевод весьма далёк от древнего текста, потому и не устроил последующих исследователей и переводчиков. Было много разных прочтений, но смысл оставался неизменным, хотя написание строки изменялось многожды. В последней реконструкции, сделанной академиком Д. С. Лихачёвым, древний русский текст выглядит так: «Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣсотворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти». Реконструкция эта не зря принята за эталон. Она почти до знака повторяет то, что содержалось в подлиннике, кроме единственной правки. Вместо авторского «пѣтворца» академик предлагает своё: «пѣсотворца», заменяя древнее слово «пѣсь» на «пѣснь». Появление же в реконструкции слова «ходына» вполне оправданно. Лихачёв считает, что это имя ещё одного древнего русского певца. В его переводе: «Сказали Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы старого времени Ярослава, Олега-князя любимцы...»

Но имени Ходына нет ни в одном письменном памятнике нашей национальной истории. Долгое время на слуху была Ходынка — так называли трагедию, совершившуюся на Ходынском поле в Москве при восшествии на престол Николая Второго. Протекала по тому полю и одноимённая река. В новгородских весях со времён создания «Слова о полку» известна волость Ходыни, именованная также Ходынами и Ходынцами — во множественном числе. Несомненно, что все эти формы происходят от древнерусского слова «ходына».

Но самое поразительное, что поселение Ходынь притаилось в непосредственной близости от Новгорода-Северского, за Десной и новгород-северской знобью, у реки Сев (левый приток реки Нерусса, впадающей в Десну). Ничего и никому не известно об истории этого поселения, неизвестно и происхождение названия и время возникновения. В первой четверти двадцатого столетия — деревня,

насчитывающая всего лишь сто жителей, обречённая на вымирание и в начале этого века оставленная людьми... Не связано ли оно с именем, обрётённым в «Слове о полку» — Ходына Святославля?

Странно, но это редкое слово сопутствовало мне всю жизнь. Впервые услышал его в раннем детстве в очень грустной песне, которую пела моя бабушка Марфа, украинка, урождённая Гардюк, из атаманского рода запорожских казаков. Запомнилась на всю жизнь всего одна строчка: «И пишла ходына по миру гуляти...»

Потом в юности, когда служил в армии.

Наша часть на летние месяцы выезжала в военные лагеря. Располагались они в лесной Мещёре, далеко от населённых мест. Но рядом велись большие торфоразработки, на которых работали молодые женщины, вербованные из южных районов России, Украины и Беларуси. Десяток одноэтажных барачков, столовка, магазинчик, где можно было купить всякую мелочь, а главное — соевые конфеты «Кавказские» — неизменное солдатское лакомство. А ещё в самом центре этого лесного посёлка стояло некое нелепое сооружение, огороженное высоким забором, с лавочками за ним, киноэкраном и танцплощадкой. По выходным там играла радиолоа, а по вечерам крутили кино. Туда и отправлялись каждое воскресенье служивые нашей части, получив увольнение. Не каждый из нас заводил тесное знакомство с поселенками, не каждый решался пойти на танец, а тем более в гости в общежитие. В большинстве своём были мы невинными юнцами. Но какие потом велись в казармах рассказы о любовных приключениях! Дух захватывало! Подумать только, все эти ловеласовы подвиги совершались в пределах увольнения из части — от двенадцати до четырёх дня. Но так хотелось выглядеть бывалыми! И этим грешили все без исключения. Все «ходоки», кроме Лёни Обухова, моего соседа по нарам. Был он родом с Вологодчины, из многодетной семьи, совсем мальчик с виду, но по-стариковски рассудительный и даже мудрый. Так вот Лёня был единственным из всех нас, кто не ходил в увольнение на торфоразработки. Объяснял это очень просто: «А зачем? Там одни «ходыны». Тогда я понял это как относимое к «ходоку», только в женском роде. Высоконравственным был Лёня. Кстати, потом выяснилось, что на службу в армию пошёл он вместо своего старшего брата, женатого, имевшего детей, и по латам был куда моложе нас.

Следующая встреча с этим словом произошла много позже, в моих странствиях по Дальнему Востоку. Капитан крупного рыбо-ловецкого рефрижератора, где на разделке рыбы — на работе, поистине тяжкой, — трудились только женщины, сказал более чем сочувственно: «Жаль мне их, а что поделаешь. Мужика на разделку не затащишь. А этим и на земле радости нету. Все как одна вдовы да разведёнки, одно слово — ходыны...»

Чуть позднее довелось снова встретиться с «ходьной» уже в тверских весях. Старушка, у которой я несколько дней жил тогда в своих скитаниях по тем краям, как-то, рассказывая о своей жизни, обронила: «Маманя моя, горькая ходына, со мною в подолу к батюшке родному объявилась. Так боле во всю жизнь замуж-то и не пошла».

А уже в семидесятых годах, в Болгарии, я спросил у своего литературного переводчика Иванки Васевой, есть ли в болгарском языке слово «ходына». И она ответила не задумываясь: «Есть, так звали жену турка, выведенную из гарема».

И вот последнее. Рядом с моим домом, у соседа, работает бригада плотников из Беларуси. Люди трудолюбивые, тихие, умелые и обстоятельные. Расположили меня к себе. Спрашиваю:

— Вы язык свой белорусский знаете?

— Конечно!

— А слово «ходына» в нём есть?

Один сразу, не задумываясь, отвечает: «Ну, это которая ходит...» И вдруг старший из них произносит песенное, да так жалостливо, так грустно: «И пошла-а-а ходы-ы-ы-ына по миру гуляти-и-и-и...» Господи, так это та песня, которую пела моя бабушка! С чего началось, к тому и вернулось. Тогда, в детстве, я спросил бабушку: «О чём ты поёшь?» — пела она по-украински. «Об одинокой женщине, о горькой её доле», — ответила.

Получается, что ходына — жена, которую муж «отослал» от себя. В Древней Руси нелюбимых жён князя отсылали либо в дом отца, либо в монастырь. Об этом известно из летописей и народных песен. Одна из них, «Златые горы», звучала в русском народе чуть ли не два столетия. В ней есть такие слова: «А он сказал, стыдись измены: «Пойди обратно в дом отца! Оставь, Мария, мои стены!» — и проводил меня с крыльца».

Каким глубоким и горьким смыслом наполнено это слово, сохранившееся в народе от древности до нынешних дней в разных уголках нашей Родины и за её пределами! А вот в русском литературном языке в своей первозданности сохранилось оно только в «Слове о полку Игореве». И получается, что «ходына» вовсе не имя, а отосланная к отцу дочь. И отец её — Святослав, она же «ходына Святославля». Но ещё и «пѣтворца стараго времени». Выше я сказал, что древняя форма — «пѣтворца» была преобразована в «песнотворца». Как это было сделано «по договорённости академиков» со словом «пѣсь» в самом начале поэмы, в русской народной речи определяющим всё то, что имеет человек, всю его бытовую и духовную суть, песь — всё, что у него есть, но превращённым без каких-либо доказательств в «песнь». А тут мы имеем дело уже с более сложной формой, отнесённой к старому времени. И в переводе получаем: «суть творящая старого времени», то есть пишущая о старом времени — летописец.

А есть ли таковая в нашей национальной истории? Оказывается, есть! И судьбу этой великой русской женщины, её жизнь от рождения до похода Игоря, её творчество возможно проследить при внимательном прочтении древнерусских летописей.

Болеслава Святославна

Ипатьевская летопись за 1167 год сообщает: «Том же лете поя Ярославъ Галичскый князь за сын свои за Володимира (Свято славлю дчерь Болеславу Всеволодич (дочь Святослава Всеволодовича)». Святослав Всеволодович (один из главных героев «Слова»), тогда князь черниговский, выдал свою дочь Болеславу за сына галицкого князя Ярослава (в поэме он Ярослав Осмомысл) — Владимира. Имя дочери Святослава Всеволодовича в летописях упоминается только один раз. Иных сведений о ней нет. Очень редко упоминают её имя историки. Мне встретилось оно только единожды — в работе академика Б. А. Рыбакова «Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». В постраничном примечании он предполагает, что Болеслава вскоре после замужества умерла, что неверно.

Но всё по порядку.

Родилась Болеслава в Новгороде Северском в 1154 году. Она была долгожданной дочерью, до неё в семье рождались только сыновья. Вскоре отец её, Святослав Всеволодович, не имевший удела, живший у своего дяди Святослава Ольговича, отца Игоря, в Путивле над Десной, был приглашён великим князем Вячеславом в столицу и уехал туда втайне от своих родственников, попросту предав их. Святослав Всеволодович по жизни был человеком сызмолоду непостоянным. Часто изменяя слову, родственным и союзным связям, терпел он многие поражения. Совсем другим предстаёт он в «Слове о полку Игореве». И это не только потому, что с годами он много помудрел (в ту пору ему шестьдесят лет), а ещё и потому, что дочерняя любовь всего сильнее. Спустя два года Святослав Всеволодович возвращается под покровительство другого дяди — Изяслава Давыдовича, в Чернигов, который тот оставляет ему в удел, уйдя на великое княжение в Киев. В ту пору Болеславе всего два года, а Игорю почти шесть — он всего на три-четыре года старше своей племянницы. Они опять вместе, но уже в Чернигове, потому что отец её, Святослав Всеволодович, рассудив здраво, уступил черниговское княжение дяде, Святославу Ольговичу — отцу Игоря.

В дальнейшем каждую возможную встречу Автора и главного героя «Слова о полку» мы будем внимательно отслеживать.

Последующие события на Руси развиваются так: Изяслав Давыдович, потеряв Киев, хочет вернуть себе Чернигов, призвав на помощь половецкое войско. Защищают осаждённый город Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович. В осаде их семьи. Болеславе четыре года, Игорю — восемь, он вот-вот должен быть посвящён в князья. Выручают осаждённых присланные великим князем Ростиславом полки и «галицкая помочь». В Галиче уже более пяти лет княжит Ярослав Осмомысл, получивший от своего отца, задирстого и неумного Владимирка, лёгкого на руку влезать в любую княжескую распрю, могучее и просторное княжество. Желая иметь Владимирка союзником, Юрий Долгорукий ещё в 1150 году выдал за его сына, Ярослава, дочь Ольгу. А теперь, в 1159-м, Святослав Всеволодович из тех же побуждений, что и Юрий Долгорукий, решает просватать Болеславу за сына Ярослава Осмомысла — Владимира. Вполне возможно, что «галицкой помочью» командовал сам Ярослав Осмомысл. В Чернигове после победы над Изяславом Давыдовичем и половцами состоялись первые «смотрины». Будущему мужу Болеславы — Владимиру, как и Игорю, восемь лет, они одногодки.

В 1161 году в течение зимы Изяслав Давыдович, усилив свои полки новыми войсками половцев, дождавшись на Днепре ледостава, осадил Киев, разрушил и сжёг деревянные стены, ворвался в столицу. Великий князь Ростислав с воинами закрылся за каменными стенами Ярославова города. Святослав Всеволодович, отец Болеславы, в этой авантюре выступает уже на стороне Изяслава. Ростислав, дабы уберечь город от пожаров и грабежа, оставляет столицу. Изяслав снова захватывает стол, но вскоре, получив известие, что на него идут полки объединённых князей (в том числе и галицкий Ярослав), струсив, бежит прочь. Его преследуют, и некто Войбор ударом меча наносит ему смертельную рану. Князья-противники нашли его «плавающим в луже крови». Придя в сознание, Изяслав попросил пить. Ростислав, искренне жалея его, приказал дать вина. И тот, выпив, умер. Тело отправили в Чернигов. На горькой тризне, кроме Святослава Ольговича, его семьи и многочисленной родовой, присутствовал и Святослав Всеволодович со своей семьёй. Дяде удалось упросить великого князя простить переметчика племянника. И снова Игорь и Болеслава вместе.

Спустя три года в Чернигове внезапно умирает Святослав Ольгович. Его старший сын Олег в то время был в Курске. Святослав

Всеволодович с семьёй находился в Новгороде Северском. Зная его непредсказуемость, способность совершать самые необдуманные поступки, княгиня усопшего в совете с боярами и черниговским епископом Антонием решает не объявлять о смерти мужа, пока не придёт из Курска с дружиной старший сын. Но коварный епископ, только что принявший клятву на кресте молчать о смерти Святослава Ольговича, посылает новгород-северскому князю грамотку: «Стрый ти умерл, а по Олега послали. Дружина ти по городом далеко, а княгиня сидит во истопце з детьми во издуме, товара же у нея множество; поедь скоро, донеле же тебя Олег не упредил, а пришед по своей воле возмеши ряд с ним» — «Дядя твой умер, а за Олегом послали. Дружины их по городам далёко, а княгиня сидит одна с детьми в дому в раздумье, богатства же у неё тут множество, поезжай сюда скорее, пока тебя Олег не опередил, а придя скоро, по своей воле учредишь договор с ним».

Святослав Всеволодович поспешил скоро, но Олег опередил его. И снова, уже на новой тризне, собрались обе семьи. После похорон состоялся договор, по которому Олег получил в своё княжение Новгород Северский, а Святослав Всеволодович — Чернигов, с обещанием, что он предоставит уделы меньшим сынам умершего — Игорю и Всеволоду (в «Слове» — буй тур Всеволод). Но обещанного он не выполнил. Княгиня Святослава Ольговича осталась с детьми в Чернигове.

В Древней Руси князья, ссорясь между собою, часто пленяли друг у друга семьи, иногда требуя за них выкуп, но не притесняли жестоко. Жёны русские были явно мудрее своих мужей, сохраняя друг к другу участие и дружбу. Мать Болеславы, дочь полоцкого князя Василька, скорее всего, была, в противоположность своему супругу, в житейских вопросах мудрой и рассудительной. Во всяком случае, известно, что супруг часто держал совет с нею, правда, не всегда следуя ему. В семье Святослав Всеволодович был любящим мужем и отцом. Добрый по своей натуре, хорошо образованный, он обладал великим даром словотворчества, который, несомненно, помогал ему выходить из самых трудных положений. Князь не только мог удивить окружающих «красным» либо «золотым» словом, но и убедить, объясняя свои непредсказуемые действия. Этот дар, и только он, помог ему в конце концов стать великим киевским князем.

В русских семьях во всю нашу национальную историю, вплоть до недавних времён, всего более ценилось яркое, «красное», не пустое, но умное, вовремя произнесённое образное и точное Слово. «Ради красного словца не пожалею и отца». Восприимчивее всего к нему дети. Предки всего более живут в нас не столько жизненным делом, сколько словом. Бабушка моя по материнской линии, Марфа, была несомненным словотворцем, муж её, дед Фёдор — молчун. По отцовской линии бабушка Мария — молчун, а дед Константин — словотворец. И помню я их всех по речениям. Время стёрло из памяти лица, многие дела, повадки, житейские мелочи, но слово по-прежнему живо, оно нетленно.

В большой дружной семье Святослава Всеволодовича (только одних сынов пять) дети, несомненно, любили словесный дар отца. Умение говорить с ними — главное в воспитании. И не только в нравовании, но в способности поведать былинку, повесть, сказочку, рассказать о своём детстве и жизни... Но и жена его Мария Васильковна обладала тем же даром. «Старые словесы» матери и отца равно были восприняты и впитаны душой и плотью Болеславы.

Три последних года детства она провела опять же рядом с Игорем. У них были общие игры, общие детские забавы, общие интересы, общие листвицы для чтения. И общие — и это очень важно — учителя. Имя одного из них — близкого друга, исповедника Святослава Ольговича, летописца, позднее игумена Киево-Печерской лавры Поликарпа сохранила нам история. И что очень важно, этот одарённый человек той эпохи сумел передать ученикам своим не только любовь к родной земле, но и правду истории, уважение к ней, воспитав Игоря и Болеславу единомышленниками...

В год 1167-й великий свадебный поезд с молодой невестой направился через всю Русь в благословенный древний Галич. Ехал в нём сватом уже не мальчик, но младый князь — Игорь Святославич, внук Олегов. И, как оказалось, ехал к своей судьбе — Ярославне.

Галич ничем, даже самым малым, не напоминал Новгород Северский, Чернигов и даже Киев, да и остальные русские города, в которых довелось за свою малую жизнь бывать Болеславе. Княжий двор располагался на вершине крутой горы над притоком Днестра, возвышающейся над городом почти на сотню метров, в каменном дворце необычайного для русского человека вида. Княжеская гридница

была тоже необычайной и представляла собой громадную тронную залу с высоким местом, изукрашенным золотом, дорогими камнями и аксамитом. «Галичскы Осмомыслѣ Ярославѣ, высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столе».

Впервые увидела здесь Болеслава в великом множестве тех, кто спустя два десятилетия заполнит киевскую гридницу её отца: «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава...» Многолик и многошумен был двор, да и громадный дворец гудел как обильный улей. Тут не только гостил, но и подолгу жил многоплеменный не только весьма знатный, но и многоумный люд. Жил в ту пору в Галиче и великий русский книжник Тимофей. Галицкий двор слыл двором образованным. Здесь говорили на многих иноземных языках. Способность далѣких наших предков легко усваивать иные языки была не просто личным даром, но и государственным, позволяющим на равных общаться с многими «языками» мира. С великой охотой принимал Галич мудрецов и знатцов разных наук, переписывали старые и писали новые книги, «суть творили старого времени» — вели летописание. Будущий император Византии Андроник нашёл тут не просто гостеприимство, но достойный кров, искреннюю дружбу и приязнь Ярослава Осмомысла.

Но и двор черниговский был столь же «многоумен» и богат книжностью. Болеслава ко времени вхождения в новую семью была грамотна, преуспевая в письме и чтении. Стать «пѣтворцом» она имела возможность с самого раннего детства. Женщина-летописец на Руси — не редкость. Но об этом у нас как-то не принято ни писать, ни говорить.

В ту пору на Руси отдавали девочек замуж очень рано, но это не было вступлением в брак, а только вхождением в новую семью с правом родного ребёнка. Таким образом, мать будущего мужа становилась и матерью будущей его жене. Если девочка была мала летами (самое малое — «осьми лет»), то всё её воспитание, обучение, забота и любовь ложились на плечи и душу названной матери — свекрови. В семью галицкого князя Болеслава вошла девочкой двенадцати–тринадцати лет. А названной её матерью стала жена Ярослава — Ольга, дочь Юрия Долгорукого.

В семье Ярослава Галицкого, кроме старшего сына Владимира, известна ещё и дочь Ефросинья, немногим моложе брата, годившаяся

Болеславе в подруги. Они прожили в тесной семейной дружбе два года. В 1169 году Ярослав отдаёт дочь замуж за Игоря Святославича. В «Слове» она Ярославна. После замужества и отъезда в Новгород Северский родной дочери княгиня Ольга, жена Ярослава, всю свою любовь отдала дочери названной.

Ярославля Ольгова коганя хоти

В русских летописях очень часто, дабы определить, о ком идёт речь — о жене ли, о дочери ли князя, если не указывается их имя, пишется: дщерь Мстиславля, жена Ростиславля, Ярославля, Святославля... В первом издании этой книги опубликовано следующее: «В разбираемой строке, кроме дочери Святослава, есть ещё одна женщина: Ярославля Ольга — либо жена, либо дочь Ярослава. Если бы автор «Слова» говорил тут о князе Олеге, ему совсем не надо было прибегать к такой форме. Да к тому же называть его «коганя», что не одно и то же с известным в литературе тюркским словом «каган», которое переводят как «князь». Возникает вопрос: почему русский князь Олег Святославич, упомянутый в повествовании много раз, в этом случае назван по-тюркски? Исследователи объясняют это тем, что титулом хазарских владык, аварских и великотюркских иногда называли и русских князей. Вероятно, такое вполне могло быть в обращениях иноплеменников. В древних же письменных памятниках Руси сохранилось только одно свидетельство, где русский человек называет так своего князя — в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона. И там это оправдано всем строем и пафосом великого произведения. Возникновение же иноплеменного титула в «Слове о полку» ничем не оправдано и в силу его художественных особенностей просто не может быть там. К тому же Олег Святославич не был ни владыкой, ни повелителем...

Однако слово «коганя» издревле было известно русскому человеку совершенно в ином значении — как «дитя», «кроха», «малышка». «Коганя хоти», где «хоти» означает «любимая» («хоть» — хотеть, желать, любить) — любимое дитя. Так оно и написано. Но чьё любимое дитя? «Ярославля Ольгова коганя хоти». Тут речь идёт не о Ярославе и Олеге, а о Ярославовой Ольге — жене либо дочери Ярослава. «Ярославовой Ольги дитя любимое». Ярославова Ольга тут — жена Ярослава Осмомысла. В таком прочтении это означает, что всё та же ходына Святослава ещё и любимое дитя Ярославовой Ольги: «Сказала бояни, ходына Святослава, суть творящая старого времени, Ярославовой Ольги дитя любимое...»

Всё написанное мною тогда казалось весьма доказательным и неоспоримым и принято единодушно читателями. Очень трудно отказать от того прочтения. Однако: «Сократ мне друг, но истина дороже». После выхода первого издания книги «Тайны родного Слова» изучение «первозданного» текста продолжалось. В этой работе был я не одинок. Полноценным соавтором в этой книге оказалась мой неизменный редактор всего, что написал за последнее десятилетие, что издавал и что готовил к изданию, мой литературный секретарь — Ольга Гринёва. Человек высокой грамотности, с филологическим и журналистским университетским образованием, изучавшая современную украинскую мову, что так необходимо при чтении древних текстов и самого «Слова о полку». Она взяла на себя труд буквально по буквам анализировать писанное «старинным русским языком на исходе двенадцатого столетия». Труд этот сколь тяжкий, столь и радостный, поскольку приводит к неожиданным и весьма интересным, не побоюсь этого слова, открытиям. Одно из них буквально ошарашило меня. Оказалось, что моё прочтение «Ярославля Ольгова», только что процитированное по первому изданию, с неким допуском может относиться к жене Ярослава Осмомысла. По утверждению Ольги, в «Слове», согласно древней орфографии, речь идёт о мужчине — Олеге Ярославиче — без каких-либо допусков и натяжек! Причём ходына Святославля — его «коганя хоти» — возлюбленная и желанная женщина. Вот это новость! И ещё одна неразгаданная тайна!

В предыдущем издании «Ольги Ярославовны дитя любимое», как сказано выше, было принято читателями, и ни у кого не вызвало сомнения. Тем паче, что всё остальное в жизни старшей и младой княгини укладывалось в отношения матери и дочери, на чем и строился дальнейший рассказ о судьбе Болеславы. Но есть, как заметила Ольга, одна натяжка в сочетании старых слов «коганя хоти», чтобы прочитать их как «любимое дитя». И если слово «коганя» можно соотнести с «дочерью», «ребёнком», то «хоти» применить к ребёнку не верно, оно имело и до сих пор имеет значение — «желание, страсть, тягу полов». «Коганя», пишет Ольга, сохранилось в литературном и живом украинском языке как кохана — любимая женщина, от слова кохання — любовь, слово которое, скорее, означает интимные чувства между мужчиной и женщиной. Тем более на эту

мысль наводит слово «хоти» — желание, которое можно отнести только к тяге полов. Любовная страсть. Значит, речь не об Ольге, а об Олеге? И тогда строка «Ярославля Ольгова коганя хоти» читается: «Олега Ярославича возлюбленная желанная [женщина]». А был ли таковой в летописной истории Руси? Был! Об этом расследовании — в главе О. Гринёвой «Моё прочтение».

Что происходило в княжеской семье до выданья замуж Болеславы и в первые годы её замужества, доподлинно неизвестно. Но в 1173 году летопись отмечает такое событие: «В томъ же лѣтѣ выбѣже княгиня Ярославля из Галича въ Ляхы съ сыномъ Владимиромъ... и мнози бояре с нею быша тама 8 месяцевъ». Бегство Ольги Юрьевны из Галича было вызвано тем, что Ярослав Осмомысл намеревался отправить жену в монастырь, скорее всего, решив в конце концов узаконить свои отношения с любовницей Настасьей. Итак, «выбѣже княгиня Ярославля из Галича въ Ляхы съ сыномъ Владимиромъ... и мнози бояре с нею». С этой записи в русском летописании появляется неизвестный автор, названный позднее учёными «галицкий летописец». Вместе со свекровью покидает Галич и Болеслава — «песьтворица сего времени».

Почти год провели беглецы на чужбине. Судя по летописям, княжеская Русь сочувствует Ольге и осуждает Ярослава.

Князь Святослав Мстиславич, внук Мономаха, даёт Владимиру, мужу Болеславы, город Червень и целует крест, дабы помогать ему во всём. Князь туровский Святополк зовёт княгиню к себе в Туров, обещая пойти на Ярослава войною: «А князя твоего имем». И ещё многие князья на Руси готовы к походу на Ярослава, дабы помочь гонимой княгине Ольге с детьми. На пути в дарованный Владимиру город Червень он получает известие опять же от Святополка Туровского: «Пойди скорее к Галичу. Отца твоего яли, а приятелей его, Чаргову чадь, избили, а есть твой ворог Настаська». О дальнейших событиях летописец сообщает: «Галичани же накладаше огонь сожгоша ю (Настаську), а сына ея в заточение послаша, а князя (Ярослава) водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню въправду, и тако уладившесея». Все эти семейные подробности, совершающиеся в княжеской семье, несомненно, указывают на то, что летописец сам участник этих событий. Нет сомнения и в том, что мы имеем дело с семейной княжеской летописью, которые, как правило создавались «на женской половине».

Но мира в галицком гнезде не получилось. Уже в следующем, 1174-м, году новое событие: «В то же лето выбежал Владимир, сын князя Ярослава Галицкого, к Ярославу Изяславичу в Луцк, тот взялся ему искать волости у отца его. Ярослав же Галицкий послал к ляхам за помощью и дал им 3000 гривен серебра и два города на кормление. И послал в Луцк сказать Изяславичу: «Пусти сына моего ко мне, аль пойду на тя ратью!» Тот, испугавшись, что пожгут его волости, отправил несчастную семью в Торцк к Михалку, родному брату княгини Ольги. Но и у Михалка не обрели беглецы покоя. Князя Ростиславичи — Рюрик и Давыд (оба упомянуты в «Слове») осадили Торцк, скорее всего, по просьбе того же Ярослава Галицкого. Однако Владимира с женой и княгиней Ольгой там уже не было.

Пѣстворца стараго времени

Великая смута пришла на Русь в ту пору. Андрей собрал громадное войско и двинул его на Ростиславичей к Киеву. Старшим из князей оказался в нём Святослав Всеволодович, общим воеводой — Борис Жидиславич, а главным в «молодшей» дружине — Игорь Святославич. Об этом походе подробно со многими деталями повествует летопись. Тут безымянный автор пытается встать над схваткой и быть предельно объективным в оценке происходящего, ведь сражаются между собою русские, близкие друг другу люди. И летописец этот — Болеслава. Уже в этой записи возникает художественный почерк будущего творца бессмертного «Слова».

Распря окончилась полным поражением для Андрея и Святослава. Разбитое войско вернулось ни с чем. Ольга Юрьевна решает поехать к брату, Болеслава сопровождает её в этой поездке. Они приезжают к князю Андрею в Боголюбов, всего за день до трагедии, разыгравшейся там. В ночь на 28 июня 1174 года был совершён заговор, в котором зверски убит князь Андрей. Это событие отмечено в летописании как «Повесть об убиении Андрея Боголюбского».

Учёные отмечают, что это произведение — самое яркое по художественным достоинствам во всём древнерусском летописании и почерком своим близко к «Слову о полку Игореве». Написана повесть, несомненно, человеком, близким Андрею Боголюбскому, очевидцем тех страшных событий, свидетелями которых и были княгини Ольга и Болеслава.

Подобно тому, как художники реставраторы слой за слоем снимают «запись» более поздних веков и обретают первоизданную красоту древнерусских икон и фресок, так и мне пришлось по словечку, по буковке восстанавливать первоизданный текст повести. Работа эта, архитяжёлая, но необыкновенно интересная, длилась не один год. Я не могу утверждать, что восстановил первоначальный текст, поскольку переписчики летописей не накладывали «слой на слой» в древнем писании, а исполняли его на «чистых страницах» согласно орфографии современного им языка, а иногда прибегали к пересказу старого текста по своему пониманию. Однако надо отдать должное этим неведомым переписчикам — они достаточно

трепетно относились к «сюжету» и, более того, к изобразительной красоте древнего родного языка, оставляя нетронутыми многие страницы. Я называю их — русскими гекзаметрами. Убирая из текста более поздние «записи», рассуждения, временные несоответствия событию, факты, о которых не было известно при написании автору, я обрёл текст, наиболее близкий к первоначальному. Предлагаю его читателю в переложении на современный русский язык:

*«Создал благоверный князь Андрей город Боголюбов.
Столь же далеке от Владимира, как Вышгород от Киева.
И преславную церковь Рождества Богородицы создал
В Боголюбове, краше паче всех церквей.
И украсил иконами многоценными, златом и дорогими каменьями,
И жемчугом бесценным, и укрыл окладами резными
Серебряными и яшмовыми.
И многим узорочьем украсил церкву,
И светлостью изумительной,
Такой, что и глазами не узреть, зане вся церковь золотая.
И поставлены там сосуды многоцветные,
Дабы всем приходящим дивиться
И видевшим не в силах рассказать о красоте такой.
И не токмо золотом и финифтью —
Добродетелью украшен храм сей.
И церковным устройением полон необычайным,
И золотой Иерусалим в драгоценных каменьях,
И рипиды многоценные, и лампады различные,
И от верха до низу по сводам, столпам и стенам злато кованое,
То же по дверям и ободверью.
И сень золотом украшена от верха до титла.
И всей добродетелью исполнена.
Измечтена всею искусностью.*

Мог ли так описывать убранство церкви мужчина? Но продолжим далее:

*Князь Андрей и город Владимир обустроил.
В нём золотые ворота соорудил, и другие — серебряные.*

И завершил соборную церковь Святой Богородице,
Пречудную весьма, видом прекрасную, украшением богатую.
И многие иные каменные церкви поставил
И многие монастыри создал.
Не помрачал ума своего пьянством.
А по ночам приходил в церковь, сам свечи возжигая,
И видя образ Божий на иконе, взирал на него, как на самого Творца,
И всех святых, на иконах написанных, видел, как живых,
Смирняя образ свой сердцем сокрушённым.

А убиен был месяца июня в 28 день.
Князь Андрей то вражье убийство чувствовал в сердце своём,
И ничего не предприняв, сказал только:
«Господа Бога моего, Вседержителя,
Творца всего возлюбленные им люди на крест пригвоздили,
Глаголавши: кровь его будет на нас и на чадах наших».

Начальник убийцам Пётр Кучков, зять,
Амбал Ясин, ключник, Яким Кучкович,
Дождавшись субботней ночи, взяли они оружие,
Как звери дикие, прокрались к спальне, где лежал князь.
И говорит один, стоя у дверей: «Господине, господине!»
А князь спрашивает: «Кто там есть?»
Тот отвечает: «Прокопий!»
А князь говорит: «О паробче! Не Прокопий ты».
Они же, услышав ответ, начали бить в двери и выломали их.
Князь вскочил, хотел взять меч, но не было меча.
Днём вынул из ножен меч ключник Амбал.
А был тот меч святого Бориса.
И набросились на князя окаянные и стали бороться с ним.
Но князь поверг одного под себя.
А другой, думая, что повержен князь, ударил ножом дружка своего.
Но, увидев перед собою князя, кинулись все на него.
И боролись долго, ибо силён был князь.
Секли его мечами и копьями ударили, тяжко рая.
И сказал им: «О горе вам, окаянные!
Зачем уподобились Горясеру?!
Зачем зло учинили?!

А то, что кровь мою пролили, так Бог отмстит вам и хлеб мой!»
Окаянные, решив, что убили князя, подняли друга своего,
И трепеща от страха, ушли прочь.
Князь же в оторопи выбежал за ними,
Начал стонать и кричать в сердцах боли.
Стоя у окна, вижу князя, идущего с сеной долу.
Те же услышав голос, возвратились.
И сказал Амбал: «Ищите!»
И придя к месту, где убивали князя, не нашли его...
И говорили друг другу: «Все погибнем, коли не найдём!»
Зажгли свечи и шли по следу крови его.
А он сидел за восходящим столпом.
И увидев сидящего и живого, прикончили его.
Петр же Кучков отсёк ему правую руку.
Так и погиб князь Андрей.
Уходя, окаянные встретили Прокопия и убили его.
Возвратясь на сени, вынимали золото, драгоценные камни,
Жемчуг, узорочье и всякое иное злато и серебро.
И всё это клали на коней слуги их, дабы увезти до света.
А затем кинулись грабить всё, страшно видеть.

Утром пришёл Кузмище Киянин, а князя нет.

«Где же он?»

«Убит».

И спросил Кузмище:

«Где убит?»

И ответили мы:

«Лежит, брошенный в огороде.

Сказали убийцы: «Хотим его псам кинуть.

А кто подойдёт к нему — наш враг, и его убьём».

И начал плакать над убитым Кузмище:

«Господине мой! Как же не услышал скверных и нечестивых
Пагубных убийц, идущих к тебе?

И как же ты недомыслил победить их,

Побеждая всегда полки поганых?»

Так оплакивал Кузмище князя.

*И пришёл Амбал-ключник. Он ключи держал от всего дома.
Над всем князь волю ему дал, вознеся его.*

И сказал Кузмище:

«Амбал, вражина!

Кинь мне ковёр да корзно постелить князю и покрыть его».

И ответил Амбал:

«Иди прочь. Мы хотим его выкинуть псам».

И сказал Кузмище:

«О, вражина! Уже псам выкинуть?!

Помнишь ли, жидовине, в каких портках пришёл сюда?!

Нынче же в аксамите стоишь, а князь наг лежит!

Молю, скинь что-либо».

Кинул Амбал ковёр и плащ.

Покрыли, обвили тело князя и понесли в церковь.

И сказал Кузмище:

«Отомкните божницу!»

А в ответ:

«Кинь его тут! Какая тебе печаль?»

Люди те пьяные были, не дали князя в церковь положить.

И сказал Кузмище:

«Уже тебя, господине, твои не знают!

А было: купец приходил сюда из Царьграда, из городов иных,

Из земель русских и латинских, от всех земель.

Ты же говорил: «Введите их в церковь и в палаты.

Да видят они истинную Веру Христову!»

И увидев Славу Божию и Красоту, крестились

И болгары, и жидове, и язычники многие!

Те более заплачут по тебе,

А эти не велят и в церковь внести!»

На день третий пришёл Арсений, игумен Козьмы и Демьяна,

Сказал:

«Долго ли нам ждать старейших игуменов,

И долго ли князю лежать тут?

Отомкните божницу да отпою над ним,

Да положим с любовью во гроб его.

*А когда престанет злора, придут из Владимира
И понесут его с честью».*
*Пришли клирошане боголюбские, внесли его в церковь
И отпели над ним с игуменом Арсением погребальное...»*

Тут следует отметить, что приезд княгинь Ольги и Болеславы почти совпал с отъездом из Боголюбова жены Андрея со всей её челядью, княжий двор остался без «женской половины». Однако в миниатюрах «Радзивилловской летописи», отображающих это трагическое событие, присутствуют две женщины в княжеских одеждах. Одна из которых, значительно моложе, несомненная свидетельница свершившегося убийства. Художник изображает её лицо, полное ужаса, в дверном оконце («Стоя у окна, вижу князя, идущего с сеной долу») и стоящую на месте гибели князя с его отсечённой рукой у своей груди. Насколько известно, никто из исследователей не пытался определить, кто эта молодая женщина. Следующая миниатюра целиком соответствует заключительным словам повести: «Пришли клирошане боголюбские, внесли его в церковь и отпели над ним с игуменом Арсением погребальное». Горсточка клирошан с игуменом сгрудились у гроба и отпевают князя.

В древней Руси клирошанами назывались не только сослужащие в молитвенных бдениях действующему иерарху, но и всё духовенство. Всё точно, как и по «Слову об убиении». Только в этой малой горсточке духовников в ногах убиенного стоят две женщины — старшая и молодая. Две княгини, две свидетельницы свершившегося преступления, одна из которых — родная сестра князя — Ольга, другая — «песьтворца» Болеслава...

Вскоре после описанных событий Владимиру Ярославичу удаётся помириться с отцом и вернуться в Галич вместе с женой, но без матери. Ольга нашла себе убежище в одном из суздальских монастырей. Летопись отмечает, что в 1179 году Ольга крестила у брата Всеволода его четвёртую дочь. А под годом 1181-м читаем: «Преставися благовѣрная княгиня Ольга, сестра Всеволожа великого, нареченая чернѣчьскы Офросенья, месяца июля въ 4 день; и положена в святей Богородице Золотоверхой». Интересно, что мать в чернечестве приняла имя своей дочери. И сообщение это занесено в летопись Черниговскую рукой летописца, который, по утверждению ака-

демика Б. А. Рыбакова, был причастен к Галицкой, Черниговской и Киевской летописям. Не последний ли это долг своей названной матери? Обратим внимание, что тут князь Всеволод, как и в «Слове», назван великим.

В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин утверждал, что автор «Слова» несомненно мирянин, «ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих». Это мнение разделяет большинство исследователей, пытаясь найти автора среди приближённых княжеских людей. Однако такие попытки не увенчались успехом, поскольку сам текст «Слова» противоречит этому. И в конце концов было принято мнение известного филолога В. Ф. Ржиги: «... неизбежна мысль, что «Слово о полку Игореве» сложилось не в дружинной среде, а в княжеской ... или сам автор был князем, или он был ... тесно связан с княжеским родом». Можно и дальше перечислять многие версии, но ни одна из них не противоречит тому, что именно княгиня Болеслава была так долго искомым Автором. То, что не мог сказать князю князь, не вызвав кровной обиды, возмущения и даже открытой вражды (а таких нелицеприятных высказываний в «Слове» о прошлых и нынешних владыках несть числа), могла совершенно свободно высказать княгиня. Ведь в ней слились все родословные ветви Владимира Святого (в «Слове» «старого Владимира»). Она правнучка Владимира Мономаха, Олега Святославича и праправнучка Всеслава Брючиславича — родоначальников всех русских князей, её современников. Болеславе вся Русь родня! И это ещё один довод в пользу нашей версии.

Георгий Владимирович Сумаруков был, наверное, единственным, кто так близко оказался перед открытием имени Автора. Приведу цитату из статьи, посвящённой его исследовательскому творчеству: «Насколько близка к истине выдвинутая в «Затаённом имени» гипотеза — судить читателю. Но хотелось бы отметить ряд важных моментов. После первого прочтения может показаться, что реконструкция первоначальной структуры текста «Слова», произведённая Сумаруковым, несколько произвольна или что найденная тайнопись в виде акростихов «Мария» выпадает случайно. С этими доводами можно было бы согласиться, если бы обнаруженный Сумаруковым акростих «Мария» не повторялся в поэме 4 (!) раза, и это не считая двух других тайнописных фраз: «Сие писа Мария».

Обнаружив в тексте тайнопись имени Марии, Георгий Владимирович предположил, что авторство принадлежит жене великого князя киевского — великой княгине Марии Васильковне. В пору создания «Слова о полку» ей под 60, она мать восьмерых детей, «на плечах» её весь, весьма не простой в ту пору, великокняжеский двор, да и весь стольный град, и ей совсем не до словотворчества... А вот дочь её Болеслава, в крещении тоже Мария, как никто другой вправе включить в тайнопись обретенное исследователем имя. Болеслава в те годы в самом расцвете творческих сил, она известная летописица — «галицкая, черниговская, киевская» и вся княжеская Русь ей родня, а «гнездо Олгово» всего ближе... Она и Мария, и Ходына, и Болеслава...

Академик Рыбаков, много лет отдавший изучению «Слова» и заметивший, что «рука Автора» проглядывается как в Галицко-Волынской, так и в Киевской и Черниговской Святославовой летописях, в Киевской летописи выделял тексты, относящиеся к периоду с 1179 по 1186 и за 1194 год. Характерной особенностью этих записей является обилие всякого рода семейных подробностей — женитьбы, рождение детей, крестины и т. д., чего в текстах летописи за другие годы почти нет. Так, под 1179 годом в Святославовой летописи сообщается, что он женил сына Всеволода на польской княжне, и академик обращает внимание на то, что великий киевский князь назван без отчества и титула, просто по имени. Это мог сделать только очень близкий ему летописец. Кто? Дочь! И примеров того, что летописные страницы этих годов принадлежали женской руке, множество. Академик предполагал, что летописец-галичанин мог позднее стать летописцем Святослава Всеволодовича и автором «Слова». Но искал его среди «сильного пола». Как, впрочем, и все поголовно исследователи, прикоснувшиеся к этой великой тайне.

Истягну умъ крепостью своею

Два века пристального изучения «Слова» не сделали его вполне понятным и открытым для любого читателя. И даже наоборот. То, что казалось ещё вчера вполне определённым по смыслу, нынче вызывает недоумение, рождает новые неразрешимые, казалось бы, вопросы. Приведу к примеру эпизод из зачина, где Автор представляет своего героя — князя Игоря, объясняя цель похода: «Почнемъ же, братие, повѣсть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратного духа, наведе своя храброя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую. Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорьъ къ дружине своей: братие и дружино! Луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону».

Первые и последующие переводчики и комментаторы вплоть до нынешних дней читали этот отрывок одинаково, не находя в нём ничего особенного, вполне ясным представлялся он по смыслу, не было в нём словесных разночтений. Серьёзные разнотолки вызывала только принадлежность имени Владимира. Одни считали, что речь тут идёт о Владимире Первом, другие — о Мономахе.

Но такие разнотолки не влияли на смысл, вполне ясный и определённый. Тут не нашлось ни «тёмных мест», ни не поддающихся прочтению слов, ни загадок. Более того, отрывок этот был настолько ясен, что не требовал даже современного озвучивания — перевода.

Однако тайна, и причём весьма значительная, в нём присутствует.

Вполне определённо утверждается, что Игорь, прежде чем предпринять свой поход, долго и серьёзно думал. С этим согласны многие исследователи, но многие, пожалуй, их большинство, говорят о том, что решение о походе было скоропалительным, бездумным и даже бездарным. Однако древнерусское «истягну умъ свой...» — не что иное, как «напряг ум свой, долго думал, размышлял». Значит, решение князя предпринять поход в Степь не сиюминутное, но глубоко продуманное, потребовавшее напряжения ума. К тому же Игорь не просто «напряг ум», но напряг его «крепостью своею».

Большинство исследователей склонны считать, что князь напряг ум своей силой, приложил к размышлению силу, другие — подчинил ум недюжинной силе...

Но в связи с этим неминуемо встаёт один, и самый главный, вопрос: какую преследует Игорь цель, предпринимая поход?

Первые издатели отвечают на это весьма просто — «отмщения за землю Русскую». Но такой ответ исторически неверен. В то время у Руси не было никакого повода к отмщению. Наоборот, всего лишь за малое время до Игорева похода союзом русских князей был предпринят грандиозный грабительский набег на Половецкую землю. Очень важно отметить, что участвовать в нём Игорь отказался, найдя для того вполне определённую причину. Напомню читателю, что после такого же отказа дед Игоря — Олег — в своё время подвергся жестоким гонениям, и начались «полци Олеговы».

Очень важно сказать, что Олег Святославич был страстным поборником мирной политики Руси с Подем. Он считал, что дружба с землёю Половецкой, в которой в те времена жило очень много русских племён, ушедших в степи с бесчисленными конскими табунами ещё при Владимире Первом, попытавшемся крестить их мечом и кровью. Дед Игоря считал, что мирное сосуществование с Подем принесёт Отечеству несоизмеримо больше благ и могущества, нежели постоянные и кровопролитные набеги. Владимир Мономах, находясь под рукою алчного и коварного великого князя Святополка, был ярким поборником его агрессивной политики. Бесстрашный, талантливый полководец, он вошёл в историю как великий защитник Русской земли от половецкой опасности. Но такой опасности, согласно историческим фактам, не существовало. Набеги нужны были Святополку для пополнения своей казны. Окружённый свитой ловких, бессовестных работорговцев, великий князь одинаково имел большой доход и в случае, когда Русь грабила Половецкую землю, и когда Половецкая земля грабила Русь. В том и другом случае доход от торговли живым товаром — полоном — попадал в одни руки — работорговцам, окружавшим Святополка, а часть барыша выплачивалась ими великому князю.

Истинное величие Мономаха в нашей национальной истории в том, что он разобрался в этой подлой политике, выселил прочь с Русской земли работорговцев, принёс на Русь мир, собрав в еди-

ное могучее государство русские земли, заключил мирные договоры с иными землями. И в первую очередь с Подем. То есть, в конце концов разделил и принял политику Олега Святославича.

Академик Лихачёв, к работам которого, как признанного и лучшего знатока «Слова», мы постоянно обращаемся, утверждал, что поход Игорев ничем не отличался от многих иных, обычных для того времени, и цель его обычна — стремление обогатиться. Вот как характеризует Игоря учёный в объяснительном переводе: «Сам по себе Игорь Святославич скорее даже хорош, чем плох, но деяния его плохи, потому что над ними господствуют предрассудки феодального общества, идеология господствующего класса». Почему так? Будем искать ответ, читая «Слово», но ничего подобного не вычитаем. Нет в нём ни «феодалов», ни «идеологии», ни «господствующего класса».

Всё это необходимо сказать, прежде чем снова вернуться к вопросу, какую же цель преследовал Игорь своим походом в землю половецкую. Но нет ясного ответа в древних русских летописях, нет его и донныне в исторической науке. Единственная возможность — найти его в самом «Слове о полку Игореве». Кстати, в последнее время всё чаще и чаще делаются такие попытки. Правда, сводятся они к тому, что поход Игоря не что иное, как свадебный поезд жениха — сына Игоря, Владимира, к невесте Кончаковне, дочери половецкого князя Кончака.

Не отрицая свадебного чина в «полку Игоревом», попробуем всё-таки отыскать ответ на этот крайне важный вопрос в самом «Слове».

Древнее русское слово «истягну», дошедшее до нашего времени, вполне достойно понимать как «напряг», даже «слишком напряг». «Истягну умъ» — напряг мысль, много и постоянно думал, пытался уяснить. И всё это согласуется со словом «крепость». «Истягну умъ крепостью своею».

Исследователи видят в этом слове современное им: «решимость», «волю», «дерзость», «силу», «укрепление ума». Но, по «странным сочетаниям обстоятельств», с которыми так часто приходится сталкиваться, вникая во всё написанное о «Слове», никто не обратил внимания на ещё одно древнерусское значение «крепости» — «клятва», «присяга». Решение князя идти в Поде половецкое было связано с его клятвой, присягой либо весьма важным договором. Но с кем? По какому

поводу? И неслучайно это его деяние стало самым подробным фактом истории. Дотошно изучалось и будет впредь изучаться, откуда, с кем вышел в поход князь, каким путём шёл, какие события совершались в пути, какие были у дружины кони, кто находился в полку. Много написано о самом сражении, но практически ничего: ЗАЧЕМ ВСЁ ЭТО ПРЕДПРИНЯТО. Кроме однозначного почти у всех исследователей: князь преследовал свои корыстные цели — обогатиться за счёт грабительского набега.

Но какой присяге, какой клятве подчинил свой ум Игорь, поострив сердце мужеством? Набеги на сопредельные земли в те времена не требовали таких качеств. Сие было делом обычным. А в случае с походом Игоря к этим качествам требовалось ещё и наполнить себя ратным духом. Быть готовым к преодолению больших тягот, быть всегда в форме, в боевом состоянии. Всё это указывает на сложность и важность предпринимаемого шага, и это никак не согласуется со ставшими обычными к тому времени грабительскими набегами, какими опять начали обмениваться Русь с Подем.

Если предположить, что Игорь дал клятву памяти деда своего — вернуть Руси некогда потерянную дедину, очень важное для всего Отечества Тьмутороканское княжество, тогда станут понятными предшествующие походу размышления, долгая, даже многолетняя, подготовка к нему и необходимый ратный дух и сердечное мужество. Нужны были и верные соратники в этом более чем серьёзном деле. Все князья Северной Руси, кроме переяславского Владимира Глебовича, были соучастниками этого похода. В Поде союзником стал Кончак, будущий сват, земли которого простирались как раз на пути к Тьмутороканскому княжеству.

Князь Игорь «наведе своя храбрья полкы на зѣмлю Половѣцкую за землю Рускую». Первыми издателями эта фраза была понята как: вступил с храбрым своим воинством в землю Половецкую для отмщения за свою землю Рускую. У одного из первых переводчиков «Слова» Михаила Деларю: «И за русские грани храбрые рати свои повёл на половцев землю». Так же понята эта фраза нынешними поэтами, переводчиками, исследователями и комментаторами, которые в разное время, как и М. Деларю, перелагая строку, позволяли себе менять в ней порядок слов. Уж очень неподходящее для современно-го уха построение: «на зѣмлю Половѣцкую за землю Рускую». А мо-

жет, не надо было перестраивать всю авторскую строку, поменяв местами предлоги? Ведь академики по договорённости позволяли себе делать и более серьёзные изменения в древнем тексте. Получится: «за землю Половецкую, на землю Руськую».

Надо провести полк по земле Половецкой, чтобы достичь земли Русской — древнего Тьмутороканского русского княжества, владельцем которого был дед Игоря и прадед Болеславы — Олег, незримо присутствующий в предприятии внука и куда как зримо в самой поэме.

Об этом вполне определённо сказано в «Слове» устами Святославовых бояр. Пытаясь объяснить странный сон, увиденный их князем, они сообщают: «се бо два сокола (Игорь и Всеволод. — Ю. Сб.) слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломом Дону». В современном переводе эта строка звучит так: «ведь вот два сокола слетели с отчего престола золотого, чтобы добыть города Тьмуторокань или испить шлемом из Дону» (объяснительный перевод Д. С. Лихачёва в сборнике «Слово о полку Игореве». 800 лет»).

Сделаю к этому переводу всего лишь два замечания. Лёгкая и вполне уяснимая строка в древнем звучании — в современном потяжелела, приобретя лишние слова: отчий стол почему-то превратился в «престол», а вполне определённое русское слово «любо» понято как «либо» и заменено союзом «или». Однако цель похода — «добыть города Тьмуторокань» — воспроизведена точно, но в «Объяснениях» у академика об этом ни слова.

Продолжим чтение древнего текста: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружине своей: братие и дружино! Луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону».

О затмении солнца, которое имело место в то время, написано очень много. Пожалуй, даже слишком много. Это природное явление среди учёных, изучавших «Слово», вызвало бурную полемику. Одни считали, что затмение произошло до начала похода, другие — во время похода, указывалось даже конкретное место, где оно застало Игорев полк. Подробности о солнечном затмении черпались из летописных повестей и широко живописались во многих исследованиях. Давайте и мы процитируем отрывок из Ипатьевской летописи:

«В то же время Святославич Игорь, внук Олегов, поехал из Новгорода (Северского. — Ю. Сб.), месяца апреля в 23 день, позвав с собою брата Всеволода из Трубецка и Святослава Ольговича, братича своего (племянника. — Ю. Сб.), из Рыльска, и Володимира, сына своего, из Путивля, и у Ярослава (брата великого князя Святослава Всеволодовича, княжившего в Чернигове. — Ю. Сб.) испросил помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи черниговскими. И так шёл тихо, собирая дружину свою, поскольку были у них кони тучны. Пришедшим же им к Донцу-реке в час вечерний (?), Игорь, посмотрев на небо, и видит солнце стоящее, как месяц, и сказал боярам своим и дружине своей: «Видите, что есть знамение это?» Они же, узрев это и осознав, поникли головами. И сказали мужи: «Княже! Не на добро знамение это!» Игорь же сказал: «Братья и Дружина! Тайны Божей никто не ведает, а знамению творец и миру всему один Бог. А нам, что сотворит Бог на добро ли на зло, то и будет». И сказав так, перебрёл Донец и пошёл к Осколу».

Кстати, отрывок этот подтверждает нашу догадку об истинной цели Игорева похода. В любой задуманной военной операции главное — быстрота, внезапность, особенно когда предполагается совершение набега. Тут же всё происходит не торопясь, к тому же у собираемого войска «кони тучны велми». Конь тучный, хорошо выкормленный необходим для долгого похода. Для стремительного набега вполне бы хватило ловких и бывалых дружинников из Курска и Новгорода Северского, однако Игорь испрашивает «помочь» у черниговского Ярослава. И «помочь» эта — некие «коуи» во главе с Ольстином Олексичем. «Помочник» в народном языке — работник. Игорь, скорее всего, испрашивает у Ярослава не воинов, но работников, мастеровых людей, которые необходимы для задуманного большого дела: Тьмуторокань не просто надо «найти», но и построить заново, возвести укрепления, вырыть рвы, поставить стены, башни, обустроить жилища и т. д.

До этого черниговский боярин Ольстин долгое время находился послом Ярослава Черниговского в Половецкой земле. О чём известно было и на Руси. Именно поэтому Ярослав отказался участвовать в объединённом набеге русских князей на Половецкую землю предыдущей зимою. Игорь тоже отказался в нём участвовать.

И ещё узнаём мы из этого отрывка точную дату выхода Игорева дружины из Новгорода Северского — 23 апреля. Но ничего этого нет в тексте «трудных повестей».

Хочу отметить, что почти все исследователи за более чем двухсотлетнее изучение «Слова» прочно сплели его с летописными повестями, считая, что это в научной работе вполне нормально. Но ведь «Слово о полку Игорева, Игоря Святославича, внука Ольгова» и летописные повести о походе князя Игоря на половцев — совершенно разные произведения! И они разительно отличаются друг от друга не только по содержанию, исполнению, но и противоположны друг другу по идее. Их никак нельзя сводить воедино. Что в какой-то степени было сделано ещё первыми издателями. На титуле книги читаем: «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича». Тут определённо заявлено о цели похода (на половцев) и что повествование это героическое. Я, конечно же, не против того, чтобы при изучении древнего текста привлекались летописи. Конечно же такое необходимо. Но совершенно недопустимо выдавать летописные факты за авторский текст древнего памятника.

Что сказано в «Слове» о солнечном затмении? — «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты...» Вот и всё, и ни единого слова больше. Почему такая краткость? Никаких тебе красот и рассуждений о знамениях, о Боге, о долге... Скорее, происходит такое потому, что говорит об этом очевидец события.

Науке хорошо известны дата и длительность затмения, тогда совершившегося. Произошло оно в Новгороде Северском в 14 часов 43 минуты 1 мая 1185 года. По тогдашним представлениям, сохранившимся в народе и донныне, это природное явление случается «не к добру». В отличие от Ипатьевской летописи, повторюсь, в «Слове» об этом нет и намёка. А Игорь, «возрев на солнце» произнёс: «Братие и дружино! луцежь бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону». В «окончательном» переводе Д. С. Лихачёва это звучит так: «О дружина моя и братья! Лучше ведь убитым быть, чем пленённым быть; сядем же, братья, на борзых коней да посмотрим хоть на синий Дон!..»

Отметив несовершенство «окончательного» перевода, обратим внимание на весьма странное напутствие Игоря перед боевым походом. Такого не знало русское воинство во всю историю и до Игоря, и после него. Призыв этот вполне можно понять только в том случае, если князь, обращаясь к близким своим — родне, друзьям, дружине, предлагает им вырваться из плена, в котором они уже находятся. Лучше уж быть убитым, чем жить в неволе! Значит, полон для Игоря и близких его — тут, на Руси. И спасение — сесть на коней, пройти через землю Половецкую и увидеть синий Дон.

Не разделяет властительная княжеская Русь задуманного Игорем, держит его в плену своих представлений о мире и земле, заставляет жить Северскую землю под гнётом своих убеждений.

Но выслушаем речь Игоря до конца: «Хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

Первые издатели «Слова», как, впрочем, и все последующие, поняли это как то, что князь хочет обломать, сломать своё копьё о конец поля половецкого и положить, погубить в том деле свою голову. Более чем странное желание!..

И если первое «копие приломити» ещё можно кое-как принять за победу над половцами, то второе «главу свою приложити» никак не объяснимо. Вот почему в переводах возникает противопоставление — «либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Но такого противопоставления в авторском тексте нет. Нет в нём ни «ли», ни «или», ни «либо». Есть объёмное русское слово ЛЮБО — угодно, по нраву, приятно, пригоже.

Продолжим цитату из перевода Лихачёва: «Хочу ведь, — сказал, — сам копьё приломить на границе поля Половецкого, с вами, сыны русские, хочу сложить свою голову или испить шеломом Дона».

Следуя такому прочтению, мы должны принять, что напутственное княжеское слово лишено какой-либо надежды на успех предприняемого. Признавая это, Д. С. Лихачёв склонен утверждать, что пораженческое настроение речи связано с тягостным впечатлением от солнечного затмения. Но ничего подобного нет ни в летописях, ни в самом тексте. Наоборот, в «Слове» всё время подчёркивается, что князю знамение не помеха.

Остаётся единственное — нетрадиционно уяснить речь Игоря. Слово «приломить» даже в нашем современном языке несёт иной смысл, нежели «сломать», «сломить». Выражение «преломить хлеб» всегда было приглашением к мирной, доброй трапезе, к мирной беседе, к договору о мире. А «преломить копьё» — столь же образное приглашение к миру, к ненападению, к прекращению вражды. Игорь желает возродить политику деда Олега Святославича, принятую в конце концов Владимиром Мономахом и сделавшую Русь великим государством.

У Игоря Святославича для этого есть грандиозный план: крепости-договоры не только с черниговским Ярославом, с половецким князем Кончаком, но и со многими в Степи, кто чаёт для Руси благоденствия и мира. Воссоздание Тьмутороканского княжества — это одно из многого, задуманного им. Но первое из задуманного — «преломити копие» — заключить твёрдый мир.

Попробуем доказать правильность такого прочтения самим «Словом». Ведь если бы потребовалось выразить желание князя сразиться не на жизнь, но на смерть, то наша великая «песьтворица» использовала бы соответствующую грамматическую форму — «приломати», как это написано в сцене перед сражением: «ту ся копиямъ приломати». Так бы Игорь и произнёс: «Хочу бо копие свое приломати!»

Существующие переводы предлагают «ломать копьё о конец поля Половецкого». Однако в древнем тексте нет предлога «о». Его приходится вводить в строку самовольно. Академик Лихачёв объясняет это так: «Хочу ведь, сказал (он), — сам копьё преломить (сам вступить в единоборство) на границе поля Половецкого». Но такое разнится с авторским текстом. К тому же границей поля Половецкого может быть и граница самой Руси. Но тут идёт речь о конце степи, там, где она заканчивалась — у Дона Великого при впадении его в море, т. е. на границе Тьмутороканского княжества. Об этом и говорит князь: «копие приломити конецъ поля Половецкого с вами, русичи, главу свою приложити, а любо испить шеломомъ Дону». Тут глагол «приложити» не есть «положить», «сложить», как у Д. Лихачёва: «с вами, сыны русские, хочу (или) сложить свою голову, или испить шеломом Дона (победить половцев на Дону)».

Достаточно вспомнить расхожее: «не приложу головы своей» или обратное: «приложи голову, а руки сделают». Но есть более

старое, но такое распространённое в народе: «приложить главу» — низко поклониться святому месту. Такое место для Игоря и всех, кто с ним, — конец поля Половецкого, начало древней русской дедины, земли пращуров — Тьмутороканского древнерусского княжества, начала Святой Руси.

«...Конец поля Половецкого хочу с вами, русичи, приложить главу свою и по праву испить шеломом синего Дона». Поистине грандиозна и прекрасна идея новгород-северского князя Игоря Святославича — обрести надёжный мир с народами, живущими на бескрайних просторах Великого Поля, вернуть Руси древнейшее её княжество, с которого и начиналась она в своём неукоротном на долгие века движении на Север и Восток, снова распахнуть окно в пределы южные, обретая тысячи дорог в иные страны мира. Ведь древнее название града Тьмуторокань не что иное, как Город тысяч дорог. «Тьма» — десять тысяч, «торока» — дорога.

Поистине непостижимо, что до последних лет живо и находит согласие убеждение, что величайшее произведение Средневекового мира посвящено рядовому для того времени неудачному военному походу. А уж если согласовывать это событие с оставленными в русских летописях фактами — то просто-напросто грабительскому. Возникает вопрос: могло бы сие стать объектом для выражения самых высочайших человеческих чувств, блистательных образов, мыслей, наконец, глубочайшего осмысления национальной истории, непревзойдённого литературного мастерства, высочайшего поэтического чувства? Ответ однозначен: нет!

«Слово о полку» — ещё и плач о великой идее, которую не удалось воплотить нашим дедомыслящим предкам, которую предали и утопили в крови те всеильные, которые жили по законам лжи и жадны наживы: «Уже снесся хула на хвалу». Детство, юность и зрелость Игоря Святославича и Болеславы Святославны пришлись на смутные времена в истории древней Руси. Снова росли и набирали силу междоусобицы, снова «распахивались ворота Поля» для грабежа и разбоя. Русь возвращалась к политике Святополка Изяславича, с которой с таким отчаянным героизмом боролся Олег — прямой родовой предок Болеславы и Игоря. Потому и образ его восстаёт с такой художественной силой в «Слове о полку». И князь, и княгиня были не просто близкими родственниками, жившими рядом друг

с другом и любившими друг друга — они с ранней поры стали единомышленниками, из этой любви, из этого единомыслия и возросло величайшее древо древнерусской культуры. Великая идея воплотилась в великую книгу.

Но вернёмся к изначальному. Упоминание в «Слове» солнечного затмения, как я уже сказал, вызвало полемику среди учёных. Одни считали, что оно произошло ещё до похода, с ними я вполне согласен. Другие — аж на седьмой день пути — их было большинство, и к ним примкнул с незыблемым своим авторитетом академик Лихачёв. Большинство победило, как побеждало всегда при советской власти, но значит ли это, что «меньшинство» не право? Не значит! Попробуем в этом разобраться.

И поеха по чистому полю...

Давайте предположим, что мы не имеем никаких летописных сведений о походе Игоря и в нашем распоряжении только «ироическая песнь, писанная старинным русским языком на исходе XII столетия» и переписанная в XV веке с древнего оригинала. Что мы узнаём из неё? А то, что Игорь, приняв окончательное решение о походе, посмотрел на солнце, поскольку обнаружил, что воинов прикрыла тень (по современным научным данным, фаза затмения в Новгороде Северском в 1185 году была 0,8, то есть было закрыто 80 процентов солнечного диска, и затмение длилось около 5 минут). Никак не отреагировав на это, князь сообщает близким и дружинникам о целях предстоящего похода. Из этого следует, «братия и дружина» собраны на первый «походный совет».

Проследим, что происходило дальше после «первого совета». «Трубы трубят в Новеграде, стоят стяги в Путивле» — о походе объявлено всенародно. Но Игорь пока ждёт брата Всеволода. И тот не заставил долго ждать: «седлай, брате, свои борзые комони, а мои уже готовы...» Их встреча состоялась, несомненно, в Новгороде Северском, и только тогда «вступил Игорь князь в злато стремя и поеха по чистому полю». Далее Болеслава подтверждает факт солнечного затмения: «Солнце ему тьмою путь заступало», опять же не придавая сему какого-либо значения, но сообщает ещё и о том, что в ночь перед выступлением в поход произошла майская сокрушительная гроза, при которой замолк птичий свист («птичь убуди свист»), и каждый зверь проснулся («зверинъ вѣста»). Кто мог свистеть в ночи в майскую пору? Любая певчая птица, вернувшаяся в родное гнездо, и в первую голову, конечно, соловей. Птицы при грозе затаиваются, звери, наоборот, оставляют свои лёжки, норы и берлоги в поисках безопасного места. А волки «грозу ворожат...»

Судя по прочитанному, Игорь вышел в поход после солнечного затмения, дождавшись брата Всеволода из Трубчевска. Среди исследователей существует единое мнение, что братья встретились в районе впадения реки Оскола в Северский Донец, и обращение Всеволода с предложением Игорю «седлать борзых коней», то есть выйти в поход — всего лишь поэтическая метафора. С этим согласны все, кто воспри-

нимает «Слово» только как непревзойденный шедевр средневековой литературы, исключая историческую точность отображения происшедшего. Для Автора главное не «в замыслениях бояна», но в «былинах времени» — в исторической правде «от старого Владимира до нынешнего Игоря». В «Слове» блистательно сопряжена сила искусства с подлинностью факта. А посему, искренне восторгаясь непревзойденным литературным мастерством, с той же искренностью следует воспринимать Автора как подлинного историка — «песьтворца».

Итак, решение о походе принято.

Вернёмся к Ипатьевской летописи: «...в это время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска...» Известно, что Всеволод Святославич владел пограничным городом Руси — Курском. Но «зовёт» его Игорь (по летописи) и «ждёт» (по «Слову») из Трубчевска. Трубчевск — город на Десне, всего лишь в нескольких десятках километров от Новгорода Северского. Почему оказался там буй тур Всеволод перед самым походом, когда вся его дружина «у Курска напереди»? Такой вопрос никогда не стоял ни перед одним исследователем, да и ответить на него было невозможно, пока не произошло поистине чудесное событие. 7 апреля 2010 года «Российская Газета» сообщила о том, что жители современного Трубчевска при распаивании поля обнаружили клад. В нём оказались женские украшения, относящиеся ко второй половине двенадцатого века, времени похода Игоря. Установлено, что принадлежать они могли только женщине княжеского рода, а точнее княгине. Жена буй тур Всеволода упомянута в «Слове о полку Игореве» — красная Глебовна. Можно с большой уверенностью сказать, что найденные украшения принадлежали ей. Тогда становится ясным, зачем потребовалось Всеволоду перед долгим походом поехать в свой удельный город Трубчевск. Он отправил туда семью из небезопасного Курска. Сопроводив их в Трубчевск, Всеволод вернулся в Новгород и сказал: «Один брат, один свет светлый ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай, брате, своих борзых коней, а мои те готовы, оседланы, у Курска напереди...» Тогда «вступил Игорь в злат стремень и поехал по чистому полю». И то чистое поле раскинулось у самого Новгорода Северского. Оно и сейчас есть, это поле — высокое и чистое, ведущее к переправе через Десну, над которой на высокой Путивльской горе стоял княжий город-кре-

пость Путивль...

Когда же поехал Игорь по этому полю? Историки, соглашаясь с летописями, называют две даты — 13 и 23 апреля...

И тут я должен сообщить о некоем своём открытии, которое привело меня, мягко сказать, в недоумение. Из сонма всех изучавших «Слово» — видных учёных, историков и филологов, писателей и поэтов, переведивших повесть, поэму на современный родной язык — никто, кроме всего лишь нескольких, не бывал в Новгороде-Северском, тем паче в апрельскую пору. Даже академик Д. С. Лихачёв, до сих пор считающийся неколебимым авторитетом в изучении «Слова», был тут проездом всего лишь несколько часов. Вероятно, для серьёзных научных трудов вполне достаточно академической тишины кабинетов, библиотек, книгохранилищ и государственных архивов. Но как оказалось, этого недостаточно для открытия мира наших далёких предков, запечатлённого в «Слове». Мир этот живёт и поражает в течение более двухсот лет читателя девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого века. И несомненно помогает раскрывать всё новые и новые тайны в древнем тексте. Я глубоко убеждён, что в самой мудрой тишине академических кабинетов невозможно услышать пение соловьёв, тревожный птичий крик перед грозой и вой волков, шум трав, воочию увидеть, как внезапно склонилось до земли дерево, узреть полёт сокола в бескрайнем небе, разлив рек и речушек...

Чтобы всем сердцем понять и уяснить до конца мир нетленного «Слова», необходимо выйти из каменных джунглей городов на волю вольную, вернуться на нашу землю в её непреходящую мудрость, красоту и доброту, которая до сих пор живёт в каждом весеннем листочке, в каждой былинке на чистом поле, в зачарованных водах Десны, в безбрежном небе над нею, в весеннем паводке...

Итак, со всей определённой учёные пришли к выводу, что поход Игоря начался либо 13, либо 23 апреля! И не иначе! Что мы знаем о 13 апреля 1185 года? Это по византийскому вероисповеданию — Лазарева суббота — особо чтимый день. Праздник, который христиане должны проводить в радостном отдыхе, отринув мирские заботы. Однако наши предки в те лета часто нарушали любые церковные запреты, строго следовали древним «свычаям и обычаям». Особливо следили за состоянием луны. Любое дело подлежало начинать на рождающуюся луну. Когда луна входила в ущербную фазу, начатое дело обречено

на успех. Кстати, этот лунный календарь до сих пор цел в народном восприятии мира! По всем параметрам 13 апреля 1185 года — день худой. Луна находится в ущербной фазе.

А что же 23-е? Число это приходится на вторник, день работный. Но вот луна ущербна почти полностью, виден лишь тоненький серпик. Вероятно, Игорь мог пренебречь этими «свычаями», как не обратил внимание на солнечное затмение. Однако были более серьёзные причины, по которым князь не мог выйти в эти числа в поход.

Вот уже многие годы я приезжаю в Новгород-Северский в апрельскую пору. 13 апреля соответствует 20 числу по современному стилю, а 23 — 30-му апреля.

Первого марта 1185 года русские войска прекратили погоню за Кончаком из-за распутицы. Река Хорол находится гораздо южнее Новгорода-Северского, как и Сула, где были захвачены вежи половецкие. Однако распутица на Десне начинается не намного позднее, чем в тех краях, а сама река вскрывается чаще всего в первой половине апреля, и паводок набирает силу вплоть до мая. Даже при самых маловодных вёснах за Десной море разливанное, которое ни конному, ни пешему одолеть невозможно. И только к началу мая (по старому летосчислению) начинает убывать полая вода. Весна 1185 года была многоводной, до самого марта снега наметало «коням под чрево». 18 мая 2013 года, разумеется, по новому стилю, в Новгороде-Северском проходил ежегодный праздник «Нетленное «Слово...», и вода на левобережье стояла до окоёма, и только кое-где по хребтикам проглядывала из топей древняя дорога. А ведь современная пойма Десны намного меньше, чем была 800 с лишним лет назад. Не мог Игорь отправиться в поход из своего удельного города ранее солнечного затмения, то бишь в указанных в летописях числах. Вот такая природная неувязка с летописной повестью, а из-за неё и многие серьёзные исследования «Слова» теряют свою научную значимость. Повторюсь, многолетние стремления учёных и страстных любителей, искренне изучающих бесценный памятник, свести в едино подлинный текст с летописным и на нём основывать свои догадки, на мой взгляд, не только неверны, но и недопустимы. Мы до сих пор точно не знаем, когда была написана и включена в Ипатьевскую летопись повесть о походе Игоря. На мой взгляд, значительно позже, в пятнадцатом–шестнадцатом веках, а может быть, и того позднее.

Помняшеть бо речь първыхъ времяъ усобице...

Так реконструировали эту строку редакторы первого издания. Переложили на современное им наречие так: «Памятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сражении...» Переложение весьма многословно и совершенно не соответствует написанному. Исконная мысль кратка, благозвучна и наполнена глубоким смыслом, к великому сожалению, не обрётённым первыми издателями. А как её осмыслили и перевели те, кто впоследствии осуществлял переложение? Обратимся к последующим за первым изданиям. Всего через пять лет его осуществил А. С. Шишков. Вот его перевод этой строки: «Изъ древнихъ преданій извѣстно намъ, какимъ образомъ славные во браняхъ Князья и полководцы рѣшили состязаніе свое о преимуществѣ». В году 1809-м В. В. Капнист: «Вам памятно предание о состязании древних времен». В 1819-м О. Я. Пожарский: «Памятна рѣчь прежнихъ времяъ о брани». И еще через четыре года Н. Ф. Грамматин предлагает своё: «помнилъ онъ сказаніе давноминувшихъ времяъ о войнѣ». Поэт Аполлон Майков: «Как вспомнит брани давни». Эти примеры приведены не ради того, чтобы как-то «опорочить» современников первого издания «Слово о полку», как говорится, «навести тень на солнечный плетень» — деяние, так распространённое нынче. Нет, совсем наоборот. Авторы, перечисленные выше, — достойные исторические личности, каждый из них внёс свою лепту в изучение «Слова о полку Игореве». Каждому — светлая память. Важно, как воспринималась эта строка во времени. Пушкин на переводы этой строки откликнулся так: «Ни один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно». Весь девятнадцатый век появлялись новые переложения, то же происходило и в двадцатом: К. Бальмонт «Вспомнит былъ времён тех давних, об усобицах сказанья». С. Шервинский: «Вспоминал про усобицы давних времён». В. Стеллецкий: «поминал ведь он, вещей, давних времён ратоборство». И наконец поэт Николай Заболоцкий в лучшем поэтическом переводе «Слова»: «Знал немало подвигов и схваток». Невозможно перечислить всех, кто осмысливал эту строку и какой её предлагал для чтения. Перенесёмся на полтора столетия вперёд от первого издания и откроем академический, признанный

каноническим, перевод академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва: «Вспоминал он, как говорил, первых времён усобицы». Надо признать, что за более чем двухсотлетнее изучение древнерусского шедевра строка эта всеми принималась однозначно. Изменилось только начертание её, в которое внесена правка вместо «бо речь» — «бо рече», о чём договорились учёные, считая, что так написано Автором. Но так ли это? Попробуем разобраться. То, что здесь идёт речь о бояне и его отношении к прошлому, несомненно. Более того, о его взглядах на творчество, о его жизненных принципах, и выражено это всего одной строкой. Ничего не изменяя, ничего не вписывая, соединим частицу «бо» с существительным «речь», прочтём Ъ (ер) как «о». Малая эта реконструкция привела к такому прочтению: «Помняшеть боречь първых времён усобице». В современной речи звучит это так: «Помнил (Вещий боян. — Ю. Сб.) БОРЕЧЬ ПОРВЫХ времён усобицы». Прежде чем объяснить значение этих древнерусских слов, приведём весь текст, относящийся к Вещему бояну: «Боянъ бо Вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть боречь първыхъ временъ усобицѣ». Эти две строки настолько высокопоэтичны, настолько глубоки по мысли и настолько понятны множеству современных читателей, что и перекладывать их на нынешнюю речь не хочется. Уверен, что они вполне уяснимы для исконных белорусов и украинцев. Но продолжим цитату: «тогда пуцашеть соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше та преди пѣсь пояше старому Ярослову, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими, красному Романови Святъславличу».

В таком виде этот текст был напечатан в первом издании 1800 года. Позднее в него была внесена правка: «речь» заменена на «рече», «который» на «которые» и «песь» на «песнь». Сделано это было, дабы прояснить смысл при переводе на современный язык. Этот отрывок никогда не вызывал у исследователей каких-либо вопросов, и переводили его во все времена почти одинаково. Разница была только в том, что одни считали, что тут имеет место некая княжеская потеха, соревнования в ловкости и боевитости ловчих соколов, другие видели в этом тоже княжескую забаву, но уже поведенную бояном, а третьи — олицетворение игры певца на гусях. Приведу перевод Д. С. Лихачёва, признанный официально как самый совершенный:

«Боян же вещей, если кому хотел песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Вспоминал он первых времён усобицы. Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей: какую лебедь настигали, та первой и пела песнь — старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, красному Роману Святославичу».

Но, кроме литературного перевода, академик сделал и «объяснительный перевод», в котором он уточняет, что это Боян напускал десять соколов — своих пальцев на стадо лебедей — струны, и «который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь (славу)» названным князьям.

Дмитрий Сергеевич в своём исследовании «Слова» всегда придерживался мнения большинства, всегда поддерживал то, что «устоялось» во времени и как бы считалось незыблемой истиной. И в этом отрывке он — как все! Все исследователи и переводчики, я подчёркиваю: все без исключения, ничего особенного не увидели в древнем тексте, тем более, что это исторический сколок времени. Но так ли всё просто в том коротеньком отрывке? Сократим его, убрав всю фразу о Бояне. К личности его мы вернёмся в следующей главе. Прочтём оставшееся по первому изданию:

«Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобицѣ; тогда пушашеть соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше та преди пѣсь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлки Касожьскими, красному Романови Святѣславичу».

Всё в этой строке вызывает вопросы. Первое: почему, говоря о времени «первых усобиц», автор упоминает Ярослава, Мстислава и Романа. Все три названы с прозвищами: Старой, Храбрый, Красный... Однако третий наделён ещё и отчеством. Почему? И кто он такой? В ту пору князя Романа Святославича на Руси не было. Учёные сошлись на том, что это Роман Святославич, брат Олега Святославича, князь Тьмутороканский, убитый в степи заговорщиками в своём войске при попытке вернуть погранные Всеволодом Изяславичем права на черниговскую отчину. Было это в 1079 году. События, с которых начинается «Слово», происходят в 1015 году — «от старого Владимира» (ок. 960 — 15 июля 1015 г). Тогда не было на свете не только Романа, но и не родился его отец Святослав Ярославич! Однако «академический синклит» без каких-либо объяснений ставит этого князя

в один ряд с его дедами. Убеждая нас, что именно о нём идёт тут речь. Почему? Ответа нет. Однако Д. С. Лихачёв в «объяснительном переводе» утверждает, что сие происходит в конкретном историческом времени: «Вспоминал он первых времён усобицы» — так в академическом тексте. Кстати, древнее «първыхъ» всеми исследователями прочитано как «первых», «первой». Если это так, и речь идёт о первой усобице, то князья должны упоминаться совсем иные — сыны Святослава Игоревича: Владимир, Олег, Ярополк. Они участники времён первых усобиц. Но те усобицы, хорошо известные истории, не принесли большой беды Руси, были они сугубо личными. И даже объединили «русскую землю» в одно великое княжество. Пока оставив «проблему», кто такой был Роман Святославич, обратимся к другим «академическим правкам» в этом отрывке: «речь» превращена в «рече», «пѣсь» в «пѣснь», «который» в «которые».

Начну с того, что в авторской строке не было прочитано главное в ней — древнерусское слово «боречь». Оно до нашего времени хорошо известно в народной речи и означает непосильную, гибельную дань сверх всего, что может заплатить человек. В усобицах и крамолах часто боречью оказывалась сама «жизнь Дажьбожьего внука». Об этом и тут. В словарях, к сожалению, это слово не отмечено. Но есть производное от него — «черноборец». В «Толковом словаре» В. И. Даля читаем: «Черноборец. стар. сборщик подушного или чёрной дани, чёрной куны, чёрного бора, взимавшегося при каждом новом князе». «Боречь» — дань без всяких правил, грабёж. Слово это довелось мне услышать в начале пятидесятих годов в Тульской области. Потом дважды в Курской в шестидесятых. Знал его и уроженец Курщины — гениальный композитор Георгий Васильевич Свиридов.

Следом за словом «боречь» идёт тоже странное для современного слуха — «първыхъ», как уже сказано, его принято воспринимать как числительное «первых». Но в произношении звучит оно как «порвых». Не кроется ли в этом странном слове иной смысл? Народный язык знает слово «порва». У Даля читаем: «С нашего брата всяк порывает (взятки), тем и дышим». Во времена Даля слово «взятка» означало именно то, что заключено в его прямом смысле — от слова взять, брать, отбирать, грабить. То есть нашего брата всяк обирает, грабит! В просторечии «порвой» называют бесчестного, подлого человека. Читаем строку: «Помнил грабёж (боречь) подлых (порвых) времён

усобицы». Что же происходило тогда? «Тогда пускали соколов на стадо лебедей». Само по себе действие страшное. На мирную, совершенно незащищённую птицу, на стадо, собравшееся вместе, — а такое бывает в жизни лебедей при перелётах на родные гнездовья, брачных играх и при обучении молоди — натравливают десяток хищных, необыкновенно сильных ловчих соколов. История русских охот такого не знает. Даже в древности на лебедей охотились весьма редко, добывая одиночную птицу. И такой княжеской забавы русская история не помнит. Выше, в разобранном отрывке, описывая весь ужас междоусобной вражды Гориславличей, Автор говорит о воронье и галицах, тут — о соколах и лебедях. И это не случайно. События и время одно и то же, и участники одни и те же. В тексте под лебедями подразумеваются мирные люди, под стаей соколов — сборщики чёрной дани.

Обратим внимание ещё на одно слово — «пѣсь». Оно было заменено в тексте на «песнь». Правомерна ли эта замена? В предыдущей строке автор говорит: «начати же ся тѣй пѣсни». Так почему же не повторить это слово в следующей строке? Наверное, только потому, что мы имеем тут дело совсем не с песней. Русский народный язык знает слово «песь» — это всё, что имеет человек: его достоинство, зажиток, дом, семья и сама жизнь. В литературном русском языке сохранилось производное «спесь». И употребимо оно по отношению к людям, весьма богатым, которые думают о себе свыше того, что они на самом деле есть. В нашем случае существительное «песь» связано с глаголом «пояше», который все исследователи читают: пела, петь, поёт и т. д. В «Слове о полку» встречается глагол «петь» очень часто — «поють», «пети», «певши»... Однако хорошо известно в наших древних письменных памятниках слово «ял» — взял, от него и производные: «поял», «пояти», «пояше». Это слово есть и в украинском сводном словаре устаревших и малоупотребимых слов (Зведений словник застарілих та маловживаних слів): Яти — брати, взяти, оволодівати. Уяснив это, воспроизведём строки в новой реконструкции, присоединив частицу «бо» к существительному «речь» и поставив точку после имени Романа: «Помняшетъ боречь първыхъ времянь усобице: Тогда пуцяшетъ ꙗ соколовъ на стадо лебедѣй; которы(о)й дотечаше та преди пѣсь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы косожскими, красному Романови».

Прежде чем переложить этот отрывок на современный русский язык, обращу внимание читателя на букву «Ī», тут она обозначает цифру десять. В древнерусской письменности числа обозначались буквами. Само по себе появление этого знака в тексте представляет загадку. В языке той поры существовали слова «десатъкъ», «десатица» — десяток, «десать» — десять. Вставим первое слово в авторский текст вместо «Ī»: «тогда пуцащеть десатъкъ соколовъ на стадо лебедѣй». Строка, несомненно, приобрела большую выразительность, упругость. То же происходит, когда вводим поочерёдно «десатицу» и «десать». Возникают вполне уместные вопросы: «Зачем потребовалось автору вводить в текст числительное в виде цифры (тогда буквы)? Почему оно снова повторяется в следующем предложении?» Определённо ответить на эти вопросы конечно же нельзя, но подумать и порассуждать необходимо. Мне кажется, что буква сия не авторская. Скорее всего, привнесено при переписке и даже во время реконструкции текста при подготовке к изданию. В этом месте мог плохо прочитываться подлинник. А могло быть непрочитанным не совсем понятное древнее слово: «десатникъ» или «десяцкый» — возглавляющий десяток борцов, сборщиков дани, как законной, так и грабительской — боречи: «тогда пуцащеть десатникъ соколовъ на стадо лебедѣй».

Что же тогда получается? На стадо лебедей (мирных жителей) напускает соколов (черноборцев — сборщиков дани) их начальник — десятинник! Так оно и есть. И не десяток — гораздо больше. Из письменных источников Руси известно, что такие «боевые» отряды насчитывали от 100 до 200 человек. Десять — двадцать десятков. Во время усобиц боречь взымалась с особой жестокостью каждому «новому» князю. О чём и повествует с такой потрясающей силой Автор. Однако первые толкователи «Слова» увидели в этом всего лишь княжью потеху с лебедиными песнями. С них и повелось такое прочтение и длится по сей день.

Какое жуткое противопоставление правды (былин сего времени) и хвалы (замышления бояна). Какой гениальный литературный приём, какое блистательное воплощение в слове. В ту пору мир такого не знал и не ведал! Десятник — воевода, направляющий воев на грабёж народа, и умный певец, знающий горькую правду (помнил под-

лое время усобиц), но воскладающий десять своих «умных» пальцев на струны — они сами князьям (Ярославу, Мстиславу, Роману) славу «рокотаху».

Вот она, чёрная дань подлых усобиц, вот он, великий разор, когда на нивах Родины не слышно пахарей и только орут вороны, а галицы меж собою говорят только о еде, ибо пришёл великий глад на землю Русскую! Галиц автор «Слова» вспомнит потом ещё не раз — как птиц и как людей, и это даёт право предположить, что в этом отрывке образ птиц символизирует и простых, «чёрных» людей. Но никому нет пощады в этой братоубийственной бойне. И на людей белых, знатных достатком, песью своею, и уважаемых, мирных и трудящихся, как на стадо лебедей, налетает один за другим десяток (боевая единица) соколов, собирая ту самую боречь, то одному, то другому, то третьему князю. И если первые два: Ярослав и Мстислав — хорошо известны истории как главные участники страшной той усобицы. То кто же такой красный Роман? Почему ему одному в перечне княжеских имён с прозвищами добавлено ещё и отчество? И назван он, в отличие от Ярослава и Мстислава, христианским именем, почему? Может быть, у него не было русского имени?

В «Объяснительном переводе» Дмитрий Сергеевич Лихачёв вполне определённо отвечает, что это сын Святослава Ярославича, князь Тмутороканский. Но в то время, о котором идёт речь, как я уже сказал, не было на свете не только Романа Святославича, но не родился ещё и отец его. Роман погиб в степи, зарезанный хазарами в 1079 году, почти семьдесят лет спустя после «подлой усобицы». А со дня смерти Ярослава к тому времени прошло более четверти века. С кончины Мстислава — без малого полвека. Почему же Роман упомянут в «Слове» со старейшими князьями, его дедами? До сегодняшнего дня ответа нет. Решили: Роман — сын Святослава Ярославича, и точка. Никто не вправе утверждать иное. Такая вот была монополия определённого круга советских, и не только, исследователей «Слова о полку».

Ушли советские времена, рухнули монополии в культуре, во многом рухнула и сама культура, пришли времена, когда люди теряют драгоценные качества души человеческой в общении друг с другом, и уже неколебимо звучит: «это моё, и то моё же»... Но по-прежнему сильны и неколебимы стереотипы в нашем общем прошлом, по-

прежнему лжа побеждает правду... Но есть и ширится в народе желание обретения исторической истины. В нашем случае самое малое: обретение не просто исторического лица в великом «Слове», но и событий, с ним связанных. Кто же он, Роман Святославич? Не было такого в пору «подлой усобицы». Роман-то был, но не Святославич... Наделили его этим отчеством опять же от неточного прочтения древнего авторского текста первые «переводчики». Надо было после имени поставить точку. А следующую строку начать с отчества: «Святославичу (Игорю) Боянъ же, братие, не соколовъ на стадо лебедей пуцаше...» Боян у Автора поёт песнь свою Игорю Святославичу. А Роман назван в авторском тексте без отчества, но с прозвищем, как и другие князья. Может быть, так его легче найти во времени?

Кроме всех своих великих литературных достоинств, обладала Болеслава Святославна ещё и достоинствами истинного историка. И если первое оценено широко и полно, то о втором фактически ничего не сказано. В лучшем случае исследователи отмечают то, что «Автору было хорошо известно летописание и что, несомненно, был он внимательным читателем». До сих пор исторические события «Слова» проверяются летописями. Не пришла ли пора осмыслить, что многое из «Слова» позднее перешло в сами летописи как ценнейшие подлинные факты?! Интерес летописцев к личности Игоря был, несомненно, вызван «Словом». Автор в своём повествовании беспрекословно подчиняется только одному — творить не вымысел, но доподлинную правду — «былины сего времени». И творит их. «Храброму Мстиславу, иже зарезал Редедю пред полками касожскими» — потребовалось всего лишь пяток слов, чтобы определить время.

Снова откроем Ипатьевскую летопись. Под годом 1022-м читаем: «В то же время Мстислав, бывший в Тьмуторокани, пошёл на Касогов. Услышав об этом, князь Касожский Редедя вышел ему навстречу. И встали полки против друг друга. И сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради губить дружины наши, но сойдёмся бороться между собою. Коли ты одолеешь, то возьмёшь имение моё и жену мою; коли я одолею, то возьму твоё всё». И сказал Мстислав: «Так и будет». И съехались они. И говорит Редедя Мстиславу: «Не оружием бьёмся, но борьбою». И начали бороться крепко и боролись весьма долго, и начал изнемогать Мстислав, ибо Редедя был велик и силён.

А Мстислав говорит в себе: «О Пресвятая Богородица! Помоги мне! Если одолею его, то построю церковь во имя Твоё!» И, сказав это, ударил Редедю о землю и, вынув нож, ударил его в гортань ножом. И был тут зарезан Редедя. И войдя в землю его, Мстислав взял всё имение его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов». А уже под следующим годом летопись сообщает: «Пошёл Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами». Всё то войско, которое не хотел губить Редедя, теперь под рукой русского князя направляется на битву с другим русским князем. Кто же руководил этими касожскими воинами? На этот вопрос нет ответа в русских летописаниях. Зато автор «Слова о полку Игореве» отвечает на это определённо: Красный Роман! Для кого взимают всю песь зорящие мирные лебязьки стада десятки соколов? Старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману... Однозначно, что Роман в той страшной усобице выступает на стороне Мстислава, иначе его имя автор поставил бы после имени Ярослава. Кто же он такой?

В комментариях Н. М. Карамзина к событию о единоборстве, со ссылкой на родовые книги, есть сообщение, что после того как Мстислав зарезал Редедю, то взял к себе двух его сынов. Летописи не прошли мимо этого факта, сообщив в одном случае: «взял семью его», в другом: «детей его». Родовые книги уточняют: «двух сыновей, и крестил, и назвал одного Юрием, а другого Романом, и выдал за последнего дочь». Не просто с касогами приходит на Ярослава Мстислав, но с руководящим ими зятем своим, Романом. По убеждению Николая Михайловича Карамзина, «касоги — нынешние черкесы». Известно, что черкесы — народ красивый. И думаю, что сын князя-богатыря наверняка унаследовал черты своего рода, а потому по праву был назван ещё и Красным (красивым).

По праву носил прозвище и Мстислав. Известно, что он был храбрым князем, любил свою дружину, в любых сражениях старался сохранить её, направляя на самые опасные участки битвы не своих, но наёмных воинов. Тут всё ясно. Но почему так странно называет автор Ярослава? «Старому Ярославу». Тогда как за ним закрепилось прозвище — Мудрый. В то время «подлых усобиц» Ярослав в расцвете лет и сил. Так почему же его «старит» «Слово»? Нет, не старит, поскольку прозвище ничего не имеет общего с количеством прожитых лет и происходит от древнего русского глагола «старовать», весь-

ма многозначного в народной речи. Это: стараться, усердствовать, прилежать, силиться, стремиться, заботиться, усиленно чего-то добиваться, хлопотать, делать дело с рвением, прилагать все средства к достижению поставленной цели. Всеми этими качествами вполне обладал князь Ярослав. Поэтому он в «Слове о полку» не старьй, но старьй — «Старьому Ярославу». Что вполне соответствует более позднему — «Мудрьй».

Однако не им поёт славу Вещий боян, умолчав о страшной сути подлой усобицы. Святославичу Игорю поёт! И не десяток соколов напускает на стадо лебедей, но свои персты на живые струны возлагает, они сами князю славу рокочут... Вот такой он Вещий!..

По замыслению бояню...

Первым из поистине громадного списка действующих лиц «Слова о полку» сразу же за именем главного героя автор представляет читателю некоего вещего певца, создателя поэтической славы князьям — Бояна. Кто он? В какое время жил? На это нет до сих пор ответов в нашей национальной истории, зато догадок, версий, предположений, весьма интересных, оригинальных и убедительных несть числа. Авторами их были виднейшие учёные и писатели — от Карамзина до нынешних академиков. Первую публикацию в мировой «прессе» о находке «Слова о полку Игореве» в 1797 году сделал Николай Михайлович Карамзин в журнале, выходящем в Гамбурге на французском языке. Вот цитата из его небольшой статьи: «Вы, может быть, удивитесь более, если узнаете, что два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием: «Песнь Игоревых воинов», ... которая написана в XII столетии. Слог, исполненный силы, чувства высочайшего героизма; разительные изображения, почерпнутые из ужасов природы, составляют достоинства сего отрывка, в котором поэт, представляя картину одного кровавого сражения, восклицает: «Увы! чувствую, что кисть моя слаба; я не имею дара великого Бояна, сего соловья времен прошедших...» Удивительно, но такой строки нет в издании 1800 года, как нет «чувствия высочайшего героизма», которое разглядел замечательный российский историк. Но окончательный вывод верен: «...следственно, в России и до него были великие поэты, которых творения поглощены веками».

В приведённой выше цитате есть два интереснейших места, на которые никто не обратил внимание. Первый: историограф называет «Слово о полку Игореве» отрывком поэмы, и этот отрывок называется «Песнь Игоревых воинов». Возникает законный вопрос: в архивах открыли всю поэму или только отрывок из неё? Тогда откуда такая уверенность о существовании некоего ЦЕЛОГО, откуда взят ОТРЫВОК? Позднее робко выдвигалось мнение, что «Слово о полку» является отрывком из некоего объёмного произведения, так сказать, общего свода, написанного одним Автором, некоего его «Собрания сочинений». Но таких мнений во всё более чем двухсотлетнее время

изучения «Слова» были единицы, и так были робки они, что на сие не обращено никакого внимания. И ещё один факт: «Слово» открыли только в 1795 году. Однако прошло десятилетие со дня обретения Мусиным-Пушкиным русских книг, среди коих находилось «Слово о полку Игореве»...

Со времени открытия в толковании слова «боян» утвердилось два направления. Одно — что это имя собственное древнерусского сказителя. И второе — нарицательное, обозначающее певца, поэта, сказителя. Защитники второго направления ссылались на словарь древнерусского языка, на образцы народной речи, успешно утверждали свою точку зрения.

Но уже в 1801 году «Пантеон российских (?) авторов» открывается характеристикой Бояна собственным именем. Однако в то же время поэт Н. Львов вспоминает «витязей, которые подвизались в полках Игоревых и которые воспеты бояном», — тут со строчной буквы. А другой поэт А. Востоков в опубликованной в 1806 году «Богатырской поэме» — «Светлана и Мстислав» упоминает «боянов» как «русских бардов»...

Готовя копию «Слова» для Екатерины Второй, первые редакторы в своих примечаниях наделяли Бояна как собственным, так и нарицательным именем. Однако уже в начале девятнадцатого века первое направление восторжествовало. Уже никому не было дозволено сомневаться в том, что на Руси жил великий поэт по имени Боян. Поэтому все исследовательские силы были брошены на определение, в каком времени жил он и кому пел свои славы, в чьих княжьих палатах звучали они чаще всего, кто покровительствовал певцу. Это были не восторженные «охи-ахи», а таковых было хоть отбавляй, но весьма серьёзные, убедительные и яркие работы. Личность Бояна возникла в русской художественной литературе, он стал героем романов, повестей, стихов и поэм.

Вполне понимаю жадное стремление современников открытия «Слова» обрести в истории русской культуры не только гениальное литературное произведение, каковым оказалось «Слово о полку Игореве», но и древнего великого поэта, поскольку далёкое прошлое Родины представлялось мрачной однообразной пустыней, в которой не находилось места просвещённой мысли, яркому поэтическому образу и даже самой малой национальной образованности. Царь

Пётр железной метлой небывалых на Руси реформ смёл прежде всего Память о прошлом. Вместе с бородами, кафтанами, боярским самодовольством, ленью и глупостью были гонимы древние русские традиции, и первейшее в них — «преданья старины глубокой». Впервые за тысячелетнюю историю государства значимым человеком стал тогда Иван, не помнящий родства. Как тут не восхититься душою, обретая в воображаемой пустыне веков такую вершину, как «Слово о полку Игореве», а в нём с первых же строк Поэта времён древнейших — Вещего Бояна! И не заметили: обретая всего лишь одного национального певца, потеряли многих. Этого никак не хотел Автор «трудных повестей» Игоревых, поскольку весьма определённо сам решил «проблему Бояна».

В отличие от своих современников и потомков, гений Пушкина заметил в «Слове» не одного певца, но несколько «стихотворцев». Для него это имя нарицательное, означающие «поэт», «певец», «сказитель», но могущее писаться с заглавной буквы — в знак уважения. В «Руслане и Людмиле» читаем: «Быть может, нет и мне спасенья? Быть может, на холме немом поставят тихий гроб Русланов, и струны громкие баянов не будут говорить о нём!» Пушкин разделяет мнение, отстаиваемое тогда многими: нарицательное существительное «баян» происходит от древнего глагола «баю»: говорю, рассказываю, пою. Однако и дальше в поэме «баян» выступает не как личность, носящая такое имя, но как певец в застолье князя Владимира: «... и вдруг раздался гуслей беглый звук и голос вещего баяна, певца героев и забав». Здесь, как и в «Слове», баян (боян) вещий, он же и «певец героев и забав». В Поэме ещё несколько раз встречается это слово, но везде оно написано со строчной буквы. Это у Пушкина в рукописях и в первых изданиях. А в более поздних кто-то позволил себе правку пушкинского текста, придав певцу, поэту и сказителю имя собственное — Боян.

Пушкин первым заметил некоторую иронию автора «Слова» по отношению к вещему певцу. Её не отметил, кажется, никто из сонма изучавших древний текст. И что ещё более прискорбно, «ведущие исследователи» вообще пренебрегли пушкинскими «замечаниями» к «Слову». Поразительно, но это факт!

Болеслава сочла необходимым с первых строк определить своё отношение к тому, о чём она намерена рассказать в «трудных пове-

стях». «Начаться песне по былинам (правде) нынешнего времени, а не по замыслению бояна», певца, сказителя, творца «героев и забав». В этой строке всё точно определено. А далее возникает конкретный образ человека — Вещего бояна.

Я склонен считать, что Вещий — как раз и есть имя собственное бояна, которого хорошо знала Автор, с которым тесно общалась по жизни, с ним и ведёт свой диалог в «Слове». С него начинается «Слово», им же и заканчивается... Необыкновенно глубок в поэме образ Вещего бояна и его характер... Кстати, как и другие «действующие лица», коих великое множество, но у каждого из них свой образ и характер, воспроизведённый подчас всего несколькими фразами, а то и двумя-тремя словами. Но, увы, это величайшее литературное достоинство «Слова о полку» обойдено вниманием исследователей. Попробуем полно уяснить древнее слово «вещий». Современный человек воспринимает его как превосходный эпитет, как нечто исключительное, сказочное. Однако в русском речевом языке это: «мудрый», «умный», «смотрок» — «себе на уме», «хитрый», «предусмотрительный», прорицатель, предсказатель, умно и красно говорящий. В словаре Даля полный десяток смыслов, которые относятся к этому слову. Как удивительно меняется весь смысл зачина от одного только имени собственного, лишённого сказочной, вещательной окраски: «боян же себе на уме, если кому хотел песнь творить...» или: «боян же умный», «боян же хитрый», «боян же мудрый...», одно слово — Вещий. Только с этим прозвищем упоминается боян по всему тексту. И единожды без него — в самом начале: «не по замыслению бояню». Что несомненно относится ко всем известным певцам, сказителям, творцам «литературных» жанров. И тут же конкретный пример: «Боян же Вещий, аще кому хотел песнь творить...» Заглавная буква возникла впервые при реконструкции текста в переложении «на современное наречие», а в исконном тексте была строчной. И совсем не случайно во всех известных переложениях древнего текста неизменно присутствует слово «вещий» без объяснения значения, поскольку раскрытие его смысла меняет смысл написанного. Кстати, Вещий известно на Руси как прозвище с очень давних времён. В Радзивилловской летописи так прямо и сказано: «И прозвище Олга — Вещий...»

Именно с ним, с Вещим бояном, полемизирует на протяжении всего «Слова» Автор. И по отношению к нему просматривается «ирония», отмеченная Пушкиным. А начаться песнь должна по правде происшедшего, по были, а не по замыслу бояна (певца, поэта). «Начаться же песне по былинам сего времени, а не по вымыслам бояна». В этих строках всё точно, всё определённо. И далее столь же ясно. Автор указывает на то, что хотя Вещий и знал о подлых губительных временах своей Родины, но не пел об этом, предпочитая правде красивый вымысел и славословие. Тут мы имеем дело с представителями разных поэтических школ. С одной стороны, «реалист», автор «трудных повестей», потому и трудных, что надо петь правду. С другой — певец себе на уме, необыкновенно одарённый, «романтичный», «сплетающий славы», умеющий точно определить, что надо петь в сие время и кому.

Выше было сказано о реакции современников открытия «Слова о полку» на возникновение из небытия древнего Поэта Руси. Тогда только начинала проясняться подлинная история земли Русской и её народа. Знатоков времён ушедших было ещё крайне мало. А представление о Древней Руси как о сосредоточении невежества, духовного мрака (чуть-чуть только развеянного принятием христианства), варварства и жестокости главенствовало в обществе, проповедуемое не токмо византийской церковью, но и первыми «русскими историками» — поголовно немцами, не владевшими русской речью... И никто не предполагал, что в прошлом жили и творили поэты — бояны, вдумчивые хроникёры — летописцы, могучего духа и ума философы, и существовала общечеловеческая глубоко национальная культура. Всё это стало известно значительно позднее из исторических открытий, последовавших за «Словом о полку» в течение двух веков. К сожалению, эти судьбоносные открытия для нашей Родины стали уделом очень немногих. Хотя тяга русского человека к своему прошлому — главная черта национального характера...

Помню, как я, только-только прикоснувшись к «многопудию» русского летописания, был поражён, что из сотен тысяч страниц на современное наше наречие переведено не более двухсот страниц, а на украинское и белорусское и того меньше. В памятную встречу с академиком Лихачёвым спросил его об этом. Ответ меня ошеломил. Радетель древней русской литературы, её знаток и про-

пагандист, сказал: «А кому это надо, кроме нас, чудаков? — и добавил убеждённо: — А кроме всего, там очень много лишнего». Что имел в виду Дмитрий Сергеевич под выражением «много лишнего», я тогда не понял. Но до сего дня уверен: русские летописи хранят и донныне всё то, из чего возрастала национальная гордость русичей — белорусов, украинцев, русских, увы, почти вовсе уничтоженная в нынешнее Смутное время.

Но вернёмся к «Слову». И примем для себя как неоспоримое: во времена создания этого произведения на Руси существовала своя литература, свой взгляд на мир, свои культурные ценности. И созидали это не «стременные князей», не «воины-дружинники», не «мудрые монахи» и не редкие «вещие бояны», как это принято считать, но профессиональные писатели, поэты, сказители и певцы. Хорошо образованные, владевшие свободно иными языками, имевшие свои «школы» и «направления», что и доказывает древний текст. И один из них, нет, не тот, кому суждено было рассказать правду, но другой, запечатлён в общении с Игорем: «Святославичу боян же, братья, не десяток соколов на стадо лебедей напускал, но свои умные персты на живые струны воскладал; они сами князьям славу рокотали».

В поэме боян упоминается шесть раз, и в четырёх случаях Автор с ним спорит с явной иронией, на которую и указал Александр Сергеевич Пушкин.

«О бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущеко- таль, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, сеивая славы обалопы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того в нуку». Этот отрывок я привожу с точностью до знака, но только с одной поправкой в конце его. Первых исследователей озадачила последняя фраза. Прочли они её так: «Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку». Считаю, что тут имеет место слово «внук», но для этого пришлось вносить имя деда, которого в этой строке не было. Но и внука тоже не было! А было широко известное и донныне — «нука». В значении: «пону- кать», «понуждать», «одобрять», «подгонять», «торопить»... Всё это есть в словаре В. И. Даля. Тут снова Автор использует слово «пѣсь», о котором речь была выше. И тут оно прочитано переводчиками снова как «песнь». Однако, как и в зачине, оно несёт в себе то же значение — всё, что есть у человека. «Пѣсь Игореви» — человеческое

достоинство, восславляемое «в нуку». Но прежде чем привести отрывок в переводе, следует обратить внимание на выражение «скача славлю по мыслену древу» и «тропу Трояню».

Отметив необыкновенно высокую поэтичность этого отрывка, обращаю внимание, что наш Автор называет бояна соловьём старого времени. И вот этот соловей, искусный, наделённый великим талантом подлинного певца, в своих песнях превращается в обыкновенную птичку славку-завирушку, скачущую по вымышленному древу. Опять звучит тут очень изящная ирония. И опять же чисто женская...

«О, бояне, соловию старого времени...» И возникает новая загадка, новая тайна: к кому это обращено? К Вещему бояну или к иному певцу, кто носит столь поэтичное имя — Соловей, певцу далёкого старого времени? Ведь повествованию о Игоре предшествовало краткое «Почнём же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря». Таков временной размах! А обращение к бояну-соловью — взгляд во времена старого Владимира? Надо признать, что образ этого певца и его творческие принципы разительно отличаются от того, что сказано о Вещем.

«О, боян, Соловей старого времени, как бы ты эти полки (Игоревы и его замысел) воспел, скача соловушкой по древу мысли, умом летая под облаками, свивая славы вокруг этого времени, отыскивая тропу Трояню (путь, указанный богом) через поля на горы, воспевая, всё, что было и есть Игореву, тому в нуку (помощь)». Так поэтично и даже любовно обращается Автор к Соловью старого времени. А есть ли что о Соловье в летописях и памяти народной? Есть. И жил он во времена старого Владимира, когда насаждалась на Руси кровью и огнём новая византийская вера. В государственной официальной истории принято говорить об этом событии только в положительном, и даже восхитительном, тоне. Русь добровольно и радостно приняла повсеместно эту веру, единогласно отреклась от веры «языческой», от древних своих богов, утверждают почти все историки поголовно. Но есть и другие труды, которые до сих пор «под спудом». К тому времени, когда создавалось «Слово», минуло без малого два века, но память о Владимировом крещении была жива, и более того, отстаивание своей русской веры, не «языческой» — своей, древней христианской, православной достигло апогея. Весь двенадцатый

век на Руси — борьба за равноправие веры русской с византийской. И в борьбе этой Русь одержала победу. Тому подтверждение «Слово о полку Игореве»! Самое поразительное, что борение за веру началось при Ярославе Мудром, тогда же произошла единственная религиозная война с Византией. Но это никак не обозначено в государственной и церковной истории...

Однако вернемся к бояну Соловью, к его времени, которое хорошо помнил народ и Автор «Слова». Народ зачастую безмолвствует, потому что помнит, а певец, поющий правду, — голос его. В летописях времён владимировых такой певец запечатлён. Под годом 1008 Никоновская летопись сообщает: «Того же лета изымаша хитростию некоего славного разбойника, нарицаемого Могута». Это событие упоминается и в других списках, где уточнено, что пленён он был Добрыней (дядей старого Владимира), и тот «преди вынил язык его» (вырезал), прежде чем казнить. Следует обратить внимание, что разбойник был славен. Слава в древнем языке — молва. Был он славен умением искусно владеть словом. Потому и лишён прежде всего языка А ещё памятен людям именем своим — Соловей. А прозвище его — Могута. В «Словаре древнерусского языка XI–XIV веков» указано лишь одно значение этого термина: властитель. Властитель дум народных... Оно прозвучит в «трудных повестях» чуть далее.

В Иоакимовской летописи, с лёгкой руки некоторых учёных названной подделкой, как и «Слово о полку», но признанной подлинником, написанным в десятом веке, сообщается, что богумил, исповедующий Старую веру (богомилы, богумилы — древние христиане Руси), названный жрецом именем Соловей, возмущал людей против новой веры. В разбираемом нами отрывке Соловей «рище въ тропу Трояню», тропу древнейшего бога наших предков. Тут следует напомнить читателю о коротеньком повествовании, возникшем во времена Владимира Крестителя, — как соловей стал разбойником. Былина оказалась не шибко популярной, но сочетание Соловей-разбойник «овладело массами».

Завершается обращение к Соловью убеждённым: «Не буря соколов занесёт через поля широкие — стада галиц бежат к Дону великому». Эта образная поэтическая строка вобрала в себя глубокий смысл, определяя цель Игоревы похода.

Тут следует поставить точку, поскольку Автор выполнил свою задачу: с мягкой иронией поведал, как бы отнёсся Вещий боян к задуманному Игорем походу. А далее высказывает он своё отношение к этому событию: Пѣти было пѣсь Игореву, того в нуку: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону великому». — «Воспеть следует всю суть Игоря, его подбадривая...»

Отдельно разберём продолжение строки: «Не буря соколов занесёт через поля широкие, а стада галиц спешат к Дону великому». Снова возникают тут уже известные «соколы» — воины, и «галицы» — простые, чёрные люди. Смысл этой строки прост и глубок. Игорь совершает не лихой военный набег, и не боевое войско спешит через широкие степи, но множество чёрного люда движется к великому Дону. Это и есть суть задуманного князем.

Автор не завершил общения с Вещим бояном: «Чи ли въспѣти было Вѣщей бояне, Велесов внуче: «Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Киевѣ!» — «Ты бы воспел, Вещий боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулою; звенит слава в Киеве!» И действительно, строка эта необычно динамичная, яркая, звенящая и весьма зримая. Тут в великом поэтическом даре не откажешь Велесовому внуку. Но почему Велесовому? Обычно принято считать, что Велес — бог скота — скотий бог. Но это не совсем так. Древнейший Бог славян был изначально действительно покровителем скота, ибо весь достаток племён исчислялся количеством стад. Ко времени «Слова» Велес — уже бог богатства. Хранилища княжеских драгоценностей: золота, серебра, камней, дорогих тканей, сосудов назывались на Руси «скотницами». Нарекая бояна Велесовым внуком, Автор определённо намекает на его не совсем бескорыстное творчество. Этот преуспевающий богатый певец громких слав, вымышленных событий более всего озабочен в своём творчестве красотой слога, а не правдой жизни. Из начертанных на стенах Киевской Софии граффити стало известно, что некий боян продавал землю. Не Велесов ли внук?

А «Вещего бояна» Автор вспомнит ещё раз, уже в конце повествования: «Тому Вѣщей боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути» — «Тому вещий боян древнюю припевку умную сказал: ни искусному, ни сильному, ни опытному суда Божьего не избежать!»

Во всех разобранных нами случаях Автор неизменно называет певца «вещим». Что подтверждает нашу догадку о подлинном имени-прозвище — Вещий боян. С ним и ведёт чуть ироничный и чуть с лукавинкой спор Автор о смысле творчества. Повторюсь, на этот спор обратил внимание национальный гений — Александр Сергеевич Пушкин.

И только в завершении «Слова», в сфрагиде, возникает совсем иная личность...

Рица в тропу ТРОЯНЮ...

Много было догадок, что сие значит. Этой строкой завершается вступительная часть «Слова о полку». Первые издатели сделали к ней сноску: «Четыре раза упоминается в сей песни о Трояне, т. е. тропа Трояня, вечи Трояни, земля Трояня, и седьмый век Троянов (последнее процитировано не точно, в списке: «На седьмом веце Трояни»), но кто сей Троян, догадаться ни по чему не возможно». Но первые издатели определённо убеждены, что эти притяжательные прилагательные относятся к имени Троян. Старт собственному имени дан. И уже трудно перечесть исследования и исследователей, учёных, литераторов, поэтов, прозаиков и просто любителей национальной истории и словесности, пытавшихся уяснить, кто же это такой. Но все они поголовно считают, имя его — Троян. Многие учёные утверждали и до сих пор утверждают, что упоминается в «Слове» конкретное историческое лицо — римский император — Траян. Замечательный учёный, лингвист, историк литературы и искусства, академик девятнадцатого века Ф. И. Буслаев в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» (1861 г.) пишет: «К мифическим преданиям в замыслах Бояна относится загадочная личность Трояна (а не Траяна) ... Эпоху историческую (выделено мной. — Ю. Сб.) певец вёл от древнейшей, мифологической, представителем которой является здесь Троян. Века или времена Трояни — для него древнейшая эпоха...» Следует отметить, что почтенный учёный воспринимает события в «Слове» не как игру поэтического воображения, не как величайшее литературное словотворчество, но как историческую эпоху предков, вплетая в неё свою повесть «от старого Владимира до нынешнего Игоря». И совсем не случайно обращение Автора перед началом повествования «по былинам сего времени» к певцу, соловью старого времени: «Как бы ты сей поход воспел, скача соловьем по мыслену древу, взлетая умом под облака, складывая истинную славу вокруг этого времени, отыскивая божественную тропу через поля и горы». Отождествляя песнь бояна старого времени с пением соловья, Автор отмечает, что в этой песне главное — осмысление времени, работа ума и трудный поиск истины — «через поля на горы» — в древнейших временах предков.

Неразрывная связь Настоящего с Прошлым — главная идея «Слова о полку». Ещё раз сравним творческий принцип Соловья старого времени и Вещего бояна «сего времени»: «Боян же Вещий если кому хотел песнь творить, то растекался мыслью (одной! — Ю. Сб.) по древу (жизни), серым волком по земле и сизым орлом...» Он помнил прошлое, но предпочитал не петь о нём, ни мысль, ни разум, но умные пальцы сами славу рокотали...

Божественная суть «в тропу трояню», «вещи трояни», «землю трояню» и «седьмом веще трояни» за два века изучения глубоко разработана и доказана многими исследователями. Подвёл этому итог Дмитрий Сергеевич Лихачёв в своём объяснительном переводе: ««Рыща по тропе (языческого старого русского бога) Трояна...»

С таким утверждением вполне можно согласиться, исключив определение «языческого», поскольку до сих пор нет глубокого и ясного определения, что сие есть и было ли оно на Руси. Большинство наших учёных принято считать: всё, что лежит за пределами принятия христианской веры, есть язычество — средоточие тьмы и невежества недочеловеков, варваров. То же утверждает и до сих пор борется с «язычеством» современная церковь. Всякое стремление проникнуть в историю до «Владимирова крещения», оценить её во всей полноте здравого смысла, проникнуть вглубь веры Древней Руси, выявить суть её и право, не прибегая к ожесточённому осуждению всего и вся в древнейшем прошлом предков наших, до сих пор воспринимается настороженно властью и категорическим осуждением церковной иерархией от приходских исповедников до святейшего патриарха. Воочию видел и своими ушами слышал его откровение: «Кто такие были славяне? Это варвары, люди, говорящие на непонятном языке, это люди второго сорта, это почти звери...» Десять лет прошло с того интервью, но не забылось сказанное. Занозой сидит не в памяти — в сердце. Однако парадокс — современная православная церковь всяя Руси признаёт «Слово о полку» христианским произведением Средневековья и мировым шедевром. А подавляющее большинство исследователей считает, что в лице Трояна мы имеем древнейшего бога Древней Руси, которая предшествовала Киевской. Земли её раскинулись от северных пределов Византии и моря Русского до Дышащего моря и Полночных стран. И называлась Русь — Гардарика, то бишь — Страна Городов. Этому ГОСУДАРСТВУ многие века пла-

тила дань могущественная Византия, вплоть до Владимирова крещения. А по соседству процветали Великая Моравия, Древняя Болгария, Княжество Сербское, образовавшиеся из славянского великого сообщества. Те самые славяне, но имевшие свою письменность, веру в триединого Бога, никак не «люди второго сорта», не «почти звери» и не варвары, говорящие на «непонятном языке».

А сейчас зададим вопрос: есть ли в «Слове» имя Троян и происходят ли от него притяжательные прилагательные «троянню», «трояни»? Ни в одном историческом письменном документе такого имени нет, и в народных наречиях, применимых к богу, тоже.

Этот старый русский бог сохранился в народном языке до наших дней, только имя его звучит несколько по-иному: Трой. Моя бабушка Марфа знала белорусский и украинский языки, и каждый из них часто звучал в доме моего детства — то песней, то припевкой-поговоркой, а то и просто вплетённый в родную повседневную русскую речь. Реченья бабушки очень помогли мне в работе над «Словом». Запомнилось многое. Вот, например, это: «Ой-да, ой! Помоги мне, Трой! Ни в беде, ни в лести, абы на печь влезти!» Так она часто подшучивала над дедом. Тот любил поесть в праздники без окорота, с трудом поднимаясь из-за стола. А это вот, услышанное на Орловщине и записанное в шестидесятых годах, когда работал на Всесоюзном Радио: «Скоро, скоро Троица, листвою лес покроется. С Троицей суженный придёт, сердце успокоится...» И вот уже выраженное в стихотворной строке:

*«И снова я вернусь на Русь!
Поклонюсь божественному Трою.
На шеломный берег поднимусь
Древнею, забытою тропею.»*

На юге Брянской области России и на севере, северо-востоке Черниговской области Украины проживает смешанное население из русских, белорусов и украинцев, обладающее своеобразным характером и речью. Их называли когда-то «полищуки». Тут свободно общаются на украинской и белорусской мове и на русском языке тож, равно как и на «местном наречии». Как я уже говорил, семья моего детского друга Васька была выходцами из этих краев. Старообрядцы по вере,

они и в Подмоскowie сохранили свой уклад жизни, речь, «свычаи и обычаи». Глава семьи Василий Иванович ещё до окончания Отечественной войны своими руками поставил новый сруб рядом со старой избой, с надеждой, что муж его старшей дочери Душки, у которой тогда было уже двое детей, скоро вернётся с фронта. Зять получил тяжёлое ранение и писал, что его скоро выпишут из госпиталя. Дом дед Василий выстроил сам, по древним обычаям и освятили. В этом участвовала вся семья и я, к ним примкнувший. После захода солнца мама Васька вошла в новый дом и присела у окошка. Отец принёс из курятника петуха, взял его подмышку, в другую руку — каравай только что испечённого хлеба в печи нового дома. Вся семья: Душка с детьми, старший сын Олег, который должен был уйти на фронт, Васёк и я выстроились в затылок Василию Ивановичу. Он, перекрестившись, сказал: «Ну, благословяся, пошли, родненькие, с Троем!» Последнее слово я воспринял как «строем» друг за другом. Мы очень медленно шли вокруг дома. «Кто-кто ходит?» — спрашивала за окошком мать, и отец семьи отвечал: «Трой ходит! Хлеб, соль носит! Петуха носит!» Обошли дом три раза. И каждый раз звучал из окошка вопрос: «Кто-кто ходит?» и следовал неизменно ответ: «Трой ходит...». Я не понимал, что это за такой «трой». Наверное отец семейства имеет в виду число три: себя, петуха и каравай хлеба. Меня это тогда рассмешило, и мы чуть было не поссорились с Васьком. Однако всё закончилось благополучно, а я уяснил, что Трой, по вере родителей моего друга, бог — хранитель дома и семьи.

Каким же образом возникло имя Троян в «Слове»? Ответ весьма прост: так прочли в «подлиннике», первые издатели и переводчики. Остаётся великой тайной, почему граф Мусин-Пушкин, приобретая древний список и собираясь его издать, не сделал точную рукописную копию текста? Искусных копиистов в то время было много. Не представляло большого труда и затрат сделать не одну копию. Известно, что над прочтением и переложением текста трудились знатоки древних документов — лучший архивист того времени Бантыш-Каменский, Малиновский, сам граф и, по выражению тогдашнего президента Российской Академии А. С. Шишкова, «над переложением оной (песни) трудились многие...» Трудно поверить, что «многие» пользовались всего лишь одним текстом, написанным «старыми словесами» — в одну сплошную строку. Однако каких-либо копий

с того текста «полуустава пятнадцатого—шестнадцатого века» не обнаружено. Что из себя представляли в написании «трудные повести», вроде никто из учёных и не пытался изучить...

Отметим, что первоначальный вариант кириллицы не сохранился. Точно неизвестно, что было вначале — глаголица или кириллица. Во всяком случае, глаголица почти вся истреблена, её соскабливали и смывали на древних пергаментах и наносили текст «новой кириллицей». Каждая власть пыталась внести в «письменность» свои коррективы и уничтожить предыдущие варианты. Известно, что использование строчных букв началось после реформы Петра I. Точного источника формирования кириллицы учёные не называют, но обозначают, что многие буквы заимствованы из греческой азбуки и глаголицы. Можно предположить, что в слове «трояню» после буквы О стояла буква древней славянской азбуки, звучащая как ИЯ (почти так же, как Й) при дальнейших реформах языка, в частности Петровской 1708 года, превращена в Я. Так и возникло производное от имени Троян, который было на слуху у просвещённой публики, а Трой пребывал уже в глубоком забвении, вычеркнутый из языка и запрещённый, казалось, навсегда. С давних пор в истории государства российского запрет стал главной движущей силой «прогресса». Так, древнейшая Азбога (Я от бога) славян и русичей превратилась в Азбуку, потеряв буквы, нам уже неизвестные, а потом и в Алфавит... Мало кому из живущих ныне известно, что каждая буква в Азбоге содержала в себе достаточно развёрнутый и весьма глубокий смысл. В первой — Аз было заключено следующее: «Я есть бог, созидающий на земле». До сих пор в языке сохранилось выражение: азбучные истины. Мы мало вдумываемся в это выражение. Но оно как раз о том, что в каждой букве заключена истина. Применим это к имени Трой. Буква Т имеет значение — твёрдо, незыблемо, Р — речь, изречённое слово, заповедь, О — он, Й — иже — единство, совершенство, объединение... Прочтём полученное: «Незыблемо изречённое — Он (Трой) совершенство». Это и есть простая азбучная истина.

Не могу не вспомнить о божественном цветке (таким он воспринимается многими народами мира), в украинском языке он назван — ТРОЯНДА...

Не счесть на картах России и Украины сёл, деревень и местечек с названиями, происходящими от Трой — Тройнянь, Трояново,

Тройня, Тройно, а в США добрый десяток городов с названием Трой.
В русских летописях привычная нам Троя называется Трой! (Полное собрание русских летописей, т. 22, стр. 38).

Кони ржут за Сулою...

Почему «кони ржут за Сулою», почему «звенит слава в Киеве»? Эту строку то приписывали Автору, то Вещему бояну. Скорее всего, его славы и звенят в Киеве.

А по какому случаю и как это связано с «походом» Игоря? И есть ли этому отклик в «Слове»? Такие вопросы не давали покоя долгие годы. В них несомненно заключалась какая-то очень важная, но не разгаданная тайна, некая «авторская невысказанность». Авторская ли?

Как всё просто и ярко написано в продолжении рассказа о начале Игорева похода. О нём самом: «один свет светлый, ты Игорь...» О курской дружине, о желании быть вместе с братом в речи Всеволода Святославича, «буй тур Всеволода». И наконец о выходе Игоря в поход.

Но причём тут кони за Сулою и слава в Киеве? Когда есть вполне динамичное поэтическое начало: «Трубы трубят в Новеграде...» Но слова из песни не выкинешь, а тем паче такую поэтичную, наполненную тайной строку: «Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве». Почему эта строка, так полно прозвучавшая, не имеет своего отклика в дальнейшем? Чем эти кони за Сулой и слава в Киеве связаны со «Словом о полку»?

А не есть ли это начало очередного повести-рассказа, по каким-то причинам утерянного и не дошедшего до нас? Даже не «утраченного», а вычеркнутого, «отредактированного» в первом издании по цензурным соображениям?

Ведь в изданном тексте многие учёные впоследствии находили некие «несстыковки», якобы перепутанные при давних переписках листы, возможные потери и многое ещё что...

В первом упоминании о находке сказано: «открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием: «Песнь Игоревых воинов». Отрывок!.. Многие исследователи и тогда и в недавнем прошлом считали, что обнаружено не всё «Слово», а только часть. За долгие годы общения с текстом, с древними актами и летописями я пришёл к предположению, что «поэтическая летопись, написанная «старыми словесами», была значительно шире, куда входило не только «Слово

о полку Игореве», но и другие столь же высокопоэтические произведения, как то «Слово о убиении Андрея Боголюбского», «Слово о князьях» и много ещё иных «Слов», бесценные жемчужины которых щедро рассыпаны в русских летописях. Для себя я называл их русскими гекзаметрами. И, наконец, блестящее «Слово о погибели Русской земли» — то ли зачин, то ли окончание этого поэтического цикла.

Но вернёмся к осмыслению строки, постараемся найти историческую связь со следующей строкою: «Трубы трубят в Новограде. Стоят стяжи в Путивле». Принято считать, что сие происходило в конце апреля. А какое событие происходило за Сулою в это время? В «Слове» на этот вопрос нет ответа. Однако происходящее обозначено в настоящем времени: «кони ржут за Сулою»... «Кони ржут» и «слава звенит» ровно в то время, когда Игорь собирается в поход.

Откроем «Ипатьевскую летопись» и посмотрим, что происходило в это время: «Той же весной (1185 года) князь Святослав послал Романа Нездиловича с берендеями на поганых половцев. Божьей помощью взяли вежи половецкие, много пленных и коней, месяца апреля двадцать первого на самый Велик день...» И всего через строку: «В то же время Святославич Игорь, внук Олегов поехал из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник...» Однако, где пленены половцы, где взяты вежи и много коней, не указано.

Но этому предшествовало весьма значимое событие с многими подробностями, могущее иметь прямую связь с тем, что всего одной строчкой обозначено в «Слове».

В конце 1184 года, скорее всего в феврале по мартовскому летосчислению (новый год наступал первого марта), «пошёл было окаянный и безбожный и треклятый Кончак со множеством половцев на Русь покушаясь, ибо пленить хотел города русские и пожечь огнём: поскольку обрел мужа такого бесурманина, стрелявшего живым огнём, были же у него и луки тугие самострельные, едва пятьдесят мужей могли напрягать...» Далее в летописи рассказывается о том, что, придя на Русь, Кончак встал табором у реки Хорол и первое, что сделал, послал свою грамоту о мире в Чернигов князю Ярославу. Тот тут же отрядил к нему своего посла боярина Олыстина Олексича. Это стало известно киевским князьям Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславичу. Святослав отправил брату Ярославу сообщение: «Брате, не имей им веры и своего мужа не шли, я на них

пойду». Собравшись скоро, оба киевских князя с полками отправились в поход. Где находится точно Кончак, стало известно по пути от встречных купцов, идущих в Киев. Князья тому были весьма рады и отправили наперёд князя Владимира Глебовича и Мстислава Романовича воровом, сообщив о месте стоянки Кончака. Но там, где указывали купцы, половцев не оказалось. Кончак расположился в долине междуречья Хорола и Сулы, русские минули его и обнаружили, поднявшись на крутой правый берег Хорола. Дальнейшее развивается стремительно: лихой воров — штурм, и Кончак, не приняв боя, бежит прочь — «утече чересь дорогу». В результате чего и «бесурменин» с живым огнём, и множество добра, кони и даже «меньшая жена» Кончака попали в руки русских. Эта короткая и яркая повесть заканчивается, уже в 1185 году, следующим: «Совершил господь спасение своё, даровал победу князьям русским Святославу Всеволодовичу и великому князю Рюрику Ростиславичу месяца марта в первый день. И уведав, куда бежал Кончак, послали за ним в погоню Кунтунгдыя с шестью тысячами, но не догнали, поскольку за Хоролом тропа оказалась талой. И снова летописец возвращается к тому, что черниговский Ярослав не принял участия в этом походе, поскольку отправил своего посла к Кончаку с миром. А вот Игорь Святославич на зов Святослава якобы охотно откликнулся и даже собирался соединиться с киевскими полками на Суле. Но помешал «перейти поле» небывалый туман, распутица, упущенное время и совет дружины не предпринимать похода.

Может быть, об этих событиях и напоминает строка: «Кони ржут за Сулою. Звенит слава в Киеве!»? А может, с неё начиналась авторская «былина» — правда, либо утерянная, либо нарочито убранная в давние, а может быть, и в близкие времена «обнаружения «Слова». Не шибко любили спокон веку внимать правду в письме и песне сильные мира сего, зато хвале и славе всегда широко распахивали души свои искусным певцам-сказителям, придворным летописцам и трубадурам. Их всегда было больше, чем неподкупных «свидетелей времён». Такова государственная традиция: видеть в прошлом то, что необходимо для упрочения сущей власти. Вот и в «былинах сего времени» первые издатели увидели только «героическую песнь». И соответственно со своим временем не токмо воспринимали её, но и «выстраивали» согласно «героике» того времени...

Однако «былиной сего времени» рассказанное не может быть, поскольку оно, скорее всего, одно из «замышлений бояна». К тому же запись внесена в Ипатьевскую летопись значительно позднее описываемых событий, как и то, что рассказано о самом походе дальше, принятое называть «Летописные повести о походе князя Игоря». На мой взгляд, автор их располагал списком «Слова», но либо многое в нём было для него уже «тёмными местами», либо весьма противоречило взглядам, и он намеренно переписывал суть былого в пику давнему поэтическому изложению. Удивительно, что никто из учёных не подверг в этом плане исследованию «Летописные повести...».

Всё, что рассказано в летописной повести, несомненно имеет связь со «Словом». События и там и там происходят в одном малом отрезке времени за Сулою, те же герои, что и в «трудных повестях»: Святослав, Ярослав, Игорь, Владимир Глебович, Рюрик, Мстислав Романович, Кончак. А последнему дано в летописи уничижительное определение: «окаянный, и безбожный, и треклятый».

Итак, в разбираемом нами летописном отрывке треклятый Кончак с множеством половцев идёт на Русь, чтобы сжечь русские города. У него для этого, кроме бесчисленного войска, есть ещё и умелец, стреляющий живым огнём. Но вряд ли такое могло быть. Предпринимать столь серьёзный военный поход перед весенней распутицей да ещё с «множеством половцев» с богатым обозом и табунами коней — полное безумие. К тому же Кончак даёт в Чернигов весть о своём приходе с миром и располагается табором за Сулою, никак не проявляя военного пыла. Русские дружины застают его врасплох, и он бежит, не приняв боя, поскольку пришёл на Русь с сугубо мирными целями. С какими? Возникает вопрос, на который, скорее всего, и был ответ в «Слове». Мог быть, но такая «былина-правда» была негодна и опасна властям предрежающим того времени и не соответствовала позднейшим патриотическим «правительственным взглядам». Поэтому и «потерялась», потому и само «Слово о полку» исчезло из нашей национальной истории и культуры на пять веков. И вернулось только под грифом «Ироической песни» на закате «героического» времени Екатерины Великой.

Если не жечь Русь, то зачем пришёл на Сулу половецкий князь? Ответа нет. А ведь должен был быть в «Слове». Задуманный Игорем грандиозный план «поискать града Тьмуторокана» разделяли все

князя Северской земли, кроме переяславского Владимира Глебовича. Но выполнить задуманное без мирного договора (крепости) с половцами было невозможно. Русская земля (Тьмутороканское древнее княжество) лежала за половецкими землями. А ими в то время единовластно владел Кончак. Для Игоря он не был ни «треклятым», ни «безбожным», был он многие годы другом. О чём есть бесспорные факты в летописях. Русь с давней поры выдавала княжеских дочерей замуж в Европу, как и женила княжичей на половецких княжнах. Такие родственные связи были крепче клятв побратимства и «целования креста». Начало Игорева похода должно было совпасть с обрядом сватовства сына к дочери Кончака. Поэтому и появился на Руси в неурочное для военных походов время половецкий князь с богатым обозом и табунами коней. Надо было успеть перекочевать на обусловленное для свадебного обряда «родовое место» для встречи жениха и свата, обустроить вежи и достойный пир. Об этом же уведомление черниговскому князю. А вот были ли чудо-луки и живой огонь? Тому других подтверждений в летописях нет. Могли быть, но не как грозное оружие, но свадебного веселья для. Огонь был широко употребим в празднованиях русичей и дивных половцев. Об элементах «свадебного чина» в «Слове о полку» существует много интересных работ. Некоторые учёные прямо указывают на то, что первый «победный бой» с половцами в «Слове» был не что иное, как выполнение свадебного обряда. Но этого коснёмся чуть ниже.

Трубы трубят в Новеграде, стоят стязи в Путивле

Каким путём отправился Игорь в свой трудный поход, в какое время, в какой день и месяц? Все эти вопросы весьма занимали исследователей в течение более двухсот лет с момента первого издания «Слова» в 1800 году.

Относительно начала маршрута высказаны десятки, если не сотни предположений, порою хорошо аргументированных, просчитанных, согласованных между собой и не во многом противоречащих друг другу. Но есть достаточно много версий, серьёзно различающихся с ними. Только в одном едины все исследователи: Игорь, покинув Новгород Северский, направился со своим полком в Путивль на Сейм. Такое единодушное мнение исследователей объясняется тем, что оно якобы подтверждено самим «Словом». Но это не так. Путивль на Сейме и Путивль на Десне — города разные. Один — на южном рубеже княжества, другой — в самом центре, в непосредственной близости от стольного удельного града Новгорода Северского.

Исследователи склонны считать, что походные стяги стоят в роде над Сеймом, в котором ждёт отца дружина его сына Владимира. Попробуем согласиться с такими утверждением большинства и поразмышляем, согласовываясь с историческими фактами. Известно, что Путивль (Путимль) — южная рубежная крепость Новгород-Северского княжества, расположенная на самом краю Поля, вблизи от «незнаемых» половецких земель. Но он же и пограничный град с Переяславским княжеством, князь которого, Владимир Глебович, в то время находился в открытой вражде со всеми северскими князьями, и особенно с Игорем Святославичем. Один простой вопрос: как можно объяснить решение Игоря перед долгим и поистине весьма опасным походом «через земли Половецкие за землю Русскую» перевезти большую свою семью, княгиню и малолетних детей, из безопасного «отчего» гнезда в гнездо сторожевое? Точно известно, что на руках Ярославны к тому времени два малолетних сына и, скорее всего, не менее двух дочерей — у Игоря, как и у всех северских князей, была многодетная семья. Зачем же подвергать её совершен-

но определённой опасности? На этот вопрос не может быть ответа. Поскольку такого просто-напросто в той походной обстановке быть не могло. Ярославна с детьми, несомненно, осталась либо в хорошо укреплённом северном Путивле, либо в Новгороде Северском. И в том и другом были княжеские дворы за кремлёвскими стенами. И посему никак не могла плакать она на «забрале» Путимля.

Нет сомнений, что Игорь выступил в поход из Новгорода Северского, переправившись на левую сторону Десны, как раз там, где сходились все пути-дороги, стражем которых был княжий город-крепость — Путивль на Десне. Там и княжил его старший сын Владимир. Существует достаточно убедительная версия, основанная на летописных сведениях и свидетельстве самого «Слова», что в поход Владимир отправлялся со свадебным поездом, свататься к дочери Кончака — Свободе Кончаковне. Молодому князю исполнилось двенадцать лет — необходимый «мужний» возраст на Руси, после которого молодой князь получал право на самостоятельное княжение в удельном ли городе, волости ли, княжестве. Такой удел юный Владимир Игоревич получает в подарок к предстоящей свадьбе от отца, и удел этот — город Путивль над Десною. В летописной повести рассказано об участии Владимира в походе, а вот в «Слове», и не без основания, исследователи находят подтверждения, что в степь молодой князь направился со «свадебным поездом». В «Слове» нет ни единого упоминания об участии Владимира в походе «поискать града Тьмотороканя». Правда, имя его упомянуто в самом завершении публикуемого текста. Однако существуют очень серьёзные доказательства, что последние пятнадцать строк добавлены позднее. Но об этих исследованиях не принято говорить, и они упорно замалчиваются. Скорее всего, Владимир Игоревич после сватовства остался с невестой на землях своего тестя — Кончака. И этому есть подтверждение в самом «Слове». Вспомним разговор хана Кзы с Кончаком после побега Игоря: «Молвит Гза к Кончаку: Ежли сокол к гнезду летит, соколича расстреляем своими злачёными стрелами. Ответил Кончак Гзе: Ежли сокол к гнезду летит, опутаем соколича красною девицею». Сокол тут Игорь, соколич — Владимир. Так и произошло, как хотел Кончак, «соколича опутали красной девицей». Владимир Игоревич вернулся на Русь через два года, и в 1187 году на Пасхальной неделе «створи Игорь свадьбу сынови своему» и венчал его с Кончаковной.

А ярко написанные праздничные события в начале «Слова», которые учёные с лёгкой руки неизвестного летописца выдают за «Игореву победу над половцами», «первую битву», не что иное, как встреча жениха с невестой — сватовство. И это красноречиво подтверждает мирные намерения князя.

Игорь не мог идти из Новгорода Северского на юг, как утверждает подавляющее большинство исследователей, поскольку цель его похода иная. Конечно, если принимать поход за обыкновенный грабительский набег на кочующие племена всего лишь ради упущенной наживы — ведь многие учёные так и объясняют цель похода, ссылаясь на свидетельства в летописях, — тогда направление никакой роли не играет. По степям можно рыскать и туда и сюда, удаляясь от русских пределов и приближаясь к ним, — цель-то одна: найти «вежи половецкие» и пожить.

У Игоря цель совершенно иная — высокая и благородная: укрепить мир с соседями и «поискать града Тьмутороканя» — возродить древнее русское княжество, дать Руси выход «к семи морям». В таком случае весь долгий поход должен быть прочерчен заранее, продуман до мелочей. Следует не раз «мыслию поля мерить» от «отня стола» до Тьмутороканя. Что и совершил Игорь, «истягнув ум свой». И путь этот должен быть как можно короче. В этом случае князь должен направиться не на юг, а на юго-восток — к верховьям Северского Донца через город Рыльск, вотчину племянника — Святослава Ольговича, своего единомышленника. Игорь, «найдя Тьмуторокань», должен заново восстановить необходимые укрепления, создать город и обустроить пригороды, а для этого необходимы мастера и «чёрные люди» — «галицы», те самые черниговские «ковуи». Нужен инструмент, обиход, походный провиант и многое другое, что необходимо в походе и для обживания на новом месте. Несложно посчитать, какой громадный обоз причислится к полку. Ведь именно о нём сказано в зачине: «Не буря соколов несёт через поля широкие — стада галиц спешат к Дону великому». Галицы — не кто иной, как те, кому предстоит возродить столицу древнего русского княжества. Весь этот рабочий люд во главе с «былями» — ремесленными старшинами, «галичными воеводами» — за зиму по Десне и Сейму пришёл по зимнику, «по зимней стопе» в Рыльск. И когда возвестили трубы в Новгороде о начале похода, а дружина Игорева собралась в Путивле над Десною,

в Рыльске великий обоз встал на колёса, и закричали «телеги по луноши, словно лебеди ропущени».

Объясню древнерусское словосочетание «по луноши» (по луноши). Оно доныне во всех изданиях значит как «в полуночи». Такое объяснение вызывает крайнее недоумение. Почему телеги должны двигаться в полночь? В «Слове» телеги кричат «по луноши», где «лунош» — бездорожье. Это слово до сих пор бытует не только в среднерусских и южных говорах, но и в сибирских, где изъеденные весенним теплом зимники зовут луношью. Точный перевод — по бездорожью. Однако в реконструированном первыми издателями «Слове» в этом месте есть очень важная неувязка. Прочитав текст: «А половцы неготовыми дорогами побегоша к Дону великому, кричат телеги по луноши, рцы лебеди ропущени...» Я не сторонник что-либо менять в «исконном тексте» и даже ярый защитник его неприкосновенности. Но соглашусь с теми, кто считает, что в издании 1800 года есть как издательские неточности реконструкции, ошибки в прочтении, так и ошибки давних переписчиков («Слово о полку», несомненно, переписывалось многожды). Их немного, но они существуют до сих пор. На мой взгляд, в процитированное выше тоже вкралась ошибка. Тут слово «половцы», скорее всего неправильно прочитанное или изменённое переписчиками либо первыми издателями «полцы». Ниже я подробно буду говорить о смысле этого древнерусского слова. А сейчас скажу только об одном значении его — «скитальцы», то бишь собранные для долгого пути «походники». Можно его понимать тут как «обозы». Появление в тексте «половцев» при начале похода Игоря ну никак не может быть тут «в строку». В эту пору в пределах Русской земли их быть не может. Кочевья половецкие весной пролегают далеко на юге, на благодатных, ещё не выжженных летним зноем пастбищах. Да и с чего бежать им к Дону Великому на телегах?! Телеги обозные — это сугубо русское средство передвижения, у половцев кочевые «внедорожники» — двухколёсные вежи.

«Полцы» тут — то же, что и «стады галиц», которым во главе с малой рыльской дружиной предстояло следовать без каких-либо дорог по «обсохшему» водоразделу в верховья Донца, где заранее был собран многочисленный флот из насад, ладей и грузовых белян, которые вплоть до двадцатого века бороздили воды Десны и назывались

«брянками». На них должен был погружён и обоз, и «галицы», и кони дружинников, и сами дружинники полка Игорева.

Наши далёкие предки, прежде чем оседлать коней, «оседдали» реки. Передвижение по ним было самым быстрым, удобным и дешёвым. Издревле Днепр, Десна, Дон, Волга, их многочисленные притоки стали широкими проезжими дорогами по родной земле и в «незнаемую» запредель.

Всего лишь за год до похода Игоря громадное войско Святослава по Днепру вторглось в пределы половецкие в насадах и разгромило «железные полки», пленив верховного хана Кобыяка. Об этом свидетельствует «Слово». Свидетельствует оно и о «речном» передвижении Игоря. Но ни один из исследователей не обратил на это внимания, рассматривая только «конный» вариант похода. А ведь «поискать града Тьмутороканя» было несомненно проще, передвигаясь по воде. Этим объясняется и время похода. Надо было по большой воде беспрепятственно сплавиться по Донцу, который в то время назывался Доном, «зачерпнуть шеломом Дона великого», выйти в море Сурожское (русские насады ещё до древнего Олега бороздили морские просторы аж до Царьграда), а там и найти искомую столицу старейшего русского княжества.

Восстановим начальный маршрут Игоря по «Слову»: «вступил в злато стремя и поеха по чистому полю». На этом отрезке пути уходящих в поход несомненно сопровождают «жёны русские», их семьи, и в том числе семья Игоря — Ярославна с детьми. Прощание происходит в Путивле, провожающие следят за переправой с забрала крепости. Десна по-прежнему в широком разливе, но уже обозначились сухие хребтики, по которым на юг утекает торока. Мне как-то в руки попала небольшая повесть моего коллеги-писателя, где весьма ярко и красочно описана переправа через Десну полка Игоря. Воины лихо пускают своих коней вплавь, стремительно выбираясь на противоположный берег. Написано ярко, сочно, я бы даже сказал, весьма зримо. Но, увы, совершенно несовместимо с местом и действием, бывшим когда-то. Случилось так, что мы встретились с коллегой в Новгороде-Северском на праздновании юбилея — 825 лет «Слову о полку». Это было его первое посещение города. Когда я совершенно искренне похвалил мастерски написанный эпизод переправы, он с гордостью отвечал: «Написал по наитию!», не предполагая,

что написал красивую, яркую ...ложь. К сожалению, такими неправдами избилуют не только литературные произведения, посвящённые «Слову», но и серьёзные научные работы.

Как происходила переправа, конечно, восстановить доподлинно уже никому не удастся. Но то, что она была не простой, это точно. Той переправы через Десну у современного хутора Путивска давно не существует. Высокой дамбой перегорожено древнее русло реки, по которой проложена дорога, большой мост перекинут с берега на берег, но кое-что от древнего угадывается, если приглядеться впристаль. Но не приглядывается современный человек, спешит куда-то, убыстряя до предела своё житьё, и всё мимо, мимо сущего мира и мимо самого себя. Повторюсь: на пальцах одной руки можно перечислить тех исследователей, кто связывал свою работу с явью сущего мира «Слова» на Северской земле...

А теперь вернёмся на «круги своя» — к вопросу о времени выхода Игоря в поход. Существуют две даты, отмеченные летописями: 13 и 23 апреля. От них и ведут отсчет исследователи и знатоки летоисчислений. Много было полемических копий поломано по этому поводу, много перьев исписано. Я уже говорил, что и серьёзные учёные, и сонмы профессиональных исследователей, и любителей почасту, чтобы доказать свою правоту, прибегали к «проверке Слова» летописями. И этот труд давал свои неожиданные результаты и плоды. «Несоответствие» некоторых исторических фактов в «Слове» летописям всегда объяснялось особенностями «литературного жанра», необходимыми «поэтическими приёмами», допустимыми в художественном произведении «вымыслами», «гиперболами», «аллегориями», «метонимиями», «метафорами» и прочая, прочая... То, что «Слово о полку» — величайший памятник мировой культуры, непревзойдённый литературный памятник древности, давно уже во всём мире не вызывает сомнения. Но то, что этот же Памятник является ещё подлинным историческим повествованием, подлинным слепком подлинных исторических событий, об этом, насколько мне известно, не было сказано ни в исторической, ни в литературоведческой науке. И тут непочатый край для серьёзных открытий и разгадывания тайн нашего прошлого. Мне кажется, что настала пора углубиться в подлинно историческое содержание «Слова», чтобы им, пришедшим к нам из двенадцатого века, проверять многое в летописях, дошедших до нас из гораздо более поздних веков.

А теперь от великого к малому — к дате выхода Игоря в поход. Она определена в тексте с самого начала: в Новгороде Северском сообщили об этом боевые трубы, в Путивле собрались все близкие, и дружина подняла походные стяги. Как бывало неизменно на Руси, князь обратился к ним с напутственной речью. Но прежде «возрел на светлое солнце и увидел, что все его воины тьмою (тенью) от него прикрыты». Совершилось «небесное знамение» — затмение солнца. Дата его хорошо известна — 1 мая 1185 года. И взирая на потемневшее око солнца, Игорь произносит княжескую напутственную речь. Однако поход всё ещё не начат, поскольку Игорь Святославич ждёт родного брата Всеволода, который спешит к нему из удельного Трубчевска, города всего в нескольких часах пути от Путивля.

Почему оказался там Буй Тур Всеволод перед самым походом, когда вся его дружина «у Курска напереди»? Такой вопрос никогда не стоял ни перед одним исследователем, да и ответить на него было невозможно, пока не произошло поистине чудесное событие. 7 апреля 2010 года «Российская Газета» сообщила о том, что жители современного Трубчевска при распахивании своего поля обнаружили клад. В нём оказались женские украшения, относящиеся ко второй половине двенадцатого века, времени похода Игоря. Установлено, что принадлежать они могли только женщине княжеского рода, а точнее княгине. Жена Буй Тур Всеволода упомянута в «Слове о полку Игореве» — Красная Глебовна. Можно с большой уверенностью сказать, что найденные украшения принадлежали ей. Тогда становится ясным, зачем потребовалось Всеволоду перед долгим походом поехать в свой удельный городок Трубчевск. Он отправил туда свою семью из менее безопасного Курска. В новгород-северском Путивле наверняка встретились и Ярославна, и Глебовна, и «ходына Святославля» — Болеслава. Сопроводив семью в Трубчевск, Всеволод вернулся к дружинам Игоря и сказал: «Один брат, один свет светлый ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай, брате, свои борзых коней, а мои те готовы, оседланы, у Курска напереди...» Тогда «вступил Игорь в злат стремень и поехал по чистому полю». Оно и до сих пор чистое за рекой Десной, и куделька древней дороги угадывается в великой широте его.

Повествование Автора тут неторопливо последовательное: в каждой фразе, в каждом словечке слышится неспешное, но уверенное

движение. О чём в летописи сказано, что полк Игоря двигался не торопясь: «идяхуть тихо... бо и у них кони тучни вельми». На очень тучных — раскормленных — конях в боевой набег не ходят, такие кони нужны только для долгого и совсем не военного похода. Руководствуясь датой выхода, означенной в «Слове», легко можно подсчитать приход в Рыльск и дальнейший путь к верховьям Северского Донца, уже обременённого великим полком. Стоит напомнить читателю, что в древнерусском языке слово «плѣкъ» («полк») — ни в коем случае не боевая единица. Оно определялось как «большое скопление движущегося народа». Посему и авторское название произведения: «Слово о полку Игореве» — тут и о походе, и о народе сказано полно и определённо.

Из Рыльска, как я уже сказал, путь Игоря направлен к верховьям Донца, а Всеволод с небольшой трубчевской дружиной спешит к Курску, где его уже ждёт «напереди» лихая сторожевая дружина бестрашных и умелых воинов-курян. Возникает вопрос: почему Игорь избрал такой путь? Ответ необычайно прост: потому что он наиболее удобен и безопасен для похода с большим обозом и пешим людом. Большинство исследователей считало, что поход Игоря был целиком конный, но многие, ссылаясь на само «Слово» и летописи, утверждали, что в полку было много пеших воинов. Однако никто не предположил наличие в полку «чёрных», мастеровых людей — «галиц», на которых указывает песньтворца Болеслава в начале повествования: «галици стады бежать к Дону великому», хотя и в Ипатьевской летописи читаем: «И тако угадавше, вси сосѣдоша с коний, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо, оже побѣгнемъ — утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то от Бога ны будеть грѣхъ: сихъ выдавше, поидемъ».

И далее ещё не раз — о них же. Но как быстро переправить этот пеший люд за сотни и сотни километров? Так, как и переправлялась с незапамятных времен Древняя Русь — по самым надёжным и хорошо изведанным ею путям — по рекам. Не странно ли это, что никто и никогда не предположил, что маршрут Игоря пролегал по Донцу?

Расчёт был мудр и прост: сплавиться по большой воде пока только до впадения Оскола, где подождать прихода сторожевой и многочисленной дружины Всеволода. От впадения в Донец Оскола и далее простёрлись половецкие земли. Но вот беда, ни одна летопись,

ни один письменный памятник того времени и все позднейшие об этом не упоминают, нет этого факта ни в одном историческом исследовании!

Кроме как в самом «Слове о полку»!!!

Обратимся к возвращению Игоря из плена — к поэтическому отклику на плач Ярославны. Тут каждая буква, каждое их сочетание настолько высоко поэтично, настолько непостижимо образно, настолько символично и метафорично, что буквально захватывает дух, а душа уносится в неоглядные дали и глубины... И какие картины, какой простор распахивается перед читательским взором! Какие до сих пор неразгаданные тайны того бытия Руси! И вот Игорь «потече к лугу Донца»... Донец спрашивает князя: «Княже Игорю! Не мало ли тебе величия?...» Игорь отвечает: «О Донче, не мало тебе величия!..» И далее следует рассказ Игоря, как лелеял его Донец на своих волнах, как стлал ему зелёную траву на серебряных берегах, как укрывал его под густыми деревьями тёплыми мглами, как стерег его от беды гоголем на воде и чаицами на порогах... И сберёг. И не виновен Донец в случившейся страшной беде, подстерегшей князя далеко от Донца — «в поле незнаемом». Донец охранил князя, сберёг, и всё случившееся с ним произошло не на Донце... Не надо ничего добавлять к поведанному в «Слове», ведь в этих откровениях рассказано самим князем, каким путём шёл его полк к Дону... Это признание прозвучало в самом конце трудной повести, но ещё дважды звучит подтверждение о речном пути в самом начале: «О Русская земле! Уже за шеломянем еси!» Какой любовью, какой тоской о родной земле наполнен этот восклик! Какую великую глубину чувства несёт тут каждое слово!

Где этот шеломянь, за которым скрылась родная земля?! Что это? Холм? Селение? Путевой знак? Вопросы, над которыми бился каждый, прочитав эту простую и наполненную великим для всех русских чувством и смыслом строку: «О, Русская земля! Уже за шеломянем еси!» И не было ответа! А был он всегда рядом, в глубинах родного языка. Издревле, ещё со времен Киевской Руси, и доныне в народной речи правый, крутой и высокий берег реки называется шеломянем. «Шоломя — арх. вят. горка, пригорок, холм, курган или взлобок, лобное место, возвышенность. «Взидоша на шоломя, глядающе...»; «И се внезапно сила великая татарская с шеломяни грядуща...»; «Мамай,

с тремя темными князи, взыде на место высоко, на шеломя» (В. И. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка»). Это явление объясняется и чисто географически: течением рек на юг и вращением планеты на восток — правый берег под воздействием движения воды и вращения земли постоянно подмывается, и только твёрдые породы задерживают это вечное движение. Таким образом, правый берег всегда у рек, текущих на юг, выше и круче. Высок и крут до сих пор и порой неприступен правый берег Северского Донца. За ним и осталась Русская земля, когда в верховьях погрузился полк Игоря на плоты, струги, голяны, заранее приготовленные к столь тщательно продуманному походу — «поискать град Тьмутарокань»...

Полци Олеговы

«Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова». Таким заголовком Поэмы был в древней рукописи, скорее всего, так был начертан и Автором. При издании рукописи в 1800 году появился новый: «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя новгород-северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе 12 столетия с переложением на употребляемое нынче наречие». Такой вот многоречивый заголовок, из которого убрано «внук Олегов», имя которого упомянуто в тексте пять раз.

В год 1151-й от Рождества Христова, в третий день апреля, во вторник Страстной седмицы, у черниговского князя Святослава Ольговича родился сын, крещёный по православным русским святым именем Георгий. День памяти святого великомученика Георгия, высоко чтимого на Руси, пришёлся тогда на среду Светлой седмицы, в которую и крестили новорождённого. В родове Святослава Ольговича считали: наречён будет младенец русским именем Юрий, что соответствовало византийскому Георгий, к тому же был черниговский князь в большой дружбе и любви с князем суздальским — Юрием Владимировичем Долгоруким. Думали родичи, что не упустит случая Святослав оказать честь могучему и владетельному другу. Однако отец новорождённому дал имя Игорь, коему суждено было стать заглавным в русской национальной культуре по воле автора «Слова о полку Игореве».

Деду главного героя — Олегу Святославичу в повести уделено особое внимание, а в перечне исторических эпох древней Руси отведено значимое место: «Свычая и обычая были вечи Трояни, минули лета Ярославля, были полци Олеговы, Ольга Святославича». Исследователи «Слова о полку Игореве», не принимая во внимание «свычая и обычая», толкуют эту строку так: «...были века Трояни, минули лета Ярослава Мудрого, были походы (брани, битвы, войны) Олега, Олега Святославича». И если «века Трояни» воспринимаются как древнейшая наша история, а «лета Ярославля» — становление государственности и русской православной веры, представляющие собою значимые рубежи в общей человеческой истории, то как тут быть

с походами, войнами и бранями, выпавшими на жизненную долю князя Олега, как, впрочем, и на долю каждого русского князя? Чем эпохальна его судьба и время, если поставлены Автором в такой ряд? Не случайно же? Не ради красного словца? Да и нет ничего случайного в «Слове о полку Игореве», тем паче «красного словца»! А значит за «полцами Олеговыми» скрывается нечто очень важное для истории Руси, некая тайна, которую так и не поняли, не разгадали потомки. И, надо сказать, не стремились к этому. Никто из изучавших и писавших о «Слове» ни разу не обратил внимания на равнозначность перечисляемых исторических эпох: века Трояни, лета Ярослава, полци Олеговы. У всех исследователей и переводчиков великого произведения, от первых издателей до нынешних учёных и поэтов, слово «полци» воспринималось однозначно — как определяющее битву, брань, поход, войну. Однако в живом русском языке оно известно и широко употребляемо совсем в ином значении. И значение это в корне меняет не только взгляд на историческую личность князя Олега, но и на время, в котором он жил, делая его действительно эпохальным для нашей национальной истории.

«Полци» — одно лишь слово, понятое потомками не в том смысле, который вкладывал в него Автор, изменило не только отношение к личности русского князя, но и переиначило всю историческую эпоху. Летописи можно переписать, отредактировать, наконец, изъять и уничтожить. Такое, несомненно, было проделано великим князем киевским Всеволодом Ярославичем и успешно продолжено Владимиром Мономахом. Тогда впервые набело была переписана древняя наша история. Установлен неусыпный контроль Власти над свободой письменного слова на Руси. Не случайно и появление в русском летописании «Поучения Мономаха», талантливого литературного произведения, написанного искусной рукой словознатца. Но язык народа нельзя переписать, а тем более изъять и уничтожить. Поэтому и возникает вопреки хотению власти могучее и свободное «Слово о полку Игореве» — свидетельство подлинно русского человека о подлинной истории и культуре Киевской Руси. А потому и не случайна странная судьба этого произведения, преданного забвению более чем на полтысячи лет, а потом могуче восставшего из небытия, но, увы, прочитанного потомками как великая хвала власти, той, что всё это долгое время его и уничтожала. Но пока жив подлинный

народный язык, вопреки любой силе будет вершиться и подлинная история. Каждое слово, сохранённое в веках, — истинный свидетель совершённого прежде.

Древнее слово «полци» принято считать происходящим от «полк». Поэтому и толкуется оно как походы, войны, брани, сражения... Однако в живом народном языке сохранилось и донныне слово «полкать» — скитаться, бегать без конца, не знать покоя, убегать от кого-либо, спастись от преследования. В. И. Даль в своём Словаре отмечает его как сибирское. Но встречалось оно мне в течение всей жизни довольно часто и в Среднерусье, и на востоке России, и в южных районах, и на севере, в Украине встречалось и в Белоруссии...

Мать моего детского дружка Васька частенько в летние каникулы журила нас: «Все бы вам полкать да полкать. Гоняет вас нечистый без роздыху. Присели бы на часок либо чем занялись, ни-то книжку бы почитали». Родители Васька — выходцы из черниговских земель.

«Полкались мы на той льдине шесть дён», — рассказывал мне рыбак из дальневосточного Чумикана. И этот глагол значил в его рассказе не только движение оторванной от берега и унесённой в открытое море льдины, но и страдания рыбаков, их страсти. «И будто что нашло на меня — три дня полкал вокруг да около, а на место попасть не мог, исполкался весь — дух вон!..» — это уже таёжный Урал. А вот Среднерусье: «Господи, как он перед смертью-то исполкался весь, ин места не находил! Пожалел его Господь, успокоил...»

Владимир Иванович Даль делает предположение, что «полк» происходит от глагола «полкать». Полк изначально — толпа бродячего народа, ватага. В письменном и устном языке Среднерусья долгое время сохранялось это слово как обозначающее торг, собрание большого количества людей на торжище.

Вспомнилось из детства. Бабушка моя кричит из окошка: «Где была, Фиса?» — «На полку, Марфуша, в Серпухове». Серпуховской торг собирал в ту пору со всей округи много народа. Он и сейчас многолюден, но зовётся рынок, базар. Более древнее утрачено, а как долго держалось в народной речи! Есть и письменное свидетельство о «серпуховском полку». В сотной грамоте князя Фуникова за 1552 год читаем: «Лазарев Ивашка, Иванов сын, масляник. С братом Нефёдом торгует на полку маслом, а Нефёдко на винокурне вино курит... Стуков Лукьянко, Фокин сын, со детьми в отездо ездит и на полку торгует

семена огуречные, и рассады, и всякими семенами». И уж коли «полк» происходит по предположению В. И. Даля от глагола «полкать», то понятно и происхождение древней собачьей клички, широко известной на Руси, — Полкан. Вечная жажда российских учёных людей искать ответы «за морями, за горами», в иных языках и наречиях привела к тому, что происхождение собачьей клички, предложено считать происходящей от Поллукса — самой яркой звезды в созвездии Ближнецов. В древнегреческой мифологии — имя сына Леды и Зевса. Вот на какую высоту занесло Полкана, в какие временные дали! Страшно, аж жуть!

Быть преследуемому, скитаться лишённым отчины, страдать, меля весь за всю, искать и не находить родного приюта, справедливости и удовлетворённости законного требования. Не этим ли полна жизнь Олега Святославича, не это ли его «полци»? Даже страницы Всеволодовых и Мономаховых летописей, если читать их с сердцем, свободным от предвзятости, если вдумываться в значение многих русских слов, не случайно там возникших, подтверждают это. «Полци Олеговы» для автора «Слова» не только страдания одного конкретного человека, не только факты его личной жизни и трагедии, но это начало эпохи беззакония, в которой попираются духовные и моральные основы общества, крах святых «свычаев и обычаев». Вот почему и привожу я строку в таком прочтении: «Свычая и обычая — были вечи Трояни, минула лета Ярославля, были полци Олговы, Ольга Святославича». Эпоха «полцов Олеговых» не начало вражды двух родов — Ольговичей и Владимировичей, как принято считать, но начало глубокого раскола Руси на два мировоззренческих лагеря. «Где сила, там и правда» — толкуют одни. «Нет правды без справедливости» — утверждают другие. Так и живём донныне. Этим и мучаемся, незримо перетекая на одно, и тогда сеется и прорастает усобица, берёт силу вражда, ширится разруха, и совсем близко встаёт гибель. Либо в другое перетечём — и мчится птицею-тройкой Русь, взлетает высоко и несёт в мир Божий благодать и мудрость!

«Полци Олговы» — когда «сказал брат брату: это моё, а то моё же», это когда «начали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать». А есть ли тому подтверждение в личной исторической судьбе Олега Святославича? Был ли он гоним, страдал ли от несправедливости близких своих — сильных мира сего, посяга-

ли ли на отчину и на него самого, притесняли ли и унижали? Да, всё это имело место в жизни князя с малолетства и до самых зрелых лет, когда он вполне осознанно встал на защиту не только своей судьбы, но и судьбы Отечества. Глубокий учёный, знаток истории Древней Руси Лев Николаевич Гумилёв считал Олега Святославича истинным благородным рыцарем русского Средневековья. Испытав на себе всю несправедливость, когда силой и войнами утверждается: «это моё, а то моё же», когда о малом говорится «это великое», а грабежи и бесстыдные набеги на соседей возводятся в героизм и норму жизни, Олег Святославич предлагает взамен этому политику осознанной дружбы, мирное сосуществование племён и народов, взаимосвязь их в труде и торговле, а не погибель в войнах и грабительских набегах друг на друга. Поистине величайшая идея для того времени (и для нашего тоже!), продолжателем которой решил стать Игорь, внук его.

Болеслава — правнучка, и кому как не ей хорошо были известны и полцы, и духовное величие прадеда. И если кому и поётся слава в «трудной повести», то это только ему. Славу не громкую, не звонкую, не трубную, но тихую — из самой глубины души. Отметим: любовь к прадеду Олегу разлита в «Слове» порой вовсе незримо, но всегда ощутимо, как и к Игорю.

Но вот что поразительно — ни славы этой, ни тихой любви не захотели услышать и увидеть все, кто исследовал «Слово», кто перекладывал его на современные языки, и даже те, кому по сути своей должно это понять — поэты. Все они воспринимали Олега Святославича как сеявшего смертельные стрелы по земле, зачинщика губительных крамол, врага земли Русской, чего не было в истинной истории, в земной жизни, повторюсь, «благородного рыцаря» той эпохи. Почему именно в прочтении «Слова» возникает непостижимое противоречие между исторической личностью и личностью литературного героя? Противоречия никакого нет, ибо потомки не вполне осознали истинную суть не только слова «полци», не попытались проникнуть в его тайну, но и многих других слов в языке далёких предков. До нас, современников, удивительным эхом дошла дурная слава о князе Олеге, которую успешно распространяли его противники — современники. А подлинной славы мы не услышали, да и не попытались её обрести. И прочли нечто противоположное тому, о чём сказано гениальной правнучкой князя-рыцаря.

Но вернёмся к подлинному, авторскому, с чего началась эта глава: «Свычая и обычая были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святѣславличя». В моём переводе она звучит так: «В законах и обычаях прошли века Трояни, минули лета Ярослава, были страдания Олеговы, Олега Святославича».

Не прерывая чтения подлинника, продолжим: «Тѣйбо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣли по земле сѣяше». Первое слово в этой строке Мусиным-Пушкиным и его редакторами было прочитано как «сей-то», Н. А. Мещерским: «ведь тот», у Жуковского: «тот», как и в переводе поэта Михаила Деларю, сделанном в 1839 году; академик Д. С. Лихачёв: «тот ведь».

В разное время и у разных авторов это сочетание не вызвало каких-либо вопросов. Все они единодушны в прочтении строки: «Олег мечом крамолу ковал и по земле стрелы сеял». Об этом, дескать, и свидетельствует Автор. Но так ли это?

В мире моего детства в древнем подмосковном селе Лопасня бытовал особый говор. До сих пор диву даюсь: как он мог сохраниться в непосредственной близости от Москвы, на перепутье, ведущем в Орду, в степи, в южные страны? В этом лопасненском говоре бытовали не только редкие и никогда потом мною не встреченные слова, но и весьма любопытные, даже странные, выражения. В древности лопасненская вотчина принадлежала Святославу Всеволодовичу, который в «Слове» «изронил золотое слово, со слезою смешенное». Коренные лопасненские жители были выходцами из черниговских земель и земель новгород-северских. Прочно осев в лесных весях и смешавшись с живущими тут вятичами, они создали особый уклад в быту и речи. В силу каких-то причин Лопасня и её округа вела достаточно замкнутую жизнь. Так, браки совершались только меж своими, слободскими, — слобод было три: Зачатье, Садки, Бодева — либо с окольными, деревенскими. Семьи были крепкие и многодетные. Жили между собой дружно, слободою приходя, если требовалось, к соседям на помочи. Общей помощью убирали картошку, молотили и веяли хлеб, заготавливали дрова, миром чистили лес и реку. В мою пору в детских играх встречалось ещё очень много необычных слов, приговорок и дразнилок. Пели, например, такое, когда над селом собирались долгожданные тучи: «Дай, Див, дождю об одну вожжю»... И если дождь лил очень долго, выбегали под ливень и, скача по лу-

жам, пели: «Дай, Див, солнышка-колоколнышка». Это нежное «колоколнышко» — производное от древнерусского «коло» — колесо, круг. «Солнышко-колёсико», по-современному. А Див? Он упомянут в «Слове» как загадочное существо дважды. И общепринятого толкования его нет. Но судя по этой припевочке, несомненно, пришедшей к нам из глубочайшей древности, это некое верховное божество в Руси древнейшей. Но об этом ещё пойдёт у нас разговор.

Была и такая игра. Водивший должен очень быстро выкрикивать всякие небылицы. К примеру: «Паслись на берёзе кони». Играющие на это должны громко выкрикнуть: «Тойбо!» И такая небывальщина выкрикивались подряд довольно долго, а мы дружно откликались этим словом. И вдруг водивший выкрикивал самое обычное, скажем, такое: «На дворе дрова!» Тут надо было молчать, но кто-нибудь обязательно во всё горло кричал: «Тойбо!» С него взималась «брача» — фуражка, пояс, ножичек либо то, что специально приносили как «брачу». Принимая в игру, спрашивали: «У тебя брача есть?» Слова «брача» и «тойбо» нам, лопасненской детворе, не казались необычными. Мы переняли их у старших ребят, а те у тех, кто был взрослее их, и так от поколения к поколению, вглубь времени. Слова эти были на слуху, их в своей речи употребляли и взрослые. И такое звонкое в игре и весёлое «тойбо» — союз «будто», «разве». Удивительно не то, что слово это уже не было на слуху у первых издателей, а то, что оно сохранилось в народной речи до второй четверти двадцатого века. А потом исчезло сразу, и я не встречал его нигде во всю жизнь до той поры, когда серьёзно начал работать над древним текстом «Слова о полку Игореве».

Я так и прочёл впервые строку: «Тойбо Олег...» И тут же вспомнился мне наш поулочный лужок, весёлая игра и это звонкое «тойбо!». А совсем недавно оно снова возникло, к моей великой радости! И где?! В новгород-северских весях. Бывшая учительница и музейный работник Антонина Михайловна Лагута, страстный краевед, вдумчивый исследователь новгород-северской старины, услышала «то тойбо-то» в речи жительницы хутора Красный возле Воробьёвки. И смысл слова был тот же, что и в моём детстве: «разве, будто». Поистине — чудо, и только!

Какая удивительная музыкальность наполняет строку, меняя в корне смысл: «Тойбо Олег мечом крамолу коваше...» В переводе

на современный язык строка звучит тоже мелодично: «Будто (разве) Олег мечом крамолу ковал?...» Сравним с принятыми прочтениями: «сей-то Олег; ведь тот Олег; тот ведь Олег...» Во всех этих случаях частица «бо» мешала переводчикам, а потому недопустимо превращалась в «то» и «ведь», поскольку не соответствовала ни смыслу, ни ритму. Тогда как «тойбо» в полноте сохраняет первозданность звучания, но и полностью меняет смысл. Олег уже не куёт мечом крамолы, не выпускает стрелы — это ему приписывается, в этом его незаслуженно обвиняют. Вот о чём тут речь! «Разве Олег крамолу ковал?» — вопрошает Автор.

Прочтём следующую строку: «Ступаетъ въ златъ стремянь въ градъ Тьмутороканъ — тоже звонъ слыша давный великий Ярославль сынъ Всеволожь, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ». Исследователи и переводчики однозначно толкуют это так: Олег постоянно вёл кровавую усобицу, наводя свои войска на Всеволода Ярославича, тогда уже киевского великого князя, и на сына его — Владимира Мономаха, который княжил в Чернигове, родовой отчине Олега. Однако нескрываемая авторская ирония звучит в этой строке: ступает Олег в стремяна в далёкой Тьмуторокани, и тотчас звон этот слышит в Киеве Всеволод, а в Чернигове звон настолько силён, что каждое утро закладывает Владимиру уши. Вот этот несуществующий звон и есть не что иное, как росказни, сплетни, худая слава, распускаемая об Олеге Всеволодом и его сыном Владимиром. Которая, увы, у исследователей стала историческим фактом.

Болеслава длит речь, привлекает в повествование новые имена, иные события. Но прежде чем перейти к ним, вернёмся к исторической биографии Олега Святославича. До сих пор в исторической науке существует мнение, что Олег — ровесник Владимиру Мономаху либо чуть-чуть моложе его. Но это не так. Когда начались «полци Олеговы», ему было немногим более восьми лет и он только-только был посвящён в князья, получив от отца в удел город Владимир Южный. Тогда же впервые участвовал в военном походе под началом своего старшего двоюродного брата — Мономаха. Но отец «млада князя» (так о нём в «Слове») внезапно умирает, и с этого начинаются страсти, скитания мальчика-князя. Ему чуть более восьми лет от роду. Дядя Всеволод отобрал у него Владимир Южный, полученный от отца после «постегов» — посвящения в князья, всего

лишь год назад. Присвоил отчий Чернигов, удерживая в нём Олега чуть ли не как пленника. Младой и храбрый князь предпринимает побег за тысячи вёрст через степи в Тьмуторокань, к родному брату Роману.

В Ипатьевской летописи это событие отмечено так: «Бежа Олег, сын Святославль, Тьмутороканю от Всеволода, месяца апреля в 10 день». И тут, в историческом летописании, как и в «Слове», рядом с именем Олега возникает имя его двоюродного брата — князя Бориса Вячеславича, единственного вставшего на поле брани «за обиду Олгову...»

О Борисе Вячеславиче, славе и канине.

И о белке со двора

Продолжим чтение по тексту издания 1800 года: «Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя». Первые издатели, воспроизведя строку в таком виде, перевели: «Бориса Вячеславича слава на суд привела, он положен на конскую попону зелёную за обиду молодого храброго князя Олега». В переводе Мещерского: «А Бориса Вячеславича слава на суд привела и на Канине зелёный плащ ему постлала за обиду Олега — храброго и молодого князя». В переводе академика Д. С. Лихачёва, принятом за эталон, эта строка звучит так: «Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела и на Канину зелёное погребальное покрывало постлала храброму и молодому князю за обиду Олега». Попробуем это «эталонное» прочтение разобрать повнимательнее. Но сначала несколько слов о моём, уже давнем, прошлом.

В сентябре 1985 года в городе Ярославле проходило совместное заседание коллегии Министерства культуры Российской Федерации, президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, представителей творческих союзов и общественных деятелей, посвящённое 800-летию «Слова о полку Игореве». Тогда я познакомился с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым. Несколько дней, проведённых в Ярославле, общались мы с ним очень тесно. Возвращались в Москву вместе, сидели в электричке рядом и почти всю дорогу проговорили о том, что в какой-то мере касалось «Слова о полку». Я был тогда поглощён поиском в живом русском языке, в его так называемых областных диалектах слов, сохранившихся до наших дней из глубокой древности. Этому и было посвящено моё выступление на том юбилейном заседании: «Языком далёких предков». В нём я впервые публично озвучил свои прочтения древнерусского текста. Реакция многолюдного зала театра Волкова, где происходили заседания, была одобрительно-бурной, а вот большой президиум: учёные, самые известные исследователи «Слова», представители всех творческих союзов, общественные и государственные деятели — отнеслись к произнесённому не то чтобы холод-

но, но достаточно настороженно. Очень разлилось произнесённое мною с тем, что уже было сказано, как принято говорить на торжественных государственных юбилеях. Я утверждал, что только всецело войдя в стихию народного языка, в подлинную глубину народного «просторечия» Беларуси, Украины и России, сохранивших во многом истинные самородки древнерусского речения, можно проникнуть в величайшую тайну «Слова о полку Игореве» и прочитав его. О том, как ищу эти самородки вот уже многие годы, я и рассказал.

В частности, об этом: мне давно не давало покоя всего лишь одно словечко в трагическом описании страшного горя, нахлынувшего на Русь. Эта трагедия, предельно сжато написанная Автором, была столь ощутима для меня при чтении, что буквально разрывала сердце. Киев в беде, Чернигов в напасти, стонут люди под саблями захватчиков, иноплеменники, как дикие звери, рвут на части русскую землю, обкладывая народ непосильной данью, а дань эта — «по беле от двора». Несопоставимость этой дани с народной трагедией налицо. Ведь определяя, что она есть, исследователи и переводчики предлагали читать: по белке от двора (по шкурке), по беле (мелкой монетке). Так и вошла эта «белка» во все канонические переводы. И вот однажды истинное значение этого слова обрелось в речи деревенской старушки на границе Тверской (тогда Калининской) и Московской областей. Она рассказывала, как сожгли их деревню немцы, как угнали молодых девчонок и двух её дочерей обелами в Германию. Я не совсем ясно понял это слово «обела», но спросить о нём старушку не решился. Слишком горек был тот рассказ, чтобы прерывать его вопросами. Но слово, уколов, запало в душу. Я записал его в дорожный блокнот, не уяснив пока истинного смысла. Весь день тот не давало оно покоя, и, уже уходя на следующие утро из дома, я спросил хозяйку: «Вы сказали, что девочек ваших угнали обелами в Германию, это как?» Она ответила просто: «Рабынями...» Вот она, цена, которую требует от каждого дома захватчик — по рабыне: дочери ли, жене ли, сестре, матери... «...поганіи сами, побѣдами нарищуце на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора». Об этом мы говорили с Дмитрием Сергеевичем в вагоне поезда, возвращаясь из Ярославля в Москву.

Коснулись и приведённой выше строки: «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелено паполому пошла,

за обиду Олгову, храбра и млада князя». Она давно не выходила из головы, казалось, что в ней всё не так, как было явлено миру Автором. Я прочёл академику принятый за эталон его перевод по памяти: «И что же вам тут не нравится?» — спросил он со свойственной ему мягкой улыбкой. Откровенно сказать, мне не нравилась вся строка, явно проигрывавшая по ритмическому звучанию древнерусскому тексту. Была она рыхлой, многословной, неблагозвучной. Но о том я не сказал старому учёному, считая, что это его обидит.

— «Канина» не нравится, Дмитрий Сергеевич, и ещё «похвальба»...

— Что поделаешь? — развёл руками. — Канина — название реки...

— А где она протекает? — спросил я.

— К сожалению, точно определить не удалось. Где-нибудь в районе Нежатиной Нивы, там в битве и погиб Борис Вячеславич. Ничего не поделаешь... — снова развёл руками, мягко улыбнулся.

— А где Нежатиная Нива? — спросил я.

— Есть несколько предположений, достаточно убедительных...

Относительно моей неудовлетворённости переводом слова «слава» промолчал.

— А «похвальба»? — напомнил я.

— Это дело вкуса, — сказал, как всегда, очень негромко и ровно, без каких-либо эмоций. — Попробуйте найти что-либо поточнее. Никому не возбраняется совершенствоваться...

У меня тогда уже был готов перевод всей строки. Но я решился сказать ему только о «славе».

— Может быть, тут имеет место оговор?

— Какой «оговор»? — седые брови академика вспорхнули двумя крылышками.

— Слава — оговор! — пояснил я. — Ославить, оговорить, облыжно обвинить употребимо и донныне как «худая слава».

— «Как знать, как знать...» — он покачал головой, давая понять, что такой поворот в нашем разговоре его не устраивает.

Кто-то из работников министерства культуры подсел к нам, чтобы успеть до приезда в Москву решить неотложный вопрос, и наша беседа сама собою прекратилась. А жаль. Ведь не просто так вспомнил я ту строку, у меня было многое, о чём хотелось поведать уважаемому академику и, как мне казалось, страстному почитателю «Сло-

ва». Уже тогда я до буквы изучил летописный текст, передающий речь Бориса Вячеславича перед последней его битвой. Там и намёка нет на похвальбу. Присутствовала в тексте летописи великая грусть, незаслуженная обида, даже безысходность перед грядущим боем на Нежатиной Ниве. Достоинство и стремление защитить свою честь и честь младшего брата Олега было, а вот похвальбы не было. Об этом и написано в «Слове»: Борис Вячеславич жизнь свою положил за обиду ближнего. Хотелось рассказать всё это Дмитрию Сергеевичу. Не удалось. Но расстались мы очень тепло, обменялись телефонами.

Оказавшись в Ленинграде, я позвонил ему.

«Кто это звонит?» — спросили. Я объяснил. На том конце провода долго молчали. Я ждал, и наконец: «Простите, пожалуйста, Дмитрий Сергеевич сейчас подойдёт...» Голос его и по телефону был ровен, мягок и тих. Он помнил меня, это обрадовало. Вежливо поинтересовался моим здоровьем. И тут же: «Чем обязан?..» Я сказал, что очень хотел бы встретиться с ним, что много работал со «Словом», хочу посоветоваться и кое-что из сделанного показать. Стремясь его заинтересовать, тут же рассказал, над чем работал. Он слушал, не перебивал, а когда я спросил, считает ли он слово «канина» названием реки, покашляв, ответил:

— Несомненно!..

И тогда я сказал ему:

— Дмитрий Сергеевич, мне, кажется, удалось доказать, что это не так...

Он прервал меня холодно:

— Это очень интересно! Желаю вам всяческих успехов. Простите, но я очень занят, у меня тут люди...

Я растерялся:

— Извините ради бога, мне хотелось посоветоваться с вами...

— Да-да, спасибо, весьма признателен. До свидания... — и положил трубку.

Позднее я убедился, что с виду мягкий и доброжелательный академик был решительно непримирим и жесток со всеми, кто не разделял его взглядов на «Слово о полку», но «милел лаской» к тем, кто с ним соглашался. Он был поощрительно добр к тому, что я высказал в выступлении на юбилейном заседании в Ярославле,

способствовал появлению моей статьи в юбилейном академическом сборнике, но стоило усомниться в точности его перевода всего лишь одной строки, как тут же прекратил всякие со мной общения. Не желая того, я невольно нанёс удар по самолюбию, подвергнув сомнению точность его перевода: «Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела и на Канину зелёное погребальное покрывало постлала храброму и молодому князю за обиду Олега».

Большинство переводчиков считали, что «канина» — имя собственное, в отличие от первых издателей, которые видели в этом слове конскую попону зелёного цвета. Дмитрий Сергеевич, соглашаясь с большинством, к тому же считал, что «слава» есть «похвальба», а «храбрый и молодой князь» — Борис Вячеславич. Собственное имя «Канина» сопрягал с названием реки, которая якобы протекала в урочище Нежатиной Нивы. Но такой реки не было в древности, и нет на современных картах. О существовании её донныне нет сведений. Кстати, и где находилась Нежатиная Нива, тоже доподлинно неизвестно. Принято считать, что это наименование некоего урочища, и его связывают с нынешним городом Нежином, в 80 километрах на юго-восток от Чернигова. И такое прочтение принято за единственно верное. Однако оно противоречит известным историческим фактам. Известно, что черниговцы молодого князя Олега Святославича с радостью приняли на княжение и боролись за его наследственное право владеть Черниговской землёй, защищая «золотой стол черниговский» от посягательства Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха. Всеволод обратился за помощью к киевскому Изяславу Ярославичу, и тот с сыном Ярополком вышел в поход на Чернигов. Четыре князя объединились против двух молодых князей — Бориса Вячеславича и Олега Святославича, которому в то время было не более десяти лет от роду. Нынешние черниговские старожилы западную окраину своего города до сих пор называют Ольговым полем. Не оно ли и есть та самая Нежатиная Нива, на которой произошла жестокая битва, в которой погиб Борис Вячеславич, на берегу известной до сих пор и не раз упомянутой в русских летописях реки Белоус?

«Зелёная паполлома», несомненно, «погребальная постлань», холст, который подстилали, чтобы на него положить покойника. Полотно это донныне называется постланью. Древние письменные памятники Руси подтверждают это. В рукописи XII века «Устав студийский» чи-

таем: «По потьрении всего тела приносите новую свиту, совлачить мъртыца, на назести положить паполому и облачить его в новую ризу» — «По обтирании всего тела, на лавку постелив паполому, кладут его и одевают в принесённую новую одежду». Ещё одно письменное свидетельство XIV века: «По сем свяжут руце его крестомъ и облекуть и верху фелонь, просторше паполому на одре, положить и» — «Потом свяжут руки его крестом и облекут его в верхнюю одежду, расстелив паполому на одре, положат его».

Тут паполому стелют на одр. В народном языке одр — это постель, ложе, кровать, носилки для покойников, полати, помост, телега. Как место, на которое кладут мертвеца, одр известен только в сочетании с прилагательным «смертный» — «на смертном одре». На чём же расстилается паполوما в «Слове о полку Игореве»? В переводе Лихачёва «на Канину». Не у реки, не около, а на реку. Можно, конечно, предположить, что Борис Вячеславич утонул в реке и тогда паполомой будет ему сама вода. Но мы точно знаем, что он был убит на поле брани в самом начале битвы и паполомой ему стала зелёная трава. Не погребальное белое полотно, посланное на смертном одре, но совсем иное — зелёное.

Иное?!

Об этом и говорит Автор! Как легко разнимается пресловутое «канину» — то ли плащ, то ли полотно, то ли название неизвестной реки — на: «кан ину». «Ину (иную) паполому постла»: не белую — зелёную. И возникает новая, полная траурной музыки строка: «И на кан ину — зелену — паполому постла». Где «кан» — слово, известное в русском языке как ложе, на которое укладывают покойника, а на Дальнем Востоке и Сибири — лавка, лежанка, земляные полати в зимовье. В южных и центральных областях России поминки по умершему именовались «кануны», как и поминальная пища. Известный глагол «конать», пишущийся с «о», в простонародной речи произносится с безусловным «а» — «канать», что значит соборовать покойника. Обмыть, вытереть, постелить паполому в гроб и возложить на кан.

А теперь прочтём всю строку, такую простую, безыскусно ясную и полную траурной музыки: «Бориса же Вячеславлича слава на судь приведе и на кан ину — зелену — паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя».

Не могу не рассказать ещё об одной встрече в конце того же 1985 года с композитором Георгием Васильевичем Свиридовым. Познакомились мы на одном из концертов в Большом зале Консерватории перед его семидесятилетним юбилеем. Встреча произошла совершенно случайно в антракте, возник вдруг между нами непринуждённый и обычный в такой ситуации разговор, который почему-то заинтересовал композитора. И буквально на следующей день Георгий Васильевич нас с женой пригласил в гости. Для меня это было подлинным Чудом. Свиридовскую музыку любил безмерно, самого считал величайшим русским композитором и об общении с ним и мечтать не мог. В память о предстоящей встрече взял только что вышедшее юбилейное издание «Слова о полку Игореве». Георгий Васильевич обрадовался совершенно искренне такому подарку:

— Как красиво издана! У меня этой книги нет... — стал бережно листать страницы. — Какие изумительные фотографии, какой цвет! Благодарю, благодарю! От души!

Я сказал, что в этом издании есть и моя статья.

— Вы занимаетесь «Словом»?

Я ответил, что долгие годы собирал словарь сохранившихся доныне в живой русской речи древних слов. А теперь с их помощью пытаюсь перевести на современный язык и восстановить подлинный текст.

— А разве он не переведён? — крайне удивился.

Я сказал, что все блистательные поэтические переводы «Слова», от Жуковского до современного нам Заболоцкого, по которым и судим о великом памятнике, не переводы в подлинном понимании этого слова, а всего лишь, в большой степени, талантливые переложения. А вот точных подстрочных переводов до сих пор нет. Это удивило Георгия Васильевича и весьма заинтересовало.

Не могу утверждать, но мне показалось тогда, что композитор не был знаком с первым изданием «Слова», осуществлённым Мусиным-Пушкиным в 1800 году. Если это так, в том нет ничего удивительного: первая реконструкция поэмы довольно редко издавалась массовым тиражом и обязательно с поэтическими переложениями. Попытки сделать точный подстрочный перевод чаще всего были неудобочитаемыми либо неизменно повторяли ошибки первых издателей.

Георгий Васильевич очень внимательно слушал, не перебивая, а тут спросил:

— А что, такие ошибки были?

— Да! И есть до сих пор.

— И много их?

Я ответил, что мне удалось обнаружить несколько безусловных, восстанавливая текст по-новому.

— А не могли бы что-нибудь прочитать из того, что, по-вашему, ошибочно?

Я мог:

— Послушайте, что до сих пор присутствует в каждом новом подстрочном переводе: «Бориса же Вячеславича слава на суд приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя...»

— Пойдите, пойдите! — прервал меня Свиридов громким и даже раздражённым восклицанием. — Какая «конина»?! Зачем она тут?!

Я был обрадован, счастлив: чуткое ухо его безошибочно ухватило главное! Совершенный слух воспротивился не столько нелепому слову, но нарушению гармонии.

— Покажите мне эту строку тут, — попросил и протянул книгу. Я открыл нужную страницу, где чёрным по белому было напечатано то, что я только что прочёл наизусть.

— Нелепица какая-то! — сердито пробурчал и спросил: — Ну и как же вы с этим справились?

Я прочёл свой перевод: «Бориса же Вячеславича слава на суд приведе и на кан ину, зелену, паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя».

Читал я, волнуясь, несколько торопясь, но он чутко уловил происшедшее со строкою:

— Юрий Николаевич, дорогой, — тогда впервые использовал он этот эпитет к моему имени-отчеству. — Прочтите ещё раз, не торопясь, полным голосом.

Я прочёл, уже спокойно, чуть растягивая слова. И услышал тихое, с хрипотцою, самое-самое, чего и не чаял услышать:

— Вот она и музыка!.. Ах, как хорошо, Юрий Николаевич! Достоинно, очень достойно! — Это любимое им слово употреблял не часто, но всегда, чтобы выразить самое высшее одобрение. — Вы молодец!

— Не я, Автор!

Он тут же отреагировал:

— Ложная скромность человека не украшает, но в конце концов губит! Ах, как это интересно!.. Юрий Николаевич, а не могли бы ещё что-нибудь прочитать?

Я прочитал строку «с белкой», как она была воспроизведена первыми издателями. Музыкальный ритм её не вызвал у композитора возражений. Но с содержанием было не всё в порядке: «Князя между собой враждовали, а нечестивые, рыская по земле русской, брали дань по белке со двора».

— Нет-нет, это не то! — замахал руками Георгий Васильевич. — Это не перевод!

Я тут же согласился:

— Я вам прочту принятый за эталон перевод академика Лихачёва: «А князи сами на себя крамолу ковали, а поганые, с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке от двора».

Как от назойливой мухи, замахал ладонью:

— Это ещё хуже! Это не по-русски: «нарыскивая на». Зачем «белка»? Там «кони́на», тут «белка»! Кошмар какой-то!.. — «Кошмар» тоже было его любимым словом. — Теперь объясните, что тут такое? — попросил почти с детским интересом.

— А тут уважаемые, действительно уважаемые, первые редакторы несколько переусердствовали в реконструкции. Они разъяли им, вероятно, незнакомое, но очень ёмкое древнее русское слово. Отсюда и получилась — «белка». Послушайте моё прочтение: «А князи сами на себя крамолу коваху; а погании сами нарищуце на Рускую землю, емляху дань по обеле от двора».

— Это же — «обела» — «рабыня»! Дань — по рабыне от двора! — выкрикнул звонко.

— Конечно, конечно! — вторил ему я. — И до сего времени считается, что дань от двора — либо очень мелкая древнерусская монета, либо шкурка белки.

— Это удивительно, удивительно... — повторял он. — И никто до вас не понял, что «побеле», это «по рабыне»?

— Выходит, что нет... — без ложной скромности ответил я.

— Ну тут, дорогой Юрий Николаевич, не только Автор молодец, но и вы! — И добавил определённо: — В древнем русском написа-

нии, в одну сплошную строку не воспроизводились подряд две одинаковые буквы. Поэтому и «побеле», а не «по обеле».

И это он знал! Сказал раздумчиво:

— Увы, сие оказалось недоступным прошлым и нынешним академикам!.. Неужели не знали слова — «обел» — полный раб?

Я пошутил, что оно известно только присутствующим. Но он не принял шутку. Думал о чём-то, нахмурил лоб. Потом как бы даже и вскрикнул:

— Да, да! Вспомнил! Это так хорошо: «и на кан ину, зелену, паполону постла»...

И рассказал, о чём вспомнил:

— В моём родном Фатеже было четыре церкви, в одну из них бабушка водила меня постоянно совсем маленького. Так вот: там, в притворе, стояло странное сооружение. И не лавка, и не стол. Меня сие заинтересовало: «Ба, а это что?» — «А это, внучек, кан, на него покойников кладут...» Я много помню таких слов из детства.

— Георгий Васильевич, — сказал я, — в «Слове о полку» много древних слов, сохранившихся доньше в курском речении.

Этому он искренне порадовался. Георгий Васильевич ревниво хранил в сердце любовь к своей малой родине. Часто называл себя «курянином».

Удивительной и судьбоносной для меня была та встреча. За ней последовали другие, перетекавшие в доверительную дружбу, прерванную смертью Георгия Васильевича. И каждый раз, встречаясь в то весьма сложное для всех, и для него тоже, «смутное время» мы неизменно говорили о «Слове». А в тот вечер, уже прощаясь, я спросил:

— Георгий Васильевич, вы никогда не думали написать музыку к «Слову о полку»?

Он удивлённо посмотрел на меня, ответил стремительно:

— А зачем? Она уже написана Бородиным.

Бородина Свиридов ценил безмерно. Не зная об этом, я сказал, что очень люблю Бородина, что первой оперой, которую слушал мальчиком в Большом театре, был «Князь Игорь», но либретто ничего общего не имеет со «Словом». Вероятно, Георгий Васильевич не задумывался над этим, потому промолчал. А я продолжал запальчиво:

— «Слово» ни в коей мере не опера! Это величайшее хоровое произведение. «Слово» несомненно пели в древности!.. — и осёкся,

почувствовав, что меня шибко занесло. Мне ли толковать Гению национального Русского хорового искусства об этом?! Я смутился:

— Извините ради бога...

А он ответил:

— Что же, очень интересно... Стоит подумать... — произнёс это как бы самому себе, что было в его речи обычным.

Съ тояже каялы Святоплъкъ повелея отца своего...

Удивительно глубоко проникновение в историю Руси в «Слове». Она, наша древняя история «от старого Владимира до нынешнего Игоря», гениально вплетена в повествование и освящает каждое событие особым проникновением Автора в её суть. В этом ярко проявлен ещё один недожизненный талант Болеславы Святославны — истинного историка земли Русской.

Принято у исследователей подтверждать исторические факты в «Слове» русскими летописями, но я глубоко убеждён в том, что и «Словом» подтверждаются многие летописные сведения. Необходимо только глубже проникать в историческую канву этой «трудной повести», открывая для себя то подлинное, о чём хотел поведать потомкам Автор... Например, это: «Съ тояже Каялы Святоплъкъ повелѣя отца своего между угорскими иноходцыцы ко святѣй Софии къ Киеву».

В этот первоначальный текст в разное время были внесены две поправки: вместо «Съ тояже» пишется «Съ тоя же», а «повелея» заменено на «полелея». Но дальше, как говорится, больше. В современной реконструкции древнего текста Лихачёва читаем: «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ повеле яти отца своего между угорскими иноходцы ко святей Софии къ Киеву». Перевод Дмитрий Сергеевич предлагает такой: «С той же Каялы Святополк повелел отца своего привезти между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву». Однако эта строка и следующие за ней до сих пор представляют собой одно из самых загадочных и сложных для прочтения мест во всём произведении. Прочтём объяснительный перевод, сделанный им же: «С такой же (злосчастной, начавшейся по вине Олега Святославича) Каялы (то есть с битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря) Святополк (Изяславич) повелел привезти отца своего (Изяслава Ярославича) между венгерскими иноходцами (как обычно перевозили раненых и убитых) к (храму) Святой Софии в Киеве». Всё тут на первый взгляд весьма логично и стройно. На самом же деле такое объяснение шито белыми нитками, оно

не соответствует ни одному из хорошо известных исторических фактов. Только что новым прочтением была исключена из текста неведомая река Канина, как появилась новая, тоже неведомая и до сих пор никем не обнаруженная Каяла.

Может быть, и тут не о реке речь? Утверждается вполне определённо, что под Каялой подразумевается битва на Нежатиной Ниве, начатая по вине Олега Святославича. Но это утверждение противоречит историческому факту и тому, о чём свидетельствует Автор. Не по вине Олега Святославича началась эта битва, а потому, что были попораны его священные права. Не он обидел, а его обидели. И на защиту прав «младого и храброго» князя выступил его старший брат — Борис Вячеславич. В этом мы только что убедились. Академиком разъяснено, что под именем Святополка подразумевается вполне конкретное лицо — Святополк Изяславич, сын убитого князя Изяслава. Но Святополк Изяславич в битве на Нежатиной Ниве не участвовал и находился в то время в Новгороде Великом. Это исторический факт! Но нам предложено считать, что именно Святополк приказал привезти труп отца на венгерских иноходцах к Святой Софии в Киев.

Из летописей известно, что убитого князя в Киев вёз на ладье, а не на конях, сын его, участник битвы — Ярополк, и не к Святой Софии, но к храму Святой Богородицы, где он и был похоронен. Вот как этот эпизод описан в Ипатьевской летописи: «Убиен был князь Изяслав месяца октября в третий день. Взавши тело его, привезли в ладье и поставили напротив Городца. И вышел навстречу ему весь город Киев. И возложил на сани, повезли его с песнями священники и монахи, и несли по городу, и нельзя было слышать пения в плаче великом и вопле. Рыдал о нём весь город Киев. Ярополк же, идя следом с дружиною своею, причитал горько: «Отче, отче мой! Что же ты без печали не пожил на этом свете?! Многие напасти ты принял от людей и от своих братьев. Вот и сейчас погиб не от брата своего, но за брата своего сложил голову свою!..» И принеся, положили тело в церкви Святой Богородицы, уложив в раку каменную и мраморную».

В этом эпизоде летописец во всём противоречит тому, что предложено нам читать уважаемым академиком. Нет ни одной, даже самой малой, детали, которая бы сближала описанное летописью с тем,

о чём повествует «Слово». Не знать о подробностях битвы, гибели и похорон Изяслава Ярославича автор «Слова о полку» не мог — об этом рассказали все русские летописи. К тому же в «Слове» запечатлены совершенно иные исторические события, которые остались «неведомы» для исследователей. Тут речь о ином времени и о иных исторических личностях...

То, что тело князя везли на ладье, подтверждает, что Нежати́на Нива — нынешняя окраина Чернигова, Олегово поле, расположенное на берегу Десны и её притока Беловеси (Белоуса). По Десне везли убитого великого князя — это самый лёгкий и удобный путь в Киев.

Вернёмся к начертанию, открывающему отрывок. «Съ тоя же» первые издатели, как и следующие, в XIX и XX веках, перевели как «с той же». Но если Автор имел в виду такое значение, почему не начертал — «Съ тѣй же каялы...» Как сделал это в зачине: «начати же ся тѣй песни». Указательное местоимение «тѣй» было обычно в те времена. Однако в разбираемом предложении нет такого местоимения, а есть «с тоя же». Произошло это потому, что Автор вкладывал в написанное иной смысл. «Съ тоя же» полностью соответствует русскому разговорному, широко известному во многих российских говорах — «с того же». Приведу примеры: «с тоя же и пьёт, что легко живёт», «хворал лихо, со тоя же и помер», «гулял в запуса без пропуска, со тоя же и помер». Эти «со тоя», «со тоя же» и сейчас на слуху в русской, украинской и белорусской глубинке.

Но как же тогда сочетать это с «Каялой» (с того же Каялы)? Не сочетаются эти слова! О Каяле как о реке не раз упоминается в дальнейшем. Поэтому и возник соблазн прочитать тут слово как имя собственное. Отмечу, что исследователи, пытаясь обнаружить географическую Каялу, пришли к выводу, что такой реки не было в природе, но зато существует она в русском языке как символ — Река скорби. Происходит же название от глагола «каять». Этот глагол используется во многих значениях: оплакивать, порицать, осуждать, причитать, жалеть, сожалеть, скорбеть, укорять, исповедовать... Дедушка мой, уроженец Волковысского уезда Белоруссии, употреблял слово на иной манер — «каить», в совершенно определённом смысле — «каратъ». Этот глагол в «Словаре белорусского наречия» И. И. Носовича приведён в написании: «каиць» в значении карать, казнить. В начале пятидесятых годов в Венёвском районе Тульской области

услышалось: «Тако я по ём каюсь, тако каюсь, лехше на плаху лечь», где «каюсь» — казнюсь.

А в пятидесятых в чеховском Мелихове я услышал сказку о «какушке-каюшке» от садовника музея тёти Поли. Как-то сидели мы на приступках крыльца Чеховского флигеля. Был первый по той весне тёплый настоящий и добрый вечер. Темнело. И лес повдоль деревни, только что высвеченный закатным солнцем, молодо зеленевший, вдруг разом приблизился, погрузившись в лиловую сутемень. И там горько и одиноко подала впервые за ту весну голос кукушка.

— Слава богу, — сказала тётя Поля, — не на голый лес казнится. Теперь вовремя и замолкнуть ей.

— Как? — не понял я. — Почему замолкнуть?

— По-доброму начала, по-доброму и кончить бы. Подавится колосом — хлеб заборонится, зерно нальётся — жди урожай. А коли не замолкнет — будет себя казнить, то и хлеб сказнит — не будет роду!..

Помолчала, слушая близкое «ку-ку».

— Что, горькая, тяжко бездомить? — спросила то ли себя, то ли кукушку. И ко мне:

— У неё, Юра, тоже дом был. Только своей охоткой из него ушла. Гнездо надо вить, обихаживать, сиднем сидеть и теплом деток высиживать, а потом и рóстить их. От Бога и дар, от Бога и кая. Кто ж от дара откажется? Она — каю выбрала. Кинула гнездо, полетела прочь, летала там, летала тут. Где гнездо её, и забыла. Пришло время яички класть. А куда положишь? Гнезда-то нету! И тут исхитрилася. В чужой домик залетела, какнула яичко и — прочь. Так по всему лесу по чужим домам и наметала кладь. Порхала какушка, летала радая, что всех обманула, без дома да без хлопот даст ей Бог детей на одну только радость. Не дал. Ни одно дитё её не признало. Полетела к Богу. А Бог говорит: «Ты сама себе каю выбрала. Вот и кайси. Вот и кается, горькая, каю зовёт. У нас её так и кличут «каюшкой-какушкой».

В рассказе тёти Поли «кая» — казнь, а «каять» — казнить. Вот оно, нужное: «С тоя же каял Святополк...» В глаголе «каял» — казнил, окончание «ы» появилось, скорее всего, чтобы обрести имя существительное при первых прочтениях древнего текста. А возможно, при реконструкции в «ы» был превращён союз «и». «Со тоя же каял и Святополк повелея...» — «С того же казнил и Святополк пове-

лея...» Как уже было сказано, слово «повелей», возникшее в реконструкции древнего текста первых издателей и не нашедшее объяснения, позднее было заменено на «полелея», в котором исследователи договорились видеть «бережно». Д. С. Лихачёв реконструировал его как «повеле яти отца своего» и перевёл: «повелел отца своего привезти». Тут древнерусский глагол «ять» — «взять» рассматривается как «привезти». Однако чтобы сделать это, к букве «я» пришлось добавить не существующее в тексте «ти». Это и принято за норму: «Съ тоя же Каялы Святополкъ повеле яти отца своего». И произошло это от невозможности объяснить значение слова «повелей», которое имеет место в живом народном языке, но, увы, не было обретоено ни одним исследователем.

«Повелей» — наследник, принимающий наследство по личному распоряжению, приказу завещателя (не отсюда ли в старобелорусском «повелося» — посчастливилось?! — О. Г.), в отличие от наследования по старшинству, при котором наследство получает старший в семье. Такое наследование по старшинству считалось законом во многих странах мира, и на Руси тоже. Однако старший в роде, наследодатель, деля наследство, мог нарушить закон старшинства, своим повелением отдав главные наследственные права тому, кому он считал нужным. Это никогда не приносило добра, а только смуту и усобицы. Первая разразилась после смерти Владимира Святого, когда волей своей назначил он к наследованию «повелея». Им стал один из младших сыновей — Борис. Произошло это по вине Ярослава Мудрого — будучи старшим сыном, княжил он в Новгороде Великом и вдруг отказался платить ежегодную дань Киеву. Разгневанный Владимир пригрозил сыну войною, лишил его права наследования по старшинству и назначил «себе вместо» — повелеем — юного Бориса. Это подтверждается последовавшими за тем событиями. Получив известие о набеге печенегов, Владимир вручает руководство своей дружиной и киевским войском Борису, отправляя его в боевой поход, в который сам идти не мог по причине внезапной болезни. Весть о набеге печенегов оказалась ложной. Предвидя смерть Владимира либо тайно готовя покушение на него, об этом отцу сообщил сын Святополк, дабы из Киева ушла большая дружина и войско. Так и произошло. И тут умирает Владимир. От Святополка какое-то время скрывают смерть отца и даже тайно вывозят тело

с великокняжеского двора. Всё это подтверждает, что верные бояре ждут возвращения в Киев Бориса. Однако Святополк объявляет себя великим князем, раздавая киевскому люду и принявшим его боярам великие дары. То, что он, один из старших сынов, не стал повелеем своего отца — прямым наследником, объясняется скорее всего тем, что был рождён от гречанки-монахини, которая до того была женой брата Ярополка, убитого Владимиром.

Так или иначе, но остаётся факт — повелеем Владимир объявил Бориса, который, как и следовало ожидать, не обнаружив в пределах Руси печенегов, направился с войском к Киеву. Но тут получает известие о смерти отца и о том, что на великом столе сидит брат Святополк. Воеводы и дружина требуют от Бориса идти в Киев и силой взять то, что было дано ему повелением отца. Но Борис объявляет им, что не поднимет оружия на старшего брата и во всём будет покорен ему. Воины оставляют юного князя, а Окаянный Святополк (обращая внимание на прозвище князя и корень слова) принимает решение убить не только Бориса, но и единоутробного брата того — Глеба и брата Святослава. Находятся исполнители этой казни из бывших, когда-то верных Владимиру, бояр и слуг. Первую казнь (каю) Святополк приказывает совершить над Борисом.

Об этих исторических событиях и повествует «Слово». О чём и сообщается в строке: «Съ тоя же каяль Святополкъкъ повелея отца своего». «С того казнил Святополк наследника отца своего». Казнил он его «с того», что хотел захватить не принадлежащее ему, как это совершили на Нежатиной Ниве князя с Борисом Вячеславичем. Там и тут одна и та же причина — усобица. Но именно с той — первой, развязанной Святополком Окаянным, берёт начало эта, перетекающая в целую эпоху, которая и приводит Русь к гибели. Об этом сказано в зачине «трудной повести», определяемой историческим временем: «от старого Владимира до нынешнего Игоря». Как удивительно гармонично, с каким изяществом связаны имена двух Борисов. Одного, погибшего в справедливой борьбе за честь обиженного «млада и храбра князя Олега», и другого Бориса — повелея, казнённого братом ради обладания властью.

Задаваясь вопросом, что имеется в виду под выражением «угорскими иноходцы», исследователи определённо отвечают: кони. А первые издатели, как и некоторые переводчики, — венгерская

конница. Но ни в одном историческом документе той поры нет подтверждения, что в русском войске использовали угорских коней. В те времена на Руси водили многотысячные табуны боевых коней, отличавшихся великой выносливостью и силой. Даже спустя 135 лет с тех событий русские люди с удивлением взирают на угорских коней. В Ипатьевской летописи в год 1150-й читаем: «...тогда же Угре на фарах и скоках играхуть на Ярославли дворе, много множество. Кияне же дивяхутся Угромъ множеству, и кметства их, и конем их», «тогда же венгры в верховых сражениях и скачках соревновались на Ярославовом дворе в великом множестве. Кияне же дивились множеству венгров, ловкости верховой езды и коням их». Такое соревнование в джигитовке и скачках в диковинку русским людям, как и кони их. Возникновение же «венгерской конницы», «венгерских коней» в первой реконструкции «Слова» объяснимо. В пору, когда был найден древний текст и велась его расшифровка, уяснение и реконструкция, крайне модны были в российской столице на великосветских выездах кони венгерской породы. Они отличались необыкновенным изяществом формы тела, грациозностью и лёгкостью бега. Эти качества были присущи и тем угорским коням, которые так удивляют киевлян в середине двенадцатого века. Понятно, что до того таких коней на Руси ещё не видели, тем более «венгерской конницы». Отмечу, что факта, когда перевозили погибших «между двумя конями» в русских летописях и других древних источниках установить не удалось.

Слово «иноходцы» в применении к коням возникло в русском письменном языке на три века позднее. Впервые встречается оно в документах, относящихся к 1498 году. А широко употребляемым становится с XVI века.

Однако слово бытовало в живом русском языке с древних времён, но имело иной смысл. В понимании этого вносит полную ясность живой русский язык. Прочтём так: «между угорским и иноходцы ко Святой Софии к Киеву...» Отъяв букву «и» от одного слова и превратив её в союз, мы получили совершенно иную фразу, где нет венгерской конницы и коней, но есть один-единственный венгр (угр) и несколько иноходцев, которые действительно потом направляются к Святой Софии к Киеву. То, что этот венгр был при убийстве святого Бориса, хорошо известно. Это юноша Георгий, ближайший друг князя, по национальности угр. Он пытался при нападении

убийц прикрыть Бориса своим телом и был проколот тем же копьём, которое смертельно ранило князя. Встал меж (между) иноходцами и князем Борисом: «...И прободоша Бориса, и слугу его, падшаго на немъ, ту прободоша съ нимъ. Бяше открокъ той Угринъ, именемъ Георгий» — «И пронзили Бориса и слугу его, упавшего на него (на Бориса), и пронзили с ним. Был отрок тот венгр именемъ Георгий». Русь, не знавшая до шестнадцатого века слова «иноходъ» в значении конской побежки, хорошо знала другое: «иноходец» — переметчик, изменник, поменявший свой жизненный ход, ушедший на службу, работу к иному хозяину. Равно как и люди, пользующиеся в жизни иным (чёрным) ходом — воры, убийцы, подлыжники...

Исполнители страшной казни святого Бориса, самые подлеишие люди — иноходцы, совершив преступление, должны были вернуться к Святополку и направились к Святой Софии к Киеву. Это весьма важное историческое свидетельство. Многие годы велись споры среди учёных о времени постройки Киевской Софии — святыни всей Русской православной земли. Из Ипатьевской летописи известно, что каменную Софию возвёл в Киеве Ярослав Мудрый. Под годом 1037-м читаем: «Заложы Ярославль город великый Киевъ, у него же гради врата суть золотая, заложы же церковь святыя Софья, премудрость Божию...» Но вот был ли до этой Софии в Киеве храм премудрости Божьей? Оказывается, был! И это моё открытие недавно официально подтвердила ЮНЕСКО. По древним граффити, обнаруженным на стенах собора, по крайней мере в 1011 году храм уже существовал. И «Слово о полку Игореве» свидетельствует об этом! Туда направляются убийцы-переметчики — иноходцы в 1015 году.

Был ли Олег Гориславичем?

Как удивительно точно, глубоко и поэтично описана подлинная трагедия, случившаяся после смерти «старого Владимира». Но на этом Автор не ставит точку и длит рассказ об исторических событиях, которые привели к гибели Руси, достигая в повествовании вершин, не превзойдённых в мировой литературе. Но тут в высокое музыкальное звучание родного Слова, врывается вдруг одна фальшивая нота. Опять единственное словечко, не понятое потомками, неверно прочитанное исследователями, тоже переинтерпретирующее жизнь и судьбу князя-рыцаря — Олега Святославича. Это даже не словечко, но сочетание букв «о л з е», из которых построили имя, а к нему примкнули прозвище. И появился на свет божий Олег Гориславич. Не просто появился, но и внедрён предерзко в историю. Иначе, как Гориславичем, его уже и не называют. Безапелляционно звучит прозвище вот уже более двух столетий из уст каждого, кто обращается к памяти рыцаря русского средневековья князя Олега Святославича, сына Святослава, внука Ярослава Мудрого...

А был ли в русской истории князь Олег, прозвищем Гориславич?

Принято считать с первой публикации и доныне, что разбираемая нами строка кончается после слова «къ Киеву», а следующая начинается со слов: «Тогда при Олзе», где «олзе» — имя собственное — Олег в предложном падеже, к которому добавляется прозвище Гориславич. Таким образом, всё, что совершается дальше, следует считать происходящим при Олеге Святославиче, но мало того, и по его вине. В «Слове о полку Игореве» это место одно из самых трагических, связанных не просто с лихой бедой, но с гибелью народа, поистине с вселенской катастрофой. Тут гений Автора поднимает «Слово» на недостижимую вершину мирового искусства. Русь рассекают, гибнет древняя культура и сам народ, княжеские крамолы сокращают жизнь человеческую. Тогда по Русской земле, по всему её простору уже редко пахари коней понукали, но часто и повсюду кричало вороньё, деля трупы...

Однажды я спросил академика Бориса Александровича Рыбакова, блистательного знатока истории Древней Руси, одного из лучших и честных исследователей «Слова о полку Игореве»:

— Вы действительно уверены, что описанная страшная картина гибели Руси относится ко времени жизни Олега Святославича?

Он ответил не сразу, и я уловил в его взгляде нечто странное, словно бы этот вопрос был в нём самом. Подумав, сказал со всей определённою:

— Сие утверждает Автор!

Я не унимался:

— Но ведь ничего подобного нет ни в летописях, ни в других памятниках, относящихся ко времени, когда жил Олег Святославич! Уж вам-то это хорошо известно!

— Вы правы, — согласился без каких-либо раздумий. — Но дело-то мы имеем с поэтическим текстом...(!) С высокой поэзией! Гипербола!.. — И как бы усомнившись в чём-то, добавил, помолчав: — Автор имел на это право...

Разговор тот происходил в конце восьмидесятых годов, в перерыве встречи московской интеллигенции, которую организовал очередной русский то ли «фронт», то ли «фонд» — в ту пору таких образований было очень много. Я тогда верил, что русское национальное возрождение станет государственной необходимостью и страна наша, и все народы, её населяющие, от этого только выиграют. Об этом и шёл разговор на той встрече, собравшей русских учёных, музыкантов, художников, театральных деятелей и писателей. Каждый из нас делился своим сокровенным, своим виденьем будущего, но все сходились в одном: роль Культуры в государственном строительстве должна быть первой. Увы, этого не произошло, и не происходит поныне.

В своём выступлении я говорил о восстановлении исторической памяти народов Белоруссии, Украины и России, о «Слове о полку Игореве», назвав Поэму русским Евангелие. Рыбаков отреагировал на выступление, в перерыве подошёл ко мне:

— Вы интересно говорили, но почему «Слово» — Евангелие?

Я ответил:

— Оно, как и Новый завет, в чтении неисчерпаемо.

Вот тогда я и спросил его о «времени Олговом». Перерыв в собрании был краток, и разговор наш прекратился. К сожалению, мне больше не представилась возможность побеседовать с Борисом Александровичем. До сих пор не могу понять, как этот въедливый в каждое слово русских летописей исследователь мог поверить,

что пронзительный плач о Русской земле — всего лишь поэтическая гипербола. В русском национальном характере до сих пор сохраняется черта — не усугублять беду словом. А тем более гиперболизировать её. Но и общерусской беды как таковой, даже намёка на неё, не было во времена «полцов Олега Святославича»! Но есть странное, на мой взгляд, явление в изучении «Слова о полку». Учёные разных школ и направлений, высказывающие самые различные версии и гипотезы, порою исключают друг друга, едины в одном — во взгляде на личность князя Олега. Он для всех средоточие зла, губитель земли Русской и притом носящий не вполне понятное прозвище Гориславич. На этом строится историческая концепция «Слова». Но почему такое внимание к Олегу и почему он обвиняется в трагедии Руси, случившейся якобы при нём? Ведь он не был великим князем, чтобы можно было сказать о том времени, как мы говорим: «при Хрущёве», «при Брежнев», «при Кучме», «при Лукашенко»...

Всё изложенное никак не даёт права считать события, описанные автором «Слова о полку», относящимися ко времени жизни Олега Святославича. Но они имеют вполне реальное историческое время. Это усобица, начатая Святополком Окаянным в далёком 1015 году. Но как же быть с этим: «Тогда при Олзе Гориславличи...» Попробуем снять точку после «Киеву» и продолжить строку. Теперь она будет выглядеть так: «Съ тоя же каял Святополкъ повелея отца своего между угорским, и иноходцы ко святой Софии къ Киеву при олзе». Утверждая, что в сочетании букв «о л з е» мы имеем княжеское имя, исследователи, однако, пренебрегли обязательным при этом мягким знаком. Ользе — только в таком начертании известно оно в древнерусских письменных источниках. Читаем в Ипатьевской летописи, 1096 год: «Мьстиславъ же прииде Мурому и створи миръ с Муроми поа люди своа. Ростовцъ же и Суждальци и поиде к Разаню по Сѡльзѣ. Сѡлеъ же выбѣже из Разана, а Мьстиславъ створи миръ с Разаныци». Одна, всего одна буква, потерянная из подлинного текста, либо удалённая из него из-за соблазнительной догадки, что речь идёт тут об Олеге, а теперь возвращённая, делает строку точной и абсолютно ясной по смыслу, полной по звучанию. Буква эта — «п». А слово: «приползе» — либо тайное возвращение к пославшему иноходцев князю, либо их попытка замолить свой страшный грех. А теперь восстановим весь отрывок целиком в новом прочтении:

*Свычая и обычая были вѣчи Трояни,
Минула лѣта Ярославля,
Были плѣци Олговы, Ольга Святѣславличя —
Тѣйбо Олегъ мечемъ крамолу коваше
И стрѣли по земле съяше.
Ступаетъ въ златъ стремя въ градъ Тъмотороканъ,
Тоже звонъ слыша давный великий Ярославль сынъ Всеволожь,
А Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ.
Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе
И на кан ину — зелену — наполому постла за обиду Олгову,
Храбра и млада князя.
Съ тоя же каял и Святоплѣкъ повелѣя отца своего
Между угорским, и иноходцы
Ко святѣй Софіи къ Киеву тогда приползъ.*

В переводе на современный русский язык этот отрывок звучит так:

*В законах и обычаях были века Трояни,
Минули лета Ярославовы,
Были страсти Олговы, Олега Святославича —
Будто Олег мечом крамолу ковал
И стрелы по земле сеял.
Только вступает в злат стремя во граде Тъмоторокани,
Тут же звон слышит давный великий Ярославов сын, Всеволод,
А Владимиру в Чернигове звон тот уши закладывает...
Бориса же Вячеславича такая вот слава на смерть привела
И на кан иную — зелёную — наполому постлала за обиду Олгову,
Храброго и молодого князя.
С того же (потому же) и Святополк казнил повелея отца своего
Вместе с венгром, а изменники
Ко Святой Софии к Киеву приползли.*

На этом и поставим точку.

Не было в русской истории князя Олега Гориславича! Нет его и в «Слове»! Но были Гориславичи!

Гориславличи, кто они?

Начало этой истории относится к далёким временам, когда я буквально был одержим идеей найти подлинник «Слова о полку Игореве» в сибирских скитах старообрядцев. Получить командировку в Сибирь мне, молодому литератору и поэту, «под такую идею», конечно же, было невозможно, и для столичных молодёжных редакций, где меня охотно печатали, придумывал всякие «забористые» темы для художественных очерков. Тогда я впервые летел на сибирский Север по командировке московского журнала «Вокруг света», предложив редакции написать очерк о свидетелях Тунгусского дива. Трое суток в Красноярске не было лётной погоды, и всё это время провёл я в зале ожидания, как говорится, безвылазно. Никто не мог ответить, когда начнут отправляться северные рейсы — сейчас, через час либо через сутки. Если не хочешь пропустить «свой борт», то и жди не отлучаясь. Народу в небольшом зале ожидания собралось много, мест всем не хватало, приходилось тесниться, уступать кресла пассажирам с детьми, старикам, это тогда было нормой. Ожидаящий народ, в основном молодой, бывалый, к удобствам не расположенный. Устраивались на широких подоконниках, на стойках приёма багажа и прямо на полу. В этой пёстрой по-дорожному одетой толпе выделялся старик. Крупнолицый, могучий в плечах, сосредоточенно замкнутый. Но даже не этим отличался он от всех, а какой-то удивительной чистотой. Эта чистота была во всём: в лице, в тяжёлых руках, во взгляде и, конечно же, в необыкновенно опрятной, простой, но как бы праздничной одежде. Расхожий сибирский полушубок покрыт новеньким сукном, ондатровая шапка домашней безупречной выделки сшита весьма искусно, отглаженные чёрные брюки вправлены в белоснежные, фетровой валки высокие, выше колен, бурки, обсоюзанные хромовой кожей, простроченной белой нитью. Я так часто смотрел на старика, что даже доньне помню каждую малую чёрточку в его облике. Он очень понравился мне, и я искал возможности заговорить. И такая возможность представилась. Неожиданно объявили посадку сразу на несколько рейсов, и рядом с ним освободилось место в зале ожидания. Разговорились мы удивительно просто и быстро. Сосредоточенная замкнутость его оказалась не чем

иным, как желанием не докучать людям, не навязывать своего общества. Первым заговорил я, и он охотно ответил на мой вопрос, не по пути ли нам. Оказалось, по пути — он, как и я, летел до Байкита, первой посадочной площадки на Подкаменной Тунгуске. Чем-то я приглянулся Изоту Дормидонтовичу, так его звали, и он по прилёте в Байкит пригласил меня поехать к нему в гости. Жил старик в крохотном таёжном селище, как раз в районе Тунгусского взрыва, и был свидетелем того чуда. Вот так необычайно повезло мне. Изот Дормидонтович, истинный приверженец старой русской веры, которая не очень одобряет общение с инакомыслящими, ввёл меня в семью просто. Потом каждый раз, бывая на сибирском Севере, я обязательно добирался до заимки старика. Подолгу жил у него. Было ему при нашей встрече за восемьдесят. В его таёжной заимке хранилось много древних книг, которые он постоянно читал, но свято оберегал от чужого глаза. Понимая эту ревность, я ни разу не попросил показать книги. А было их, повторяю, много. Хранились не только на полках, всегда задёрнутых холщовыми занавесками, но и в кованых укладках под постелью. Он никогда не говорил о старой вере, но любил часами рассказывать об истории Руси. Рассказы были удивительными. Слава богу, у меня хватило тогда ума записать некоторые по свежему впечатлению. Вот один из них:

«Доброе дело сперва до Бога идёт. И делается Добрым, встав перед Богом, а потом к людям исходит. Долог путь к Богу! А злое дело, вот оно, рядом. На земле живёт. Ему ни к чему далеко и высоко ходить. Оно завсегда между людишками за Добро цепляется, не пускает к Богу, запятнать, захапать хочет. Князь Владимир не сразу Святым стал, не сразу и Добро его к людям вернулось, не за раз Красным Солнышком величать стали. Зло долго рядом жило, не пускало Добро к Богу. Однако то не главное. Главное, что он зло в себе победил. Потому и Святым зовётся.

А по началу жизни страсть блудлив был. А почему? Да потому что в похотливости зачат, в грехе, не в любви. Бабка его, Святая Елена, правительница русская, княгиня Ольга, чтобы грех отогнать, приняла святое крещение. А сын её о ту пору грех вершил. Раскинь умом, парень, христианство на Русь пришло, дабы отринуть от себя грех, дабы встать стеною на пути похоти. Известно, что греческий царь возжелал Ольгу и требовал стать ему женою. Однако что она сказала? «Как же можешь ты, христианин, сочетаться с иноверкой, то против

Бога твоего». «Крестись!» — взмолился царь, ибо желал её. И крестилась Ольга в греческую веру. А царь стал её крёстным отцом. Тогда и возопил снова: «Хочу тебя! Сойдись со мною!» То похоть кричала! Не любовь — похоть! А она ему: «Как же я, христианка, твоя духовная дочь, могу стать женою отца своего?!» Вот так, сына. В любви чистота и мудрость должна быть. Ради сего и крестилась Ольга. К чему про то говорю? А к тому. Когда мать противостояла похоти в Греции, сын её, Святослав, в Киеве обуян был грехом, возжелав милостивицу Малушу. И сошёл блуд на них, и аки кошки вязались по углам. Не любовью свело их — похотью. Вернулась Ольга, а блуд уж и явным стал, обрюхатилась Малуша. И отослала её княгиня от себя в Плесковские веси, в селище Будятино.

В том селище сама Ольга родилась, на берегу реки Великой, при порогах. Там и Владимир-князь на свет появился. Так и жили оба-два, в изгнании.

Отец Малуши, гость новгородский, Каплюшка Малец, тоже недалеко жил. На реке Пскове был у него погост Любятин. Какого роду человек, не скажу, однако ввали, что из хазар, то есть из евреев. Но думаю, что это для того, чтобы племени тому в гордости быть. Вот, дескать, и князь русский — Красно Солнышко из племени иудейского. Сами и придумали. А нам-то что? Ну и пусть будет. Какой с того мне либо тебе разор? Слышь, князя Кончака другого племени чтут, а он есть наирусский человек. Чего мне кричать-то и кичиться тем, что, поди, все цари да короли по Европе русской крови были. И все рода их великие на ней замешены. Не по крови люди ценятся, по Божьему промыслу, по душе своей. А у души крови нету. Она от Бога дадена и к Богу уходит. Ты погляди-ко, сына, что наша Русь значит». Такую вот живую народную историю поведал Изот Дормидонтыч.

Мы сидели с ним на берегу тихой речушки, одного из бесчисленных притоков Подкаменной Тунгуски, на перевёрнутой вверх дном лодке-погонке. Был тихий погожий день ранней осени, когда прохладно пахнут хвои, сладко — уже пожухлые травы, когда исчезает гнус и мошка и так хорошо сидится под всё ещё высоким чистым небом на воле, среди таёжного покоя. Речка перед нашими ногами намыла полоску чистого белого песка, и на нём тоненьким прутиком Изот Дормидонтович начертал: «Русь». «Гляди, это чё за знак? — прутик упёрся в букву «Р». «Эр», — ответил я. «Рцы, — сказал он. — Сие

есть Речь! Это — буква «У», она указывает. А эта?» Я понял, что хочет от меня старик, и бодро ответил: «Сие есть «Слово». — «Верно, — искренне обрадовался Изот Дормидонтович. — А что есть Слово?» И не дожидаясь ответа, сказал значимо: «Слово есть Бог! И вышло, что Русь — Речь у Бога, Божья Речь!»

Это поразило! Такого ещё не приходилось слышать, но я позволил себе усомниться: «Что ж, этак любое слово разложить можно?» Он отвечал: «Нет, только те, что дадены в заповедь Богом! — и двуперстно перекрестился. Потом долго молчал, и вдруг продолжил «исторический» рассказ, словно бы и не прерывал его столь неожиданным объяснением:

«У Каплюшки Мальца был сын — Добрыня. Он и принял с рук матери Малуши Владимира, когда тому пошёл осьмой годок. Пока рос Владимир вдали от Киева, батюшка его, Святослав Игоревич, ещё двух сынов заимел, но супругою, Богом данной, не обзавёлся. Он как в мужскую пору вошёл, то всё боле на коне болтался. Воин, он и есть воин. Ему о семье думать некогда, у него на уме дружина, война да походы, да пиры после побед. Ольга Святослава пыталась к Христу привести. Куда там! Рукою отвёл мольбы матери. «Зане дружина смеяться станет!» — «Ты окрестись, и дружина окрестится», — молила. «Отстань!» — только и сказал. И опять воевать отправился. А двух дитёв оставил на руках бабкиных. И завился по свету, горнее солнце лелея. Мальчишки, Ярополк и Олег, они однажды рождения были — близнята, так и подросли без отца. Им по десяти лет было, когда решил Святослав посадить сынов на княжение, а самому удалиться в любимую им Крайнюю землю. Ярополку дал Киев, а Олега посадил в Деревех. Тут и новгородцы, народ вольный, строптивый, запросили к себе в князя Владимира, как им подсказал Добрыня. И Святослав дал им старшего сына, коего и не знал вовсе. Того Добрыня в пазухе своей вынянчил, на коня посадил, уму-разуму выучил, а в ту пору женить решил.

В Полоцке сидел выходец из земли Варяжской — князь Рогволод, и было у него два сына и дочь Рогнеда. К ней и посватал Добрыня Владимира. Но ответила Рогнеда отказом: «Не пойду за сына служанки, пойду за Ярополка». И была обида для Добрыни великая, потому что Малуша, мать Владимира, — родная сестра его. Вышел войною на Полоцкие земли, разбил их войско, а Рогволода со всей семьёй пленил. И собрав их всех в одной горнице, сказал: «Вы хотели

в себя Ярополка нище уда, так примите уда Владимирова. И приказал раздеть донага Рогнеду, а Владимиру поять её при глазах отца, матери и братьев. И тот без стыда ял девицу на глазах у всех. И вошёл блуд в становую жилу юноши. Потому и блудлив стал. А Рогнеду взял в первую жену свою и дал ей имя Горислава. От неё было четыре сына. А поскольку нарожал он ещё восемь сынов от разных жён, то те, первые, звались Гориславличи».

В тот вечер ещё долго рассказывал мне Изот Дормидонтович о князе Владимире, о великой беде, пришедшей тогда на Русь, и, поражённый необычностью рассказа, записал я его на следующее утро как можно точнее. А тогда, помнится, спросил: «Откуда же вы всё это знаете, Изот Дормидонтович?» А он просто ответил: «Из книг, сына. Книги, как реки — и поят, и кормят, и путь кажут людям друг к другу, и уму учат, как жить, как хлеб свой насущный добывать...»

Спустя многие годы, уже работая над текстом «Слова», в «Истории Российской» Татищева неожиданно наткнулся на такое: «А Добрыня, не допуская ему укрепиться, немедля за ним пришёл в Полоцк, взял Рохвольда с женою и детьми, пленил и велел Владимиру с Рогнедою учинить волю свою пред глазами отца и матери. Потом Рохвольда с двумя сынами убил, а Рогнеду, дочь его, Владимир взял в жену и дал ей имя Горислава». И тут же вспомнилось давнее, удивительный тот человек, хранивший в заповеди наше древнее, и не только в слове, но и в жизни своей знавший истинную цену тому, чего мы вовсе не ценим, — Памяти. С большим трудом отыскал я в бумажных грудах своего архива запись рассказа Изота Дормидонтовича и такую фразу в нём: «Те Гориславличи было не погубили вовсе Русь распрей своею...» Теперь я убеждён, что книгочей этот не просто читал, но хорошо знал всю тайну «Слова о полку Игореве». А может быть, и хранился древний текст в его книгах, которые он так любил и так ревниво оберегал от стороннего глаза. Как близко я был тогда к тайне! Как близко!..

Изот Дормидонтович говорил: «Гориславличи было не погубили вовсе Русь распрей своею...» И как это близко к тому, что читаем в «Слове»: «Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами...» Это об одном и том же! Не буду голословным и попробую доказать это, ссылаясь на исторические факты и русский язык. Как утверждают летописи, у Владимира от Гориславы было четверо сыновей:

Изяслав, Ярослав, Мстислав и Всеволод. Ко времени, нас интересующему, в живых осталось два Гориславлича — Ярослав и Мстислав. Из тех же летописей известно, что с начавшим усобицу Святополком воевал Ярослав. И в конце концов победив его, сел на киевский стол. А тут вдруг возник и ещё «Гориславлич» — Брячислав, сын покойного брата Изяслава. И опять заходила по Руси усобица. Полилась кровь Дажьбожьих внуков. Не было на русской земле покоя. И в Ярославе не было покоя. Усмирял, карал, каял то в новгородских весях, то в смоленских, то в полоцких. Не до Киева было князю. И вот пришёл к стольному отчему городу Мстислав — князь Тьмутороканский: «Хочу у вас княжить!» Однако киевляне не приняли его. Ярослав спешно вернулся из Новгорода, и началась долгая, поистине уничтожающая всю Русь княжеская рознь. Об этих трагических для Руси временах и повествует «Слово»: «Гориславличи съяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжих крамолах вѣщи челоувѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаеве кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе...»

Эти трагические строки, приписываемые до сих пор времени Олега Святославича, на самом деле относятся ко времени усобиц, начавшихся после смерти «старого Владимира». Своими распрями, страшной кровавой борьбой Гориславличы (дети и внуки Гориславы) погубили завещанное им предками, но в конце концов пришли к миру. В год 1026-й летописец так говорит об этом событии: «И разделиста и по Днепр Русскую землю: Ярославъ приа сю сторону, а Мстислав ону...» — «И разделили они по Днепру Русскую землю: Ярослав принял эту сторону, а Мстислав ту...»

Эта губительная для всей земли Русской и её народа вражда продолжалась без малого одиннадцать лет. И именно о ней говорит Автор как о великом бедствии и разоре: «Гориславличы, сея и возрастая усобицами, губили жизнь Дажьбожьего внука. В княжеских усобицах век людской сократился. Тогда по Русской земле редко землепашцы покрикивали, но часто вороны орали, трупы меж собою деля; а галицы свою речь вели, желая полететь за едою».

То, что события не относятся ко времени жизни Олега Святославича, доказывается ещё и тем, что Автор именно с них начинает повествование, называя в запеве участников — старого Ярослава и храброго Мстислава.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Итак, поход князя Игоря в степь есть возрождение политики Олега Святославича, ибо «крепостию своею» — клятвой продолжить дело всей жизни деда связал себя внук. Повторюсь, суть клятвы в том, что не грабительские набеги, кровопролитные стычки и жестокая вражда приумножат подлинную мощь Руси, но обоюдогодний договор о дружбе, тесные родственные связи, братское соседство и доверие друг к другу.

Однако такую политику никак не разделяли ни Рюрик, ни Святослав, в руках которых была тогда верховная киевская власть.

Святослав Всеволодович, отец Болеславы, сын двух русских противоборствующих родов — Мономаховичей и Ольговичей (отец его — сын Олега Святославича Всеволод, а мать — дочь старшего сына Мономаха Мстислава), увы, возрождал тогда вместе со своим соправителем — князем Рюриком давнюю вражду со Степью, не принимая во внимание того, что Мономах, став великим князем киевским, счёл мирную политику более предпочтительной для Руси. Вот почему задуманное Игорем неприемлемо для Святослава.

Чтобы понять это, обратимся к «золотому слову»: «О моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлвити, а себе славы искати. Нъ не честно одолѣсте, не честно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей серебряней сѣдине! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава...»

В переводе Д. С. Лихачёва этот отрывок звучит так: «О мои дети, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать, но одолели (вы половцев) без чести, без чести ведь кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине? Не вижу я уже власти сильного, и богатаго, и обильного воинами брата моего Ярослава...»

Этот отрывок, насколько мне известно, никогда не вызывал у исследователей недоуменных вопросов, считался вполне «благополучным», но на самом деле представлял сплошной ребус.

Что означает утверждение Святослава о том, что князя Игорь и Всеволод рано начали Половецкой земле обиды творить? Что такое «рано»? Что имеется в виду? Возраст князей? Их молодость? Нет. Игорь в самом расцвете мужественных сил — ему тридцать четыре года. Чуть моложе его Всеволод — достойный воин и муж. Значит, возраст тут не причём.

Так может быть, это связано с тем, что князя зело поторопились и «поперед батьки полезли в пекло»? Опять нет. Их можно было бы упрекнуть в обратном — слишком поздно совершили они своё деяние. Ведь незадолго до Игорева похода объединённый союз русских князей совершил сокрушительный набег на землю Половецкую. Но в нём ни Игорь, ни Всеволод, ни брат Святослава — Ярослав участия не приняли.

А может быть, «рано» отнесено ко времени года? Опять нет! Поход совершается в благоприятное время, когда степь легко проходимая и в ней достаточно корма не только для коней, но и для воинов — сочные молодые травы и много птицы и дичи. Так почему же рано? Нет ответа.

Вызывает вопрос и более чем странный оборот речи, что князя творят обиду Половецкой земле, а себе ищут славы. Точнее было бы сказать: зачем же вы сотворили себе такую беду и позор? Ведь в происшедшем сражении погибли их дружины (летописи говорят, что на Русь возвратилось всего лишь полтора десятка человек), а на головы князей пал невиданный позор.

Вчитаемся в дальнейшее: «Но нечестно вы одолели, нечестно кровь поганую пролили». О какой нечестности тут речь? О каком одолении? Одолели-то не они, а их! И кровь пролита не «поганая» — своя?! Ребус, и только!

Но и дальше не легче. Почему же храбрые сердца князей, из крепкого булата скованные и в смелости закалённые, приносят столь безысходное огорчение великому князю и позорят его седины? И почему не видит он уже сильного и богатого и обильного воинами брата своего? Ведь Ярослав в походе не участвовал и никуда не выезжал из Чернигова и власть у него никто не отбирал! И каким образом связаны Игорь и Всеволод с исчезновением этой власти?

Вопросы, вопросы, вопросы... И ни одного ответа на них ни у исследователей, ни у переводчиков. Но возникает и ещё один вопрос, глав-

ный: а не идёт ли тут речь о цели похода князя Игоря? И не осуждает ли именно за это великий киевский князь своих двоюродных братьев?

Снова вернёмся к началу «золотого слова»: «... Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити...» Слово «еста» в переводе Д. С. Лихачёва отсутствует, да и почти во всех известных переводах оно не принято во внимание либо превращается в местоимение «вы». Нет толкования этого слова ни в лингвистическом «Словаре-справочнике» В. Л. Виноградовой, ни в Энциклопедии «Слова о полку Игореве». Однако в русском языке, кроме глагола «есть» — быть, иметь, обретоно и существительное «есть», «естье» — богатство, достаток, чем владеет и что имеет человек. Не происходит ли искомое «еста» от этого существительного? Приведу свой перевод: «О мои родичи, Игорь и Всеволод! Рано богатить начали Половецкую землю...» В этом переводе древнерусское слово «еста» прочитано мною как «богатить». Но смысл его может быть и иным — «благодарить», «обогащать», «делать добро». Ибо политика обоюдно выгодного мирного соседства более обогащает землю, нежели постоянные войны, набеги, стычки. Олег Святославич был первым на Руси князем, кто радел об этом. И именно за желание жить с Великим Полем в мире, дружить и родниться с ним был подвергнут гонению, «полцам Олеговым» тогдашним великим князем киевским Святополком вкупе с Владимиром Мономахом. Но последний, бывший и оставшийся в нашей истории как яркий ревнитель политики войны, искусный полководец, коим в действительности был, стал поистине Великим Государем, когда решил пресечь политику своего предшественника — великого князя Святополка Изяславича, постоянно враждовавшего с Полем. Кстати, о тяжкой беде, причинённой этой политикой, рассказано в «Слове» («Не тако ли, рече, река Стугна...»).

Но продолжим. Предложив новое прочтение зачина «золотого слова», мне следует согласовать его с дальнейшим текстом. Обращу внимание, что буквально все переводчики разбираемую фразу воспринимают как единое целое. Мещерский: «Рано вы начали землю Половецкую мечами тревожить». Жуковский: «Рано вы стали мечами разить Половецкую землю». Деларю: «Рано стали Половцев землю мечами губить». Воспроизведём эту фразу по-древнерусски, но разделённую запятыми: «Рано еста начала Половецкую землю, мечи цвелити, а себе славы искати».

Глагол «цвелити» воспринят в приведённых выше переводах как «тревожить», «разить», «губить». И все эти действия осуществляют Игорь и Всеволод мечами. Владимир Иванович Даль считает, что древний русский глагол «цвелить» имеет значение дразнить, раздражать, огорчать, мучить.

Однако в народном речении, как и в литературном языке, тот же глагол несёт в себе иное, происходящее от слова «цвель» (в современном украинском «цвіль»), у того же Даля — гниль, плесень, обмёт, ржавчина, чужеродный нарост, возникающий не только на продуктах, дереве, но и на металле от долгого неупотребления. Именно в этом упрекает Святослав князей, что они губят свои мечи, пытаются искать славы себе не в бою, но в мирной жизни: «Рано богатить начали землю Половецкую, мечи губить, а себе славы искать». Читаем дальше: «...Нъ не честно одолѣсте, не честно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена». Этим выражением князь обвиняет Игоря с Всеволодом в том, что им не по чести стало совершить боевой набег на степь, не по чести пролить кровь иноверцев и иноплеменников, даже несмотря на то, что сердца их из крепкого булата скованы и в смелости закалены. Тогда и понятно сокрушённое восклицание: «Что же вы сотворили моей седине?!» И смысл последнего восклица: вы хотели по-своему урядиться с Подем, хотели мир творить, а что получилось? Уже кричат и стонут под саблями половецкими русские люди, а князь переяславский Владимир Глебович изнемогает от ран в беде великой...

Но почему же этот упрёк, произнесённый со слезами, назван «золотым словом»? «Тогда Великий Святославъ изрони злато слово слезами смѣшено...» С этого и начинается его речь, его «золотое слово». Но вот сколько оно длится и когда завершено, тому в самом произведении ответа нет. Нет однозначного ответа и у исследователей. Есть утверждение, и оно принято за аксиому: Святославова речь весьма продолжительна, вплоть до плача Ярославны и занимает в издании 1800 года ни много ни мало двенадцать страниц из сорока шести. Но были и есть другие весьма обоснованные мнения, что «золотое слово» ограничено одним слёзным упреком (плачем), обращённым только к Игорю и Всеволоду. Великий князь вправе сделать этот упрёк, но и только. Ведь дочь его всецело на стороне задуманного

Игорем, она в какой-то мере и вдохновитель его (и её) высокой идеи, но и не может по существующим тогда этическим понятиям осуждать отца, противника задуманного северскими князьями. Вот почему, одаривая в «Слове» Святослава дочерней любовью, Болеслава представляет ему всего лишь «золотое слово, слезами смешанное» — коротенький плач.

С понятием «золотого слова» в русском языке, в русской речевой этике связано только одно понятие — краткость. В самом зачине «Слова» автор утверждает, что будет вести речь о трудном походе Игоря старыми словами, но не по замыслению бояна, растекающегося мыслями по древу, а глубоко, ясно, коротко. И такое намерение было выполнено вполне. Краткость в «Слове», вместившая в себя века древнерусской истории, бесчисленные события, картины народной жизни и быта, живые образы людей, верования, — не «сестра таланта», но родная мать гениальности. Вот поэтому, и только поэтому, речь великого князя названа «золотым словом», что она предельно кратка, но ёмка. Коротко и глубоко, по своим убеждениям, оплакал Святослав Всеволодович вырвавшихся из плена тогдашних привычных представлений о «государственном благе» и ввергнувших себя в беду своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода.

Не вижу власти брата моего

В только что прочитанном «золотом слове» Святослав Всеволодович, великий князь киевский, жалуется на то, что не видит власти сильного, богатого многими воинами брата своего, черниговского князя Ярослава. Известно, что тот не захотел участвовать в набегах на Половецкую землю в июле 1184 года и в марте 1185-го, организованных союзом князей во главе со Святославом. От последнего похода Ярослав отказался под предлогом, что послал к половцам своего боярина Ольстина Олексича. Того самого, который спустя всего лишь месяц с «черниговскими ковуями» пойдёт в Степь в полку Игоря.

Ярослав отказал родному брату в походе, но охотно откликнулся на просьбу Игоря «в помочи». Потому и не видит Святослав Всеволодович «власти сильного и богатого, и многовая брата Ярослава со черниговскими былями, с могуты и с татраны, и с шельбиры и с топчаки, и с ревуги, и с ольберы».

Надо полагать, что все перечисленные: были, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги и сольберы — отданы под власть Игоря. Кто же они такие и почему о них скорбит в своём слове великий князь? По его же утверждению, они — те самые, что «бес щитов с засапожники кликом полкы побеждают, звонячи в прадедную славу».

Исследователи склонны считать, что тут перечислены некие дружественные Руси иноплеменники, живущие вокруг Чернигова. Однако подтверждения этому в письменной истории нашего Отечества нет, как нет и в «преданиях старины глубокой». Доныне непонятно и значение почти всех этих словесных перечислений. Но учёные склонны считать: тут мы имеем дело с тюркизмами. А именно с названиями мелких тюркских племён. Поиск направлен не вглубь истории нашей Родины и в глубины древнерусского языка, но в иные страны, языки и наречия, что очень характерно для многих учёных, работавших над «Словом». Тогда как Автор направляет читателя на единственно верный путь, утверждая, что могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги и сольберы объединены одной прадедней славой. Они все — от одного корня, они — один народ.

Гордиться «прадедней» и «дедней» славой, возводить её в неотразимое сокрушительное оружие, умело пользуясь им на протяжении

всей истории, — непобедимая, могучая традиция русского народа. Вот почему именно с ней с древнейших времён вели непримиримую борьбу наши недруги. Лишить русских памяти, осквернить прошлое, предать поруганию дедную славу — главная козырная карта в руках и нынешних русофобов. Тех, кто пытается разорвать нерасторжимую историческую братскую связь народа Украины, Белоруссии, России... Все мы, ныне живущие в трёх суверенных странах, вышли из Руси Древней, Руси Киевской, Руси Северской. И все мы изначально русские!

Из учёных, кто когда-либо пытался объяснить значение слов: могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, сольберы — только Александр Фомич Вельтман в далёком 1833 году сделал попытку определить их русское происхождение. Слово «могуты» было понято им как «чёрные люди» — городские простолюдины.

Ярослав дал Игорю в поход черниговских людей — мастеровых из разных ремесленных слобод — чёрных сотен, кои и перечислены выше. Мы уже определили, что объединяло этих людей — общая прадедняя слава. Но есть и ещё одно, что собирает их вместе на победу. Это то, что они «без щитов с засапожники кликом полки побеждают».

Эту строку первые издатели перевели так: «Они без щитов, с кинжалами, одним криком побеждают войска...» У академика Лихачёва это: «Те ведь без щитов, с засапожными ножами кликом полки побеждают...»

Авторское «засапожники» первые издатели понимали как «кинжалы». В. Жуковский: «засапожные кинжалы»; Деларю считал: «без оружия и только одним криком побеждают они полки».

Но в древнем тексте нет ни кинжалов, ни ножей, ни оружия, но есть клик, которым черниговская чернь (чёрные сотни) побеждают полки, звоня в прадедную славу. И если засапожные ножи, кинжалы существовали на Руси как личное оружие при защите либо, чаще всего, в уличных стычках, либо как необходимые в охотничьей жизни и походах в бытовом употреблении, то «засапожный клик» с древнейших времен на нашей Родине был могучим ратным оружием в защите от иноплеменных захватчиков.

Действительно, можно ли остановить и, более того, победить чужие полки, конечно же конные, конечно же закованные в броню, одними только засапожными ножами да кинжалами, да одним только

криком? Конечно же нет! О таком и не слышали спокон веку на Руси! А вот с «засапожным кликом» — дело другое!

Засапожный клик — это та самая русская дубина, о которой и в сказке сказано, и в песне спето. Откроем «Толковый словарь» незабвенного рачителя русского языка Владимира Ивановича Даля и прочтём: «Сапог или сапог с корнем — кокора, пень с корневищем и корневым суком». По руке был такой сапожок с корнем, такая дубина мастеровому русскому люду, выходявшему плечо в плечо, спина к спине навстречу чужим полкам, защищая свой кров. И не одни выходили мужички мастеровые с «сапогами» — за ними, вооружёнными могучими дубинами, катился неудержимо клик — в сотни глоток орущая толпа: старики, женщины, дети — все «одним миром, одним кликом». От такого клика содрогалось закованное в броню войско захватчиков. Вспоминается великая «Дубинушка» в исполнении гениального Фёдора Шалапина. Сапог, кокора — русская дубина была издревле и до недавнего прошлого оставалась единственным народным национальным оружием. Кстати, при первой стычке с ордой на горькой реке Калке русские и половецкие дружины с великим кликом в ближнем бою, где были применены топоры и дубины (сапоги), победили татаро-монголов...

Из истории хорошо известно, что уже в одиннадцатом веке Чернигов мог поставить на свою защиту десять тысяч воинов. А сколько было тех, кто вставал с «засапожным кликом» в народной рати, которая без щитов, с одним только кликом полки побеждала, взывая к славе предков?!

Известно, что древнейший город Северной Руси — Чернигов был окружён многочисленными и многолюдными ремесленными слободами, раскинувшимися за крепостными стенами. Каждая слобода — отдельное село и крепостица. Среди них: кузнечные, гончарные, оружейные, плотницкие, столярные, землекопные, каменотёсные, скomorошьи, тележные...

Не скрываются ли донныне за перечисленными в «золотом слове» мастеровые черниговские люди, так необходимые Игорю при завершении похода, когда потребуетя не просто «найти» — обрести — древний русский град Тьмуторокань, но и обустроить новый по всем законам градостроительной науки? А иначе зачем вести в степь многочисленную черниговскую пешую помощь и тележный обоз?

Обращу внимание читателя на такой факт: в летописных рассказах о походе Игоря «черниговская помощь» названа одним словом — ковуи. Оно тоже представляло для исследователей загадку, и чтобы уяснить его, опять же многие из них искали ответ в иных наречиях и языках. Тогда как древнерусское слово «кова» — не что иное, как крепостная городская стена! Люди, живущие за пределами крепостной стены — ковуи, — те же, что и в «Слове»: татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, сольберы... Именно на пеший черниговский люд был нацелен главный удар хана Кзы, с которым в кровном родстве был великий князь Рюрик. К ним на выручку бросился Игорь, но был ранен, а затем и пленён.

Теперь повторим сказанное выше, вспомнив строку из зачина «Слова»: «Не буря соколы занесе через поля широкая; галици стады бежать ко Дону Великому». Как всё тут предельно ясно: не война (буря) занесла воинов русских (соколов) через поля широкие — толпы мастерового, чёрного люда (стады галици) спешат, двигаются («бежать») к Дону Великому. И люд этот, эти «стады галиц» надо сопровождать воинам Игоря и защитить их в случае непредвиденного. Что и совершили достойно русские воины и их князь-руководитель с братом Всеволодом!

У ратных была возможность всем до единого спастись от внезапного половецкого набега. Но Игорь не воспользовался этим. Вот как передаёт речь князя В. Татищев в своей истории, ссылаясь на Иоакимовскую летопись: «Иже побегнем и сами утечем, а чёрные людие оставим и погубим, то от Бога нам, сих выдавше, грех и большую казнь понести. Но или падём и живи будем, или умрём все вкупе идущие». Обратите внимание в этой цитате на слова «чёрные людие». В «Слове о полку» об этом сказано всего лишь одной короткой фразой: «Игорь полки заворочает». Её принято читать как «Игорь полки поворачивает». Но это не так. Смысл глубок и благороден. Князь приказывает воинам сойти с коней и встать заворой. Завора — преграда, в новгород-северских весях до сих пор сохранилось «ворьё» — забор, «ворьина» — палка, кол; «завор» — ограждение. Завора — и русский военный приём в оборонительном бою. Воины, спешившись, встают плотно, плечо в плечо, прикрывшись щитами и оцетинившись копийным частоколом, медленно, в строгом порядке отступают. Заворой полк Игоря прикрыв «чёрных галиц», «чёрных (мастеровых)

людей», а конный полк Всеволода встал «на борони» — боевом охранении. Потому и жалко Игорю брата, что вынужден оставить его, медленно отступая заворой.

Вернёмся к процитированному выше: «галици стады бежать к Дону Великому». В русском просторечии, сказаниях, былинах сравнение толпы людей со стаями (стадами) галок очень часто. Зачинщика бессмысленных сборищ, многолюдных ссор, где все кричат, галдят, суетятся, организатора таких толп, первого крикуна (оратора) в народе именовали «галочий воевода». Это отмечено и Далем.

Галками либо галицами называли на Руси плотников, печников, жожалых строительных мастеров. Вплоть до пятидесятых годов в Москве на Казанском вокзале существовал «галочий торг», куда к весне съезжались вольные строительные рабочие и те, кто хотел нанять их на работу. В стародавней русской народной песне поётся:

*«Ах, не галичка со стадом поднималась —
Поднималась сила-армия!»*

А в народном языке доньше сохранилось слово «топчаки» — плотники. Истопчить, истопка, сибирское «истопля» — всё отсюда. Истопчить бревно — обработать его топором, ошкурить, пропазить (сделать пазы) — придать вид деловой древесины. Инструмент, самый распространённый в Древней Руси — топ-ор, а искусно владеющий им — топ-чак, то есть плотник — пожалуй, самая заглавная профессия в любом человеческом сообществе с тех самых пор, когда было сооружено первое деревянное жилище. На киевской дороге из Чернигова широко раскинулось современное село — Топчиевка. Известное в далёкие времена своими искусными плотниками... А прислушайтесь, как плотник обрабатывает бревно топором: «топчак, топчак»...

Встретилось мне в моём детстве и слово «шельбир». Было оно прозвищем — Костя Шельбир. А был Костя совершенно необходимым человеком в патриархальной Лопасне — столяр. Столы, лавки, табуретки, стулья, комоды в лопасненских домах были произведением его рук. Шельбир — столяр. Слово это легко раскладывается на два доньше бытующих в среднерусских краях: щель — оструганная, хорошо обработанная доска (у Фасмера: щелить — раскалывать,

делить), и бирьё — мелкие выточенные из дерева детали, резьба по карнизам, любая другая резьба по дереву, набор столярных деталей. Из чего можно предположить, что мы имеем тут дело с древними деревянными дел мастерами. Сохранено и в просторечии название столярного инструмента — шельшебок.

Слово «ревуги» пришло ко мне не из дальних далей. Оно было близко и понятно с младенческих лет, а потом не раз и не два встречалось в моих странствиях по Средней Руси, Уралу и Сибири — то обозначающее глубокий ров, то таёжную падь, то отводную глубоководную лесную канаву для осушения болот. То же, что яруга, овраг, ров, балка, но только рукотворные. У Срезневского в Словаре древнерусского языка: Ръвник-ръвеникъ-ръвник-ревникъ — ров, яма; ръвеница — канал. Не кроется ли за этим древним русским словом «ревуги» опять же профессиональная принадлежность, так необходимые в древнерусском городском строительстве люди, умеющие окопать город глубоким рвом, возвести земляной вал для деревянных и каменных стен? Об этом есть упоминание в событиях, относящихся к двенадцатому веку, происходивших в Чернигове — «черниговцы окопались». Окопали город и слободы перед осадой.

И наконец странное для современного уха: «ольберы». Внимательный читатель уже заметил, что это слово писалось как «ольберы», и никто не пытался объяснить его смысл. Считалось, что оно иноязычное, определяющие некий народ, племя... Но с ним произошло то же самое, что и с «белкой». При реконструкции не была восстановлена из «сплошного текста» буква «с», упускаемая при гаплогизированном написании, и возникли загадочные «ольберы».

С древнейших времён на земле самым дорогим продуктом была соль. Её добывали разными путями, в том числе и в коях (шахтах), как и колодезную воду. Сольбами до сих пор называют в таёжной Сибири ямы, на которые приходит «солоновать» крупный зверь. В отличие от «солонцов» и «лизунцов» — горных выходов. Вероятно, в двенадцатом веке мастеров, умеющих закладывать глубокие копи, и не только соляные, прокладывать подземные ходы, строить хранилища для воды и пищи, выполнявших все необходимые в городе подземные работы, называли сольберами — нечто близкое к современным шахтёрам-проходчикам. Чернигов донныне славен подземельями, пещерами. И не только получившими мировую известность

Антониевыми. По мнению многих учёных, город донныне хранит великую тайну города подземного. Подземные сооружения в древних городах Руси совсем не редкость. Возникновение их было обусловлено оборонительной стратегией. И труд таких мастеров был крайне необходим во многих других случаях: добыча строительного камня, глины и песка для производства плинфы...

В Ярославской области в Переславском районе протекает река Со льба и на ней есть одноимённое село, известное Николо-Сольбинским монастырём. Там считают, что название Сольба произошло от угро-финского «солба» — живая вода. И снова ищут название в чужих языцах! Но вокруг — ни одного нерусского топонима. Зато есть Брынчаги, Половецкое, Ботогово, Скоморохово, Студенец, Муравейка, Пески, Ягренево, Купань, Колокарево...

Следует отметить, что все слова, разобранные нами, фонетически очень близки древнему русскому языку. Уверен, что при желании и достаточном усердии они обнаружатся не только во всё ещё сохраняющемся «народном языке» Белоруссии, России и Украины, но и в топонимах. Следует поискать!..

Несомненно, что между Полем и русскими северскими князьями существовал договор о мирной цели похода Игоря. Неслучайно черниговский боярин Ольстин Олексич был предварительно направлен в Степь послом. Неслучайна и тесная дружба Игоря с Кончаком, о ней хорошо известно русским летописцам. Но, кроме того, перед походом «поискать града Тьмутороканя» друзья принимают решение породниться. Игорь сватает дочь Кончака за своего сына Владимира.

Вот почему не без основания некоторые серьёзные исследователи видят в эпизоде, как принято считать, первого боя русичей с половцами элементы свадебного чина.

С миром и добром да ещё со сватовством идут русские в Поле, с благой идеей мира, с идеей утвердить права Руси на древнее отеческое княжество. Но этого, как сказано выше и в самом «золотом слове», не разделяли тогдашние властители Руси — Святослав и Рюрик, да и многие иные, которые упомянуты после «плача Святослава». Более того, князь Рюрик «наводит» своего зятя, хана Кзу, на Игорев полк, соблазнив великой добычей — не только громадным людским полоном, богатым обозом, но и «русским златом» — несомненно северские князья для осуществления грандиозного плана собрали не-

малую казну, которая находилась в походной «скотнице». Да и союз Игоря с Кончаком не без участия великих киевских князей был нарушен и оказался не вполне осуществим: свадьба состоялась только спустя два года. Можно утверждать, что Игоря просто-напросто предали. И было это выгодно не только властителям русским, но куда как более тем, кто противился идее возвращения Тьмутороканского княжества Руси и выходу её на все тогда существовавшие морские торговые пути. О них, слетевшихся немедля в великокняжескую гридницу, повествует «Слово»: «Въ граде Києве, въ гридницѣ Святъславли, ту нѣмци и венедици, ту греци и морава. Поють славу Святъславлю, кають князя Игоря...» — «В городе Києве в деловой зале Святослава — тут немцы и венедийцы, тут греки и морава, поют славу Святославу, казнят Игоря...» Именно тут, в славословии, «высадили Игоря из золотого княжеского седла в седло рабское». Ославили, как и деда его, Олега Святославича! С чего примчались в Киев все эти иноземцы? Ответ прост — в походе Игоря, в его благой идее видели они для себя великую опасность потерять торговые пути и влияние на Русском (Чёрном) море...

Тысячи русских людей, и в основном черниговские ковуи, не вернулись на родную землю. По некоторым данным, Игорев полк насчитывал более 14 тысяч. О них особый горький плач княгини Болеславы: «А Игорева храброго полку не кресити».

О ГОТАХ, ДЕВАХ, НЕКОЕМ БУСЕ И ШАРОКАНИ

Есть в «трудной повести» удивительный отрывок, всего в две строки, отнесённый учёными к так называемым тёмным местам: «Се бо Готскія красныя дѣвы възпѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю».

Так были прочитаны две эти фразы первыми исследователями; в таком виде напечатаны они в первом издании 1800 года. Там же даны и сноски. Первая: «(а). По какой связи сия одержанная Половцами победа могла доставить Готфским девам Русское золото, сообщить невозможно». Вторая: «(б). Кто был Бус, не известно; а о Шуракане в летописях под 1107 годом упоминается, что по имени сего князя назван был Половецкий, на реке Донце, город». Два собственных имени, три вопроса без ответов, три «тёмных пятна» всего лишь в двух предложениях. Не слишком ли много? Поэтому и привлекал этот крохотный отрывок внимание читателей, переводчиков, исследователей-учёных постоянно в течение двух веков. Но и донныне нет ясности, «по какой связи» в древнерусском тексте возникли готы, точнее их «красные девы», некто Бус и Шарокан? А тем паче, о чём идёт речь, что хотел выразить в этих двух фразах Автор?

Прочтём перевод с древнерусского первых издателей: «Раздаются песни Готфских красных девиц по берегам моря синего. Звоня Русским золотом, воспевают оне времена Бусовы, славят мщение Шураканово». Налицо явные потери. Необычайно упругие древнерусские фразы как бы порыхлели. Появилось много новых слов. Ритм сбился. Ушла таинственность и поэтичность звучания. А смысл вовсе не прояснился, если не сказать, что стал ещё более «тёмен».

Попробуем обратиться к современному переводу. Откроем юбилейное издание 1986 года: «Слово о полку Игореве. 800 лет». Может быть, в нём найдены ответы? Академик Д. С. Лихачёв предлагает своё прочтение: «И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают время Боза, лелеют мечь за Шарукана». Учёный попытался приблизить свой перевод к оригиналу, но, на мой взгляд, тоже неудачно. Вместо «время бусово» возникло «время Боза», «мечь Шароканю» превратилась в «мечь

за Шарукана». А смысл по-прежнему остался тёмным. Вопросы, возникшие при первом прочтении, остались неразрешёнными и спустя двести лет.

Попробуем сделать подстрочный, абсолютно точный перевод, исключив знаки препинания и собственные имена: «Вот же готские красные девы запели на бреге синего моря звоня русским златом поют время бусово лелеют месть шароканю».

И этот предельно точный перевод мало чем помог в прояснении смысла, однако почти приблизился к звучанию оригинала, к его упругости, звуковой наполненности. И всё-таки что-то мешает: либо чего-то недостаёт в ритмическом рисунке, либо что-то есть лишнее. Что же?

«Вот же готские...»

Ну конечно же — «готские красные девы»! Имеют ли сии иноземки право на существование в древнем тексте? Кто они? Почему о них вспомнила наша гениальная русская женщина?

Хорошо известно исторической науке, что готы в начале нашей эры жили на южных берегах Балтийского моря. Во II веке племена их начали движение на юго-восток и через столетие достигли границ Римской империи. В семидесятых годах третьего века произошло их столкновение с племенами антов. Некоторые учёные доказывают, что эти последние являются прародителями славян. В первой стычке анты победили готов. Но готский предводитель Винитар, собрав новое войско, наголову разбил предполагаемых предков славян, распяв на крестах семьдесят их князей. Среди казнённых был некто Бож — Бооз. В латинском оригинале имя это имеет начертания: *Voz* — *Vooz* — *Vox*. Вот почему в современном переводе академика Лихачёва возникает «время Боза». И это неслучайно, поскольку большинство исследователей считают, что автор «Слова о полку», повествуя о «готских девах» и о «времени Бусовом», имел в виду исторический эпизод столкновения готов с антами.

Вызывает сомнение некое странное перевоплощение Боза-Бооза в Буса. Но это почему-то во внимание не принимается. Вот и делает попытку в своём переводе Дмитрий Сергеевич Лихачёв «время бусово» заменить на «время Боза», узаконив такое прочтение. Правильно ли? И так ли всё безукоризненно в «готском» прочтении древнерусского текста?

То, что гениальный Автор «Слова о полку Игореве» знала древнюю историю, у меня не вызывает сомнения. Разумеется, ей мог быть хорошо известен эпизод поражения антов и казни семидесяти их вождей, среди которых был Боз. Думаю, что об этом можно было столь же блестяще написать, как написано о поражении Игоря. Но вот в том, что такой исторический факт хорошо помнила и знала Русь, коей адресовано «Слово», я сомневаюсь.

Семь столетий, отделившие Киевскую Русь от того события, — слишком большой срок для того, чтобы всего лишь по одному упоминанию «готских дев» и «времени Бусова» тогдашний читатель и слушатель мог мгновенно уяснить, о чём идёт речь. Я уже не говорю, что анты не суть предки русского народа. Тогда как же быть с красавицами-иноземками, что поют «на брезе синему морю»?

В начале прошлого столетия жил в России поэт и филолог Николай Фёдорович Грамматин. Был он старше Пушкина на тринадцать лет и умер за десять лет до смерти Александра Сергеевича. В совершенстве владел почти всеми европейскими языками, перевёл на русский Оссиана, составил и опубликовал русско-английский словарь, был знатоком древней нашей словесности и беззаветно любил и тщательно изучал «Слово о полку Игореве». Так вот ему — Николаю Фёдоровичу Грамматину — принадлежит сколь простая, столь и необыкновенно важная и глубокая мысль — «Слово» написано «самым древним простонародным (подчёркнуто мною. — Ю. Сб.) языком», который «гораздо труднее понимать находящегося в нашей Библии».

Странно, но эта мысль — ключ к прочтению «Слова о полку Игореве» — была оставлена без внимания многими и многими учёными, искавшими ответы на трудные, порой неразрешимые вопросы древнерусского текста в иных языках, иных культурах, иных мифологиях. А русский «простонародный», как и украинский, и белорусский, свято хранили и хранят донныне неисчерпаемые кладези «Слова». Попробуем на нашем примере проверить верность мысли русского патриота, современника Пушкина — Николая Фёдоровича Грамматина.

Как я уже сказал, в моём подстрочном переводе чего-то недоставало, что-то мешало в современном речении обрести гибкость и ритмичность древней строки. И это что-то — всего лишь частица «бо», переведённая как «же». Попробуем соединить её со следующим за ней

словом. И получится: «Се боготские красные девы воспели на бреге синего моря...» Как напряглась, как зазвучала строка! И появилось в ней нечто таинственное и в то же время вполне ясное по смыслу, если мы не будем гадать, откуда взялись тут девы древних готы, а обратимся к сути обретенного нами русского словосочетания — «боготские красные девы». А суть их проста — русалки. Русский историк прошлого века Дмитрий Иванович Прозоровский был весьма близок к тайне «готских красных дев». Он считал их «мифическими существами, подобными древним вакханкам». Однако опять же далёкими от русской мифологии и русского «простонародного» языка.

Но почему же, вправе спросить читатель, боготские красные девы — русалки? В русских народных поверьях русалки жили по рекам в глубоких омутах. Их ещё называли «омутными девами» (отмечу, что русалки всегда молоды, всегда красны — красивы, всегда поют и водят хороводы. Достаточно вспомнить Пушкина и Гоголя). Так вот то, что принято называть в «литературном» языке омутом, в народе называется — вырь, бучало и более древнее — богот, искомое нами. Удивительно то, что это слово не только не исчезло, не затерялось, как многие из тех, что были употребимы во времена «Слова о полку», но отмечено В. И. Далем в его «Толковом словаре»: бого т — омут, глубокое место в воде, диал., вологодск., яросл. — и живо донныне в разговорной речи многих регионов России, Украины, Белоруссии...

Непостижимо, почему в течение долгих двух столетий никому из сонма работавших над «Словом» не пришло на слух и на взгляд такое простое прочтение! Может быть, потому, что всё следующее далее противоречит этому? И как быть с «временем Бусовым», с Бозом? Для начала лишим его имени собственного, а всю строку выстроим так: «Се боготские красные девы воспеша на брезе синего моря, звоня русским золотом». И поставим точку. Какая необыкновенная, но явная картина возникает при прочтении. На берег сущего мира из бездны небытия медленно выходят с траурным пением боготские красные девы, позванивая при этом, как бы аккомпанируя пению, русским золотом.

Обращу внимание читателя, что в «Слове» море — это не только водоём, занимающий вполне определённое географическое место, но и бездна, пропасть, необъятность и то, что противопоставляется сущему миру, начало неизвестности.

Первые издатели недоумевали, каким образом могло достаться «Готфским девам русское золото». Не смогли на это ответить и все последующие исследователи. А вот откуда оно у русалок — яснее ясного. Ведь чуть выше по тексту Автор повествует: «кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во дне Каялы, реки Половецкия, русского злата насыпаша» (не подтверждение ли это, что поход князя был мирным, ведь двигался он с «жиром» — казной и золотом). Это русское золото и стало достоянием боготских дев — русалок. Под звон его и совершают они горькую тризну о тех, кого уже не воскресить: «а Игорева полка не кресити».

Пока, как видим, ничто не противоречит новому прочтению.

Прежде чем прийти учёным к решению, что «время Бусово» есть эпизод древнейшей мировой истории, было много и других предположений. Бусом считали то одного, то другого половецкого хана, то он становился «каганом Хазарским», то богом весны древних германцев, то наоборот — демоном, бесом у греков... Ответ привычно искали в иных землях, в иных языках, в иных историях. Однако были и те, кто пытался объяснить «время бусово», прибегая только к русскому языку. Увы, таких оказалось меньшинство, их изыскания не были приняты. Так, опираясь на словарь Даля, учёный-славист прошлого века В. В. Макушев считал, что «бусово время» — тоскливое, печальное; то же высказывал филолог и этнограф Е. В. Барсов.

Откроем и мы «Толковый словарь»: бусый — тёмно-голубо-серый, избура-серый, буро-дымчатый и буро-пепельный. А вот и ещё: бусова — тёмная синева неба, до восхода и после захода солнца.

Не относятся ли все эти определения к вполне конкретной поре, ко времени суток? Взошла луна в ночи, и мир вокруг преобразился, словно подёрнувшись буро-пепельной дымкой, таинственный тёмно-голубо-серый свет как бы изошёл из дна реки, а тёмная синева неба отступила, и тени вокруг стали избура-серыми. Это и есть — «бусово время», когда со дна речных омутов выходят на берег русалки. Они «поют время бусово, лелеют месть шароканю». И снова возникает удивительно ясная, поэтическая картина.

Известно, что, кроме песен, боготские девы исполняют обрядовый танец — ведут хоровод в память погибшего Игорева полка. Всё ясно по смыслу и необыкновенно поэтично по изображению, к тому же так неразделимо с русским национальным верованием.

Но впереди у нас ещё один вопрос, и последний. Что же такое «месть Шароканя»?

Большинство учёных склонны считать, что речь тут идёт о Половецком хане, который упомянут в Новгородской летописи под годом 1068, а в 1107 году это имя упоминается в связи с поражением половцев на реке Хорол, в «Поучении» Мономаха находим двух братьев Шаруканя, как отмечали первые издатели «Слова», был и город Шарукань.

Но несмотря на столь «обильное» упоминание этого имени в русских летописях, многие учёные относили этот фрагмент к мало понятным, «тёмным» местам. Это объяснимо, вероятно, тем, что имя Половецкого хана не совсем идентично тому, что написано в «Слове о полку». В исторических свидетельствах — Шарукан, Шуракань, Шурукан. В тексте «Слова» — шароканю.

Схожесть звучания разноязыких слов определила ошибочное прочтение.

Прочитаем снова окончание фразы: «...поют время бусово, лелеют месть шароканю». Глагол «лелеют» в русском языке многозначен, приведём тут все известные нам значения: колышут, качают, колеблют, манят, тешат, льстят, нежат, ласкают, холят. Возьмём одно из них — «колышут», поскольку в «Слове» «лелеять» встречается не раз, и только в значении «качать, колыхать»: «О Днепре Славутицю! ... Ты лелеял еси на себе Святослави насады...», «О Донче! Не мало тебе величия лелеявшу князя на волнах...», «Мало ли ты бяшетъ горъ подъ облакы веяти, лелеючи корабли на сине море?». Получается, что русалки «колышут месть шароканю». Конечно, а иначе и быть не может! Ведь они все вместе вступили на «шароку» и повели свой хоровод по «мести» — «меси»! «Т», вероятнее всего, появилось, когда переписчики или первые трактователи «Слова» решили, что речь идёт о мести некоему Шароканю. Однако как же её можно качать, колыхать? Скорее всего, в оригинале значилась «месь» — от слова «месить», «смесь». У Даля: «месивный — к месиву относящийся. Меселица — вязкая, топкая грязь: «Эка меселица на дворе!» Месель — то же». «Месью» же в русском простонародном языке называют и одернённую поверхность низкого пойменного луга — шароки. Шарока — «приречная низменная полоса, заболоченная луговина, излюбленное русалочье место». «Месь», по Далю, — неотжатый сок винограда —

давлѣнка, густое месиво, очень напоминающее болотную жижу, отнесѣнное им к российским виноделам-немцам. И. Срезневский в своём «Словаре Древне-Русского языка» приводит слово «мечь», однако не даёт разъяснения, поставив знак вопроса, но приводит пример из Никоновской летописи: «Он же собравъ врачейъ, они же даша ему мечь варень; и пивъ, растръже ютробу его, и ... умре». Скорее всего, тут речь идёт о снадобье, сборе трав, густом, с осадком, которым полили больного, хоть и безуспешно. А в русском простонародном языке «месью», «мечью» как раз и называют одернѣнную поверхность низкого пойменного луга — шароки, которая по весне зыбка и сыра, но к покосам становится прочной. «Пойду покошу по мести траву» — это из «простонародного» языка. Шар, шарить, шарота — в древнерусском языке означает краска, красить; шарописатель — живописец (И. Срезневский). Тут, скорее всего, мечь живописная, цветная и т. д., ведь луговая трава богата разнообразнейшим цветением. Её и колышут в предрасветное бусово время в майскую пору боготские девы. И как тут не вспомнить Николая Васильевича Гоголя и его «Майскую ночь»...

А нам осталось прочитать новообретѣнное:

«И вот боготские красные девы воспели на берегу, позванивая русским златом. Поют в пору бусову (в сумерках), колышут зыбь луговую». Всё тут родное, всё тут близко русскому сердцу с древних времён и донныне. И всё тут Русь и «Русью пахнет».

На дүнае Ярославны голос слышится

Ранняя рань и тёплая звень надо мной. И плывёт тишина над землёю от края до края. Вдруг в самом зените возникла белая птица, чуть-чуть озолоченная ещё незримым первым солнечным лучом. Гляжу и глазам не верю: раскинув крылья, плывёт по утреннему небу белая лебедь. Несёт её стремительная голубая река там, в вышине, в простор неоглядный. И кычет лебёдушка, и зовёт кого-то, и плачет... Кого зовёшь? О ком плачешь, белая лебедь?

Восшумела молодая листва на одиноком дереве рядом, утренняя звень пролилась в луговую зелень нарождающегося лета...

Что мне шумит, что мне звенит в раннюю рань перед зарёю?

Высоко вознеслась над Десною величавой и неприступной статью Путивльская гора. Стою на вершине, на едва различимом земляном валу и смотрю в даль дальнюю. Раскинулись за Десною пойменные заливные бирюзовые луга с серебряными колками раakit и краснотала, а там — берёзовые рощицы и солнечные гривы сосняков — до самого синего окоёма. Смотрю в даль зачарованную, в даль ненаглядную. Почти неразличимо возникла в неоглядной шири белой куделью дорога, зовёт к себе, манит: «Поспеши за мною. Возьми себе этот простор, эту разлитую до окоёма тихую любовь родной земли...» И вспомнилось давнее: «Не красна дорога чистыми полями да лесами дремучими, да реками глубокими — красна, что к людям вывела».

Прожил долгую жизнь, побывал во многих пределах не только бескрайней нашей родины, но и во многих далёких землях. Жил в иных странах и видывал многое. Но такой красоты, такого простора и такой неземной любви, разлитой вокруг, такой доверительной незащищённой нежности, такой неизбывной радости нигде не видел и не ощущал, как тут — на Путивльской горе, с которой видна как на ладони вся Русь, вся её необыкновенная суть от той далёкой, седьми веками окутанной майской рани 1185-го до нынешнего майского утра. Вся суть одного народа Древней Руси и суть нынешних равновеликих народов — украинцев, белорусов и русских — вся наша древняя, святая русская Троица объединена одним: самым светлым, самым высоким и пронзительным плачем — плачем Ярославны...

«...Ярославнынъ гласъ ся слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычеть: «Полечю, — рече, — зегзицею по дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ-рѣцѣ, утру князю кровавья его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ ...»

Так начинается этот плач, воссозданный в первом издании «Слова» 1800 года, признанный мировым шедевром средневековой литературы. Не ошибусь, если скажу, что этот шедевр на разные языки переводили поэты во всех цивилизованных странах мира. Нестъ числа всем «вызванным плачем» стихотворным переложениям, лирическим откровениям, стихам, рассказам, поэмам, написанным и опубликованным за двести с лишним лет, истекших со времени первой публикации.

Гений русской женщины достучался до каждого сердца из сонма всех прикоснувшихся к бессмертному тексту, и каждое откликнулось на её наполненное высокой любовью поистине СВЯТОЕ СЛОВО, на её нравственную проникновенность, на её душевную боль. И это главная Тайна из всех Святая Святых Тайн, которыми до краев наполнена древняя неподвластная тлену живая речь, живой ЕЁ голос.

Вот почему так необходимо нам, потомкам, понимать язык далёких предков, поистине Великий и Могучий в своей корневой основе, из которого возросли три равновеликих Наречия. Только обращаясь к ним со всей душой и сердцем: к мове белорусской и украинской, к русским народным говорам (увы, исчезающим) — сумеем проникнуть в языковые глубины «Трудной повести о Полку Игореве, Игоря Святославлича»...

Так думал я в то раннее утро нарождающегося «медвяного лета» на Путивльской горе. Над деснянскими забочками и старицами. Белой паполомой поднимались прозрачные туманы, перетекали в луга; и там, в лугах, паслись кони; и уже не лебѣдушка призывала к себе единственного и любимого, уплывшая на небесных потоках за окоём, но с десяток соколов застыли в поднебесье, выглядывая добычу в утренней рани...

Вокруг и во мне восставала Древняя Русь, и слышался плач Ярославны...

Всё ли услышали мы в этом плаче, всё ли уяснили в том речении, всё ли восприняли в сердце своё так, как это было?..

Плач Ярославны в «Слове» считается самым поэтичным и самым уяснённым. И если первое несомненно, то со вторым не всё так просто.

До сих пор нет ответа, почему Ярославна плачет на Дунае? Хотя Автор совершенно точно определяет место плача: «в Путивле на забрале». Нет и полной ясности, где находился тогда Путивль. В тексте княгиня уподоблена птице — зегзице. Кто-то из исследователей и переводчиков считает, что это кукушка, кто-то — горлица. Но кукушка в народной русской речи «кукует», в украинской мове «куе», в белорусской «кукуе» или «куе». Горлица «воркует», «воркоче», «буркуе». В «Слове» — кычет!

В нашем общем древнерусском языке и в современном русском «кычет» только лебедь. Точнее, лебедушка, призывая к себе «суженого». И плач Ярославны о том же — о любимом, о котором просит она, обращаясь к трём стихиям: Воздуху, Воде, Огню — к трём исконным славянским божествам: Ветру, Воде и Солнцу: «О Ветер-ветрило!», «О Днепр Славутич!», «Светлое и тресветлое Солнце!»...

Однако вернёмся к началу цитируемой строки, какой она принята для современного «канонического» чтения: «На Дунаи Ярославнынъ глас ся слышитъ, зегзицею незнаема рано кычет: полечу, рече, зегзицею по Дунаеви...»

Внимательный читатель отметит неидентичность этой строки с тем, что было в первом издании. После слова «глас» возникла частица «ся», «незнаемъ» превратилось в «незнаема». Такие внесения учёных, вероятно, допустимы, но я остаюсь убеждённым сторонником того, чтобы как можно меньше вносить поправок в первоизданный текст. Однако сейчас интересуют не эти поправки. Нам необходимо понять, почему голос Ярославны слышится «на Дунаи», когда плачет она в Путивле? И почему она полетит по Дунаю к мужу, находящемуся совсем в иной, далёкой от реки Дуная стороне?

Академик Д. С. Лихачёв в своём объяснительном переводе пишет об этом так: «На Дунае Ярославнин (жены Игоря — дочери Ярослава Осмомысла) голос слышится (голос Ярославны долетает до крайних границ Руси — до берегов Дуная)». И если это объяснение с очень большой натяжкой можно принять, ссылаясь на «поэтические гиперболы», на которые часто в своих толкованиях ссылается не один только Лихачёв, то полёт «зегзицею по Дунаеви» оставлен без объяснения.

Зададим себе простой вопрос: а есть ли в разбираемой строке река Дунай? О ней ли речь? Слышу однозначный категорический ответ:

конечно же, о том самом Дунае, о котором говорит Автор в своём обращении к Ярославу Осмомыслу: «заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота», «суды ряда до Дуная». Отвечу определённо: да, там речь идёт несомненно о реке Дунай. А в плаче Ярославны — нет!

С древнейших времён на Руси бытовала весёлая праздничная забава — запускать змея. Одинаково радостная и для детей, и для взрослых, и даже стариков. На русской сельщине совпадала она с праздником Вознесенья Господня. Каждая деревенька, каждое село преуспевали «в запусках», устраивая друг с другом весёлые соревнования: у кого выше поднимется в небо змей и продержится «на воздусях» дольше. Я в своём лопасненском сельском детстве ещё застал этот древний обычай.

Раннее утро, а на широкое выполье-угор у реки Лопасни собралось всё село от мала до велика. Тех, кто будет участвовать в запуске, не так уж и много, но у каждого свои «болельщики», своя «куча». Так и собираются кучками по всему полю. И у нас тоже своя «группа поддержки» и свой «запускник» со змеем. Неделю назад из села Дорохова к нам в Лопасню приехал погостить дедушка Константин. Дед мой был человеком неукоротным, общительным и до любого праздника и забавы охочим. Узнав, что лопасненские собираются устраивать запуски змея, тут же вошёл в дело. Сооружали они с отцом какого-то очень необычного змея: и по виду необыкновенного, ярко раскрашенного, и по конструкции весьма странного. Я при всех их действиях присутствовал неотлучно, очень волновался: полетит — не полетит. Были в этом некоторые сомнения у отца, но дедушка непреклонен в своём убеждении: «Ещё как полетит! Выше всех, дальше и дольше!..

И вот мы на полевом угоре... Зрители расположились по краю поля, а те, что со змеями, рассыпались по всему простору, дабы не мешать друг другу в запуске. И рядом с каждым взрослым обязательно сын ли, младший ли брат — мальчишка. А я с дедом... Уже многие пустились в забеги, пытаюсь поднять змея, кое-кому и удалось такое, над головами трепещутся их змеи, вот-вот понесутся в небо. А дедушка мой стоит себе на месте, задрал лицо в небо. Я его тормошу: «Деда, запускай, запускай, дедушка!» Уже и молю со слезами. «Подождать надо», — отвечает. «Чего ждать, дедушка?!» Как я тогда волно-

вался! И вдруг слышу спокойное и совсем мне непонятное: «Дуновея нет, Юрик. Без него змей не полетит...» И правда, все, кто торопился с забегом и у кого полоскались змеи над головой, все позадирали головы и ждут чего-то. И вдруг: «Бежим, Юрик!» И мы бежим с дедом по полю, и другие бегут, и уходят один за другим в небо змеи, успевай только отпускать с катушки нить и управляться с нею, чтобы не схлестнулись там, в вышине, плывущие по ДУНАЮ. И весело вокруг, и радостно, и пляшут и поют односельчане: «Ой дунай, мой дунай, весёлый дунай!» Не о реке это — о тех небесных потоках и, конечно же, о «тихих дунаях» — небесных реках, по которым сейчас плывут наши змеи... Придёт лето, и по ним в утреннюю, полдненную и вечернюю тихую пору будут плыть птицы: и ястреба, и соколы, и балабаны, и даже недвижимой чёрной кляксой — ворон. И клин журавлиный проплывёт по дунаеви. А кому повезёт, тот увидит, как пара лебедей опускается по дунаю к родному озеру, либо уплывает за окоём, покидая его. Мне повезло — я видел!

И голос Ярославны слышится там, в зените, на вышнем дунае, и по нему летит она лебедушкой к любимому... Так необычайно красиво называли наши далёкие предки тёплые воздушные потоки, возникающие на Северной Руси в зачине лета — дунаи. Отсюда и современные: дуновение, подул, дует, дуть...

«На дунае Ярославны голос слышится, лебедушкой невидимой рано кычет: полечу, молвит, лебедушкой по дунаеви, омочу шелков рукав в Каяле-реке, утру князю кровавые его раны на измученном его теле. Ярославна рано плачет в Путивле...»

Вот и приблизились мы вплотную ещё к одной великой тайне, не разгаданной до сих пор. Точнее сказать, к тайне, которая для подавляющего большинства исследователей и читателей не была тайной: где плачет Ярославна? И где расположен географически Путивль?

В начале главы я рассказал о Путивльской горе над Десною. И конечно же, внимательный читатель заметил «ошибку». Известно, что славянское городище, потом древнерусская крепость, а позднее Городок, именуемый ныне Путивлем, расположен на высоком берегу над рекой Сеймом, на краю Русской земли, перед великой Степью половецкой. Славен Городок в истории своими подвигами, своей отчаянной славой, своим долготерпением тяжких испытаний, выпавших на его долю.

Удивительно сердечным и скромным оказался для меня современный Путивль. Потаённо промелькнул мимо, спрятавшись за новыми домами широкой улицы тот, древний, ничем себя не выявивший — ни колоколенкой, ни крепостным валом, ни даже указателем. Легко катили мы широкой городской магистралью, и сердце сжималось в ожидании: вот сейчас впереди восстанет древний град, вознесётся над степью неприступная гора и распахнётся широко седой Сейм. Сейм действительно распахнулся широко в необъятных степных просторах в покатых берегах, и вот-вот машина, минуя современную громаду моста, окажется на иной стороне — в Великом Поле. Мы проехали нынешний Путивль из конца в конец, не обретя древнего. А когда обрели, долго не могли расстаться с этим удивительным, потаённо прекрасным, по сей день хранящим великие заповеди ушедших веков поистине святым местом. И Рождества Богородицы Молчанский монастырь, раскинувшийся на береговом кряже на месте кремля, и сам изначальный крепость-городок на неприступном «столпе», и уютные хаты в густой зелени садов по овражным скатам, остатки древнего рва и земляной почти уже невидимый вал, и всё-всё вокруг хранило в себе «преданья старины глубокой».

На самой вершине горы, где обустроили северские славянские племена первое городище, где русичи возвели одну из первых на реке Сейме крепость «для защиты от Поля», раскинулся небольшой парк с аккуратными чистыми дорожками, и на самом краю крутоярья стоит памятник княгине Ярославне. Громадное солнце упадает за горизонт, окрашивая и небо и простор земной в нечто живое и алое. Этот цвет разливается до самого окоёма по неоглядной степи, наполненной настороженностью и даже тревогой. Туда, на юг, куда уходили не раз сторожевые русские полки и куда совершали грабительские набеги (и такое почасту случалось) боевитые русские князья, и откуда накатывали кочевые орды и племена, туда — в «землю неизвестную» всматривается выявленная скульптором княгиня. Тут бы и плач её услышать. Но плача не слышится. Не плакала тут на «забрале» Ярославна. Да и сам крепостной Городок назывался тогда иначе — Путимлем. Когда произошло его переименование в Путивль, установить пока не удалось.

А вот о Путивле над Десною как о князем городе вблизи стольного удельного Новгорода Северского совершенно определённо свидетельствуют летописи. Удивительная по своей глубине память

народа сохранила в первоизданности название — Путивльская гора. Сохранился раскинувшийся вдоль берега Десны населённый пункт, хуторок — Путивск. Проведённые на горе недавно, к сожалению, очень небольшие археологические раскопки подтвердили наличие строений второй половины двенадцатого века.

Древний новгород-северский Путивль представлял собою хорошо укреплённый город на пересечении важных путей, ведущих в Чернигов и Киев, в Рьльск и Курск, в Посемье и Поле и дальше, через Путимль, в половецкие степи. Сюда же стекались дороги с севера — из Трубчевска, Дебрэнска, Карачева, из Русских Вятичей, из Суздальских и Владимирских земель... И в то же время Путивль и Новгород Северский находились как бы в отдалении, как бы даже на краю «исторической сцены», на которой разыгрывались основные действия и единоборства Древней Руси. Однако губительная междоусобная трагедия, вспыхнувшая с невероятной силой в 1146—1147 годах, жестоко прокатилась и по Новгород-Северской земле. Тогда и отметили русские летописи Путивль над Десною.

Свидетельства Киевской и Никоновской летописей весьма обширны и необходимы для тех, кого заинтересует вопрос, на Десне или на Сейме ранним утром плакала Ярославна. О событиях, развернувшихся на Северских землях близ Новгорода, убедительно повествует и Карамзин: «...Давыдовичи заняли село Игорево, где сей князь имел дворец и хранил своё богатство; нашли вино и мёд в погребях, железо и медь в кладовых; отправили множество возов с добычею и, веселясь разрушением, сожгли дворец, церковь, гумно княжеское, где было девятьсот скирдов хлеба... Сам же выступил из Киева (речь идёт о великом князе Изяславе Мстиславиче. — Ю. Сб.) и соединился с князьями черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная их вероломство, жители не хотели договариваться с ними, но охотно сдались великому князю. Там находился собственный дом Святослава (Святослав Ольгович — отец Игоря Святославича, героя «Слова», князь новгород-северский. — Ю. Сб.): князья разделили его имение. Летописец рассказывает, что они нашли в выходах 500 берковцев меду (1 берковец = 163.804815 килограмма) и 80 корчаг вина; ограбили славную церковь Вознесения, богатую серебряными сосудами, кадилницами, утварью, шитою золотом, коваными Евангелиями и книгами. Семьсот рабов Княжеских были также их добычею...»

Сделаю краткое объяснение к этой цитате. Черниговские князья — двоюродные братья Святослава Ольговича, предав родственные клятвы, шли с войском по черниговской дороге на Новгород Северский. Игорево Сельцо (ныне деревня Горки) отстояло от Путивля всего лишь на пять километров. Вот почему сразу же подвергся осаде Путивль. Упомянутый князь Игорь, чьим именем названо Сельцо, — родной брат Святослава Ольговича, и в честь него был назван наш герой — супруг Ярославны. О нём я написал историческую диологию «Великий князь». В то смутное время Путивль, являвшийся, кстати, «конюшенным» княжьем городом, не был уничтожен, а только разграблен. И через тридцать восемь лет с его стен прозвучал бессмертный плач, который и доныне можно услышать по утренней рани на вершине Путивльской горы, хранящей в своих недрах тайну и память родного Слова.

...Уезжал я из современного Путивля над Сеймом с тревожным сердцем. Мне было нестерпимо тяжело, что я розысками своими, своим убеждением лишаю этот, тоже дорогой для меня, город такой светлой и прекрасной легенды, в какой-то, и очень значительной степени ставшей историческим фактом. Но факта этого не было в истории, так гениально поведанной потомкам величайшей женщиной Древней Руси княгиней Болеславой Святославной... В крещении Марией.

Увы, Ефросинья Ярославна в пору похода Игоря «поискать града Тьмутороканя» не могла находиться в Посеймье.

Как уже было сказано, исследователи склонны считать, что походные стяги стоят в городе над Сеймом, в котором ждёт отца дружина сына. Попробуем не согласиться с таким утверждением большинства и поразмышляем, согласовываясь с историческими фактами. Известно, что Путивль на Сейме — южная рубежная крепость Новгород-Северского княжества, расположенная на самом краю Поля, вблизи от «незнаемых» половецких земель. Но он же и пограничный град с Переяславским княжеством, князь которого, Владимир Глебович, в то время находился в открытой вражде со всеми северскими князьями, и особенно с Игорем Святославичем. Один простой вопрос: как можно объяснить решение Игоря перед долгим и поистине весьма опасным походом «через земли Половецкие на землю Русскую» перевезти свою большую семью, княгиню и малолетних

детей, из безопасного «отчего» гнезда в гнездо сторожевое? На руках Ярославны к тому времени были два малолетних сына и две дочери — у Игоря, как и у всех русских князей, многодетная семья. Зачем же подвергать её совершенно определённой опасности? На этот вопрос не может быть ответа. Поскольку такого просто-напросто в той походной обстановке быть не могло. Ярославна с детьми, несомненно, осталась либо в хорошо укрепленном северном Путивле, либо в Новгороде Северском. И в том, и другом были княжеские дворы за кремлёвскими стенами. И посему никак не могла плакать она на «забрале» Путивля на Сейме.

ОБРЕТЕНИЕ СЛОВА

Украинский след от Чернигова до Ярославля

Где, когда, кем было обнаружено «Слово о полку Игореве»? Кем и когда была совершена первая реконструкция и переложение на современный язык пятнадцатого, восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого века?

Почему не была снята точная копия с древнего списка при наличии в то время искусных копиистов?

Почему видевшие и держащие его в руках не сторонние русской истории люди, знатоки удовлетворились более чем короткими устными впечатлениями и никто из них не прибегнул к тщательному и подробному описанию?..

Вопросы, вопросы... Несть им числа! Они неизменно вставали и встают не только перед каждым исследователем, но и перед каждым, кто прикасался душой к этому произведению. И на них по сей день нет определённых ответов.

Принято считать, что «пальма первенства» в обнаружении принадлежит собирателю русских древностей графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину. Исследователи считают, что оно хранилось в его московском доме на Разгуляе, уничтоженном пожаром 1812 года. Однако известно, что многие ценности и книги были вывезены графом в своё загородное имение ещё до взятия Москвы. Погиб в пожаре и весь остатный тираж издания «Слова» 1800 года. И если он представлял некую трудность в перевозке, то такое никак нельзя отнести к хранимому «подлиннику», который уже тогда представлял исключительную ценность, не только историческую, но и научную.

Свою библиотеку граф начал собирать ещё в 1775 году, ко времени московского пожара в ней хранились древнейшие русские летописи, рукописи и книги, собственноручные бумаги Екатерины Второй, архивы известных государственных лиц и их частные великие библиотеки. Многие из этого библиотечного богатства А. И. Мусин-Пушкин приобретал сам и его «комиссионеры», что-то переходило по завещаниям, многое было подарено. Так, после смерти

замечательного учёного, историка и государственного деятеля И. Н. Болтина в 1792 году императрица выкупила громадную и ценнейшую его библиотеку с архивом и подарила графу. По свидетельствам современников, Болтинская библиотека насчитывала более «ста связок», в ней хранились и личные рукописные труды усопшего, в частности, список «Русской правды» в переводе на «современный язык». И все эти неоценимые сокровища, равно как и «Слово о полку», погибли, по утверждению А. И. Мусина-Пушкина (других свидетельств нет) в Большом московском пожаре 1812 года. Ничем невозможно объяснить его решение оставить в столице на произвол судьбы крупнейшее и редчайшее во всей России книгохранилище. Утверждение, что граф не верил в сдачу Москвы французам, мало убедительно. Так, управляющий Московским архивом Николай Николаевич Бантыш-Каменский, принимавший участие в издании в 1800 году «Слова о полку», ещё до начала Бородинской битвы собрал 350 сундуков ценных документов и вывез их сначала во Владимир, а потом в Новгород.

А была ли возможность вывезти библиотеку у Мусина-Пушкина? Несомненно была! Даже в самые последние дни — после Бородинской битвы вплоть до решения Кутузова оставить город и до вступления Наполеона в кремль. По свидетельствам самих французов, Москва, во всяком случае центральная часть её, была абсолютна безлюдна. Дома и дворцы знати были покинуты не только владельцами, но и челядью. Где в это время находился граф Мусин-Пушкин, доподлинно неизвестно, кроме как в упоминании, что он собирал ополчение в своих ярославских владениях.

Однако по прошествии времени оказалось, что наиболее ценные книги, древние манускрипты и рукописи, «погибшие при пожаре», сохранились, но нет среди них «Слова о полку». Почему?..

Вернёмся к началу обнаружения Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным «Слова».

Известно по крайней мере три свидетельства самого графа о находке. Одно из них, самое конкретное — ответ графа в письме от 1 декабря 1813 года молодому учёному К. Ф. Калайдовичу на вопрос, где и когда найден древний список. Однако ему предшествует письмо к Дмитрию Николаевичу Бантыш-Каменскому, сыну хранителя всей «старинны глубокой», архивиста, историка, знатока письменных

древностей Руси — Николая Николаевича Бантыш-Каменского, который, как сказано выше, принимал участие в издании «Слова о полку», но в чём оно выражалось, доподлинно неизвестно. И это ещё одна тайна...

Вот что писал Дмитрию Николаевичу, сыну Николая Николаевича, Алексей Иванович из своего поместья — села Иломна Ярославской губернии 1 декабря 1813 года: «С прошедшею почтою получил я журнал Вест[ник] Евр[опы], в коем, к крайнему удивлению, нашёл записку Биографии моей напечатанную, чего я в журнале никак видеть не надеялся, ибо в оной есть такие обстоятельства кои, кроме меня, никому неизвестны; а потому и ясно, что она мною сочинена, которую, читав не знающий меня коротко или кто из неблагонамеренных, легко почтёт меня лжецом или хвастуном, что крайне неприятно, ибо в доказательство тому остались только те люди, кои у меня многое видали, а чтобы всякому неблагонамеренному было чем запереть рот, того способа я злодеем лишен: вот что для меня весьма неприятно. Записку сию сделал я по письму вашему из уважения желания преос. Калужского и послал оную к вам с тем (ежели вспомните), чтобы показали оную почтенному вашему батюшке (Н. Н. Бантыш-Каменскому. — Ю. Сб.), и ежели он одобрит, то бы доставили куда следует, показали ли вы оную ему, я не знаю; а напротив того, теперь вижу оную в журнале; что, признаюсь вам, мне весьма неприятно; лутче бы о том прежде печатания со мною снеслись...»

Речь тут о биографии Мусина-Пушкина, подготовленной к печати К. Ф. Калайдовичем и опубликованной в журнале. А строка: «обстоятельства кои, кроме меня, никому неизвестны» и далее несомненно относятся к вопросу приобретения «русских книг» у архимандрита Спасского монастыря. Эти строки весьма мало цитировались, а тем паче разбирались в исследованиях о «Слове». А между тем, в них заключено многое, что объясняет последовавший негативный взгляд на жизненные деяния и личность графа.

Читаем дальше: «С прошедшею почтою получил я от госп. Калайдовича от 20 числа письмо, коим требует он ещё объяснения: в полтине; о Игоровой Песне и о других ещё подробностях. Когда с ним увидитесь, прошу ему сказать, что я как удосужуся и буду поздоровее, то отвечать ему буду, и пожелание его исполню охотно; а как я примечаю, что он до исторических и отечественных древностей охотник

и знаток, то вместо требуемого им с полтины рисунка пришлю ему подлинную; что надеюсь скоро исполнить и прислать с отправляющимися отсюда людьми в Москву на следующей неделе».

Обещанное исполнено. «Охотнику и знатоку отечественных древностей» отправлено послание, строки из которого впервые опубликованы Калайдовичем только в 1824 году, спустя семь лет (!) после смерти Мусина-Пушкина. Они цитировались всеми, кто когда-либо писал о времени и месте находки, не десятки, а сотни раз в течение более чем двух столетий.

К сожалению, письмо Мусина-Пушкина не сохранилось и известно лишь в отрывках, каким его и опубликовал Калайдович. Но есть что-то таинственное и притягательное в этих строках! Но что? Вглядимся в каждую букву, вчитаемся, вдумаемся:

«До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323-м, под названием Хронограф, в конце найдено «Слово о полку Игореве...»

В восьмидесятые годы восемнадцатого столетия указами императрицы по всей России закрывались многие монастыри. Не избежал такой участи и первостепенный Спасо-Ярославский монастырь. Не будем вникать в причины, побудившие к таким решительным действиям Екатерину Вторую. Для нас весьма важно, что Мусин-Пушкин вполне конкретно называет место находки, имя человека, у которого приобретены «все русские книги, в числе коих» найдено «Слово». Однако граф не определяет ни время приобретения, ни имени своего комиссионера, который осуществил покупку. Не сказано, кем обнаружено в рукописной книге «Слово». Не известно о личном знакомстве архимандрита с графом, о их встречах. Но смею утверждать, что они знали друг друга и общались. Забегая вперёд, скажем, что «Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности» всю свою жизнь был собирателем книг. Его личная библиотека насчитывала многие сотни рукописных и печатных русских изданий, в том числе и древних. И не только, даже не столько богословских, сколь мирских. Архимандрит, в миру Иван Быковский, собирал

книги по истории, географии, философии, поэзии, искусству, мифологии гораздо ранее графа и совершал это всю свою долгую жизнь. Особую часть собрания составляли словари.

Мусин-Пушкин не мог не заинтересоваться его библиотекой, достаточно часто бывая в Ярославле, главное имение его находилось в этой губернии. Характеризуя архимандрита как личность «с просвещением», граф не только признавал его «начитанность», но знал как писателя. В начале шестидесятых годов Иоиль написал и издал в Чернигове крайне необходимую по тому времени книгу: «Букварь, или Начальное учение хотящим учиться книг писмены славенскими». Это уникальное издание дошло до нас всего лишь в двух экземплярах. Одно хранится в Праге, другое в Ярославле. Кроме того, граф несомненно знал о подвижническом труде всей жизни Быковского над книгой «Истина, или Выписка о истине». Эта уникальная рукопись несомненно интересовала Мусина-Пушкина. В ней были собраны выписки из книг, прочитанных автором за долгую жизнь, с комментариями к ним и рассуждениями о жизни человеческой и бытии, о событиях, относящихся к давней истории и бывших на его памяти... Удивительно, что, не зная об этом, я начал писать таковую ещё в школьные годы более 75 лет назад и пишу до сих пор, назвав её «Пчелиная книга». И написано уже более четырёх томов...

Но вернёмся к чтению письма Мусина-Пушкина:

«В последние годы находился он (архимандрит) в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги...»

В какие «последние годы»? Почему мог находиться в недостатке архимандрит Иоиль, он же Иван Быковский? И ещё: кто комиссионер? По какому случаю? Вероятно, вот эти вопросы и составляют притягательную силу, которая заставляла читать и перечитывать очень многих в течение более двух столетий это «неполное» послание. Калайдович по неизвестным причинам не опубликовал письмо полностью. И это тоже остаётся неразрешённым вопросом. Однако в весьма неопределённом выражении «в последние годы» Мусин-Пушкин, сам того не ведая, открывает нам время приобретения «Слова». Архимандрит «находился в недостатке» не по причине того, что был лишён права управлять монастырём и лишился иных должностных обязанностей (ректор семинарии, издательский цензор), всё это ещё впереди, а только потому, что решил издать труд всей своей

жизни — весьма объёмную книгу «Истина, или Выписка о Истине». Предприятие, по тому времени требующее очень больших средств. И произошло это ещё до закрытия монастыря, вот тогда «комиссионер мой (графа. — Ю. Сб.) купил у него все русские книги». Мы можем вполне определённо говорить, что покупка совершена ранее 1787 года, поскольку в этом году книга вышла в свет, а средства на её издание необходимы были Быковскому самое позднее в году 1786. Эта дата подтверждена им самим в предисловии к книге, в котором автор, как это тогда было принято, называет себя в третьем лице: «К сей Выписке принудило его то, что он, дожив до 80 лет, приметил кривотолков о нужном в жизни, а паче о христианстве...» Во всю свою долгую трудовую жизнь был он обеспечен достойным жалованием. После своего увольнения от всех должностей получал пенсию — сумму, равную окладу при управлении монастырём. И недостаток средств мог испытывать только тогда, когда решился издать весьма объёмную книгу (около 400 стр.), повторюсь, труд всей его жизни — «Истина, или Выписки о истине». Вот тогда: «по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323-м, под названием Хронограф, в конце найдено «Слово о полку Игореве». В конце 1813 года этот краткий ответ Мусина-Пушкина на вопрос, как было обнаружено «Слово о полку», удовлетворил Калайдовича и не вызвал у него новых вопросов. А ведь они явны, кроме разобранного выше, остались другие. Небезынтересно узнать имя комиссионера, и что скрыто под выражением «все русские книги»? В большой личной библиотеке архимандрита хранилось много книг, изданных на русском языке, или это относится только к рукописным? И самое главное: «в числе коих в одной под № 323-м, под названием Хронограф, в конце найдено «Слово о полку Игореве».

Во всяком случае, неизвестны какие-либо его неудовлетворённости. Однако публикация отрывка из письма спустя семь лет после смерти Мусина-Пушкина вызвала в обществе необыкновенный всплеск разнотолков. Некоторые усмотрели в ответе Алексея Ивановича желание утаить подлинные факты приобретения рукописи, иные пошли дальше, обвиняя не просто в нечестности, но даже в подлоге и мошенничестве. Как и предполагал граф: «...не знающий меня коротко, или кто из неблагонамеренных легко почтёт меня лжецом или хвастуном». Удивительно, но дальнейшие исследования

в течение многих-многих лет, вплоть до нашего времени, были направлены в это русло. Потрачено много трудов не на то, где, когда и кем обнаружено «Слово», а на то, чтобы подвергнуть сомнению и, более того, доказать ложность сообщённого в письме...

Однако ряд серьёзных исследователей пришли к убеждению и доказали, что рукопись «Слова» действительно приобретена графом у архимандрита Ярославского Спасо-Преображенского монастыря Иоила (Ивана Быковского). Исходя из фактов, выше изложенных, мы определяем время приобретения — 1786 год. Но тут же возникает и ещё один вопрос. Почему не обнаружил «Слово» Мусин-Пушкин вплоть до смерти архимандрита Быковского?

Кто он, «муж просвещённый и любитель словесности»?

Июль

Белой свечой в небо колокольня черниговского Троицко-Ильинского монастыря с золотым язычком пламени восходящего солнца на куполе. Десятилетие назад увидел такое, и до сих пор согревает сердце эта свеча. Мне было уже далеко за семьдесят, когда впервые поднялся на колокольню.

Женщина-смотрительница у входа с почтением сказала: «Ступайте с Богом! — И добавила: — Можете и в колокол тихонечко ударить...»

Достаточно долго поднимались по крутой лестнице этой единственной по своей высоте на всей левобережной Украине звонницы. Но ударить в колокол не довелось. Мягкий окатистый, душу облегачущий звук возник сам по себе, когда взошли на завершие. Это поразило тогда, и нет тому объяснения до сих пор. Кроме как сказанное, кем, уже и не помню, в моих скитания по Руси: «Колокол — голос предков от века бронзового до нашего века». Вот и мои черниговские предки откликнулись...

Мог ли я предполагать тогда, что эта свеча затеплится добрым пламенем в этой главе?! Гений Александра Сергеевича Пушкина, равно родного как России, так и Украине, отметил: «Замечательные люди исчезают у НАС (выделено мною. — Ю. Сб), не оставляя по себе следов». Пристально занимаясь последние годы историей Руси-Украины, я постоянно открываю, надеюсь, не только для себя, замечательных украинцев, как ни странно, исчезнувших «без следа» из памяти потомков.

Вот и один из них — Иван Быковский. Приведу написанное о нём в «Словаре XVIII века»: «Быковский Иван (в монашестве — Иоиль) 1706 25VIII – 5IX 1798, Ярославль. С 1741 по 1752 или по 1753 учился в Киево-Могилянской академии. В 1757 принял монашество и стал учителем аналогии в Киево-Могилянской академии. В февр. 1758 Киевская дух. Консистория отправила его преподавать в Петербург в Сухоп. Шлях. Корпусе. В нач. 1760 переведён в Чернигов архимандритом Троицкого Ильинского монастыря, с 1776 — архимандрит Спасо-Ярославского монастыря, до 1787 — ректор семинарии при Спасо-Ярославском монастыре и духовный цензор печатавшихся книг. 3 июля 1787 по «высочайшему указу» об упразднении

Спасо-Ярославского монастыря и превращении его в архиерейский дом Быковский был уволен на пенсию (в размере годового архимандритского жалованья) и остался жить в монастыре, отстранённый от всех дел».

В этой краткой биографической справке есть откровенные несуразицы. Указано, что Иван Быковский учился в Киево-Могилянской академии с 1741 года по 53, как и положено тогда, двенадцать лет. Выходит, что поступил тридцати пяти лет от роду, а закончил учёбу в сорок семь! Через четыре года, в 1757-м, в пятьдесят один от роду принял монашество и стал преподавателем аналогии в академии. А всего через год он уже преподаватель Петербургского Сухопутного Шляхетского корпуса — великосветского учебного заведения Императорского Двора, диакон «корпусной» церкви и одновременно законоучитель Императорской Академии Художеств. В ноябре 1760 года рукоположен в священники. В этот период ему явно благоволят светская и духовная власть.

Возрастное несоответствие начала биографии побудило в дальнейшем несколько изменить её. Приведу цитату из «Энциклопедии «Слово о полку Игореве», изданной в Санкт-Петербурге в 1995 году: «ИОИЛЬ (Быковский Иван; 30.III (10 IV) 1726, Белоруссия — 25.VIII, (5 IX) 1798, Ярославль) — церковный деятель. В Киево-Могилянской академии занимался с 1741 по 1752 (1753). В 1757 Иван Быковский принял монашество и получил иноческое имя Иоиль. Принятие монашества открывало ему доступ к преподаванию в Киево-Могилян. академии. В 1157 он иеродьякон, учитель аналогии. В феврале 1758-го он отправлен в Петербург, в Шляхетский кадетский корпус...» Эта справка «омолаживает» Быковского на двадцать лет. Но как быть со свидетельством его самого о прожитом?! Преклонный возраст подтверждён письменно близким знавшим архимандрита директором Ярославского народного училища Соковниным, который характеризует его как «мужа учёного и добродетельного». И многие другие современники подтверждают этот возраст. На каких фактах основана «новая» дата рождения, установить не удалось, как и обозначенное место рождения — Белоруссия...

Не совсем верно и утверждение, что «принятие монашества открывало ему доступ к преподаванию в Киево-Могилян. Академии». Со дня создания академии среди преподавателей было немало

не только духовенства, но и светских лиц. А вот то, что постриженный в монашество инок менее чем через год отправлен Киевской консисторией в Петербург в императорский кадетский корпус диаконом и преподавателем аналогии, представляет великий интерес. Отмечу, что сие было совершено по запросу самой императрицы митрополиту киевскому Арсению прислать «доброжелательного и учёного человека для занятия вакантной должности дьякона в Сухопутном шляхетском корпусе». В том же 1758 году начинается обучение в только что созданной Петербургской Академии Художеств, в которую преподавателем, «толкователем катехизиса» сразу же зачислен иеромонах Иоиль Быковский. С июня 1758 г. по декабрь 1765 г. Быковский преподавал в Сухопутном шляхетском корпусе в Петербурге и в Академии художеств. Был иеродьяконом, а с 1760 года рукоположен в священники и становится настоятелем «корпусного» Храма Рождества Иоанна Предтечи.

Такое стремительное восхождение по «карьерной лестнице», конечно же, связано с исключительными качествами самого человека, с его «добродетельностью и учёностью», с «просвещённостью», с несомненной одарённостью многими талантами, но несомненно и то, что судьба его явно связана с кем-то из сильных мира сего... Попробуем, углубляясь в подробности биографии «мужа добродетельного и учёного», определить благодетеля, несомненно находящегося на самом высоком уровне власти. А пока определимся с его фамилией.

Быковские достаточно широко распространены в Белоруссии, России и Украине. Однако знатоки в области генеалогии считают фамилию изначально украинской. Примем это за истину, потому что дальнейшие события в жизни Ивана Быковского подтверждают это.

В известных важных исторических записках люди с этой фамилией относились к высшему обществу славянского происхождения в XVIII–XIX веках, имевших большую власть и почести. В основном все они выходцы из Украины. Древние упоминания фамилии можно найти в перечне переписи населения Московии в период Ивана Грозного. У царя был особый реестр знатных и лучших фамилий, которые вручались приближенным только в случае особых заслуг или поощрения. Тем самым указанная фамилия сохранила личное индивидуальное обозначение и является исключительной. Написание в перечне сделано латиницей: BYKOVSKIY.

Во времена Речи Посполитой распространена среди шляхты на территориях белорусских и украинских. Немало специалистов генеалогической науки считают, что носители её являются потомками княжеских, боярских родов Киевской Руси. В прошлом эта фамилия была распространена и среди духовенства.

Нередка она и на Черниговщине. В письменных памятниках отмечен некто Быковский — «черниговский подстольный». Марк Иванович Быковский — коллежский советник, лекарь по профессии, внесён в дворянскую родовую книгу Новгород-Северской дворянской комиссией, а трое его потомков — в черниговскую. Обратим внимание на имя и отчество родоначальника семейного дворянства. Библейские имена чаще всего давали в семьях духовенства. В списках духовенства Черниговской епархии за 1876 год числится настоятелем Покровского храма в селе Яновка (Ивановка) и Рождества Богородицы в селе Колычевка священник Василий Быковский. Не являются ли они потомками Ивана Быковского, в монашестве Иоилия? Факт принятия монашеского чина в зрелые годы для русского православия обычен. Его принимало белое (мирское) духовенство чаще всего со смертью супруги. В народе есть присловье: «У попа одна жена». Овдовевший по своему желанию либо уходил в монахи, либо на всю жизнь оставался вдовцом. Иван Быковский принял первое в пятьдесят один год от роду, будучи диаконом. Это же указывает на то, что Иван Быковский происходил из духовной семьи, во всяком случае, отец его был приходским дьяконом в одном из сёл черниговской губернии...

От Чернигова до Лемешей

Осень 2013 года на Черниговщине была долгой и тёплой. За весь срок ни единого утренника, и дождало не шибко. Двадцать седьмого ноября пришёл первый зазимок. Утро солнечное, небо до самого окоёма чистое и голубое, ни единого пёрышка. А травы и деревья в городском саду в подвенечном уборе. По солнечности, голубизне, по белизне проехали город. Люблю Большую киевскую дорогу, изначально проложенную Храбрым Мстиславом, первым черниговским князем из рода Владимирова. Минули села Кольчѣвку, Ивановку (в прошлом — Яновку), отмеченные мною выше.

В машине тепло от обилия солнца, а на воле держится прочно морозец. Мороз и солнце — день чудесный. Распахнулись широко украинские поля до синих лесных бровок на горизонте. Украинское ухоженное поле, даже самое малое — бескрайнее. Такая вот особенная, нигде в мире не виданная. Поля — как души людей, их возделавших. Чем и сильна Украина — добродушием народа! Не первый год распахиваются передо мной поля, и каждый раз, увидев их, не могу удержать счастливых слѣз...

Нынешняя поездка не далѣкая — до села Лемешей, а потом до Чемеря, с возвращением в Чернигов. Проехали село Чемер, оно нынче слева, километрах в трёх от автотрассы. В этом месте старый почтовый тракт спрямили, и село оказалось в стороне от большой дороги. Нынешние Лемешей киевская трасса делит пополам. Старое казацкое — по левую руку. Крутой поворот — и на изволок, на взгорок. Улица широкая, как во всех стародавних украинских селениях, посередине дорога, обаполы её приусадебные луговины и хаты ровно друг к другу за пряслами, широко поставленные в садах, позади огороды, чисто убранные картофельные гряды, жнивье пшеницы, кукурузы...

Оставляем в заулке подле церкви машину. Травы всё ещё выбелены морозцем, а лужи на дороге затянуты льдом. Навстречу катится подвода, впряжённый в неё соловый конѣк бежит лёгкой трусцой. На подводе с вожжами мужчина, рядом женщина в красном платочке. Здравуются с улыбкой, кланяемся в ответ и тоже улыбаемся. Под колесами звонко поют льдинки, под нашими шагами похрустывает белая ожеледь трав...

Уличный колодец без привычного сельского «журавля», с воротом. Пытаюсь найти приметы стародавнего казацкого быта, их нет, но есть нечто не проходящее, времени не подвластное — в высоком небе, в просторе полей за близкой околицей. И казацкая церковь Трёх Святителей хранит ревностно былое...

Мимо с затенёнными стёклами проследовал богатый внедорожник. На самом краю села подпирает небо могучий коттедж. За ним убранные поля, на которых всё ещё, совсем призрачно, угадывается давний почтовый шлях. Рядом, на обогретом солнцем лугу, мирно пасётся конь. Какая тишь вокруг, какая умиротворённость и радость бытия нынешнего и доброжелательная память давно ушедших лет. Украинские сёла все доброжелательны, но Лемеша сегодняшним утром наособинку... Так кажется? Нет, так есть!.. И белым лебедем памяти плывёт в синь небесную храм святителей Григория, Василия, Иоанна. Где-то рядом с ним была хата реестрового казака Григория Розума, в семье которого родился великий сын всея Руси-Украины Алексей Григорьевич Разумовский — граф, генерал-фельдмаршал Русской императорской армии, венчаный супруг императрицы Елизаветы, человек добрейших качеств души, беззаветно любивший свою украинскую землю и украинцев. В многочисленных биографических статьях и солидных исследованиях его жизни мало что сказано о детстве, и почти во всех повторяется одно и то же: пас общественное стадо, обучился грамоте у дьячка при церкви села Чемер, куда бежал якобы от жестокости отца-пьяницы, обладал удивительным голосом, пел в церковном хоре, посему и был увезён в Петербург и определён в императорскую музыкальную капеллу. Но сие произошло не в детстве, в ту пору Алексею Розуму двадцать один год. Детство уже в далёком прошлом...

...Осенней порой 1730 года полковник Фёдор Вишневецкий был отправлен в Венгрию для закупки вина ко двору её императорского величества Анны Иоанновны. При возвращении в Петербург в январе 1731-го в силу дорожных обстоятельств, то ли непогоды — зима была многоснежной, вьюжной и морозной, — либо наступления скорой темени, полковник заночевал в селе Чемер. А наутро, прежде чем отправиться в путь, пошёл к ранней обедне в церковь. День был воскресным.

Церковь Архангела Михаила невелика, тепла, любовно обихожена, нарядна и отменно освещена старинной ковки паникадиллом. Бла-

голепно было в храме, а когда запел слаженно и высоко хор, то душа полковника воспарила. Был он родом из вольных казаков Украины, сызмальства любивший пение не токмо духовное, но и мирское, знал в нём толк. Не раз приходилось придворному полковнику стоять на службах в столичных дворцовых храмах Петербурга и Москвы, присутствовать на «итальянских операх» и «хоровых мистериях» как в самом императорском дворце, так и в домах вельмож. Но то, что услышал он в сотенной казацкой церкви, не просто поразило, но преобразило душу, потрясло до слёз и дало осознать, что есть истинная божья благодать. Малый приходский хор простолоудинов не просто красиво и пронзительно пел знакомые с детства молитвы, но творил их тут и сейчас, вознося к горним чертогам Господа. И в этом таинстве, ставшем вдруг самой необходимой для души явью, звучал всего лишь единственный, словно бы излившийся с небес, голос добра и света. Хор певчих повиновался ему и растворялся в нём, искренне и лучезарно. Такого слышать и ощущать во всю жизнь придворному полковнику не приходилось. Тот единственный, излившийся с небес божественный, без всякого сомнения, голос принадлежал казачьему парубку весьма красивой наружности. Молодой казак был высок, строен, широкоплеч, совершенен лицом, доброжелателен каждой чёрточкой.

Очарованный пением юноши, потрясённый до глубины души, полковник ясно осознал, что этот молодой церковный певчий, простой казак, может привнести в его придворную карьеру немалые выгоды. Стоит только уговорить парня сей же час поехать в Петербург. С чем и подошёл после службы к юноше. Тот ничуть не смешался перед знатным лицом, достойно выслушал похвалы и предложение столичного сановника, ответил просто: «Как матушка повелит, так и послушаюсь...»

Матушки, Натальи Демьяновны, на той церковной службе не было, и Фёдору Вишневскому пришлось отправиться в обратную на десять вёрст — в хутор Лемеша Киевского казачьего полка, где и жила семья Розума. Глава семьи, реестровый казак Григорий, всего как год умер. Был он человеком весьма умным, рукастым к любому заделью и мастер кузнечного ремесла. В их придорожном селе спокон века по дворам стояли кузницы, была и общая хуторская кузня. В ней многие из селян работали по общинным нарядам. А Григорий Розум

не упускал случая покрасоваться в деле с пудовым молотом. Такой у человека характер — быть во всём на виду и первым, благо, силёнок и стати ему не занимать... Во всём успешен был Григорий — в службе реестровой, в труде и в любви. Сам высватал самую красивую, самую добрую казачку — Наталку, курень возвёл всему миру на удивление, семью завёл: три дочки-красавицы, два сына — Данило и Алексей, третий, скворушек, родился в 1728 году. Назвали Кириллом... Любил Григорий постоянно повторять со значением поговорку: «Що то за голова, що то за розум!» С того и прозвище получил — Розум. По казацкому роду своему звался Лемеш (Лемешко). Всё ладилось в семье. Да вдруг внезапно умер Григорий Розум...

Донныне существует мнение, что Григорий Яковлевич был запойный пьяница. С того и сгорел без времени. На каких фактах оно основывается, неизвестно. Зато простая логика житейских событий легко опровергает такое мнение. Последний сын Розумов — Кирилл родился за два года до смерти отца, был он на 19 лет моложе Алексея, но как и тот, отличался красотой и необыкновенными способностями. Достаточно сказать, что в пятнадцать лет стал Кирилл учеником величайшего мирового учёного того времени — Эйлера. А в восемнадцать, «в рассуждение усмотренной в нём особенной способности и приобретённого в науках искусства», становится президентом Петербургской Академии наук! У запойных пьяниц такие дети не рождаются. Семья высоко чтит память о нём. Наталья Демьяновна узаконила прозвище мужа, сделав фамилией. На месте захоронения отца Алексеем возведена церковь Трёх Святителей: Григория Богослова, Василия Великого и Иоанна Златоуста. Григорий Богослов был святым покровителем Григория Розума...

Однако вернёмся к начальным детским годам. Не будем останавливаться на том, что пас общественное стадо, каждый сельский мальчишка проходил такую науку... Она и мне знакома, в военное лихолетье спасала от голода. Остановимся на том, что «был обучен грамоте и пению».

От Лемешей до Чемера

Ближайшее село к Лемешам — Чемер. Едем туда, возвращаясь по киевской автотрассе, иных путей уже нет. Село большое, раскидистое, вольное и сейчас. При въезде мемориал в память погибшим селянам в Отечественную войну. На каменных плитах фамилии, не сразу перечесть, их много... Очень! За высоким обелиском вприпрыжку — руины деревянного храма Архангела Михаила, в зарослях бургяна, кустарников и деревьев, обочь — останки старого яблоневого сада, дикие вишнёвые заметы... Кровля храма давно рухнула, но рубленые стены ещё частично целы. И что удивительнее всего, сохранился почти в первозданном виде клирос, ровно на том же месте, где пел Алексей Разумовский... Древний тот храм пострадал от пожара, но селяне в 1888 году восстановили его на том же фундаменте, и точно таким, каким был он в пору детства и юности Алексея Григорьевича Разумовского. Внутри церкви и вокруг образовалась странная мусорная свалка из пищевых отходов, пакеты от молока, сырков, промасленная бумага, стаканчики от мороженого и ещё множество пищевого мусора, совсем как осенний листопад укрывает ровно и невысоко землю. Странная мусорная свалка... Не по-людски как-то... Оказалось, что люди тут не причём. В руинах Михайловского храма поселилась воронья стая, вот и тащат со всех сельских помоек себе на обед пищу, по весне ею же птенцов кормят. Тут людская вина в одном: выстроив посередине села новую церковь, бросили на произвол судьбы, на медленную смерть святыню, которая духовно служила им более столетия...

...В январскую пору 1731 года казачка Наталья Демьяновна Розум, по улочному — Розумиха, благословила сына на поездку в Санкт-Петербург. Известно, что к этому времени Алексей был грамотен, к тому же охотник до книжного чтения. В одной из многочисленных биографий графа читаем: «В детстве был обучен грамоте, бежал от отца в соседнее село Чемер, где жил у дьячка и пел на церковном клиросе». Факт замечательный. Попробуем его осмыслить применительно к месту и времени. В ту пору в Малороссии — РУССКОМ царстве прихожане церковью продолжали упорно отстаивать своё право на выбор священнослужителя, которое действовало со времён Киевской

Руси. Церкви в основном строились миром, всей общиной, либо «казачьим кругом», и посему только «мир» либо «круг» решал вопрос о церковном служителе. И настоятеля и диакона «выбирали голосом» по вечевому праву. Церковь в Чемере была казацкой. Держать церковный полный чин прихожанам было накладно. Посему чаще всего священник служил в нескольких церквях, да и мало было ещё образованных исповедников. Прихожане выбирали его «со стороны» по своему усмотрению. Однако диаконов определяли из своих, обязательно грамотных и достойных прихожан. Кроме многочисленных церковных обязанностей, диакон занимался первоначальным обучением местных детей грамоте и счёту. Так и возникали по всей Украине приходские школы «первой ступени». В Чемере выбрали своего дьячка, уважаемого образованного селянина из местного старинного рода. История не сохранила имени его, но во многих исторических сведениях он упоминается как «Дьячок». Не шибко богатыми и знатными были первые подвижники народного просвещения, но их стараниями Украина с давних времён стала повсеместно грамотной. Плата за обучение была небольшая, чаще всего натуральным продуктом, каких-либо льгот по «знатности», богатству при «записи в ученики» и в помине не было. В приходскую школу приходили учиться из ближних селений, а из отдалённых дьячок принимал детей в свою семью.

В разбираемом биографическом факте мало вероятно, что Алексей «бежал от отца в Чемер» (села-то отстоят друг от друга всего в десяти верстах), «беглеца» ничего не стоило вернуть в родительский дом. Скорее всего родители отдали одарённого сына на обучение сами.

Занятия велись в осенне-зимнее время в течение трёх лет по «программе», составленной самим учителем. Дети изучали азбуку, учились чтению, письму, закону божьему, пению.

В семью чемерского дьячка на проживание и обучение реестровый казак Григорий Розум определил сына в семилетнем возрасте осенней порой 1716 года. Фамилия первого учителя будущего супруга императрицы Елизаветы осталась для истории неизвестной. Однако причудливая народная легенда связывает её со строителями древнего Михайловского храма в Чемере, и с тех самых пор селяне неизменно избирали в церковных дьяконов исключительно из той родовой. Был же род Быковеня, посему и звались Быковскими. Бы-

ковень (Быковень) — древний город в пограничье Киевской Руси. В современном селе фамилия не сохранилась, и объясняют это просто. Чемерского дьячка со всей роднёй забрал в Петербург в самом начале сороковых годов девятнадцатого века Алексей Разумовский, что соответствует историческому факту. Алексей Григорьевич действительно перевёз семью учителя в столицу, определив садовником императорского дворцового парка. Должность в таблице о рангах уважаемая и высокая. Был отец семейства знатоком садового дела. Вокруг дома и церкви развёл громадный на удивление и радость людям яблоневоый сад. Он и донныне существует, но одичал дюже. Садовые деревья, особливо яблони, обладают способностью самовозрождения, переживая не одно столетие. Не говорю о вишнях.

Возвратимся в год 1716, когда семилетний Алёша Розум поселился в селе Чемер в семье Быковских. По той же народной легенде семья у дьякона Быковского была большая, и больший в ней сын Иван всего на три года старше Алексея. Возраст, когда между старшим и младшим возникает самая преданная детская дружба.

Детские годы проведённые вместе, а паче детская дружба всего крепче связывает людей на долгие годы. Это надо отметить особо. Первый учитель, отец Ивана, не просто обучает мальчишек грамоте, но даёт образование. Учит музыке, пению, поэзии (обязательному в ту пору предмету), риторике, латыни... Научиться писать и читать ребенок может без малого за два года, но «образоваться» — за годы. Уверен, что образование Алексея Розума длилось вплоть до зимы 1731 года. И вот почему.

Вероятно, лет в 14 (1720 г.) диакон Быковский отдаёт своего сына, преуспевающего в обучении, в черниговский коллегиум. Алёша Розум возвращается в Лемешу — у семьи нет возможности продолжать обучение сына, но дружба мальчишек не прекращается. Много нового узнаёт Иван, обучаясь в Чернигове. В коллегиуме преподают грамматику и синтаксис, риторiku и поэтику, историю и географию... Обучение идёт на латинском и польском языках, а также на старославянском, в котором много оборотов народной речи. На каждую побывку Вани Быковского в Чемеры из Лемешей прибегает Алёша Розум. Старший из друзей не просто рассказывает младшему об учёбе, но в какой-то мере становится для него учителем. Проходит детство, отрочество, приходит юность...

Иван Быковский заканчивает коллегиум, Алексею Розуму предстоит долгая дорога в Петербург и необыкновенная жизненная судьба, во многом предопределённая недюжинными талантами юноши. Исключительный музыкальный слух, необыкновенная внешность и поразительной красоты голос — это ещё не главное, главное в том, что в императорский дворец является не «сельский пастушок», едва осиливший первоначальную грамоту, но человек с высокими духовными достоинствами, образованный ничем не хуже, пожалуй, даже лучше, чем его великосветские российские сверстники. Вчитываясь в достаточно скупые строки биографических сведений начальной жизни при императорском дворе, ощущаешь его врождённое благородство, человеческое высокое достоинство, душевную искренность и честность. Вся дальнейшая блистательная жизненная судьба А. Г. Разумовского подтверждает эти редкие для того времени качества высокопоставленной личности. Главное «достоинство» каждого, поднявшегося до «государственных» высот в прошлом и нынешнем — умение владеть интригой — «движущей силой карьеры», если точнее выразиться — быть интриганом. Исключение из такого правила истории власти в России — Алексей Григорьевич Разумовский. Величайший мастер государственной интриги — Екатерина Великая признавала его исключительные человеческие качества. Называя окружение графа семьёю, напишет в воспоминаниях: «Я не знаю другой семьи, которая была бы так любима всеми».

Быть любимым всеми — почти недостижимое человеческое качество. Но оно всегда сопряжено с обладанием высокой, искренней любовью к людям человека, «которого любят все». Разумовский ведал такую любовь и жил ею. Только она вознесла его из глубин народных до высот верховной государственной власти...

Высокая любовь к женщине и её ответная любовь, безмерная любовь к своей родине — Малороссии, которой во всю свою жизнь и мало не изменил, любовь к людям от «малого до великого», любовь к Свету и Вере — суть его жизни.

Певчий придворного хора, бандурист, управляющий имением цесаревны Елизаветы, камер-юнкер, самый доверенный человек при её восшествии на престол — таков начальный «послужной список» Разумовского до 1741 года. В 1742 году он становится супругом царицы. Венчание проходит в сельце Перово под Москвой...

С этого времени, даже немного раньше, возникает «мода» на всё украинское. Рядом с Итальянской оперой при Дворе возникает Малороссийская, всё больше и больше просвещённых украинцев приходит во власть, в науку, в церковь, искусство, во все учреждения государственной имперской власти. Можно без преувеличения сказать, что прежний всё подавляющий «немецкий дух» в эпоху Елизаветы вытеснен «русским духом», в котором «доля украинцев» весьма высока и составляет основу в строительстве Российской империи того времени. Высока роль и самой Малороссии, которая становится заботой императрицы на всё время её царствования...

«Приближая Розума к своей особе, она сначала переименовала его из певчих в придворные бандуристы, а затем он стал гоф-интендантом, получив под своё начало двор и все имения благотельницы. Розум, став влиятельным придворным и превратившийся в Алексея Григорьевича Разумовского, остался добрым, скромным, умным человеком, каким был и прежде. Он любил свою мать, заботился о брате и трёх сёстрах, посылая им деньги, принимал своих сельских земляков, приехавших в Петербург, и старался никому не делать зла. Алексей Разумовский был чужд дворцовых интриг, политических игр, коварства, хитростей, борения страстей и не изменил себе на протяжении всей своей жизни. Этими качествами он снискал уважение многих сановников и аристократов».

Оставлю анализ этой эпохи новым и молодым историкам, не подверженным влиянию старых догм, идеологическим влияниям и политической конъюнктуре...

Вернусь к житию Ивана Быковского. Вскоре после отъезда Алексея Розума в Петербург Иван заканчивает черниговский коллегиум. Можно предположить с большой вероятностью, что он оставлен преподавателем в своей альма-матер либо рукоположен в диаконы, получив приход. (Интересно, что через более чем столетие в списке духовенства Черниговской епархии за 1876 год числится настоятелем Покровского храма в селе Яновка и Рождества Богородицы в селе Кольчѣвке священник Василий Быковский).

Хронологический пробел в биографии Иоанна Быковского длится от дня рождения до 1741 года. В этом году на престол вступает Елизавета Петровна, а в биографии появляется сообщение: «С 1741 по 1752 или по 1753 учился в Киево-Могилянской академии». Роль

Разумовского в это время в делах двора цесаревны была велика, как и велик был вклад в план переворота и воцарения дочери Петра. Особенно следует отметить тесную связь «малого столичного Двора» с Украиной. Алексей Григорьевич никогда не забывал своей родины и земляков. Не исключено, что появление Ивана Быковского в стенах Киево-Могилянской академии, конечно же не в роли ученика, связано с ним же. Вполне возможно, что Быковский до этого был одним из преподавателей Черниговского коллегиума, в пору его обучения числилось двое. Третий появляется как раз тогда, как Иван Быковский закончил курс. Не он ли это?

...

Думаю, что христианскую приписку сделал Иоиль, дабы не навлечь на «Слово» гнева церковного. — ЮС.

Апрель 2021 г.

Ольга Гринева

МОЁ ПРОЧТЕНИЕ

Всё началось со «стрикусов». Исследователи за 200 с лишним лет как только не трактовали это слово: и военная техника, и таран, и стрелы, и «три куска», и даже сова и филин, но никто не нашёл вразумительного определения. Моя логика была простой: раз речь идёт о полоцком князе Всеславе, то слово надо искать там, в нынешней Беларуси. А тут на глаза в соцсетях попала фамилия женщины — Стрикус. Я написала ей в стремлении узнать значение этого загадочного слова. Она ответила, что ей оно неизвестно, но предполагает, что слово — из одного из языков Прибалтики, где она проживает, но муж, чью фамилию она носит, из ... Беларуси. В яблочко! Стала искать словари старобелорусского языка, нашла «Старабеларускі лексікон» и с волнением долистала до «стрикус». И вот он, красавец! Стрикусь — сякера. По-украински — сокира, по-русски — секира, топор! Куда проще: «утрь же воззни (вонзи!) стрикусы, отвори врата Новуграду» — «утром вонзил топоры и отворил ворота Новуграда».

Так стало светлым одно из «тёмных» мест, а моё исследование получило зелёный свет. В ход пошли все доступные словари старобелорусского языка, и со «Слова» стала спадать шелуха непонимания и бессмыслицы существовавших до сих пор толкований. Приняв практически всё прочтение Юрия Сбитнева, я решила начать своё исследование с использованием вокабуляров древних и современных доступных моему понимаю языков. К работе над переводом были привлечены словари древних наречий русского, украинского и белорусского языков. В частности, использовались белорусские словари: «Старабеларускі лексікон». Менск: Беларускае выдавецтва Таварыства «Хата», 1997 (далее — СБЛ) и Словарь белорусского наречия, составленный И. Носовичем, 1870 года издания (далее — СБН), а также этимологические словари названных языков. Кроме словарей, изданных в разные времена и в разных странах, использовались собственные словари народных говоров и речений, собранные за долгие годы в Беларуси, Украине, России Юрием Сбитневым, и собственный, составленный мною словарь мало используемых в современном языке слов моих сибирских бабушек. Кроме того, исследование опиралось на летописи: Никоновскую, Лаврентьевскую, Ипатьевскую, Радзивилловскую и другие.

Обнаружилось, что больше всего древнерусских слов, встречающихся в «Слове», сохранилось в старобелорусском языке, который

в веках наименее подвергся заимствованиям и сохранил первозданность. И. И. Срезневский, филолог-славист, этнограф, палеограф, академик Петербургской академии наук, составитель «Словаря древнерусского языка», также считал, что именно в белорусском наречии «сохранилось очень много древнего и важного для истории Русского языка». Князь Павел Петрович Вяземский в своей книге-исследовании «Слова о полку Игореве» в 1877 году писал: «Белорусское правописание или белорусский оттенок рукописи не даёт права предполагать, чтобы сочинитель «Слова» был белорус. Однако ... нельзя не заметить, что судьба Полоцкого княжества есть задушевная мысль поэта...» Первые исследователи «Слова», упоминаемые в книге Вяземским, тоже заметили «белорусский оттенок»!

Это обстоятельство и большое количество лексем из «Слова», обнаруженных мною в словарях старобелорусского языка, ещё раз подтверждают открытие Ю. Сбитнева об авторстве княгини Болеславы Святославны, которая была дочерью полоцкой княгини Марии Васильковны, ведь Полоцкое княжество — ныне территория Беларуси. Поэтому в Поэме много внимания уделено и Всеславу, полоцкому князю, прапрадеду Болеславы по материнской линии. Тут следует отметить, что я безоговорочно приняла версию Ю. Сбитнева об авторстве. Прочитав впервые после школы и университета «Слово» полностью, я удивилась, почему никто не заметил, что оно чисто «женское». А все ссылки на то, что знание о харалужных мечях и шлемах, знание походного быта (где он?) — прерогатива мужчин, несерьёзны. Любая умная, образованная женщина способна овладеть подобными, да и вообще всякими, знаниями. А подробная осведомлённость в обстоятельствах побега тоже объясняется просто: об этом ей рассказал сам Игорь, дядя и близкий друг, с которым они вместе росли. И которому она впоследствии уделит много внимания в своих летописаниях, что обнаружат и чему будут удивляться академики и исследователи. Но об этом ниже.

Девочки воспитывались на женской половине до самого замужества, и язык матери становился их родным, бессознательным языком. Не материнский ли язык имелся в виду под «старые словесы»? Мы ведь тоже знаем язык наших бабушек, который отличается от современного. Скорее всего, так. Возможно, материнский язык и мировоззрение повлияли на то, что в Поэме практически нет православ-

ной религиозной лексики (если и есть, то приписано, скорее всего, позже, чтобы спасти шедевр от карающей ортодоксальной руки византийства), зато древние боги русичей — Дажьбог, Стрибог, Велес, Див рассыпаны по всему «Слову». На то время Русь была двуверной: с одной стороны, активно насаживалась и прививалась византийская вера, с другой — ещё была жива и крепка исконная вера русичей. А кроме того, ко времени создания «трудных повестей» Русь была двуграфичной: соперничали глаголица и кириллица. Более двух веков тогда прошло от создания новой азбуки Кирилла и Мефодия, которых константинопольская церковь неизменно называет вот уже более тысячи лет словенскими учителями, а в пределах Беларуси, России и Украины — создателями национальной письменности. С удивительным упорством уже тогда, в двенадцатом веке, Византия насильно утверждала кириллицу, уничтожая рукописи и смывая с пергаментов древнюю глаголицу и изгоняя исконных русских богов, объявленных языческими, гонимых византийской церковью, но чудом сохранившихся в этом древнерусском шедевре. Возможно, Автор использовала устаревшие на тот момент буквы глаголицы, слова из материнского лексикона, и поэтому два столетия академики бьются над прочтением «Слова» и не могут разгадать его «тёмные места».

Итак, тропою трёх языковых народных сокровищ Беларуси, Украины, России начнём читать и понимать «трудные повести о полку Игореве». Ссылки на главы, предшествующие этому исследованию, означают, что я согласна с прочтением Ю. Сбитнева, и оно принадлежит ему.

Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова

Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію бояню. Боянъ бо Вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть боречъ първыхъ временъ усобицѣ, тогда пуцашеть ꙗ соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше та преди пѣсь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскими, красному Романови.

Святъславличу боянъ же, братіе, не ꙗ соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Не лучше ли намъ было, братья, начать старыми словесами трудные повести о полку Игореве, Игоря Святославича! Начаться же той песне по правде сего времени, а не по замышлению бояна. Боян же Вещий — если кому хотел песнь творить, то растекался мыслью по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облака. Помнил деяния подлых времён усобиц, тогда пускал десяток соколов на стадо лебедей, распри вспоминал и прежде песнь пел старому Ярославу, храброму Мстиславу, который зарезал Редедю перед полками касожскими, красному Роману.

Святославичу боянъ же, братья, не десяток соколов на стадо лебедей пускал, но свои вещице персты на живые струны воскладал, они же сами князьям славу рокотали.

Слово «полк» во времена древней Руси было многозначным, и первое значение: «поход», что позже сохранилось в украинском «полк — похід» (Словник старих слів. Хрестоматія давньої української літератури О. Білецького). В названии речь идёт не о во-

енной единице, а о походе. Об этом подробно написано в главе «Полци Олеговы». Лишь добавлю небольшой диалог с филологического форума в Интернете, который я инициировала в своё время:

Ольга: Люди, а кто-нибудь слышал от бабушек слово «полкать»?

Ирина: Бегать, носиться?

Ольга: А поподробнее можно? Это важно!

Ирина: Просто моя бабушка так говорила: «та шо эти собаки всё полкают по огородам!!!»)))

Ольга: Ирина, а это в каком регионе?

Ирина: Восточная Сибирь, Иркутская область.

Елена: Может, отсюда собачья кличка — Полкан???

Ирина: Очень интересная версия... к сожалению, бабушки уже нет... так бы спросила, откуда такое слово...

Елена: Мы многого у наших бабушек спросить не успели...

А вот что написал, прочитав книги Сбитнева, тогда красноярский, сейчас московский журналист и редактор Александр Синищук: «Меня просто потрясает то, что я наконец нашёл объяснение происхождению многих слов, которые я слышал с детства от мамы. Мама у меня, как говорили у нас в семье, — из Расеи, а отец — из Одессы, много слов у них было таких, каких сибиряки не говорят. Например — «полкать». Я раньше всё понять не мог, откуда у мамы это слово. И — спасибо «Князю»!!! Это пока первая благодарная пометочка на полях. Если это будет интересно, я прямо тебе все словечки мамины и отца, которые найду по тексту, выпишу — чтобы просто подтвердить, что живы они, эти слова, даже в Сибири, даже многие десятилетия спустя!!! А я-то, дурачок, думал, что это у родителей моих из их местных диалектов каких-то, деревенский слог и т. д. Оказывается, записывать надо было всё, что слышал. Спасибо Юрию Николаевичу — он за нас, бездельников, не берегущих корней, вон какой титанический труд сотворил!!!»

«Не лѣпо ли...» — большинство переводчиков и толкователей «Слова», начиная с первых — Малиновского и Шишкова, давали однозначную интерпретацию: «не хорошо ли», «не славно ли», ведь «лепота», «лепший» (укр.), «лепши» (белорус.) имеют во всех языках одно и то же значение — красивый, красота, благодать, лучший, предпочтительный и т. д. Однако в «Старобелорусском лексиконе» однозначно обозначено, что «лепо» — прысл. (наречие) — лепш

(рус.: лучше), т. е. сравнительная степень наречия ЛУЧШЕ! А значит, что ближе всего к оригиналу: «Не лучше ли нам было, братья...»

А. С. Пушкин отвергал вопросительный смысл частицы «ли» и предлагал «не лепо» писать слитно, утверждая: «неприлично начинать старым слогом печальную песнь». Но ведь именно «старым слогом» — с упоминанием древних богов и, скорее всего, с использованием старых уже для того времени лексем написано «Слово»! Трудно оспаривать гений Пушкина, но и не стоит. Потому что частица ли могла иметь и вопросительное, и утвердительное значение — в зависимости от контекста, или вообще быть словом-связкой, как «бо», которое в одних случаях имеет значение ибо, ведь, же, в других — просто утверждение. Если пройти по всему «Слову», поискав частицу «ли»: «Чи ли въспѣти было»; «Се ли створисте моей сребреней сѣдине?!»; «Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваща? Не ваю ли храбрая дружина рыкають?...»; «Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?!»; «не тако ли река Стugna...» — то, соотнесясь с историческим контекстом, можно сделать вывод, что в одних случаях она вопросительная, в других — нет. Ниже разберём каждый случай отдельно. А эту фразу прочитаем так: «Не лучше ли нам было, братья, начать старыми словесами трудные повести...»

«Бяшетъ». Имперфект «бяшетъ» как видо-временная форма древнерусского глагола «быти» опущен во многих переложениях «Слова», поскольку он часто являлся служебным, вспомогательным — не имеющим самостоятельного лексического значения и играющим исключительно грамматические роли (по аналогии с английским — I was doing something). К примеру, перевод (а точнее, переложение) академика Д. Лихачёва: «Пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом...» или у И. Ерёмина: «Не начать ли нам, братья, по-стародавнему...», где «бяшетъ» опущен.

«Бяшетъ» (бяху, бяше, бяхуть и т. д.) как глагол «был» конечно же обладал и самостоятельным лексическим значением: «И тако възвратишася вся сила Андрѣя князя Суждальского совокупилъ бо бяшетъ всѣ землѣ и множеству вои не бяше числа» (Ипатьевская летопись, 1174 г.) — в первом случае «совокупилъ бо бяшетъ» можно перевести просто «совокупил»(соединил), но во втором случае «бяше» уже

играет самостоятельную роль: «...и множеству воинов не было числа». Или другой пример: «В то же время Володимерь Ярославичъ Галичкйи, шюринъ Игоревъ, бяшетъ оу Игоря, зане выгнанъ бяшетъ отцем своим из Галича» — «В то же время Владимир Ярославич Галичский, шурина Игорев, был у Игоря, так как выгнан был отцом своим из Галича».

Внимательный читатель заметил, что наряду с *бяшетъ* (*бяшетъ*), *бяше*, *бѣше* в «Слове» много раз использован современный глагол «был», хотя в летописях того времени его нет. Это, скорее всего, говорит о том, что переписчики или трактователи, пытаясь «осовременить» произведение, сделать его более понятным, заменили древнерусский глагол на современный им. Этот факт в том числе заставил некоторых исследователей решить, что «Слово» — более поздняя подделка. Не буду тут вступать в дискуссию, могу лишь сказать, что древнерусские глаголы, особенно в прошедшем времени, в «Слове» использованы безукоризненно грамотно. Это свидетельствует о том, что Автор был образованным человеком, и о том, что вряд ли мистификатор обладал таким знанием древнерусской грамматики, не говоря уже об истории, и осведомлённостью в деталях того времени.

Имперфект являлся простым прошедшим временем, обозначающим прошедшее действие, полностью отнесённое к прошлому, длительное и представляемое как неограниченное во времени и повторяющееся без ограничения. Считается, что к концу XII века имперфект как форма глагола исчез, особенно в разговорной речи, однако в «Слове» он активно использован наряду с остальными тремя формами прошедшего времени. Возможно, и этот факт можно отнести к тому, что Поэма написана «старыми словесы», особенно если учесть, что «Слово», по мнению некоторых учёных, написано именно разговорным языком.

Хотяше, помняшетъ, растекашеться, пуцашеть, сеяшеться, растяшеть, погибашеть — всё это имперфекты без и с надставочным элементом -ть, в 3-м лице единственного числа. То есть первые четыре глагола относятся с бояну. Это было многими трактователями не понято и передано 3-м лицом множественного числа настоящего времени. Например: «Мы помним, что в древности когда хотели какое сражение описать, то изображали оное пусканием 10 соколов

на стадо лебедей». Такую же ошибку допустил Малиновский в издании 1800 г.: «Понятно нам по древним преданиям, что, поведая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам...» А вот А. С. Шишков: «Изъ древнихъ преданій извѣстно намъ, какимъ образомъ славные во браняхъ Князья и полководцы рѣшили состязаніе свое о преимуществѣ».

В моём переложении глагол «бьшеть» (с «ером» на конце как разновидность более употребимого в «Слове» «ерь» на конце глаголов из-за принадлежности переписчиков XV–XVI веков к двум языковым «школам» — «южной» и «северной» (позднее петербургской), которые отличались в том числе использованием ер и ерь.) считаю возможным употребить как «было», чтобы сохранить ритмику фразы: «Не лучше ли нам было, братья...» Как, например, в поэтическом переложении В. Жуковского: «Не прилично ли будет нам, братья...» (тут не совсем точный перевод, поскольку бьшеть — разновидность (а их было четыре!) прошедшего времени глагола «быти»). В моём прочтении: «Не лучше ли нам было, братья...»

«Начати старыми словесы трудныхъ повестий...» М. Максимович на украинский перевёл как: «Заспівать жалібну пісню, як співали в старину...», советский поэт М. Рыльский: «Розпочати давніми словами...»; Янка Купала на белорусском: «Стародаунімі словамі...»; на русский издатели 1800 года: «начать древнимъ слогомъ», В. Жуковский в 1817-м: «Начать древним складом». Рукопись перевода Жуковского была обнаружена по смерти Пушкина в бумагах поэта и ошибочно считалась его переводом. «Старым складом», «ладом» прочно укрепилось вплоть до последних лет. В лучшем поэтическом переложении «Слова» на русский поэт Заболоцкий употребляет «...старинной речью рассказать».

По «былинам сего времени». По былинам — по правде, по тому, что было, по реальным событиям, а не по замыслам бояна. Боян, по нашему мнению, не имя собственное, таких боянов, певцов, сказителей было множество на Руси. А вот Вещий — его прозвище, то есть боян, который ведал и вещал, знал, что спеть в каждом случае.

«Трудные повести». Трудный — здесь «тяжёлый», «непростой», «требующий напряжения», а не «печальный», как видим во многих переложениях. Сравним: «Чему мычещи хиновьскыя стрѣлки на своєю нетрудноу крилицю на моя лады вои?» — «Почему мечешь

ханские стрелы на своих лёгких крыльях...» Однако и «трудные» благозвучно, ритмически приемлемо, понятно современному читателю и соответствует смыслу — трудно о них говорить.

Повести — в данном случае не литературный жанр, а «повествования», «поведания».

«Мыслию по древу». Не отрицая «мыслию», допускаю, что первоначально было написано мыслью — на древнерусском «белка». «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля даёт: мысль ж. пск. — белка, векша. Псков входил в Новгородское княжество, соседнее Полоцкому, поэтому вполне могло древнерусское слово сохраниться там как областное до наших времён. Не от «мысли» ли (белки, на которую охотились) украинское и белорусское слово «мисливство» — охота, и русское промысел? Этимологический словарь украинского языка (Етимологічний словник української мови: В 7 т.) считает это слово заимствованным из польского языка — *mysliwies*, связанное с *mysl* «думка», «оскільки мисливство на пізнішому етапі вимагало багато вигадки (поскольку охота на более позднем этапе требовало много выдумки)». Самим не смешно? Опять ищем объяснения в «иных языцах», забывая о родном языке, из которого выросли современные языки наших стран. Логично предположить, что в данной фразе сохранялась «зоологичность» — речь только о животных, и «мысль» выпадает из этого ряда: волк, орёл и белка. Боян так искусно пел, что растекался словом шустро (белкой), далеко (волком) и высоко (орлом). Есть чьи-то исследования, утверждающие, что эти слова оба (мысль и мысль) были написаны друг над другом и в конце концов переписчики оставили одно.

«Помняшеть бо речъ първыхъ времяхъ усобице». По утверждению Ю. Сбитнева, существовало слово «боречь», означавшее непосильную, гибельную дань сверх всего, что может заплатить человек. Подробно об этом — в главе «Помняшеть боречь първыхъ времяхъ усобице...». Мой взгляд несколько иной: в СБЛ есть слово речъ — справа (дело): речи кровавые — кримінальныя злачынствы, за якія магло быць вызначана пакаранне смерцю; речи меньшие — кримінальныя злачынствы, за якія не прадугледжвалася смяротная кара (дела кровавые — уголовные преступления, за которые могло быть назначено наказание смертью; дела меньшие — уголовные преступления, за которые не предусматривалась смертная казнь).

То есть, дело судебное, по сути, преступление, злодеяние или просто наказуемое или осуждаемое деяние. «Помнил деяния подлых времён усобицы» и пел о них громогласно, фортиссимо, ведь соколы-пальцы с силой ударяли по гусельным струнам-лебедам.

Следом за «бо речь» идёт тоже странное для современного глаза — «първыхъ». В летописях это слово обозначает «первый». К примеру: «сей новый Иоаннъ пришелъ есть, но и будетъ ли таков, якоже пръвый Иванъ? (преставление другаго митрополита Ивана скопца)» — «Этот новый Иоанн пришёл, но будет ли таков, как первый Иван? (представление другаго митрополита Ивана скопца)»; «Якоже ся сотвори въ сие лето пръвое зло на Вознесение Господа нашего Исуса Христа у Треполя, 2-е же въ празьдникъ Бориса и Глеба» (Патриаршая или Никонская летопись, запись за 1097 г.). Однако у этого слова могло быть второе значение. Тогда существовало слово «порва». Оно отмечено В. И. Далем как «оборванец», «рвущий на себе одежду», кроме того, так называли бесчестного, подлого человека. Читаем строку: «Помнил деяния подлых времён усобицы». Автор вспоминает времена усобиц, княжеских распрей XI века, памятных и продолжающихся и в конце XII века, приведших в конце концов к «погыбе Руси», когда «...поганїи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами» — нашествию сначала диких половцев, потом «исмаилтян» — татар, погрузившему Русь на два века во мрак и застой.

«Тогда пускал І соколов на стадо лебедей». В древнерусской письменности числа обозначались буквами с титлом. Само по себе появление этой цифро-буквы в тексте представляет загадку: зачем потребовалось автору вводить в текст числительное в виде цифры (тогда буквы)? Ю. Сбитнев считает, что буква эта обозначает слово: «дес тникъ» или «десяцкый» — возглавляющий десяток борцов, сборщиков грабительской дани — боречи (подробнее — там же).

По моему мнению, тут всё же речь идёт о десяти пальцах (потому и буква, означающая цифру десять — по числу пальцев, а не слово «десятник»), которые обрушивались на струны, извлекая громкие звуки, чтобы подчеркнуть своё отношение к князьям, участникам первых междоусобиц. Такое прочтение сохраняет логику зачина: одним князьям боян «соколов пускал», ударяя с силой по струнам, а Игорю, проявляя сочувствие или, наоборот, осуждение, «вещие персты на струны воскладал, и они сами славу рокотали».

«Который дотечаше» — который добегал, настигал. Но возможно и другое прочтение: «которы дотегаше». В «Слове» наряду с союзным словом «который», «которую» употреблено и древнерусское «иже»: «иже зарѣза Редедю...»; «иже истягну умь крѣпостью своею»; «иже погрузи жиръ во дне Каялы». «Который» тоже встречается три раза: «которыи дотечаше»; «которую ту бяше успиль отецъ ихъ»; «... наводите поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславию, которое бо бѣше насилие от земли Половецкыи».

В древнерусском языке было существительное «котора», обозначающее вражда, распря, раздор, битва, сражение, разногласие и т.д. Читаем в летописях: «Въздвиже дьяволъ котору въ братъи сей Ярославичихъ. Бывши распри межѣ ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава» — «Возвёл дьявол вражду среди братьев Ярославичей. Были распри меж ними, были Святослав со Всеволодом против Изяслава» (Повесть временных лет); «И бысть у нихъ котора: молвяшетъ бо Кончакъ: Поидемъ на Киевскую сторону ... а Кза молвяшетъ: Поидемъ на Семь». — «И был у них раздор: ибо молвит Кончак: пойдём на киевскую сторону ... а Кза отвечает: пойдём на Семь» (Ипатьевская летопись); «в распряхъ которающесе, то сами погибнете и землю отецъ своихъ и дело погубите» — «в распрях враждуя, сами погибнете и землю отцов своих и дело погубите» (Из наставления Ярослава Мудрого сыновьям, Ипатьевская летопись); «И усобныа рати бывають, и которы от действия діаволя» — «и усобные битвы бывают, и распри от действия дьявольского» (Патриаршая летопись). Возможно, именно это существительное Автор употребила в данном случае: «которы дотегаше (см. ниже)» — «распри вспоминал». Особенно если учесть тяготение Автора к «старым словесам», то она скорее бы написала иже, нежели который.

Возможно, переписчики 15–16 века и трактовщики 19-го превратили древнерусское существительное «котора» в союзное слово, потому и появилось разночтение: то которыи, то который. Это и могло повлечь прочтение: «дотечаше» — «добегал», хотя Автор, возможно, употребила современное ей и логичное в этой фразе «дотегаше» — «вспоминал, напоминал». В СБЛ есть это слово: дотегати — дапаміацца, зноў напамінаць (вспоминать, снова напомянуть). Преди песь... — в СБЛ находим наречие «преди» — уперадзе, наперад (впереди, вперёд, наперёд, заранее), в украинском Сводном

словаре устаревших и малоупотребимых слов: преди — спереду, наперёд. Поэтому — «сначала», «прежде». Значит читаем: «Которы дотегаше та преди гѣсь пояше...» — Распри вспоминал и прежде песнь пел...

«Песь пояше» — не песнь пел, считает Ю. Сбитнев, а отбирал всё, что принадлежало. Разъясняя «пояше» формой глагола «ял» — взял, от него и производные: «поял», «пояти», «пояше» (см. там же).

Но в Патриаршей летописи находим не единожды «пѣсми» в значении «песнями, пением». Например: «...и вземше тело его и повезоше въ лодыи ... и возложише на сани и повезоша и съ пѣсми, попове же и чръноризцы понесоша...» — «...и взяли тело его и повезли в ладье ... и возложили на сани и повезли с песнями, попы же и черноризцы понесли...» или: «Таже изнесши съ пѣсми ризу святаго Богородица и край ея в море омочивше...» — «Также понесли с песнями ризу святой Богородицы и край её в море омочили...». Аналогично — в Ипатьевской летописи за 1195 год, когда сообщается, что умер Всеволод Святославич, и «попове проводиша его до гроба со обычными пѣсми» — «попы проводили его до гроба с песнями, соответствующими обычаю» или: «...и спрятавше тѣло его погребоша с конѣчными пѣсми якоже самъ заповѣда» — «...и убрав тело его, погребли с конечными (последними, погребальными) песнями, как сам завещал». Вполне в «Слове» могло быть написано «пѣсь» в значении «песнь», точно так, как в сфрагиде «пѣстворца стараго времени» — песнетворица, сказительница старого времени.

О старом Ярославе, Храбром Мстиславе и Красном Романе см. главу «Помняшетъ боречь първыхъ времёнъ усобице...». По моему мнению, словосочетание «старый Ярослав» означает лишь то, что автор указала, о каком Ярославе речь — о жившем в предыдущем веке, чтобы не путать с современниками. Прозвище Мудрый у него появилось намного позже. По аналогии «от старого Владимира».

Ю. Сбитнев предложил поставить точку после «Романови» и начать новое предложение: «Святославличу боян же...». Это вполне логично, и я полностью поддерживаю такое прочтение. Об этом тоже — в вышеназванной главе. Мало того, меня даже посетила такая невероятная мысль: а что, если это первая сфрагида и Святославlichem бояном Болеслава называет себя? И тогда читаем: «Святославлич боян же, братья...» Что навело меня на такую мысль? Меня смутило, что в одной фразе «Святославличу» (одному Игорю) и тут же «князьям» — во множественном числе. Так кому же — Иго-

рю Святославичу или всё же князьям «не десяток сколов пускал»? И тут вдруг пришло понимание: так это же первая сфрагида! Не Святославичу, а Святославлич боян — Болеслава же Святославля! В те времена авторы часто указывали своё имя прямо в тексте, говоря о себе в третьем лице, и всегда зашифровывали псевдонимом или иносказанием, но узнаваемым современниками. Этот приём называется сфрагида. Нередко сфрагида вставляется в произведение не один раз. И тут она не единственная. Вторая сфрагида появляется в конце Поэмы: «Рекъ боянъ и ходына Святъславля, пѣтворца старого времени, Ярославля Ольгова коганя хоти» — «Рассказала боян и ходына Святославля...». Но о ней позже.

Противопоставляя двух боянов, автор хочет подчеркнуть разницу двух музыкальных, сказительных методов, школ, если хотите: один боян (Вещий) десяток соколов пускает на лебедей — бьёт с силой по струнам, славословит, громко поёт, восхваляя героев, события, а другой боян — Святославич — не десяток соколов пускает (не бьёт по струнам), а свои вещи (знающие) персты на струны тихо кладёт, и они сами «славу рокотаху», поскольку Святославич боян поёт правду, которая не требует громогласия, ведь правда в этом не нуждается, она сама доходит до сердец слушателей. И это соперничество, ирония над Вещим бояном, его методом ещё не раз встретится в Поэме.

Следует отметить, что в древнерусском языке, как, впрочем, и в современном, «слава» — многозначное слово, обозначающее: мнение, прославление, хвала, благодарение, почёт, честь, слава, похвальба, хвастовство, величие. (И. Срезневский. Словарь древнерусского языка), а также весть, известие, то, что говорят о человеке или событии.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ старого Владимера до нынѣшняго Игоря, иже стягну умъ крѣпостью своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы за землю Половѣцкую на землю Рускую.

Начнемъ же, братья, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря, который, помня о клятве своей и поострив сердце своё мужеством, наполнился ратного духа и повёл свои храбрые полки за землю Половецкую на землю Рускую.

«От старого Владимира». Автор не раз употребляет определение «старый» по отношению к князьям, так она называет князей старшего поколения — старого Ярослава и старого Владимира, живших в прошлом (XI) для неё веке, чтобы не путать с современниками, которые носили такие же имена.

«Истягну умъ крепостью своею». Смотрим СБЛ: тяглый прым. — абкладзены павіннасцямі; які нясе подаці — обложенный повинностями, который платит подати. Вполне объяснимо «истягну» рядом с «крепостью» — клятвой. То есть Игорь был связан клятвой своей. И повёл полк свой за землю Половецку, на землю Русскую — в Тьмуроканское, русское княжество, принадлежавшее черниговским князьям, которое располагалось за половецкими землями, на побережье Сурожского моря (Средиземного), где нынешняя Тамань. См. главу «Истягну умъ крепостью своею».

О бояне, соловию старога времени! Абы ты сіа плъки уцекоталь, скача славию по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы обаполы сего времени. Рища въ тропу Трояню чресь поля на горы, пѣти было пѣснь Игореви, того в нуку: «Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону великому».

Чи ли въспѣти было, Вѣщей бояне, Велесов внуче: «Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Киевѣ!»

О боян, соловей старого времени! Если б ты этот поход воспевал, скача пташкою (соловьём) по мысленному древу, летая умом под облака, объединяя славы вокруг этого времени. Следуя Троянскою тропую через поля на горы, петь бы тебе песнь Игорю, того ободряя: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стада галиц бегут к Дону великому».

Или запеть бы тебе, Вещий боян, Велесов внук: «Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве!»

Этот абзац разъяснён в главе «По замыслению бояню...». Хочу лишь уточнить некоторые моменты и представить своё прочтение слова «Трояню».

«Абы ты...» — «Если бы ты...». В украинском языке и в белорусском абы — если бы. В СБЛ: абымъ (абысмо, абысмы, абысте,

абысь, абысьмо, абысьмы, абысьте, абыхмо, абыхмы, абыхомъ, абыхъ, абысьмо) зл. — (таксама ў спалучэнні з формамі аорыста дзеяслова быти — так же в словосочетании с формами аориста глагола быть) — каб — если бы.

«Ущекотал» — в словаре старобелорусского лексикона находим: щекати — брахаць (брехать), сочинять! Ср. — заливаться соловьём. А в Словаре белорусского наречия: щекотаць — щебетать, кричать по-сорочьему. Какое ёмкое слово «ущекотал»! Как и весь язык «Слова»!

Свивая славы обаполы сего времени. Свивая — объединяя вместе. Обаполы — абедзве часткі, і тая і другая палавіна (обе части, и та и другая половина) — СбЛ. Объединяя славы вокруг этого времени. Обаполы часто употребляется в летописях в значении «обеих сторон».

«Рица» и ниже: «нарищуце на Рускую землю» — от глагола ристати. Рица — деепричастие от ристати — бегаць, хутка хадзіць (бежать, быстро ходить) — СбЛ. Тут неупотребимо деепричастие от глагола «бежать», поэтому: следуя.

Трояню, трояня. Первые комментаторы Поэмы честно признались: «кто сей Троянь, догадаться ни по чему невозможно». Однако если внимательно изучать историю и летописи того периода, то вполне можно предположить, что это притяжательное прилагательное от древнего существительного, которое сейчас означает «триумвират», «тройственный союз». Да-да! Возможно, это имела в виду Автор! Вспомним: «Были вечи Трояни, минула лета Ярославля, были полци Олговы». Ю. Сбитнев прочитал «Трояни» как притяжательное прилагательное от имени бога Трой. Но во фразе небольшая неувязка: Ярослав и Олег — конкретные люди, почему в одном ряду с ними бог? «Песьтворца старого времени» перечисляет события прошлого для неё века, когда завершились лета Ярослава (Мудрого), наступила эпоха правления трёх его старших сыновей (вечи трояни), двое из которых после смерти их брата Святослава и устроили племяннику, юному князю Олегу «полци» — страдания, скитания, отобрав, по его малолетству, его законное княжение — вывели из Владимира-Волынского и не дали отчинное княжество — Черниговское. Вот и «были полцы Олговы» — пришлось ему «полкать» от Чернигова до Тьмуторокани, от Родоса до Чернигова и Новгорода Северского.

Древнерусское ощущение времени было другим: временной вектор в восприятии русичей был направлен в иную сторону, нежели сейчас, поэтому часто сначала писали о нынешних событиях и лишь после о предыдущих. Вот почему в летописях часто встречается фраза: «Мы же на преднее (предыдущее) возвратимся». Этот принцип сохранён в разбираемой фразе, где сначала речь идёт о более поздних событиях и лишь потом о предшествующих: «Были вечи Трояни, минула лета Ярослава» — были времена Трояни, (когда) минули лета Ярослава, и потом снова: «были полцы Олеговы».

Ярослав умер в 1054 году, унаследовать власть должен был его старший сын Владимир, но он умер раньше Ярослава, и отец перед своей смертью разделил земли между оставшимися сыновьями: Изяславу достался Киев, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир, Вячеславу — Смоленск. Отец завещал братьям: «вы, сынове мои, имейте межи собою любовь, понеже вы есте братья единого отца и единой матерь; да аще будете в любви межи собою, и покорить вы противныя под вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавистью живуще, в распряхъ которающесе, то сами погибнете и землю отецъ своихъ и дело погубите...» Братья Вячеслав и Игорь вскоре умерли (1057 и 1060), и остались три брата — Изяслав, Святослав и Всеволод. Помня заветы отца, выработав единую политику и заключив союз (триумвират), они втроём правили Русью почти 20 лет. Современная наука так и называет этот период временем Триумвирата Ярославичей. А Болеслава — Трояними временами.

В 1067 году полоцкий князь Всеслав «заратися и зая Новъгородъ. Ярославличи же трие: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупише воя, идоша на Всеслава». Состоялась «сеча зла» с ним у реки Немиги. В следующем году состоялось крупное вторжение половцев, которое запомнилось жестокой битвой «Триумвирата Ярославичей» на реке Альте. Княжеский триумвират был разгромлен. Изяслав и Всеволод убежали в столицу, где пытались укрыться от врага, при этом народ требовал организовать ещё один поход против половцев. Однако они не поддались на уговоры людей, что привело к киевскому восстанию 1068 года. Изяслав был изгнан из Киева, а правителем стал «вырубленный» из поруба Всеслав Полоцкий, которого они обманом захватили и бросили в поруб. Всеслав просидел тогда на киевском столе 7 месяцев.

В следующем году на Киев двинулся польский король Болеслав II Смелый, оказав помощь Изяславу в восстановлении его пошатнув-

шейся власти в столице. Всеслав Полоцкий бежал из Киева, и Изяслав вновь стал киевским великим князем. Однако в 1073 году он всё же лишился своего престола после заговора младших братьев. Триумvirат Ярославичей распался. Это заставило Изяслава убежать в Польшу. На его место сел Святослав, а Всеволод переехал в Чернигов. В 1076 г., когда умирает Святослав, киевским князем становится Всеволод. Не желая продолжать конфликт с братом, в 1077 г. Всеволод возвращает киевский престол Изяславу, который правит ещё год, после чего 3 октября 1078 года погибает на Нежатиной Ниве, где погиб и Борис Вячеславич из «Слова» «за обиду Олгову, храбра и млада князя». «Всеволод же седе в Киеве на столе отца своего и брата своего, пере-емъ всю власть Рускую» (Ипатьевская летопись за 1078 год). Он был первым киевским князем, использовавшим титул «князь всея Руси». Как известно из летописных сведений (но это почти никто не заметил), «всея Русь» включала в себя три основных княжества: Киевское, Черниговское с Северщиной и Переяславское — княжества трио Ярославичей. Доказательства из летописей будут представлены, когда речь пойдёт о земле Трояней. Вообще в «Слове» прилагательное трояни встречается четыре раза: тропу Трояню, вѣчи Трояни, на землю Трояню, на седьмом вѣцѣ Трояни, и все они легко объяснимы с этой точки зрения, разберём их по ходу трактовки Поэмы.

«Рища вѣ тропу Трояню...» Автор в данном контексте назвал этим словом конкретный период времени (вечи) в истории государства середины и конца XI века. Фраза «Рища в тропу трояню через поля на горы» обозначает: «вспоминая этот период, период Триумvirата» — следуя по годам прошлого века, поднимаясь к нынешним (с точки зрения Автора) временам.

«Пел бы песнь Игорю, того в нуку». См. главу «Вещий Боян». Подгоняя, ободряя, вызывая желание, как бы теперь сказали, мотивируя. В украинском и белорусском языках есть слово спонукати — вызывать желание, мотивировать и нукати — подгонять, мотивировать кого-то к чему-то — однокоренные слова с «в нуку».

«Не буря соколов занесла через поля широкие». Фраза говорит о том, что не с воинственной целью подались соколы Игорь и Всеволод «через поля широкие», а «стада галиц бегут к Дону великому» — большая масса чёрных людей (мастеровых, рабочих и т. д.) движется к Дону, в сторону Тьмутороканского княжества. То есть боян, воспевающий поход, по мнению Автора, должен был подчеркнуть его мирную

цель и подбодрить Игоря. И следующая фраза подтверждает, раскрывает это: «Или запеть бы тебе, Вещий боян, Велесов внук: «Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве!» Во времена Владимира Крестителя Сула, левый приток Днепра, стала пограничной рекой Руси. Таковой она оставалась и ко времени похода Игоря. Сюда, к границе, пришёл большим табором, с людьми и множеством коней, отец невесты Владимира Игоревича — Кончак и встал в ожидании сватовства, сообщив об этом в Чернигов. Подробнее — в главе «Кони ржут за Сулою...».

«Звенит слава в Киеве» — идёт молва о походе Игоря. Невиданный по тем временам замысел: вернуть Руси не только Тьмутороканское княжество, но и «всю Хазарию» в Крыму, ведь крымские хазары были данниками деда Игоря — Олега Святославича: «...и седъ Тьмуторокани и исъче Козары»... («Летопись по Ипатьевскому списку»). То есть восстановить честь и владения деда, идеалы которого принял Игорь. А ещё заключить мир с Полем, породниться, женив детей, с теми, которые со времён деда Олега не были чужими русичам. Эта идея ясно обозначена в «Слове» позже, когда «Див кличет вверху древа». Клик откликается ниже, о чём пишет Ю. Сбитнев.

Трубы трубятъ въ Новѣграде, стоятъ стязи въ Путивлѣ. Игорь ждётъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ светъ светлый ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя. Сѣдлай, брате, свои бързьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми къ мети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конецъ копія въскрѣмлени. Пути имь вѣдоми, яруги имь знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени. Сами скачуть, аки сѣрьи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ».

Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле. Игорь ждёт милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, Игорь! Оба мы с тобой Святославичи. Седлай, брат, своих быстрых коней, а мои уже готовы, оседланы у Курска стоят. А мои куряне обучены скачком: под трубы рождены, в шеломах баюканы, с конца копий вскормлены. Пути им ведомы, яруги ими знаемы, луки у них напряжены, колчаны отворены, сабли изострены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе почестей, а князю славы».

В Киеве звенит слава о походе Игоря, а он и дружина с мастеровыми людьми из Новгорода-Северского оправились в поход, переправившись на левую сторону Десны, как раз там, где сходились все пути, стражем которых был княжий город-крепость — Путивль на Десне. Подробно — в главе «Трубы трубят в Новеграде, стоят стяжи в Путивле».

Буй Тур. В СБЛ: буй — буян. Современные онлайн-переводчики дают перевод слова «буян» с белорусского как «дикий». Дикая тур! Какой образ! Буйный, сильный, стремительный, напористый, как тур. Но оставим «Буй Тур», кличка звучит вполне объемлюще и понятно современному читателю.

«Свѣдоми къ мети». В СБЛ: сведомый — навучаны, умелы, дасведчаны (наученый, умелый, опытный). В словарях русских говоров, а также в Большом словаре русских поговорок: Мети (метать) — преодолевать скачками большие расстояния (о коне). Бежать в меть. Бежать рысью, нога в ногу. Во (на) всю меть. (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина «Большой словарь русских поговорок» 2007). Сохранилось до сих пор: «я метью» — быстро, одна нога тут, другая — там. То есть научены скачкам, опытни в скачках. Однако в СБЛ находим и кметь — падданы селянин, мужык (подданный крестьянин, мужик), то есть слово существовало, оно могло со временем меняться, расширять семантику и обозначать просто мужчину. В нашем случае вполне оправдано и: опытные мужи. В некоторых словарях значится слово «кмети», которое переводят как «воины», но это уже, скорее всего, догадки после прочтения «Слова». Поэтому допускаю оба первых варианта.

Очень красивая метафора — «под трубами повити, под шеломи възлелѣяни, конецъ копя въскрѣмлени», — говорит о высокой военной подготовке воинов, практически с рождения: под трубами (военными) рождены (повити — отсюда повитуха), укачаны (убаюканы) в шеломах, с конца копья вскормлены. Глагол «лелеять» встречается в «Слове» несколько раз, и везде по контексту ясно, что он означает не «лелеять» — в современном понимании «ласкать», как прочли многие исследователи, а «качать», «колыхать»: «лелѣючи корабли на синѣ морѣ» — «качая корабли на синем море»; «Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носадѣ» — «Ты качал на себе Святославовы носадѣ»; «лелѣявшу князя на вълнахъ» — «качавшего князя на волнах». И СБЛ даёт однозначное толкование: лелеяти — гайдаць, калыхаць

(качать, колыхать). Поэтому здесь: укачаны, убаюканы. Но предлог «под» скорее всего был внесён при переписывании, ведь логична метафора — баюкали в шеломах, как в люльках, а не «под шеломы». О копые — ясно, усиление метафоры.

Войско нужно в этом длительном и дальнем походе через «земли незнаеме» для защиты мирных людей, участников похода от набегов кочевников.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братіе и дружино! Луце жѣ потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братіе, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону!»

Спала князю умъ по хоти, и жадость ему знамение заступи. «Искусити Дона великого хошу бо! — рече. — Копіе приломити конецъ поля половецкаго. Съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

Тогда вѣступи Игорь-князь въ златъ стемь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, ноцъ стонуци ему грозою, птичь убуди свистъ, звѣринъ въ ста зби. Дивъ кличетъ врѣху древа — велитъ послушати земли незнаемѣ: Влѣзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, тьмутораканьскій блѣванъ!

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел: от него тьмою всё его войско прикрыто. И обратился Игорь к дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитому быть, нежели пленённому быть. А сядем, братья, на своих быстрых коней да поглядим на Дон синий!»

Возникло у князя горячее желание, и страсть знамение ему заслонила. «Изведать Дона великого хочу! — сказал. — Копьё сломать в конце поля половецкого. С вами, русичи, хочу голову свою приложить и испить шеломом Дону».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце тьмою ему путь заступало, ночь стонала ему грозою, птичий свист затих, зверь в стаи сбился. Див кличет на вершине древа — велит слушать землям неведомым: Волге и Поморью, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутороканский болван!

«Луце ж» — в Словаре старобелорусского лексикона находим: луце — лепш (лучше).

«Спала князю умъ по хоти». СбЛ: Хоть (хуть) — жаданне, ахвота (желание, охота). Наиболее точный перевод на современный язык: «Возникло у князя горячее желание».

«И жалость ему знамение заступи». Скорее всего, тут не жалость, а жадость, от старобелорусского «жадаць» — страстно хотеть (укр. жадоба — велике бажання чогось, прагнення до чого-небудь — большое желание чего-либо, стремление к чему-либо), то есть — страсть, сильное желание, увлечённость чем-либо. Словарь русского языка XI–XVI вв. также одним из значений даёт: страсть, нетерпение. Заступити — 1. закрыць, засланиць, загарадзіць (закрыть, заслонить, загородить) — СбЛ. Отсюда: И страсть ему знамение заслонила.

«Искусити Дона великого хощу». В СбЛ: Искусити — 1. выпрабаваць, праверыць (попробовать, проверить); Словарь русского языка XI–XVI вв. даёт такую интерпретацию: проверить, испытать. У меня: Изведать Дона великого хочю.

«...копіе приломити». СбЛ слову «приломити» даёт однозначное значение — зламаць — сломать! В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля — такое же значение: «Все кирки о камень приломилися» или «По обух лезья приломилися» — сломались совсем. Значит нужно читать: Копьё сломать в конце поля половецкого, то есть заключить мир, прекратить вражду (ср.: «зарыть томагавк, топор войны») или пройти всё поле невредимым, потому что «сломать копьё» ещё означало: сломать его в бою. Но разве он хотел сломать его в бою в конце поля? Или это означало: дойти до конца поля невредимым?

СбЛ: любо — во втором значении: або — или. Тут лучше прочитать: «...хочу голову свою приложить и испить шеломом Дону». Обратно — дойти до Дона.

«Птичь убуди свист». Большинство уважаемых исследователей, начиная от Грамматина, Максимовича, Стеллецкого, Творогова и заканчивая Лихачёвым, прочли слово «убуди» однозначно как «разбудили», однако позволю себе не согласиться с таким утверждением. Если проанализировать употребление этого глагола по всему «Слову», приходишь к выводу, что он как непереходный глагол означает — «убыть» — исчезнуть, раствориться, закончиться и т. д. Сравните: «убуди жирня времена» — по контексту — «Ничить

трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилося. Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала... убуди жирня времена» — ясно: трава поникла, древо с печалью к земле приклонилося, невеселая година настала — закончились богатые (добрые) времена. «Говоръ галичь убуди» (говор галок затих) — снова контекст: ночь, заря погасла, щебетанье птиц смолкло, и галки перестали «говорить». «Ночь стонет грозою, птич убуди свист» — какие птицы поют в грозу ночью?

В случае же, когда этот глагол становится переходным, он означает «разбудить» (кого-то, что-то): «лжу убуди» — разбудили (что?) лжу. В «Слове Даниила Заточника»: «Воскреси, боже, суди земли! Воздвигни князя, убуди бояр; умножи силу князю нашему...» — «...подними князя, разбуди бояр, умножь силу князю нашему...»

Даже при прочтении, если вслушиваться в ритмику фраз, ударение в этом слове каждый раз там, где и должно быть по смыслу. Поэтому во фразе «Птичь убуди свист» ударение на второй слог, потому что речь о том, что птичий свист затих.

«Звѣринъ въ ста зби». Эта фраза наиболее трудна для перевода, возможно, при копировании упущены буквы, а возможно, нам уже непонятны эти древнерусские слова, но если подключить логику, можно поискать варианты. Звери в грозу ведут себя по-разному: дикие чаще всего её просто не замечают, а кто-то прячется под выворотни, в норы и т. д. А поскольку здесь она происходит ночью, звери находятся там, где обычно ночуют, кто-то в стаи сбился, кто-то в норе лежит. По звучанию наиболее близко: в стаи сбились.

«Дивъ кличетъ врѣху древа — велитъ послушати земли незнаемѣ: Влѣзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, тьмутороканьскій блѣвань!» — эта фраза раскрывает грандиозный замысел Игоря, о котором «звонит слава в Киеве». Игорь начинает невиданный доселе поход, и Див предупреждает «земли незнаеме» о его намерении: Волге и Поморью, и местам по реке Суле, которая граничит с Полем. И Сурожу (ныне город Судак в Крыму), который дал название Сурожскому морю, которое ныне мы называем Средиземным, и Корсуню, Херсонесу на южном побережье Крыма, «и тебе, Тьмутороканский болван», ведь Тьмуторокань является конечной точкой и целью похода. Вот почему «вержеся Див на землю», когда поход Игоря провалился. Вот почему «Слово» дошло до нас через века — было оно посвящено не заурядному грабительскому походу (каких было десятки, если не сотни), о чём написали все исследователи,

но величайшему, грандиозному замыслу, на который решился внук Олега, «истягнув ум крепостью своею» — помня о клятве, данной себе в память деда. Потому и «Слово» — плач, потому и столько скорби в Плаче Ярославны, что провалилась идея достижения мира и объединения земель для добра. Что снова будут «князья крамолы ковать», а «поганыи приходжахуть на русские земли».

Див — бог Сияющего неба, бог всех богов, восходит к Люциферу, который в древних верованиях олицетворял не тьму, а нечто противоположное — «несущий свет». При этом он не падший Ангел, а соратник Творца, уравнивающая сила дуального мира. Многие исследователи также говорят о том, что Див почитался как бог небесных вод, изначальных творческих потоков, первичной энергии творения, которая «оплодотворила», оживила твердь материального мира.

«Тьмутороканский болван». «Словарь белорусского наречия» «болван» определяет как деревянный столб в переднем углу печи, во втором значении — «всякий вообще столб»: «По дороге болваны стояць». «Словарь русского языка XI–XVI вв.» первым значением тоже даёт «столб» и вторым — «изваяние, статуя», цитируя при этом данный отрывок. Не идёт ли речь о каком-то отличительном знаке в Тьмуторокани? Например, о мраморном тьмутороканском камне, на котором были оставлены надписи 1068 года, когда князь Глеб Святославич измерял по льду расстояние между Тьмутороканью и Керчью. Ведь полк Игоря движется к Тьмуторокани, к «болвану», потому и ему Див слушать велит.

И полци неготоваами дорогами побѣгоша къ Дону великому, крываютъ телегы по луношы, рцы лебеди роспушени, — Игорьъ къ Дону вои ведеть. Уже бо бѣды его пасеть птицъ по добю, вльци грозу вѣсрожать по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленя щиты.

О Руская земле, уже за шелюмянемъ еси.

И полки непроторенными дорогами побежали к Дону великому: скрипят телеги по бездорожью, словно лебеди напуганные, — Игорь к Дону воинов ведёт. Уже беду его пасут птицы по дубравам, волки грозу ворожат по яругам, орлы клекотом на кости зверей зовут, лисицы брешут на красные щиты.

О Русская земля, уже за высоким берегом ты!

«**А полци...**». Здесь переписчики внесли ошибку, написав «половцы». Ведь речь идёт о полцах — многочисленном скоплении людей, движущихся к Дону, и скрипят гружёные их телеги по бездорожью. С чего бы мобильному половецкому войску ехать на телегах? А для охраны этих людей Игорь и войско ведёт, которое призвано защитить их от опасности, которая подстерегает на столь долгом пути через Поле.

В «Слове» нет предлога «в» перед «полунощи», поэтому не «в полуночи», как прочитали многие исследователи, а по луноши (по бездорожью). Подробнее — в главе «**Трубы трубят в Новеграде, стоят стязи в Путивле**».

«**Неготовами дорогами**». Снова смотрим в СБЛ: неготовый дзеепрым. — непратаптань, непракладзены (непротоптаный, непроложенный). Непротоптаньными (непроторенными) дорогами.

«**Рцы лебеди розпуцени**» — словно лебеди оживлённые, испуганные. СБЛ: пуций — жвавы, руплівы (оживлённый, ретивый). Известно, что лебеди кричат только в брачный период или в момент опасности. Вообще, «рцы» — «скажи», но часто употреблялось в качестве сравнительного союза.

«...за шеломянемъ еси». В Ипатьевской летописи читаем: «Наворопници же, перешедше Хорол, взийдоша на шоломя, глядающе кдѣ узрять ѣ; Кончак стоял в лузѣ, его же идуще по шоломени оминуша». Ясно, что речь о высоком берегу: Кончак стоял в луке (на лугу, в низине у реки), а русские князья (тут речь о Рюрике и Святославе), поднявшись на высокий берег, разминутись с ним. То есть «за высоким берегом». Еси — перфект второго лица единственного числа: дословно «находишься», однако его можно опустить как вспомогательный глагол, а значит: уже за высоким берегом ты! У рек, текущих с севера на юг, в силу вращения Земли и притяжения, правый берег всегда шеломный, высокий. Подробнее о шеломяне см. в главе «Трубы трубят в Новеграде, стоят стязи в Путивле».

«**Уже бо бѣды его пасеть птицъ по добію...**» Здесь яркая иллюстрация того, что частица «бо» не означает ибо, причинность, она употреблена в утвердительном значении.

Дълго нощ меркнетъ. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрывла, щекотъ славий успе, говоръ галич убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетело! Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ!

Поганый половчин Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Долго нощ меркнет. Заря свет погасила, туман поля накрыл, щѣкот соловьиный уснул, говор галок затих... Русичи великие поля красными щитами перегородили, ища себе почестей, а князю славы.

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далекo залетело! Не было оно в обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чѣрный ворон!

Поганый половчин Гзак бежит серым волком, Кончак ему след правит к Дону великому.

«Заря свѣтъ запала». В СБН: западаць — заходить, говоря о солнце, клониться к падению. То есть «заря запала, свет погасила».

«Мъгла поля покрывла». Тут мгла — не темнота, а туман (см. ниже). Часто можно наблюдать в природе поздней весной или ранней осенью, когда день уже или ещё тёплый, а вечером земля остывает и из-за перепада температур луга, поля покрываются туманом. Или, как с современной метеорологии: «сплошное помутнение атмосферы, обусловленное наличием в воздухе сухих очень мелких взвешенных частиц пыли, дыма, гари, пыльцы растений и т. д.»

«Щекотъ славий успе». Тут «успе» — от «успнуть» — уснуть, умереть, ср. Успенъе Пресвятой Богородицы — день смерти Богородицы. То есть щѣкот соловьиный уснул, исчез.

«Говор галич убуди». Если щѣкот соловьиный уснул, то и галочий «говор» тоже затих — см. выше. Ведь далее по тексту: «Дремлет в поле Олегово храброе гнездо...», значит нощ в поле...

Вот и у Жуковского читаем:

*«Щѣкот соловьиный заснул,
Галичий говор затих».*

Сюда мы перенесли фразу «Дремлет в поле Олегово гнездо...», поскольку это логично после описания ночи. И лишь потом — картина сватовства, перед которым Автор сообщает, что по следу Кончака, движущемуся к месту встречи со сватом Игорем, «бежит серым волком поганый половчин Гзак».

«**Поганый половчине**» мы оторвали от предыдущей фразы, которая самодостаточна и логична именно в таком виде: «Не было оно в обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон!» Этой фразой Автор утверждает, что «Ольгово гнездо», а в данном случае Игорь с родственниками, не представляют угрозы для половцев, тотемами которых часто были птицы. Игорь идёт с добрыми намерениями.

А далее речь идёт именно о «поганом половчине» Гзаке, который устроил побоище и пленил Игоря. Отнимаем от слова «половчине» «е» как окончание звательного падежа, которое, скорее всего, отсутствовало в оригинале, и получаем опять логичную фразу «Поганый половчин Гзак бежит серым волком...». Но почему «Кончак ему след правит»? Потому что Гзак идёт по следу Кончака! Выслеживает его и Игоря, который, как и Кончак, на сватовство конечно же едет не с пустыми руками! А если Гзаку известно, что Игорь движется в Тьмутароканское княжество для его восстановления, то с ним наверняка казна, и немалая, и тут можно пожить «русским золотом».

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганяя плъкы половецкыя, и, рассушыа стрѣлами, по полю помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орътмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половѣцкыми.

Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе — храброму Святославличю!

С зарёю пустилось в плястойбище половецкое, и, разметавшись стрелами, по полю помчались красные девки половецкие со золотом, и шелками, и дорогими бархатами. Шубами и накидками и кожухами начали мосты мостить по болотам и грязи выстилать всякими вышитыми покрывалами и коврами половецкими.

Красный стяг, белая хоругвь, красная чолка, серебряное стружие — храброму Святославичу!

«Въ пяткѣ потопташа...» — тут: пустились в пляс — см. в главе «Не вижу власти брата моего...»

Потопташа, помчаша, начаша — аористы. Аорист являлся простым прошедшим временем. Он употреблялся в случаях, когда речь шла о прошлом факте и, когда прошедшее действие представлялось как единичный, полностью законченный в прошлом акт действия. Как бы мы сказали сейчас, глаголы совершенного вида (но не всегда!). «Поганья полки половецкие» (что сделали?) пустились в пляс, а девки половецкие (что сделали?) помчались и начали мосты мостить. Два личных предложения, объединённые в сложносочинённое предложение.

Следует напомнить, что в 12 веке «поганый» не имело остро негативного оттенка, этим словом обозначались все иноверцы. А уж тем более, когда речь шла о недружественных половецких племенах. Однако тут описана картина сватовства Игоря сына и дочери Кончака, о чём нам известно из летописей. Кончак, как глава знатной семьи, возглавлял объединение кровнородственных семей — род, и приравнивался по социальному положению к русскому князю. Орды объединяли большое количество родов, и поэтому князей в половецких становищах было много. Владимир Мономах в своём Поучении пишет, что за свою жизнь он только взял в плен и отпустил на волю более сотни «лепших князей» половецких.

Как и другие половецкие князья-ханы, Кончак совершал набеги на русские княжества. Удары Кончака и его постоянного союзника Кобяка были направлены на Киевское и на прикрывавшее Киев Переяславское княжество. С черниговскими же князьями Кончак поддерживал дружественные отношения. Как известно, в 1180 году половцы входили в войско Святослава, выступившего в поход за утверждение своих прав на киевский золотой стол. А с Игорем Святославичем Кончак решил породниться, поженив детей. Сын Игоря, 12-летний Владимир, был наречён женихом Свободы Кончаковны. И в этом походе в Тьмуторокань должно было состояться сватовство, которое и написано в «Слове»: красные девки половецкие помчались по полю в танце, понесли подарки: злато и шелка, и дорогие бархаты. И перед женихом и невестой начали мостить мосты — шубами, накидками, покрывалами и расшитыми коврами (всяким узорочьем половецким). «Мосты мостити» — это древнейший свадебный обряд, нашедший отражение и в русских сказках: строили, выстилали праздничный мост,

через который переходили молодые (в Украине становятся на рушник). Переход через мост — это переход от жизни к смерти, поэтому и платье невесты до сих пор траурного белого цвета, ведь тогда цветом смерти был не чёрный, а белый цвет. Это известный факт. Но смерть — всегда рождение в новом мире — здесь: в новом роду, роду мужа. А красно-белый флаг, который вручён свату Игорю от свата Кончака, сочетает в себе, кроме всего прочего, свадебные цвета: белый и красный — смерти и жизни. Кроме того, это подарок, символ признания родства, равноправия и главное — как пропуск, оберег при передвижении по Полю. Не случайно Лаврентьевская летопись зафиксировала: «и стояша на вежа 3 дни веселящися». То есть русичи находились в половецком стане три дня, отмечая сватовство, хотя и летописец считает, что веселились от победы в первой схватке. Аж три дня?! Сама же свадьба состоялась через два года, в 1187 году, о чём сообщили летописи: «...Тогда же приде Володимѣр ис Коньчаковною, и створи свадьбу Игорь сынови своему, а вѣнча его и с дѣтятемъ».

Ряд исследователей древности, в частности Александра Баженова, автор книги «Легенды и боги древних славян», считает, что хоругвь — полотнище боевых знамён в честь бога Хорса, поэтому слово произносилось «хоригови», «хорюгови», «хоругови». Полотнища крепились к древку (стягу), у которых имелось навершие — стружие. Хоругви были в основном белого цвета, а также золотистого и красного. Подобное описание находим в работе Л. Яковлева «Русские старинные знамёна» (Древности Российского государства. Доп. к III отделению. М., 1865), где говорится, что «стяги русских состояли из длинного древка, собственно стяга, к которому прикреплялось плотно, кусок ткани яркого цвета». Далее следует «острожек, которым вооружался верхний конец стяга», и «чёлка» — «под острожком подвязывалась чёлка, окрашенная яркой краской». То есть стружие — не древко копья, как считает большинство исследователей «Слова», и стяг — не знамя, а древко. И всё перечисленное в отрывке: красный стяг, белая хоругвь, красная чолка, серебряное стружие — относилось к одному предмету — знамени. У этого знамени было красное древко (стяг), белое полотнище (хоругвь), красная чёлка (окрашенная метёлка из конского волоса) и серебряное навершие (стружие).

Позже по тексту ещё раз встречается «стружие», и снова не как древко копья!

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ: чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти Д солнца, а въ нихъ трепещуть синіи мльніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ у Дону великаго.

О Руская землѣ, уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы. Земля тутнегъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ: половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, рускыя плѣкы оступиша.

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи русици преградиша чрълеными щиты.

На следующий день очень рано кровавые зори свет извещают: чѣрные тучи с моря идут, хотят прикрыть 4 солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великаго! Тут копьям ломаться, тут саблям греметь о шеломы половецкие, на реке на Каяле у Дона великаго.

О Русская земля, уже за шеломянем ты!

И ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля стонет, реки мутно текут, туманы поля покрывают, стязи оповещают: половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон, русские полки обступили.

Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи — красными щитами.

На следующий день состоялось сражение с половецкими войсками, не с Кончаком, а со свирепым Кзой, который двигался по следу Кончака и решил ограбить полк Игорев, который шёл с подарками (калымом за невесту), с другим добром и золотом, которое понадобится для возрождения Тьмутороканского княжества. Автор образам рисует трагизм предстоящего события.

В древнерусском макрокосме первым, внешним кругом концентрически устроенного «мира» (истории, события) чаще всего было

море или река. Здесь река Каяла — не географическая река, а символ смерти, скорби. А море представляет собой то пространство (в том числе обширные песчаные и каменистые пустыни), которое, по традиционным представлениям, лежит на пути в царство мёртвых, в мир иной или само представляет мир иной. Это не противоречит выводам исследователей, которые считают, что в «Слове» море обозначает степь половецкую, «поле незнаемъ». Встречающееся в «Слове» лукоморье («лукуморья») также отождествляется в целом с морем и великим Полем Половецким «со всеми его озёрами и реками». Близки к такому пониманию и те исследователи, которые считают, что «половецкая земля не имеет дискретного пространства, она выступает в качестве стихии — моря, поля и «великой реки» (Дона или Волги)» (Б. М. Гаспаров). Или: «Половецкое Лукоморье, видимо, находилось по древнерусским представлениям в глубине степи, за «Доном», в земле «незнаемъ» (А. Г. Бобров). В любом случае, имеем дело с древнерусским вербальным образом, не сопряжённым с морем в нашем понимании. «Въспѣша на брезѣ синему морю», «и въ морѣ погрузиста», «и несоша къ синему морю», «поганого Кобяка изъ луку моря», «О, далече зайде соколъ, птиць бя, — къ морю!», «на синѣмъ море у Дону плещучи», «Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами», «чръныя тучя съ моря идутъ» — во всех случаях «море» как нечто, связанное с трагедией, обречённостью, разорением, поражением.

Так же и «чисто поле» — символ — переходная область между мирами.

Исследователь языка А. С. Шишков (подробнее о нём см. ниже), наверное, небезосновательно считал, что море происходит от мор, умирание: «Человек не одним ужасом, сопряжённым с отвращением, поражается. Его изумляют и смущают также великие расстояния, неизмеримые пространства. Вид смерти ужаснул и потряс чувство его; но вид необъятного взорами разливания вод привёл душу его в такое же удивление. Итак, взирая на морские бездны, на сию безпредельную пучину, потому ли, что столько удивлен был ею, сколь и образом смерти, или потому, что не полагал на сем пространстве вод никакого обитания и жизни, назвал его морем, от понятия, заключающегося в корне мор, мру, умираю».

Д солнца. Д с титлом — древнерусская цифра 4. Четыре солнца — скорее всего, речь о четырёх князьях, участниках похода: Игоре, Всеволоде, Владимире и Святославе (Ольговиче).

«Ту ся копием приламати...» Ту (прысл.) — 1. тут, там, туды; 2. тады (СБЛ) — ту наречие, обозначающее в современном языке в том числе «тут». Приламати — уже выяснили: сломать.

Стрибог — нет единого мнения, что это за божество, но большинство склоняется к тому, что это бог ветра, воздуха, атмосферы. Поэтому ветры — Стрибожьи внуки.

«Земля тутнетъ» — в Словаре церковно-славянского и русского языка, изданном Императорской академией наук в 1847 г., находим: тутень (стар.) — шум, гул, зык. Тутно — шумно, зычно. То же у В. Даля: тутен м. тутень, стар. вост. сиб. шум, гул, зык; ныне бол. конский топот. Слышашеся отвне тутен(ь) некий, Мин. От тутня копыт земля дрожит, ирк. Тутнати стар. тутнуть сиб. стучать, шуметь, гудеть, зычать. Яко тутнати и гремети всему мосту тому от вопля людей. Никонская летопись, описывая знамение в Полоцке в 1094 году, сообщает: «Предивно бысть въ Полоцке въ мечто, бывше въ нощи станяше тутно по улицамъ, аки человеце рищуще бесь». Земля гудит, стонет.

Пороси — от прах, порох, пыль. Во мн. числе пороси (чередование х и с) — как дух — души.

Кликъ — заклік, крик, вокліч (СБЛ). Половцы криком, шумом поля перегородили, а русичи — щитами.

Оступиша — в издании 1800 года «отступиша», что многие прочитали: отступили. Но в летописях встречается «оступиша» в значении обступили, окружили. Например, Патриаршая летопись за 1110 год: «...иноплеменници собравше полкы своа и поидоша, аки борове велиции, тмами тмы и оступиша полкы Русскыа; и посла Бог аггела въ помощь Русским княземъ, и сразишася полкы Половецкыа с полкы Русскими ... и бысть брань люта». Вероятно, переписчик «Слова» самовольно внёс букву т, и получилось «отступиша», что исторически не точно. В летописи подробно описано, как стояли Игоревы полки, Игорь не отступал: «Оже побѣгнем, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то от Бога ны будетъ грѣх... И та рекши вси сосѣдоша с конѣй и поидоша бьются» — «Если побежим, убежим сами, а чёрных людей оставим, то это будет грех. И так сказав, все сошли с коней и пошли, сражаясь».

Яръ туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными! Камо туръ поскачаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганья головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, яръ туре Всеволоде! Кая раны, дорога братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милья хоти красныя Глебовны.

Яр тур Всеволод! Стоишь на страже, мечешь на воинов стрелы, гремишь о шеломы мечами харалужными! Куда тур поскакал, своим золотым шлемом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие. Порублены саблями калеными шеломы аварские тобою, яр тур Всеволод! Презрел раны, дорогие братья, забыв и о жизни, и о граде Чернигове, отчем золотом столе, и о своей милой жене красавице Глебовне.

«Яръ туре Всеволодѣ» — существительные в звательном падеже, который существовал в древнерусском языке и сохранился в украинском и белорусском языках.

«Поскепаны саблями...». В Новгород-северском районе до сих пор сохранилось слово «кепать», «скепать» — щепать лучину. У Даля: «скепать, колоть мелко дерево, драть по слоям, расщеплять». Находим это слово и в труде, именуемом «Славянорусский корнеслов. Язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных», принадлежащем перу президента Российской Академии Наук, адмирала А. С. Шишкова (1754–1841), писателя, литературоведа, филолога, который пользовался расположением государя. В зачине книги читаем: «Александр Семенович! Дозволяю Вам книгу сию посвятить Моему имени и, изъясняя Вам за труды Ваши Мою признательность, пребываю к Вам всегда благосклонен. Государь НИКОЛАЙ I». Итак, Шишков писал: «Глагол кепать вышел из употребления, а потому и нет у нас слова перекеп; но от него сохранились и сегодня ветви: щепать (лучину) вместо скепать, щепки вместо скепки, т. е. срубки или срезки». Вспомним украинское «скабка» — заноза. Ну и СБЛ: скепати — шчапаць, калоць (щепать, колоть). Поскепаны — расщеплены, порублены на мелкие кусочки «шеломы оварские». Археологические раскопки

показали особенности конструкции половецких шлемов: они не были сплошь металлические, а делались из деревянных лубков-дощечек, которые скреплялись железными рёбрами, связанными наверху металлическим шишом, поэтому их пощепали, как полешки на лучину, на мелкие кусочки.

Аварские — от авары — кочевой народ центрально-азиатского происхождения, переселившийся в 6 веке в Центральную Европу и создавший там государство Аварский каганат (VI–IX вв.). Половцы — их потомки.

Яр тур Всеволод так разъярён и увлечён битвой, что забыл и думать о своих ранах, жизни, Чернигове и жене Глебовне. Глебовна — княгиня Ольга, жена Всеволода, дочь князя Глеба Юрьевича, внучка Юрия Долгорукого, сестра переяславского князя Владимира Глебовича.

Свычая и обычая были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя — тѣйбо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣли по земле сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ градѣ Тьмутороканѣ — то же звонъ слыша давный великый Ярославль сынъ, а Всеволожъ Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.	В традициях и обычаях шли времена Троянские, минули лета Ярослава, были скитания Олеговы, Олега Святославича — будто Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Ступает в злат стремянь во граде Тьмуторокани, а тот звон слышал давний великий сын Ярослава, а Всеволодов Владимир каждое утро ворота запирает в Чернигове.

«Вѣчи Трояни» — см. выше.

«Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше» — «тот Олег мечом крамолу ковал» — так прочитанная всеми исследователями строка вызвала сомнение только у первых исследователей, авторов труда «Рускія достопамятности, издаваемыя императорским обществом истории и древностей россійскихъ, учреждѣнным при императорскомъ московскомъ университете» (1844 г): «По-видимому странно, что песнотворец черниговских князей называет явно родоначальника их крамольником», а также у Ю. Сбитнева. Но если бы Автор (любой, даже если не принимать во внимание, что это его правнучка) так

критиковал Олега, то через несколько строк не написал бы о нём же сочувственно: «храбра и млада князя». Значит не мог он утверждать, что Олег «крамолу коваше»! Подробно — в главе «Полци Олеговы».

«Давный великий сын Ярослава» — Всеволод Ярославич, один из братьев, лишивших Олега княжества, во время полцов Олеговых — великий князь (а ко времени написания «Слова» «старый» или «давный»), звон стремян из Тьмуторокани слышит, а сын его, Всеволожь Владимир (Мономах), каждое утро ворота запирает — «уши закладаше» (закладывает запор в уши-скобы) в Чернигове. Боятся они Олега, потому что знают, «чья кошка мясо съела»! Страшно им и стыдно, что по их вине «младый князь» Олег вынужден был бежать в Тьмуторокань в апреле и снова, в октябре, после битвы при Нежатиной Ниве 1078 года, где погиб Борис Вячеславич, подерживая законные притязания юного Олега на своё черниговское княжение, которое именно они присвоили, воспользовавшись его молодыми годами, а также отобрали Владимир Южный (Волынский), полученный им от отца после посвящения в князья. В той же битве погиб и великий князь киевский Изяслав Ярославич, первый из Триумвирата.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину — зелену — паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя.

Съ тоя же каял и Святоплѣкъ повелѣя отца своего между угорским, и иноходьцы ко святѣй Софїи, къ Киеву тогда приползѣ.

Бориса же Вячеславлича слава на суд привела и на кан (погребальный) иное — зелёное — покрывало постлала за обиду Олгову, храброго и молодого князя.

Потому же казнил и Святополк наследника отца своего вместе с прикрывшим его венгром, и изменники тогда к святой Софии, к Киеву приползли.

Тут образно написана кончина Бориса Вячеславича, заступившего за Олега, погребальным покрывалом для которого стала трава на Нежатиной Ниве. Подробнее об этом и о повелее-наследнике см. в главах «О Борисе Вячеславиче, беле и канине» и «Съ тояже каялы Святоплѣкъ повелея отца своего...»

Из летописей известно, что битва, в которой погиб Борис Вячеславич, произошла на Нежатиной Ниве. Местонахождение Нежатиной Нивы до сих пор не установлено: одни считают, что она находится на современной Бобровице на северо-востоке города Чернигова, другие — возле Нежина, привязываясь к топониму. Однако в новгородских берестяных грамотах XI–XIII вв. в одном послании упоминается имя Нежата: «От Нежеке ко Завиду чему не восолеси чето ти есемо водала ковати я дала тебе а Нежате не дала...» — «От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате...» Кроме того, история сохранила имя новгородского посадника Нежаты Твердятича, жившего в XII веке. Один из героев оперы Римского-Корсакова «Садко» — киевский гуслир также носил имя Нежата. Скорее всего, нива принадлежала человеку по имени Нежата, поэтому называлась Нежатиной Нива. Где жил тот Нежата, который дал ей имя, неизвестно, но ясно одно: название не от топонима Нежин. Кроме того, по летописям известно, что Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром «поидоша к Чернигову», а черниговцы затворились в городе, и наступающие взяли город в осаду. Владимир подступил к восточным воротам города и «взяша градъ околный и пожгоша огнемъ». Олега с Борисом тогда не было в городе, они собирали войско и с ним пришли защищать Чернигов, отвоёванный ими лишь два месяца назад, а четверо князей вышли им навстречу. «И на месте, на Нежатиной ниве бысть сеча зла». То есть битва состоялась под Черниговом.

За Гориславличи сѣяшется и растяшетъ усобица, погибашеть жизнь Дажьбожа внука. Въ княжих крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаеве кикахуть, нѣ часто врани гряхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотяють полетѣти на уедіе.

При Гориславичахъ сеялась и росла усобица, губилась жизнь Дажьбожьего внука. В княжьихъ распряхъ век людской сократился. Тогда по Руской земле редко пахари смеялись, но часто вороны гряяли, трупы деля меж собою, а галки о своёмъ кричали, собираясь лететь на добычу.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицеи рати не слышано! Съ зараніа до вечера, с вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленныя, гримлютъ сабли о шелома, трещать копіа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты костьми была посяна, а кровію поляна, тугою въздоша по Руской земли...

То было в те рати и в те походы. А такой рати не слышано! С зари до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы калёные, гремят сабли о шелома, трещат копья харалужные в поле далёком среди земли Половецкой. Чёрная земля под копытами костьми была посеяна и кровью полита, скорбью възшли они по Русской земле...

Первые издатели отметили, что Олег Гориславич НЕИЗВЕСТЕН. Нет такого человека в истории. Однако более поздние исследователи, с нелёгкой руки какого-то фантазёра, прилепили это отчество Олегу Святославичу как прозвище. Но оно не могло быть прозвищем, поскольку тогда было на слуху и являлось вторым отчеством, как, например, Настасьич, чтобы отличать, от какой матери дети, ибо князья часто женились не раз и имели детей от разных жён. Гориславичи были сыновьями одной из многочисленных жён Святого Владимира — четверо из его 13-ти сыновей. Они были детьми Рогнеды, наречённой Владимиром Гориславой: Ярослав, впоследствии названный Мудрым, Мстислав Храбрый (его принадлежность этой матери исследована не до конца), Изяслав и Всеволод. Эти четверо Гориславичей по поколениям приходились Олегу Святославичу дедами. Они дали разветвлённое потомство, и второе отчество «Гориславичи», если и передалось потомкам и стало прозвищем, могло принадлежать по крайней мере, нескольким десяткам людей. Но так, скорее всего, не было. После смерти отца — «старого Владимира» в 1015 году его сыновья начали убоицы, борьбу за власть. Ярослав ходил на Святополка, Святополк с Болеславом ляцким на Ярослава, Ярослав снова на Святополка, и снова Святополк с печенегами на Ярослава (кстати, это тот Святополк, по прозвищу Окаянный, который приказал умертвить «повелея отца своего» — Бориса, младшего сына Владимира, который был назначен столонаследником. По приказу Святополка

также были убиты ещё два его брата — Глеб и Святослав), Брячислав, сын Изяслава, придёт на Новгород, Ярослав его выбьет оттуда, Мстислав придёт из Тьмуторокани на Ярослава... И так продолжалось 10 лет, пока Ярослав не заключил мир с Мстиславом в 1026 году. Вот в то десятилетие, «при Гориславичах», «сѣяшется и растяшеть усобицами», но поскольку данные глаголы являются имперфектами третьего лица единственного числа прошедшего времени, то правильнее читать: «сѣяшется и растяшеть усобица», Ср.: «погибашеть жизнь». Если даже оставить «При Олзѣ Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами», всё равно конструкция неверна. Почему этого почти никто не заметил?

Автор в данном отрывке снова использует свой излюбленный приём — антитезу: сопоставление событий разных эпох — сравнивает нынешнюю битву и распри эпохи Гориславичей, но не эпохи Олега, «полцы» которого происходили позже на полвека.

В послесловии писца с цитатой из «Слова» в псковском Апостоле 1307 года читаем: «При сих князехъ сѣяшется и растяшеть усобицами, гыняше жизнь наша, в князѣхъ которы, и вѣцы скоротишася человекомъ» — «При этих князьях сеялись и росли усобицы, гибла жизнь наша, в князьях — распри, и век сократился людской». «При сих князехъ» красноречиво говорит о том, что речь не об одном князе — не об Олеге. Олег Святославич, конечно, не был ангелом, он ходил с половцами на черниговских князей, но отвоёвывал своё право на княжество. Это нельзя назвать усобицей в чистом её виде, хотя формально и можно считать таковой. Но нельзя время его борьбы за свои права («при Олзѣ») охарактеризовать как «...вѣци челоуѣкомъ скратишась, тогда по Руской земли рѣтко ратаеве кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче...» Тем более, что практически все серьёзные исследователи «Слова» отмечали сочувствие и особое отношение Автора к Олегу и Ольговому гнезду (это подтверждает, что Автор близок этому «гнезду»), поэтому не мог он осуждать Олега такими словами и обзывать Гориславичем от слова «горе» (тогда уж Гореславич!). Позже Олег, как и все князья того времени (кстати, все потомки Гориславичей), ходили друг на друга, отбирали города, пока в 1097 году не собрались в Любече и «глаголаше к собѣ, рекуще: «почто губим Рускую землю, сами на ся котору имуще? А половцы землю нашу несуть роздно...» И целовали крест на мир.

О Гориславличах подробно в главе «Гориславличи, кто они?»

«Рѣтко ратаеве кикахуть». Кикаць — тихо смеяться (Словарь белорусского наречия). Кикахуть — имперфект 3 лица множественного числа от инфинитива «кикаць». Редко пахары смеялись.

Старобелорусский лексикон: **Сице** — так, гэтак — так, этак. Сицеи — такой, этакой. Такой рати...

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?

Игорь плъки заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода.

Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы, ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрїи русичи: сваты попиша, а сами полегоша за землю Рускую.

Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступилъ дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи. Убуди жирня времена...

Что мне шумит, что мне звенит давеча рано перед зорями?

Игорь полки поставил заворой: жаль ему мила брата Всеволода.

Бились день, бились второй, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут братья разлучились на бреге быстрой Каялы, тут кровавого вина не хватило, тут пир завершили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую.

Никнет трава скорбью, а древо с печалью к земле приклонилось. Уже, братья, невеселая година настала, уже не до забав. Обида одолела Дажьбожьего внука, вступила девою на землю Трояню, всплеснула лебедиными крылами на синем море у Дона. Закончились добрые времена...

«Игорь плъки заворочаетъ». Многие исследователи прочли «заворочает» как поворачивает назад. Однако в белорусском языке, а также в Новгородсеверском районе до сих пор существует слово

«загора» — засаўка, завала на дзвярах, варотах — засов на дверях, воротах. То есть Игорь выстраивает полки заворой (замком). Это соответствует и летописным сведениям.

«На бреге быстрой Каялы» — художественный образ «Река скорби». Ипатьевская летопись: «И тако, во день святаго Воскресения, наведе на ня Господь гнѣвъ свой: в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю, на реце Каялы» — «...вместо радости навёл на нас плач, а вместо веселья — печаль, на реке Каялы» — на реке Скорби.

Битва состоялась между Доном и рекой Сюрлий (Сал) вдали от рек. Об этом сообщает Никоновская летопись: «Та же приидоша многое множество Половецъ, и отнюдь Русское воинство отлучиша отъ воды, и уже бяху три дни сами и кони их воды в уста не впускаху, и изнемогоша безводиемъ сами и кони ихъ» — «Туда же пришло великое множество половцев, и оттеснило русское воинство от воды, и уже три дня сами и кони их воды в уста не брали, и изнемогли безводьем сами и кони их». В «Слове» это красноречиво подтверждено Плачем Ярославны, когда она причитает: «Светлое и тресветлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имѣ луци съпряже, тугою имѣ тули затче?» — «Светлое и тресветлое солнце! Всем тепло и красно ты. Почему, господине, распростёрло горячие свои лучи на моего лады (любимого) воинов? В поле безводном жаждою луки им сковало, печалью им колчаны затворило?»

«Ничить трава жалощами...». СБЛ: Ничати — нікнуць, схіляцца (никнуть, склоняться); жалоба — белор.: смутак па памерлым ; укр.: скорбота, сум, туга за померлим (скорбь, печаль, тоска по умершим). Никнет трава скорбью.

«Уже пустыни силу прикрыла». СБН: Пустыня — баловство, шалость — пустаки, пустые разговоры, потеха, забавы, развлечения, ср.: пустоци (укр.) — вчинок заради розваги, веселоців; витівка — поступок ради развлечения, веселья, выходка. Сила — 2. верх, власть (СБН). Дословно: уже, братья, невесёлая година настала, уже веселья власть прикрыла. Но благозвучнее: уже невеселая година настала, уже не до забав.

«Дажьбожьего внука», по верованиям наших предков человек не был рабом божьим, он был сыном или внуком богов. Как боян — Велесов внук, так человек вообще, люди — Дажьбожьи внуки.

На синем море у Дона — тут снова образ синего моря как пространство на пути в царство мёртвых.

«...на землю Трояню...». Выше указывалось, что, по моему мнению, земля Трояня — это Русь XI и XII веков, которой дал начало Древний Олег, а развил, укрепил и защищал от недругов триумvirат Ярославичей, объединив три основных княжества Киевское, Черниговское и Переяславское, которые в летописях и называются Русь, Русская земля. Цитаты из Ипатьевской и других летописей, красноречиво говорят о том, что на самом деле называлось тогда Русью, землёй Трояней.

Мстислав Владимирович Киевский в 1140 году усил в Царьград двух полоцких княжичей за то, что «не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовящеть в Рускую землю в помощь» — «не находились в его воле и не слушали его, когда он звал их в Рускую землю в помощь». Юрий Долгорукий в 1152 г. идёт в Русь, «тогда же слышав Володимерко (князь Галицкий) идуча в Русь, поиде к Киеву» — «тогда же слышал Владимирко, идя в Русь, пошёл к Киеву». «Галицкая помощь» не раз упоминается в летописях как не русские полки, а сторонняя помощь. То есть Галич и Полоцк — не Русские земли!

В 1171 году князь Владимиро-Суздальский Андрей Боголюбский (Юрьевич), имевший право на киевское княжение, отдал его старшему из смоленских Ростиславичей — племяннику Роману. В 1173 году Андрей потребовал от Романа выдачи киевских бояр, заподозренных в отравлении его брата — Глеба Юрьевича, но тот отказался. «И рече Андрей Романови: не ходиши в моей воли съ братьею своею, а поиди с Киева, а Давыдъ исъ Вышегорода, а Мъстиславъ из Бѣлагограда, ... Смоленскъ тем ся подѣлите. И пожалишася вельми Ростиславличи, оже их лишаеть Руськой земли, а брату своему даеть Киевъ. ... А се нынѣ брата нашего Романа вывел еси исъ Киева, а нам путь кажеша из Руской земли безъ нашеѣ вины» — «И сказал Андрей Роману: не пребываете в моей воле с братьями своими, а поиди из Киева, а Давыд из Вышгорода, а Мстислав из Белгорода, ... Смоленск между собой поделите. И пожаловались очень Ростиславичи, что их лишает Русской земли, а брату своему даёт Киев. А ныне брата нашего Романа вывел из Киева, а нам путь кажет из Русской земли без нашей вины».

Там же: «Андрей ... исповнився високоумья, разгордѣвса вели.., разжгся гнѣвом и посла Михна мечника: «ѣдь к Ростиславл-

чемъ, рци ти имъ: не ходите в моеи воли, ты же Рюриче, поиди въ Смоленскъ брату во свою отцину, Давыдови рци: а ты поиди въ Берладъ, а в Руськой земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: в тобе стоить все, а не велю ти в Руськой земли быти» — «езжай к Ростиславичам, скажи им: не слушаете моеи воли, ты, Рюрик, поиди в Смоленск к брату в свою отчину; Давыду скажи: а ты поиди в Берлад, а в Русской земле не велю тебе быть; а Мстиславу молви: в тебе стоить всё, а не велю тебе в Русской земле быть». Отсюда: Смоленск, куда советует пойти Андрей, — не Русская земля. Немного позже князья Ростиславичи обратились к великому князю Андрею в Суздаль, прося брату Роману Ростиславичу киевское княжение, князь же Андрей «рекуще: пождите мало, послалъ есмь къ братьи в Русь, как ми вестъ будет от нихъ, тогда ти дам отвѣтъ» — «сказал: подождите немного, послал к братьям своим в Русь, как будет мне вестъ от них, тогда дам вам ответ». Суздаль — тоже не Русь!

В лето 6683 (1175 год) «убиен бысть великий князь Андрей Суждальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха». Этому событию посвящено 8 страниц летописи и выдающееся «Слово о убиении Андрея Боголюбского», принадлежащее, по мнению Ю. Сбитнева, перу княгини Болеславы, которая была в это время в Суздале. Далее летопись повествует: «Уведавшe же смерть княжу, ростовци и суждальци и переяславци, и вся дружина от мала до велика съехашася ко Володимѣрю и рѣша: се ся уже тако створило, князь наш убиенъ, а детей у него нетути, сынок его мал в Новгороде, а братья его в Руси» — «Узнав о смерти князя, ростовцы и суздальцы, и переяславцы, и вся дружина от мала до велика съехалась во Владимир и сказали: так сложилось, что князь наш убит, а детей у него нет, сынок его малый в Новгороде, а братья его в Руси». Братья Михалко и Всеволод (Большое гнездо) в это время в Киеве.

В 1177 году, после смерти Михалка, подстрекаемый своим шурином Мстиславом, рязанский князь Глеб Ростиславич пошёл на Всеволода Большое Гнездо, севшего на великий стол во Владимире, жгёт Москву, ограбил Боголюбово, но был разгромлен на р. Колокше и вместе с сыновьями взят в плен. Всеволод владимирский, занявший стол после Андрея Боголюбского, отвёл их во Владимир, у побеждённых тут же нашлись заступники из числа черниговских князей: «Рекл же бяше Святославъ: оже пустить Глеба, поидеть в Русь» — «Сказал

Святослав: отпустите Глеба, пойдёт в Русь». Всеволод послушался и предложил Глебу свободу в обмен на обещание, что тот уйдёт в Русь и не будет появляться в Рязани. «Но Глѣбъ рече: лучше сдѣ умуру, не иду» — «Но Глеб отвечает: лучше здесь умуру, не пойду». Выходит, Владимир и Рязань — тоже не Русь.

В лето 6686 (1178 год) Мстислава Ростиславича (внука великого Мстислава) новгородцы позвали на княжение в Великий Новгород: «Прислаша Новгородци мужѣ свои ко Мьстиславу к Ростиславичу, зовуче и Новугороду Великому; он же не хотяше ити из Руской земли, река имъ: яко не могу ити изъ отчины своеѣ...» — «Прислали новгородцы мужей своих к Мстиславу Ростиславичу, зовя его в Новгород Великий; он же не хотел идти из Русской земли, ответил им: не могу уйти из отчины своей». Его отец — великий киевский князь Ростислав Мстиславич, внук Мономаха. Однако Мстислава Ростиславича уговорили, но: «се положи на умѣ своемъ: аще Бог приведеть мя сдорового дни сия, то не могу никакоже Руской землѣ забыти» — «Подумал так: если Бог даст мне здоровья до сих дней, то не смогу никак Русской земли забыть». Читаем Ипатьевскую летопись за 1180 год: «Вышедшю же ему (Святослав Всеволодович, великий киевский и черниговский князь) изъ Суждальской земле и пусти брата своего Всеволода и Олга, сына своего, и Ярополка в Русь, а сам с сыном с Володимером поиде Новугороду Великому» — «Вышел из Суздальской земли и пустил брата своего Всеволода и Олега, сына своего, и Ярополка в Русь, а сам с сыном Владимиром пошёл в Новгород Великий». А вот любопытная грамотка XI–XII века от простого новгородского жителя своему товарищу: «О(т) Семъка к Кулотъке оже то еси казале несъде веверичь тихъ дея коли то еси приходиле въ русь съ Лазъ(в) къмъ тъгъдъ възяле у мене Лазъвке Переяславль» — «От Семка к Кулотке. Что касается того, что ты говорил Несде про те деньги, то когда ты приходил в Русь с Лазовком, тогда взял их у меня Лазовко в Переяславле». То есть Великий Новгород — не Русь.

После 1185 года, года написания «Слова о полку», в летописях появляется особенно много сведений о рождениях, о жёнах княжеских, о свадьбах с подробностями о дарах, что давали за невестой, о чувствах родителей т. п. Явно это внесённые записи из семейных хроник, которые писали женщины, возможно, это записи Болеславы Святославны. В частности, за 1187 год читаем: «Того же лета

... посла Рюрик Глеба князя, шюрина своего, с женою, иньи многи бояре с женами ко Юрьевичу к Великому Всеволоду, в Суждаль, по Верхуславу за Ростислава, а на Борищъ день отда Верхуславу, дщерь, великий князь Всеволодъ (Большое гнездо); и да по ней многое множество, бес числа злата и серебра, а сваты подари велики дары и с великою честью отпусти. Еха же по милое своей дочери до трехъ становъ и плакася по ней отецъ и мати: занеже бѣ мила има и млада сущи осми лѣтъ; и тако многи дары давъ и отпусти и (её) в Русь, с великою любовью за князя, за Ростислава... Приведожа же ю в Бѣлгородъ. ... Створи же Рюрикъ (великий киевский) Ростиславу велми силну свадьбу, ака же несть бывала в Руси, и быша на свадьбе князи мнози, за 20 князей. Сносѣ (снохе) же своей даль многи дары и город Брягинъ, Якова же свата и с бояры отпусти ко Всеволоду в Суждаль, с великою честью, и дари многими одаривъ». Этот отрывок, во-первых, свидетельствует о том, что писался он явно не монахом, а светским человеком, и не мужчиной, который вряд ли бы останавливался на таких подробностях. А во-вторых, из этого отрывка опять следует, что Суздаль — не Русь, а дочь отпустили в Русь — в Белгород (Белгород-Киевский, в 23 км к западу от Киева, играл большую роль в политической жизни Древней Руси) и подарили Брягин, город в нижнем течении Припяти, относившийся к Черниговскому или Киевскому княжеству.

Это неожиданное моё открытие после прочтения летописей подтвердилось и выводом академика Б. А. Рыбакова, который я прочла позже: «Таким образом, для Руси остаётся Среднее Приднепровье с Киевом, Чернигом, Переяславлем и Северская земля, ни разу не противопоставленная Руси. Обратимся теперь ко второй половине затронутого вопроса — к посильному определению тех областей и городов, которые входили в X–XII вв. в ограниченное понимание географического определения Руси. Древнейший русский документ — отрывок договора Олега с греками 907 г. так определяет основные города Руси: «Приходяще Русь да витают у святого Мамы, и послеть царство наше и да испишут имена их и тогда возьмут месячное свое: первое от города Киева и паки ис Чернигова и ис Переаславля, и прочий гради». Принадлежность каждого из этих трёх городов к основному, главному ядру Русской земли (выделено мною. — О. Г.) многократно подтверждена летописями».

Однако он, изучавший «Слово», не сопоставил это своё исследование с термином «земля Трояня», на котором можно настаивать, исходя из содержания «Слова» и исторического контекста, известного по летописям.

Усобица княземъ на поганья погыбе. Рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ приходжаху съ победами на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бя, къ морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити! За нимъ кликну Карн, а Ижля поскочи по Руской земли, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ.

Усобица князьям — на подлую погибель. Ибо говорит брат брату: «Это моё, и то моё же!» И начали князья про малое «это великое» молвить, а сами на себя крамолу ковать, а иноверцы со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц бя, к морю! А Игорева храброго полка не воскресить! О нём расскажет Карн, а Ижля поскачет по Русской земле, неправду вещая в рог пламенный.

Как гениально, в одной фразе, написана вся трагедия и суть происходящего!

«**Крамолу ковати**» — чинить распри, которыми воспользовались иноверцы.

О, далече зайде соколъ, птиць бя, къ морю... Некоторые исследователи считают, и небезосновательно, что здесь сокол — Игорь с полком, а птицы — половцы. Известно, что у многих племен половецких тотемом были птицы. То есть далеко залетел сокол, бя половецкие племена, к морю — в небытие. И теперь его не воскресить.

«**Смагу мычучи въ пламянѣ розѣ**». Смага (СБН) — 1. сухость губ или накипь на губах от жара, трудов или болезни; 2. жажда. Мычицьца — вертеться: коло рта мычицца, да в рот не попадаець. Здесь мычучи — мычать, дудеть (ртом). Дословно: дудеть в рог до пены на губах. Этот иносказательный образ, а также слово «пламенный» использованы, чтобы подчеркнуть, что речь идёт о лжи, брехне, неправде. Отсюда: неправду вещая в рог пламенный.

Карн, Ижля — имена боянов, современников автора «Слова».

Жены рускія въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати».

А злата и сребра ни мало того потрепаша, и въстона бо, братіе, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Руский...

Жёны русские восплакали, причитая: «Уже нам своих милых возлюбленных ни мыслью осмыслить, ни в думах подумать, ни очами оглядеть».

А злата и сребра немало того загубили, и восстонал, братья, Киев печалью, а Чернигов бедою. Тоска разлилась по Русской земле, печаль велика течёт средь земли Русской...

Аркучи — деепричастная редуцированная форма от глагола с корнем рек- «говорить». В летописях, как и в «Слове», часто встречается рече, рекоше, рекоста и т. д. И там и там встречается и редуцированная форма: ркоша, ркучи. Аркучи — деепричастие, разновидность ркучи. И. И. Срезневский считал, что правильно в соответствии древнерусскому смыслу пишется с союзом: а ркучи.

Вокруг глагола «потрепати» до сих пор идут дискуссии, исследователи не пришли к единому мнению. Кто-то считает, что оно означает поиграть, потрогать, поласкать. «Трепати в древнерусском языке означало какое-то очень лёгкое (ласковое) движение», считает В. Стеллецкий. Другие предлагают понимать всю фразу «злата и сребра не потрепати» как: не носить нам залата сребра, не наряжаться. По мнению третьих, эта фраза означает: не побрызгать, не позвенеть серебром.

Любопытный пример употребления глагола «потрепати» в словосочетании, аналогичном по структуре выражению «а злата и сребра ни мало того потрепати», являют собой фразы: «Уже нам ... детей своих не видати, а катун (жён — монг.) своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова...» — в «Задонщине», подражании «Слову», поэтому данный пример не может быть убедительной иллюстрацией такого прочтения. И. Срезневский в Словаре древнерусского языка: «Младою дланію по ланитѣ треплѣши дѣтища, оуспиті и хотящи».

Однако мы нашли, что «притрепати» — разбить, забить (см. ниже). Скорее всего, «потрепати» — однокоренное слово с близким значением. Поставим точку после «съглядати». И с абзаца начнём: «А злата и сребра ни мало того потрепати!» В «потрепати» -ти заменив на -ша (аорист 3 лица мн. ч. — могли при переписке напутать), получим: «А золота и сребра немало того загубили, и восстал Киев печалью...» И далее по тексту.

В Слове практически везде, где есть перечисления, их по три: «растѣкашется 1. мысію по древу, 2. сѣрымъ вълкомъ по земли, 3. шизымъ орломъ подъ облакы»; «1. старому Ярославу, 2. храброму Мстиславу, ... 3. красному Романови»; «1. скача славію по мыслену древу, 2. летая умомъ подъ облакы, 3. свивая славы обаполы сего времени»; «1. подъ трубами повити, 2. въ шелома възлелѣяны, 3. конецъ копія въскрѣмлени»; «1. луци у нихъ напряжени, 2. тули отворени, 3. сабли изъострени»; «1. были вѣчи Трояни, 2. минула лѣта Ярославля, 3. были плѣци Олговы» и т.д. Этот приём сохранён и тут: 1. ни мыслію смыслити, 2. ни думою сдумати, 3. ни очима съглядати». А далее — другая тема.

А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуце на Рускую землю, емляху дань по обѣлѣ отъ двора.	А князья сами на себя крамолу ковали, а иноверцы с побѣдами приходили на Русскую землю, взимая дань по рабыне от двора.

В древнерусском письме соблюдался гаплографический принцип — избегалось написание одной и той же буквы подряд. Отсюда появилось «по беле» вместо «по обеле», и начали исследователи «Слова» гадать, что за дань такая? Большинство решило: по белке от двора. Какая тяжёлая дань! Но стоит лишь обратиться к словарю В. И. Даля: «Обельный, стар.: обращённый в рабство, купленный, крепостной, стар. холоп; обел, в Правде Русской, крепостной холоп: Иже закупный человек бежит от господаря, то обел, обращается в рабы, холопы. Вероятно, от облыи, кругом, совсем». Есть «обель» и в «Словаре русского языка XI–XVI вв.», означающее «полное холопство». Так просто: обел — круглый раб! По рабу — по обелу, по рабыне — по обеле! Вот цена, которую требует от каждого двора захватчик — по рабыне:

дочери ли, жене ли, сестре, матери. Из летописей известно, что небольшой, посильной данью облагали, когда захватывали новые земли или племена надолго: «имаху дань Варязи на Словѣнах, и на Мещерехъ, и на Кривичехъ отъ мужа по бѣлѣ и вѣверици, и на Вятичахъ по бѣлѣ, рекше по вѣкше съ дыма» — «имели дань варяги со славян и с мещеры, и с кривичей от мужа по белке или веверице (пушной зверёк, вероятно ласочка, горностаи или белка — В. И. Даль), и с вятичей по белке, точнее векше (областное — белка) с дыма». Позже так стали называться мелкие монеты. Но в данной фразе речь идёт о кратких набегах («нарищуце» — от «ристать» — бегать, скакать), когда брали сразу большой полон людьми (челядью, рабами), скотом, лошадьми.

Ти бо два храбрая Святъ-славича, Игорьъ и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бяше успиль отецъ ихъ.

Святъславъ грозный великий Киевскый грозою бяшетъ притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи. Наступи на землю Половецкую, притопта хлъмы и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а погнаго Кобяка изъ лукуморя отъ железныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже. И падеся Кобяк.

Два храбрыхъ Святославица, Игорьъ и Всеволод, уже беду разбудили, которую устранил отецъ ихъ.

Святославъ грозный, великий киевский, грозой налетел своими сильными полками и харалужными мечами. Наступил на землю половецкую, притоптал холмы и яруги, взмутил реки и озёра, иссушил протоки и болота, а неверного Кобяка из лукуморья от железных великих полков половецких, как вихрь, исторг. И пал Кобяк.

Скорее всего, «отец» тут употреблено по отношению к великому князю Святославу, хотя он не являлся их отцом — по аналогии с «сынвча» в его обращении к Игорю и Всеволоду, хотя они и не сыны (см. ниже). Эта фраза тесно связана со следующей, в которой Автор объясняет, какую «лжу успиль» Святослав. Он победил половецв, а Игоря и Всеволода настигла беда (лжа) — их войско разбито, сами пленены, таким образом они «лжу разбудили». В конструкции «бяше успиль» видим пример глагола в плюсквамперфекте.

Плюсквамперфект являлся сложной формой прошедшего времени, обозначавшей прошедшее действие, которое совершилось раньше другого прошедшего действия, и состоял из имперфекта или имперфективного аориста вспомогательного глагола быти и причастия на -л-. То есть если читать дословно: «был усыпившим» к тому моменту в прошлом. То есть отец раньше «усыпил лжу», а дети потом её «разбудили», но всё равно это происходило в прошлом. Точнее понять этот момент поможет летописный рассказ, в котором Святослав «вельми вздохнув, утёр слёз своих и рече: «О, любя моя братья и сынове и муже земле Руское! Дал ми бог притомити поганья: но не воздержавше уности отвориша ворота на Рускую землю» — «... дал мне бог усмирить поганых, но из-за невоздержанной юности отворили ворота на Рускую землю».

Святослав Всеволодович, отец Болеславы, двоюродный брат (по древнерусски — братан) Игоря, на тот момент великий киевский князь, накануне (по традиционной датировке 30 июля 1183, по другим в 1184 году) нанёс решающее поражение половецкому хану Кобяку и взял его в плен. Об этом событии и рассказывает Автор, сравнивая с нынешним трагическим походом. Опять антитеза. И снова плюсквамперфект: грозю «бьашеть притрепеталь» — грозю налетел (был налетевшим), и «притопта хльмы и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота...»

* * *

Въ граде Кіеве, въ гридниѣ Святъславли — ту нѣмци и венедици, ту греци и морава. Поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во дне Каялы, рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаше. Ту Игорьъ князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево.

Уныша бо градомъ забрапы, а веселіе пониче.

Во граде Кіеве, в гриднице Святославовай — тут немцы и венедийцы, тут греки и моравы. Восхваляют Святослава, хають князя Игоря, который погрузил добро на дно Каялы, реки полонецкой, русско-го злата насыпал. Тут Игорьъ князь пересел из княжьего седла в седло кочевничье.

Тужат стены городские, и веселье поникло.

«Въ гридниѣ». Гридница — большой покой для собрания.

«Поють славу Святъславлю, кають князя Игоря» — хвалят Святослава за предыдущие победы и хают, ругают Игоря.

«...иже погрузи жиръ во дне Каялы...» — в древнерусском языке слово «жиръ» было многозначным, обозначающим и достаток, богатство, и возможности, благоприятные условия. В СБЛ: жиръ во втором значении — магчымасць; спряляльня ўмовы (возможность, благоприятные условия), при этом жировати — 1. пасвіцца, харчавацца (пастись, питаться, ср.: жировный — пашавы (пастбищный) 2. перан. жыць, знаходзіцца ў дастатку (жить в достатке). В Словаре белорусского наречия И. И. Носовича 1870 года издания (СБН) читаем: Жированне — обилие в пище. Жироваць — кормить досыта, откармливать. Жировацьца — 1. роскошествовать в пище, наедаться досыта, 2. жить роскошно в достатке. Поэтому «погрузил добро, достаток, возможности во дне Каялы — потерял всё, ушло всё в забвение, утоплено в реке Скорби». Ср.: «убуди жирня времена» — закончились добрые, богатые времена.

«Русского злата насыпаше». В оригинале 1800 года: «насыпаша». Однако эта форма аориста в 3 л. мн. числа — насыпали. Но по контексту: Игорь один погрузил на дно и насыпал, поэтому правильно: «насыпаше».

«Тут Игорь князь пересел из злата седла в седло кочевничье». Из злата седла — из княжьего седла. Почему в кочевничье, если все считают — в рабское? Хотя по факту это так, но лексически не точно. Большой энциклопедический словарь даёт определение: «Кош, а; м. 1. устар. Войлочное летнее жилище кочевников; кибитка». Толковый словарь Ушакова: «1. Стан кочевников». Отсюда: кошей, кощей — кочевник. У казаков от этого слова пошло — кошевой. Появление лексемы (кощиево, кощей, кощей) дальше в «Слове»: «то была бы чага по ногатъ, а кощей по резанъ» (то была бы девица по ногате (мелкая монета), а мужчина-кочевник — по резани) и «Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея» (стреляй, господин, Кончака, неверного кочевника) — легко доказывает правильность моего прочтения. «Кошеево седло» семантически не является седлом пленника, поскольку во фразе «стреляй поганого кощея» речь идёт не о пленнике Кончаке. Однако употреблённый образ: «пересестъ из золотого седла в седло кочевника» как раз и говорит о том, что стал Игорь

пленником — его высадили из княжьего золотого седла, пленили и пересадили в своё, половецкое, седло. И седло кочевничье стало для него седлом пленника.

Любопытное трактование происхождения этого слова находим в «Славянорусском корнеслове» А. С. Шишкова. В главе «Кто кого везёт: кучер коляску, или коляска кучера!» читаем: «Немец говорит *kutsche* (коляска), *kutscher* (возница). Кто из нас усомнится, что слово кучер немецкое? Но почему оно немецкое, когда на других языках и всех славенских наречиях означает одно и то же? Коляска называется: ... по-итальянски *cocchio*, *calesso*, по-французски *coche*, *caleche*, по-английски *coach*, по-польски *cozh*, *cotch*; по-богемски *kosj*, *kotcj*; по-словацки *sos*; по-сербски *kutscha*. Какому ж языку принадлежит слово кучер? Не тому ли, в котором докажется, что имя сие дано согласнo со свойствами называемой им вещи? В нашем языке находим слово коча или коч, на северном океане употребляемое судно, с одною мачтою и палубой. Хотя у нас коч употребляется только в значении некоторого водоходного судна, однако видно, что оно также и сухопутную повозку или коляску значило; ибо от него произошли слова кочевать, кочующий народ, т. е. такой, который живёт не в домах, но в кочах (в кибитках, повозках, наподобие подвижных изб) и переезжает в них с места на место.

Итак, в славенском происхождение слова коча весьма вероятно доказывается, чего другие языки с равной вероятностью, конечно, вывести не могут. Притом же они при названиях *kutsche*, *cocchio*, *coche*, *coach*, ту же самую вещь называют и *kalesche*, *calesso*, *caleche*, *calash*. Имена явно единокоренные с нашим коляска, происходящим от коло, колесо, которое в их языках не называется этим именем».

Отсюда — через чередование шипящего согласного: коч — кош — кощ — кощей — кощеево (седло).

Александр Семёнович сказал sacramентальную фразу: «Я не спору, что мы слово кучер взяли с немецкого *kutscher*, но немецкое *kutscher* есть славенское коча. Вольно нам собственное слово брать от других и называть не своим. Вникая глубже в славенский язык, мы много подобных примеров найдём».

Так же и при исследовании «Слова» ищем лексемы из него в каких угодно языках — тюркских, греческом, казахском, но только не в своём — древнерусском, восходящем к славенскому (по опреде-

лению А. С. Шишкова), и в наиболее сохранившихся — белорусском и украинском языках. «Имя славян славилось за несколько веков до существования Рима, и прежде, нежели греки сделались известны между людьми, — пишет Александр Семёнович. — Славенский язык имел свои древнейшие наречия, из коих у некоторых были письменна от самых первых времён сего божественного изобретения. Всякое славенское наречие понятно всем славенским народам, и все славяне, при малом внимании, разумеют праотеческий язык свой».

Древний летописец пишет в летописи, вошедшей в Никоновскую: «Болгары же, и Словене, и Серби, и Арабноси, и Басае и Руси — во всех тех един язык» или «А Словеньский язык и Руський один есть».

Именно к «славенскому» языку — «старым словесам» обращалась автор «Слова»! Ибо современный ей язык уже не вмещал всю глубину, всеохватность и глубокозначность образов, которые хотела использовать в своей Поэме Болеслава. Это ещё раз подтверждает её образованность в языкознании и истории, одарённость в свободном владении словом.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: «Въ Кіевѣ на Горахъ си ночь, съ вечера, одѣвахъте мя, — рече, — чръною паполомою на кровати тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино, съ трудомъ смѣшено. Сыпахуть тыщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно и нѣгують мя. Уже дѣски безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовѣрсемъ. Всю ночь, съ вечера, бусови врани възгряху и плѣснеску на болони, бѣша дебрь кисаню и несоша къ синему морю».

А Святослав тревожный сон увидел. «В Киеве на Горах всю ночь, с вечера, укрывали меня, — рассказывал, — чёрным покрывалом на кровати тисовой. Черпали мне синее вино, с бедой смешанное. Сыпали тощими колчанами поганых иноверцев крупный жемчуг на грудь и хулили меня. Уже домовина стоит в моём тереме златоверхом. Всю ночь, с вечера, серые вороны граяли и плескались на болони, трепали мощну и унесли к синему морю».

Мутен сон». Словарь русского языка XI–XVI вв. слово «мутитися» во втором значении трактует как «приходить в беспокойство, волноваться, тревожиться». Можно перевести как «тревожный сон увидел».

«Одѣвахъте мя» — имперфект 2 лица мн. ч.: (вы) одевали меня.

«Чръпахуть ми синее вино, съ трудомъ смѣшено». Трудник (СБН) — терпящий горе, несчастье, нужду, болезнь, лишения. Трондъ (трудъ) (СБЛ) — праказа (хвароба) — проказа (болезнь). Словник старих і незрозумілих слів: трудоватый — прокаженный. Значит: вино с бедой, болезнью смешано. Черпахуть — имперфект 3-его лица мн. ч. (они черпали).

Сыпахуть тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ — Сыпали (имперфект в третьем лице мн. ч.) из пустых колчанов поганых иноверцев крупный жемчуг. Находим в украинском Сводном словаре устаревших и редко используемых слов (Звездений словник застарілих та маловживаних слів): тѣщий — порожній, марний (пустой, напрасный). Тут же находим: Толковин — перекладач, тлумач; іноземець (переводчик; толкователь, иноземец (!)). Тула, и, жін., заст. Сагайдак. Лучники-стрільці тримали в руках луки, за спиною у них висіли тули з стрілами (Антон Хижняк, Д. Галицький, 1958, 24) — Словник української мови: в 11 томах. Негувати — нехтувати, зневажати (пренебрегать, презирать, хулить) — там же. Поэтому: «Сыпали пустыми колчанами поганых иноверцев крупный жемчуг на лоно (живот, грудь) и хулили меня».

«Дѣскы безъ кнѣса» — гроб, домовина. Кнѣсь — конёк, острое завершие крыши. Гроб сверху плоский, поэтому «дѣскы безъ кнѣса» (Ю. Сб.).

«**Всю ночь, съ вечера, бусови враны**». В оригинале 1800 года «бусови», однако по контексту, учитывая уже разобранное нами слово «бусый», «бусово» (в тексте книги), которое означает серый, сумеречный, тут вполне ясно, что речь о серых воронах.

«**...възгряху и плѣсьську на болони**». **Възгряху и плѣсьську** — имперфекты 3 лица мн. ч. Почему-то первые исследователи, а за ними потом большинство решили, что речь идёт о некоем городе Плеснеске. В Википедии читаем: древнерусский город в районе верховьев Западного Буга у истоков Серета. Расположен южнее села Подгорцы Львовской области. И приводится цитата из Ипатьевской

летописи «Роман же вперед вои посла ко Пресньску, да заедут Преснеск [Плеснеск] переди. Они же затворишася. Угре же и галичане заехаша и у Преснеск [у Пленска], инех изимаша, а друзии утекоша», в которой нету Плеснеска, а есть Преснеск. Он приписан искусственно, как говорят, притянут за уши, в скобках, причём в двух случаях по-разному. Не проще ли прочесть: граяли и плескались на болони?! Тут, у Киева, а не где-то в верховьях Западного Буга, за 500 км, где и земля-то не Русская! Логично и просто! Поэтому предлог «у» предлагаю заменить союзом «и», как, скорее всего, было в оригинале, и Преснеск превратить в глагол в имперфекте 3 лица мн. ч. с окончанием -у. Издатели «Слова» 1800 года в примечаниях также написали: «Въ Киевѣ, въ Нижнем городѣ выгонная за валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю и по нынѣ называется Оболонье».

«...бѣша дебръ кисаню» — (дословно) били, клевали внутренности мощны. Где бѣша — аорист 3 лица, мн. ч. били (бѣша), а не имперфект 2/3 лица ед. ч. бѣше (был). Дебръ — внутренность, углубление, ср.: у Даля — жен., стар. логовина, раздол, ложбина, лог, овраг, буерак. «Манастырь святаго Харитона стоить красно межи горами... есть подь нимъ дебръ каменна велика и страшна зело» (Путешествия русских людей по Святой Земле...) — ущелье, пропасть. То есть дебръ в данном случае — углубление, внутренность чего-то. **В. И. Даль: Кисб** — южн., зап. кишень, кишения, мощна, карман, зепь; деньги, достаток. Он ладно набил кису. В нашем случае — кошелёк, мощна. Кисаню — относительное прилагательное от «киса».

«...несоша къ синему морю» — в оригинале 1800 года: «бѣша дебръ кисаню, не сошлю къ...». Не сошлю — убираем пробел, которого не было в оригинале, потому что писали без цезур, и «лю» (йотованный юс малый) заменяем на «а», как могло быть в оригинале: несоша к синему морю.

Зачем воронам лететь в какой-то Плеснеск (Пленск)? Они тут, в Киеве, на болони (о которой, кстати, часто упоминают летописи) граяли и плескались, трепали, клевали мощну и унесли её содержимое «к синему морю» — опять в никуда, в потусторонность. Всё выражение образно изображает разорение.

Кто мог знать содержание сна великого князя? Близкие, дочь, которым он рассказал его.

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила: се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганых саблями, а самую опустоша въ путины железны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стѣлпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца Олег и Святъславъ тьмою ся поволокоста...»

И отвечали бояре князю: «Уже, князь, печаль ум полонила: слетели два сокола с отчего стола золотого поискать града Тьмутороканя или испить шлемом Дона. Уже соколам подрубили крылья саблями половецкими, а самих опутали путами железными. Темно стало на третий день: два солнца померкло, оба багряные столба погасли, а с ними молодые месяцы Олег и Святослав тьмою поволоклись...»

«...два солнца помѣркоста, оба багряная стѣлпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста...»

В древнерусских летописях много записей о различных природных явлениях и предзнаменованиях. И эти образы Автор использует в метафоре, которая означает: два брата — Игорь и Всеволод потерпели поражение (два солнца померкло, оба багряные столпа погасли) и с ними «молодые месяцы» — сын и племянник Игоря: 9–10-летний (по разным летосчислениям) Олег (Игоревич) и 18-летний Святослав (Ольгович), о котором упоминается в летописном рассказе о походе: «Игорь поеха из Новагорода... поймя с собою брата Всеволода ис Трубецка и Святослава Ольговича, сыновца своего (сына брата) изъ Рьльска». Лаврентьевская летопись упоминает, что Игорь взял в поход двоих сыновей, не называя их по именам: «...И сношася у Переяславля Игорь с двѣма сынома из Новагорода Северского, ис Трубѣча Всеволод, брата его, Олгович Святослав из Рьльск и Черниговская помочь». Из Ипатьевской летописи знаем, что в полку был и 12-летний сын Игоря — Владимир. Ему повезло больше, потому что он ехал женихом и остался у Кончака после обряда сватовства, ёмко и лаконично написанного в «Слове», который большинство исследователей считают сценой первого боя. Владимир вернулся через два года и венчался с Кончаковной в Новгороде Северском. А эти два юноши — Олег и Святослав про-

должили поход вместе с Игоревым полком «поискать града Тьмуторканя» и попали в сражение с половцами. То обстоятельство, что Игорь взял с собой малолетнего сына, только подтверждает, что поход было мирным, а не набегом на половцев. И этот поход, скорее всего, стал трагическим концом для молодых людей. Историческая наука не имеет точных сведений о дальнейшей их жизни и вероятной датой смерти их обоим стоит 1185-86 год. То есть они погибли или в битве, или в плену. Поэтому «молодая месяца Олег и Святослав тьмою ся поволокоста» — покрылись тьмою, погасли. И «темно бо бѣ въ 3 день»...

В этом абзаце очень ярко продемонстрирован аорист в третьем лице двойственного числа (форма склонения и спряжения, употребляемая в древнерусском языке для обозначения двух предметов или парных по природе, эта категория сохранилась в некоторых диалектах украинского языка), который имел суффикс -ста: помѣркоста, погасоста, ся поволокоста. В последнем случае «поволокоста» — возвратный глагол, но постфикс -ся в древнерусском языке стоял отдельно и позже стал срастаться с глаголом как возвратное местоимение. Речь в каждом предложении о двоих людях — Игоре и Всеволоде, Олеге и Святославе.

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ
покрыла. По Руской земли
простошася половци, аки пардусы
гнѣздо, и въ море погрузиста
и великое буйство подасть хи-
нови. Уже снесесе хула на хва-
лу, уже тресну нужда на волю,
уже врѣжесе Дивъ на землю.
Се боготскія красныя дѣвы
въспѣша на брезѣ синему морю,
звоня рускимъ златомъ. Поють
время бусово, лелѣють мечь
шароканю...

«А мы уже, дружина, жадни
веселія».

На реке на Каяле тьма свет по-
крыла. Русскую землю разорили
половцы, как пардусы гнездо,
и в бездну погрузили и великую
дань поднесли хану. Уже сошла
хула на славу, уже одолела нужда
волю, уже повержен Див на зем-
лю. А боготские красные девы
запели на берегу синего моря,
звеня русским златом. Поют
в предрасветных сумерках, ко-
лышут зыбь луговую...

«А мы уже, дружина, жаждем
веселья».

По моему мнению, это авторское отступление, полное поэтичности, красивых образов и метафор, после которого следует одно предложение, произнесённое боярами.

«...прострошася половци, аки пардусы гнѣздо». Словарь Брокгауза и Ефрона: пардус — упоминаемое в летописях животное, отождествляемое некоторыми писателями с барсом (пантерой, леопардом), а другими — с рысью. СБЛ же даёт однозначное толкование: пардусъ — барс, пантѣра.

Для охоты за пардусами в составе княжеских охот были особые пардусники. Пардусы использовались в качестве подарков. Ипатьевская летопись за 1147 год: «И прислав Гюрги и рече: «Приди ко мне, брате, в Москову». Святославъ же ѣха к нему с дѣтятем своим Олгомъ в малѣ дружинѣ, поима с собою Володимира Святославича; Олегъ же ѣха напередь къ Гюргеви и да ему пардусъ» — «И прислав Юрий и сказал: «приди ко мне, брат, в Москову». Святослав поехал к нему с сыном своим Олегом и малой дружиной, взял с собою Владимира Святославича; Олег поехал вперёд к Юрию и подарил ему пардуса». Фасмер в своём этимологическом словаре ссылается на Лаврентьевскую летопись, Хождение игумена Даниила, где упоминается это животное.

Струциваць (СБН) — сокрушати, раздробляти ломаю. Трощити (укр.) — з силою ламати, розбивати на частини, руйнувати (с силой ломать, разбивать на части, разрушать). Поэтому тут, скорее, не «распространились», а «разрушили, разорили», и поэтому не «как пардужье гнездо», а «как пардусы гнездо».

Как кошачьи, пардусы забирались в любые недоступные места: на скалы, деревья, где располагаются гнёзда животных и птиц, и зорили их. Поэтому в «Слове» использовано сравнение «как пардусы гнездо», потому что пардусы гнёзд не строят, так как это одиночные животные, они могут занять чьё-то логово, но гнёзд не строят. Мне могут возразить, что речь не о гнезде как таковом, а о выводке, племени пардусов. Но меня поддерживает украинский и российский языковед А. А. Потебня (XIX век), который отметил, что «пока нам известно за первообразное только пардусъ, а не пардузь, ... поэтому форму пардуже в «Слове» нужно считать ошибочной», то есть чередование -з- и -ж- возможно только при варианте пардузь. Но в первоисточниках нет такого написания. Значит, я права: как пардусы гнездо — при переписке -сы ошибочно заменено на -же.

«И въ море погрузиста» — снова образно: уничтожено, то есть потеряно для собственников. Но преподнесено хану: «великое буйство подасть хинови». Великое буйство — великое множество, большая

дань. Почему-то аорист «погрузиста» применён в двойственном числе, хотя по контексту непонятно, кто эти двое, что погрузили в море. Скорее всего было «погрузиша» — во мн. ч. третьего лица.

«Уже снесесе хула на хвалу» — Уже сошла хула на славу.

«Тресну нужда на волю». Треснуть — одолеть. Ниже: «тѣм и тресну земля и многи страны» — по контексту: потому и одолели земли и многие страны. Нужда — в значении: неволя, необходимость. Одолела нужда (неволя) волю.

«Лелѣють мечь шароканю» — колышут зыбь пойменную. См. главу «О готах, девах, некоем бусе и шарокани».

Тогда великій Святъслав изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: «О, моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себе славы искати. Нѣ не честно одолѣсте, не честно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдине?!

А уже не вижду власти сильного и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревуты, и съ сольберы, тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждают, звонячи въ прадеднюю славу. Нѣ рекосте: «Мужаимъся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю славу сами подѣлимъ!»

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное: «О, мои сыны Игорь и Всеволод, рано начали вы землю Половецкую мечами дразнить, а себе славу искать. Но не в честь одолели, и не в честь кровь иноплеменную пролили. Ваши храбрые сердца в боевом харалуте скованы и отвагой закалены. Что же вы сотворили моей серебряной седине?!

А уже не вижу могущества сильного и богатого многими воинами брата моего Ярослава с черниговскими мастерами: с татранами, и с шельбирами, и с топчакками, и с ревугами, и сольберами. Они без щитов одним только засапожным кликом полки побеждают, звоня в прадеднюю славу! Но вы сказали: «Мужаемся сами, прежнюю славу сами завоюем, и нынешнюю сами поделим!»

А чи диво ся, братіе, стару помолодити?! Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду».

«Нъ се зло, княже, мне по собіе, на ниче ся години обратиша».

А разве диво, братья, старому помолодеть?! Когда сокол в силах бывает, высоко птицъ възбивает, не даст гнезда своего в обиду». (Здесь завершается «Золотое слово»).

«Но это зло, князь, минет само собой, в ничто эти годыны обратив».

В первом абзаце этого отрывка встречаем ещё одну форму аориста: глаголы прошедшего времени во втором лице двойственного числа: одолѣсте, проліясте, створисте, а также перфект: еста начала. Перфект являлся сложной формой прошедшего времени и, по сути, не являлся полностью прошедшим временем. Он обозначал состояние в настоящем времени, являющееся результатом прошедшего действия. Эта форма выглядела как сочетание формы настоящего времени вспомогательного глагола быти (еста) и причастия прошедшего времени на -л-, изменявшегося по родам и числам (начала). В данной конструкции использован перфект во втором лице двойственного числа: еста начала — «вы (двое) рано начали...» (дословно: вы рано стали начавшими) (окончание -а в слове «начала» означает двойственное число, еста означает, что речь идёт о мужчинах, если бы о женщинах, то было бы: естѣ начала). Таким сложным был язык «недочеловеков, варваров, почти зверей». Сейчас порою сложно дословно перевести написанное почти тысячу лет назад, иногда для точной передачи смысла фразы из трёх слов приходится выстраивать длинную конструкцию.

«О, моя сыновча!» Святослав старше Игоря почти на 20 лет, поэтому: «сыновча» (сыны), иными словами, дети, ср.: «дети мои», хотя они являются его двоюродными братьями. В Ипатьевской летописи так объясняется подобное обращение: «и рече Святославъ братъи своей: «се азъ старее Ярославъ, а ты Игорю, старее Всеволода, а ныне я вам во отца место остался...»

Ю. Сбитнев фразу «Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити» прочёл как: «Рано богатить начали землю Половецкую,

мечи губить», предложив «еста» понимать как «есть», «есть» — богатство, достаток, чем владеет и что имеет человек (подробнее читайте в главе «Золотое слово»). Однако, как указано выше, «еста начала» — это перфект, составная конструкция во втором лице двойственного числа, имеющая конкретное значение: «вы двое ... начали». «Цвѣлити» В. И. Даль трактует как: квелить, дразнить, раздражать, огорчать, мучить. И скорее всего, в этом значении оно употреблено в плаче Святослава. И слово «рано» волне объяснимо. Накануне Святослав успешно ходил на половцев, одолел Кобыка. Вполне вероятно, что он готовился к другому походу, против Кзы — жестокого и воинственного хана. А тут Игорь, совсем не вовремя, рано, до того, как повержен Гза, со своим мирным полком отправился «поискать Тьмутороканя» и посвататься к дочери Кончака. Кончак ждал его за Сулой, чтобы встретить, отпраздновать сватовство и проводить Игоря в его предприятии «поискать града Тьмутороканя» до Дона. Кза выследил и напал на богатый полк Игоря уже за Доном. Возможно, Игорь мог и не принять бой, но решил вступить в битву, что, по мнению Святослава, означало: «половецкую землю мечи цвѣлити». И тут они (Игорь и Всеволод) «не по чести одолели, ибо не в честь кровь поганую пролили», переоценили свои силы — «Но вы сказали: «Мужаемся сами, прежнюю славу сами завоюем, и нынешнюю сами поделим!» — вступили в неравный бой. Поэтому Святослав сокрушается: что же вы сотворили моей серебряной седине?! И из-за Игоря Святославов брат, Ярослав, растерял своё могущество — людей, которые пошли с Игорем в поход, погибли или были разбиты и пленены («А уже не вижду власти...»). Если бы Игорь не поспешил, а дождался расправы Святослава над Гзой — «А чи диво ся, братіе, стару помолодити?! Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ», то Святослав бы «не дал гнѣзда своего въ обиду», не случилось бы этой беды с Игоревым полком.

«...и съ сольберы, ти бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждают, звонячи въ прадѣдную славу» — см. главу «Не вижу власти брата моего...»

Здесь «Золотое слово», по нашему мнению, завершается. Далее обращение к князьям: «господине». Так могла их называть только женщина, то есть автор — Болеслава! Не будет же великий князь

обращаться к рядовым князьям «господине»! Вспомним Плач Ярославны, в нём три раза она взывает к силам природы: «Чему, господине, насильно вѣеши!»; «Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?»; «Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои?» Это, с одной стороны, ещё раз подтверждает, что это речь не великого князя, т. е. его слово, «со слезами смешанное», к этому моменту завершено, а с другой стороны, — что автор «Слова» — женщина.

Се у Римъ кричатъ подѣ саблями половецкими, а Володимиръ подѣ ранами — туга и тоска сыну Глѣбову!..	Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами — печаль и тоска сыну Глебову!..

Се у Римъ. Ипатьевская летопись за 1185 год: «То слышавше половци, и возвратишася от Переяславя. Идущи же мимо приступиша к Римови. Римовичи же затворишася в городѣ. ...да которѣи же гражанѣ выидоша изъ града, и бяхуться ходяще по Римьском болоту, то тѣи избыша плѣна» — «То услышали половцы и возвратились от Переяславля. Идя мимо, приступили к Римову. Римовичи же заперлись в городе. ...Да которые граждане вышли из города и бились на Римском болоте, те и избежали плена». Автор одним предложением рассказывает о нападении половцев на город Римов.

«Печаль и тоска сыну Глебову». Речь о Владимире Глебовиче. После пленения Игоря Святославича Кончак вторгся в пограничное Переяславское княжество, князь Владимир принял бой перед стенами города Римова, получил три раны и отступил в крепость. Поэтому он «под ранами» и «туга и тоска» у него. Вот как пишет летописец: «Услыша же Половцы князий возвратившихся, и гнаша отай къ Переаславлю, и взяша все города по Суле, у Переаславля же бишася день. Володимер же Глебовичъ виде острог взимаемъ, и выиде изъ города на них в мале дружине, и бися с ними крепко, и обступиша князя зле. Гражане же видевше изнемогающих своих ... и едва отняша князя, бодена трема копии, и вбегше с ним в город, затворишася» — «Услышав же половцы князей возвратившихся, и гнали их к Переяславлю и взяли все города по Суле («По Рси, по Сули гра-

ди подѣлиша»), у Переяславля же бились день. Владимир Глебович видел, что острог (пригород) занимают, и вышел из города на них с малой дружиной и бился с ними крепко, и окружили князя. Горожане же видя изнемогающих своих ... и едва отняли князя, пронзённого тремя копьями, и, забежав с ним в город, заперлись».

Великий княже Всеволоде! Не мыслю ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можешши Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можешши посуху живыми шерешеры стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы.

Великий князь Всеволод, не думаешь ли ты издалече прилететь, отчего золотого стола поблюсти? Ты же можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шеломом вычерпать. Если бы ты был там, то была бы половецкая пленница по ногате, а кочевник по резани. Ты же посуху можешь живыми шереширами стрелять — удалыми сынами Глебовыми.

Обращение к великому князю Всеволоду Юрьевичу. Великий князь владими́ро-суздальский, Всеволод Большое гнездо. Город Владимир не входил в состав Руси, земли Трояней (см. выше), а был территорией, подконтрольной Руси, как и другие крупные города, кроме Киева, Чернигова и Переяславля, которые и были собственно Русью. Поэтому князья, сидевшие на столах таких городов тоже назывались великими, как и киевский. Потому появляется «прилететь издалеча», чтобы помочь русичам. В июне 1176 года Всеволод нанёс решающее поражение племяннику Мстиславу Ростиславичу в борьбе за власть во Владимиро-Суздальском княжестве, а в начале 1177 года разбил его союзника, Глеба рязанского, пленил его и Ростиславичей. Всеволод может стрелять Глебовичами, поскольку отец их пленён и вскоре умер в плену, а они сами в вассальской зависимости, ибо в 1180 году двое Глебовичей, Всеволод и Владимир, обратились к Всеволоду Большое Гнездо с просьбой: «Ты господин, ты отец, брат наю старейший. Роман уимае волости у наю». Всеволод «прия ею (обоих братьев) в любовь» и начал войну, в результате которой ему присягнули ещё двое рязанских князей «на всей

воли всеволожи». В 1183 году все четверо рязанских князей приняли участие в походе Всеволода на Волжскую Болгарию («Ты бо можеши Волгу веслы раскропити»). Однако в 1185 году сыны Глебовичи опять начали «крамолу злу», и Всеволод провёл новое вторжение в Рязанское княжество, но это уже после написания «Слова». А пока Всеволод может «удальми» Глебовичами «стреляти», как шереширами. Позиция Всеволода как стороннего наблюдателя при половецких набегах выглядела неприемлемой (не думаешь ли издалече прилететь, отчего золотого стола поблюсти?), и если бы он был тут, то пленников было настолько много, что они бы упали в цене.

Ногата, резана — мелкие денежные единицы в древней Руси. Нога та «денежная единица в др. Руси в 1/20 гривны». Резана — старая русская мелкая монета др.-русск. рѣзана «монета» (Фасмер). В IX в. резана равнялась 1/50 гривны, в XII в. приравнивалась уже к куне вследствие того, что куна стала вдвое более лёгкой и составляла не 1/25, а 1/50 гривны. Куна и резана существовали параллельно, но постепенно счёт на куны стал более употребительным. Резаны существовали примерно до XII века, когда окончательно иссяк поток серебряных дирхемов из мусульманских стран.

Википедия: Шерешеры (от перс. тир-и-черх) — возможно, это зажигательные снаряды, которые метались из самострелов. Сохранились и стрелы для них. Такая стрела была в виде железного стержня длиной 170 см с заострённым концом и хвостовым оперением в виде 3 железных лопастей, весом 2 кг. Чаще применялась в морском бое. Поэтому в тексте акцент: «посуху» — на суше, где чаще происходили битвы во время княжеских усобиц.

Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли злачеными шело- мы по крови плаваща?! Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями ка- леными, на полѣ незнаемѣ?! Вступита, господина, въ злата стремя за обиду сего време- ни, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!	Ты, буй Рюрик и Давыд! Не ваши ли золотые шело- мы в крови плавают?! Не ваши ли храбрые дружины рыкают, как туры, раненые саблями ка- лёными, в поле далёком?! Всту- пите, господине, в злат стремя за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, от- важного Святославлича!

Рюрик и Давид близки к Киевской земле и к черниговским князьям, поэтому названы раньше могущественного Осмомысла. Когда их отец Ростислав сел в 1159 г. великим князем в Киеве, он посадил тут и Рюрика, а затем и Давида; с тех пор они почти не покидали Киевскую землю. В 1172 г. Рюрик стал великим князем в Киеве при поддержке своих братьев Давида и Мстислава Храброго (Ростиславича) (ум. 1180) совместно со Святославом Всеволодовичем («изрони золото слово»). Давид в это время (в 1184 г.) княжил в Смоленске и не особенно охотно отзывался на призывы защищать «землю Русскую». Именно после пленения Игоря в 1185 г. Святослав призвал его на помощь, но Давид еле дошёл до Триполья, его смольняне отказались идти дальше, и из-за этого Святослав и Рюрик опоздали помочь городу Римову, уже взятому половцами. Намёк на это разногласие мы видим и дальше в строках: «сего бо ныне стаща стязи Рюриковы, а друзии Давидовы, нъ рози нося им хоботы пашут, копия поют».

В этой фразе частица «ли» выступает в двоякой роли, поскольку, с одной стороны, по историческому контексту известно, что это утверждение, то можно прочесть: «не ваши шеломы плавают, не ваши дружины рыкают» и в то же время, с другой стороны, можно прочесть: разве не ваши, русские, шеломы плавают в крови и разве не ваши, русские, дружины погибают? Потому и призыв прийти на помощь.

Галичкы Осмомыслѣ Ярослав! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ! Подперѣ горы Угорскыи своими желѣзными пѣлки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облака, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ. Отворяеши Киеву врата, стреляеши съ отня злата стола салтани за землями! Стреляй, господине, Кончака, поганого кощя, за землю Рускую, за раны Игоревы, буго Святѣславлича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своём златокованом столе! Подпер горы Угорские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча времена через облака, суды ряда до Дуная. Грозы твои по землям текут. Отворяешь Киеву врата, стреляешь с отчего злата стола султанов за землями! Стреляй, господине, Кончака, неверного кочевника за землю Русскую, за раны Игоря, отважного Святославича.

Ярослав Осмомысл Галицкий — как и подавляющее большинство князей, пращур (так пишут летописи) Ярослава Мудрого. Он свёкр Болеславы и тесть Игоря, поэтому о нём написано почтительно, с уважением и со знанием его роли и положения в обществе. Ярослав был могущественным князем, влиял на современную ему политику, на споры князей за киевский стол, сам ходил войною за отчие города, имел могучее войско, которое одалживал князьям в спорах за территории и власть, даже существовал термин «галицка помочь». При нём Галицкое княжество получило значительное развитие: процветала торговля, промышленность и земледелие, он держал в руках ключ дунайской торговли, был разумным князем, за что, вероятно, и получил прозвище Осмомысл. Летописи писали о нём после его смерти в превосходных тонах: «Князь моудръ и речень языком честен в земляхъ, и славень полкы, где бо бяшетъ ему обида, самъ не ходяшетъ полкы своими водами, бе бо ростроиль землю свою и милостыню силну раздавашеть страные любя...» — «Князь мудр и красноречив, в чести в землях и славен полками; где была причинена ему обида, сам не ходил, полки свои посылал, ибо расстроил земли свои, и милостыню богатую раздавал, странных любя». Автор призывает его вмешаться, отомстить за «за раны Игоря».

«Стреляй, господине, Кончака, поганого кощера...» Скорее всего, более поздняя приписка, искусно сделанная с сохранением стилистики произведения. Автор не могла так написать, поскольку Кончак — сват Игоря, и об этом есть фраза в «Слове»: «Сватов попоиша, а сами полегоша...» А возможно, было «Кобяка», не «Кончака».

А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить васъ ушь на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буети, яко соколъ, на вѣтрехъ ширяеши, хотя птицю в буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзнии паворзи подѣ шеломи латинскими: тѣм и тресну земля и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы

А ты, буй Роман и Мстислав! Храбрая мысль возносит вас далѣко, высоко плавая в думах, как сокол, что на ветру парит, желая птицу в буйстве одолеть. У вас даже завязки железные под шлемами латинскими: потому и одолели земли и многие страны — Ханство, Литва, Ятвязи, Деремела и Половцы копя

своя повръгоща, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужнии. Нъ уже, княже, Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони. По Росі, по Сули гради подѣлиша. А Игорева храброго пълку не крѣсити. Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣду.

Ольговичи, храбрыи князи, доспели на брань.

свои повергли, а головы свои преклонили пред вашими мечами харалужными. Но уже, князь, для Игоря солнца свет померк, а дерево не добром листу сронило. По Роси, по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить. Дон тебя, князь, кличет и зовѣт князей на победу.

Ольговичи, храбрые князья, попали на брань.

Призыв к Роману Мстиславичу — сыну Мстислава Изяславича. Деятельный Роман всю жизнь провёл в походах и боях. То он выгонял с престола князей, то его выгоняли. Воевал с литвою, ляхами, ятвягами, деремелами, половцами.

О каком Мстиславе речь, точно не установлено. Одни считают, что это двоюродный брат Романа — Мстислав Ярославич пересопницкий, другие думают, что тут речь о князе Мстиславе Всеволодовиче городенском. Оба участвовали в походах Романа Мстиславича.

«...у ваю желѣзныи папорзи». В письменных памятниках встречается слово «павороза», объясняемое И. И. Срезневским как «привязка, петля для привязывания предмета к руке»: «Бе бо у него топор с паворозою в руке» (Суздальская летопись, 6724 — по Академическому списку). Если вспомнить начертание квадратного «в» в полууставе, то факт случайной замены его буквой «п» не вызовет никакого удивления. Поэтому, скорее всего, было написано «паворзи». Сохранилось это слово и в украинском языке: поворозка — мотузка, тонка вірвовка (верёвка, тонкая верёвка). Десятники обступили Гната. Вони відібрали від нього сокиру, зв'язали ззаду руки поворозкою (Михайло Коцюбинський, I, 1955, 74) — Десятники обступили Игната. Они отобрали у него топор, связали сзади руки верёвкой. // Тасьма, шнурок і т. ін. (тесьма, шнурок и нечто подобное). Єремія одягнутий був у багатому кунтуші з срібними китицями і поворозками (Олекса Стороженко, I, 1957, 371) — Еремия одет был в богатый

кунтуш (верхняя распашная мужская и женская одежда зажиточного украинского и польского населения) с серебряными кисточками и тесёмками. Вона латала мішок для харчів, пришивала до нього поворозки (Антон Хижняк, Д. Галицький, 1958, 368) — Она латала мешок для еды, пришивала к нему тесёмки. (Словник української мови: в 11 томах. — Том 6, 1975. — Стр. 691.

Эта фраза говорит о высокой оснащённости воинов — даже завязки железные, а шлемы латинские и мечи булатные.

Ятвяги, деремела — прибалтийские племена, народы.

«...утрпѣ солнцю свѣтъ» — объёмное выражение, которое поможет перевести старобелорусский язык, на котором: утрапенье — 1. замученне, маркота (печаль, грусть, кручина); 2. неприятнасць, клопат (неприятность, забота). Солнца свет померк — навалилась печаль.

Непонятное современному читателю слово «бологом» снова находим в Словаре «Старабеларускі лексікон»: бологий — добры (добрый). Не бологом — не добром листву сронило.

Инѣгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте, кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкіи и щиты. Загородите Полю ворота своими острыми стрѣлами! За землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!	Ингвар и Всеволод и все три Мстиславича, не плохого гнезда соколы! Не по праву побед себе волости заплучили, так же, как и ваши золотые шлемы и копья польские и щиты. Загородите Полю ворота своими острыми стрелами! За землю Русскую, за раны Игоревы, отважного Святославича!

Ингвар и Всеволод — волынские князья, сыновья Ярослава Изяславича. Всеволода считают младшим братом Ингвара, в таком же порядке они упомянуты в «Слове».

«Три Мстиславичи» — тут, скорее всего, речь идёт о сыновьях киевского князя Мстислава Изяславича — Романе, Всеволоде и Святославе, двоюродных братьях Ингвара и Всеволода. Они были роднёй и вместе волынскими князьями, поэтому общее обращение — все

из одного «не худого гнезда». А к Роману, как к наиболее сильному, ещё и отдельное обращение. Роман получал княжение не военными победами: на Новгородское княжение его пригласили сами новгородцы, а во Владимире-Волынском стал князем после смерти отца. Братья его также получали города не в результате побед — об этом речь.

Расхытити — растащить, расхитить, разграбить (Срезневский). Вълкоу расхыщающа стадо его. СбЛ: расхытити — захапць, дамагчыся (захватить, достигнуть).

Власти — речь не о власти, а о волостях, владениях. В летописях слово употребляется именно в этом значении: «Того же лета взяша Половци Торшинъ, и власти и села повоеваша и пожгоша»; «А Святослав Всеволодичъ иде на князя Олга Святославича, и пожже власти его, и много зла сотвори, возвратися къ Киеву» (Патриаршая летопись). Поэтому: волости заполучили.

«Кое ваши златыи шеломы...» многие прочитали как «где ваши золотые шеломы». Но! В СбЛ находим: кое — І зл. таксама, як і (так же, как и). Поэтому: «Не в результате побед себе волости заполучили, так же, как и ваши золотые шлемы и копия польские и щиты». Мать троих Мстиславичей — полька Агнешка Болеславовна, поэтому их «ляцкие» (польские) сулицы и щиты, скорее всего, тоже не были военной добычей.

Уже бо Сула не течеть серебряными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть.

Онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ единъ же Изяславъ, сын Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чръленными щиты на кроваве травѣ притрепанъ литовскими мечи. И схоти ю на кровать и рекъ:

Уже Сула не течёт серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течёт.

Грозным полочанином под кликом поганых только Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, омрачил славу деду своему Всеславу, а сам под красными щитами на кровавой траве пронзён литовскими мечами. И положили его на ноши, говоря:

«Дружину твою, княже, птицъ крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго — Всеволода. Единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожереліе.

Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубають Городеньскіи.

«Дружину твою, князь, крылья птицъ заслонили, а звери кровь лизали». Не было тут брата Брячислава, ни другаго — Всеволода. Один же он изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье.

Печальны голоса, поникло веселие, трубы трубають Городенские.

И. Срезневский: притрепати — разбить, сразить, омрачить. Притрепатати — утратить. СБЛ: притрепанный — забиты, разбиты — убит, сломан, разбит.

Кровать — носилки (Срезневский). Хотя некоторые исследователи, в частности украинский и советский лингвист Л. А. Булаховский, увидев «хоти», решили, что речь о настоящей кровати, на которой князь находился с женщиной (хоти). Но какая кровать на поле брани?! Но в то же время предполагают, что это место и сильно испорчено и утрачена часть текста, поскольку появляется рекъ (причастие мужского рода в деепричастной функции), что предполагает какое-то третье лицо, обращающееся к князю с печальной вестью. И опять же: «дружину твою, княже, птицъ крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша» вряд ли бы говорили князю в кровати. Мне представляется, что тут «схоти ю» — «положил(и) его (хотя «ю» — обычно «её») на ноши, носилки, говоря...».

Речь о Изяславе, князе городенском, сыне Василькове, брате Марии Васильковны (мать Болеславы), правнуче Всеслава Брячиславича. Погиб, изрони душу жемчужную, в борьбе с литовцами (под кликом поганых — иноземцев, тогда все иноземцы — поганые), не поддержанный братьями Брячиславом и Всеволодом. Параллель между Сулой, за которой (в поле половецком) разбит Игорь, и Двиной, литовской рекой, где погиб Изяслав Василькович. Городенские трубы трубають — трубы в Городне (ныне Гродно), княжестве Изяслава, трубають скорбь. Призыв полон гневного упрека полоцким

князьям, допускающим из-за своих крамол «поганых» на Русскую землю. Смерть Изяслава в бою с литовцами противопоставлена бесславию нынешних полоцких князей, забывших о долге блюсти Русскую землю.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени — уже бо выскочисте изъ дѣдней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводите поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию которами бо бѣше насилие от земли Половецкыи.

Ярослав и все внуки Всеслава! Склоните стязи свои, воткните в землю свои мечи поверженные — ибо уже растеряли вы славу дедовскую. Ибо начали вы своими раздорами навлекать поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава распрями наводить разор от земли Половецкой.

Ярослав — скорее всего, один из внуков Всеслава (полоцкого князя), поскольку у него было 6 (7) только сыновей, у которых были свои сыновья, «все внуки Всеслава» — последующие поколения — все внуки. Далее понятно по тексту. Которами — распрями (см. выше).

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу. Тѣй ключами одпрѣся окони и скочи къ граду Киеву и дотчеся стружіем злата стола Кіевскаго. Скочи от нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ, утрѣ же возни стрікусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу. Скочи влъкомъ до Немиги отдуда.

На седьмом десятке троянского века кинул Всеслав жребий на девицу себе любу. Той ключами отпер окно и поскакал ко граду Киеву и дотронулся стружием до золотого стола киевского. Поскакал от них лютым зверем в полуночи из Белаграда, повис синей тучей, утром же, вонзив топоры, отворил ворота Новуграда, поверг славу Ярославову. Поскакал волком к Немиге оттуда.

На седьмом десятке 11 столетия (на седьмом вѣцѣ Трояни) — в 1060-х годах Всеслав (ему ок. 30-ти лет), скорее всего, женился на понравившейся девице. Об этом летописи умалчивают, но вполне можно предположить, что множество детей — семеро (шестеро?) только сыновей — могли быть рождены не от одной жены, поскольку Всеслав прожил более 70-ти лет и, вполне вероятно, пережил не одну жену. Но и не исключено, что девица эта — первая и единственная его жена, поскольку даты рождения его сыновей или неизвестны, или дискуссионны. И эта «девица любя» стала ключом, отпершим окно к заветной мечте (а это известно по летописям) — приравнять Полоцкое княжество по значимости к Киевскому. А возможно, из-за неё он совершил в 1065 году набег на Киев. Появление «девицы любой» наверняка несёт информационную нагрузку, ибо в Поэме нет ни одного слова, ни одного героя, написанного или вписанного просто так. Однако в летописях о ней ни слова, поэтому за основу берём само «Слово» и предполагаем, что нет в нём клюк-костылей, которыми «подпирался» князь. А есть ключи, и это слово первоначально звучало как «клюки», «крюки» (словарь Даля). Так вот этими ключами Всеслав отпер, а не подпёрся («подпрѣся»), тут переписчики приставили впереди «п», чтобы оправдать «клюки»-костыли, которыми подпираются, написав «клюками подпёрся». Таким образом, он не клюками подпирался, а ключами отпер («одпрѣся») окно («окони», «о кони», над которыми учёные и любители ломают голову два века). Слово «окно» тогда уже существовало: праслав. окъно — из око, др.рус. окъно, окъна (Фасмер) и звучало как «оконо». Читаем в Ипатьевской летописи: «и есть в горѣ тои просѣчено ѡконце мало...» Или: «...посли ко Всеславу ать призвавше ко ѡконьцю...»

А слова «кони» в «Слове» нет. Только «комони»: «Комони ржуть за Сулою», «всядемъ, братие, на свои брѣзья комони», «Сѣдлай, брате, свои бѣрзьи комони», «комонь въ полуночи», «въврѣжесе на брѣзь комонь и скочи...», «претрѣгоста бо своя брѣзая комоня».

Всеслав — прапрадед Болеславы по материнской линии, был необыкновенным человеком, впоследствии его назовут Чародеем, и эта кличка прилипнет на века. Уже его рождение, как свидетельствуют

летописи, было необыкновенным: мать родила Всеслава «от вольхования», и от рождения «бысть ему язвено на главе его». Волхвы присутствовали при рождении и объявили княгине: «Се язвено навязи на нь, да носить е до живота своего», «носить... и до сего дне на собе; сего ради немилостив есть на кровьпролитье». Под «язвено» некоторые исследователи понимают родимое пятно, на котором князь якобы носил повязку, однако на древних его портретах в летописях нет никаких повязок, поэтому другая версия вероятнее: что Всеслав родился «в сорочке» (с плацентой на голове — «язвено на голове»), её навязала мать по совету волхвов «на нь» (на него), и он всегда, «до живота своего», носил на шее мешочек-амулет, в котором хранил часть плаценты. И в «Слове» Всеслав представлен сверхчеловеком, имеющим способности быстро, почти мгновенно, перемещаться, повисать в воздухе — «объися синѣ мьгль», обращаться волком, хотя это просто метафора для обозначения его скорости передвижения.

В 1065 году «бысть знамение на западе: звезда превелика, луче имуще аки кроваве, всходящи с вечера по заходе солннемъ, и бысть за 7 дний. Се же проявляюще не на добро. Посем же быша усобице многи и нашествия поганых на Руськую землю» (Ипатьевская летопись). Тогда же полоцкий князь «Всеславъ, сын Брячиславъ, почав рать»: совершил неожиданный набег на Киевское княжество. Разграбил и пожёг окрестности Киева, чем сильно напугал старшего из Триумвирата — Изяслава Ярославовича. Он понял, что на киевский стол объявился ещё один претендент, имеющий не меньшие права — ведь Всеслав тоже правнук Владимира Крестителя. Добиваясь статуса равноправия с киевским столом — «доцхтея стружием злата стола киевского», полоцкий князь стремится расширить своё могущество, подчинив другие города. Чтобы подтвердить статус, берёт город за городом: в 1066 году, он снова «заратися и зая Новъгородъ: «въ лѣто 6574 приде Всѣславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие (существует предположение, что новгородцы украли эти колокола, заказанные его предком в Византии, и Всеслав вернул их туда, где они должны быть), Псков (о нём не упоминается в Слове), Белоград (город, вероятно, располагавшийся между нынешними

Псковом и Новогрудком), в начале следующего, 1067 года берёт Новуград (Новогрудок белор.— Навагру́дак, Наваградак, летопис. — Малый Новгород) — нынче город в Гродненской области Белоруссии, в прошлом — один из главных политических и культурных центров, первая столица Великого княжества Литовского. Первое летописное упоминание об этом поселении как городе связывают с закладкой на этом месте крепости киевским князем Ярославом Мудрым около 1044 года. Вот почему «разшибе славу Ярославу»! Всеслав занимает Новогрудок (утрь же возни стрикусы, оттвори врата Новуграду) и оставляет своего наместника.

Целая эпоха в жизни князя написана в «Слове» несколькими строками: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тѣй клюками одпрѣся окони и скочи къ граду Києву и дотчеса стружіем злата стола Кіевскаго. Скочи от нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мыгль, утрѣ же возни стрикусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влькомъ до Немиги отдуда».

Оттуда путь Всеслава лежит к Немиге. Разберём, откуда взялось слово «оттуда». В Поэме в этом месте первые исследователи написали непонятное и невероятное название — Дудуток («съ Дудуток»). Поскольку дальше появляются слова «снопы», «молотят чепы», «веют души от тела», легко предположить, что часть слова «Дудуток» — «ток» относится к следующему предложению. Поставив точку после «дуду», имеем: «Ток на Немизѣ: снопы стелють головами, молотятъ чепа харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, веють душу отъ тѣла». Стройно и логично.

А что с «дуду»? Читая летописи, не раз встретишь слово «оттуду»: «и оттуду не бысть ему пакостей от бесов», «Олговичи же уведевше, яко князю Андрею не бысть помощи ни откуда же, и тако Олговичи обезпечалишася», «иде в Смоленск къ брату своему, а оттуду иде къ другоу брату» (Патриаршая летопись), или вот: «Сѡлегъ же проводивъ и възвратиса во свою волость к Лопасну отуду, пославъ Сѡлегъ заѣ Свѣрилескъ башеть бо и то волость Черниговьскаѣ». А вот уж совсем наше: «таже преступѣ на црковь и ѿдуду (!!!) к Городцю...» (Ипатьевска летопись). Возможно, переписчик кириллическую омегу начертал как «съ» или «со», а «дуду» превратилась в «дуду»

и далее в совсем уж непонятный Дудуток. А Автор, скорее всего, написала: ѿдуду — оттуда. А в силу того, что текст писался сплошной строкой, «ток» «прилип» к предыдущему слову, а дешифровщики не догадались его отнять.

«Обѣсися синѣ мыглѣ». Находим в СБЛ: «обесити — павесіць (повесить). И в Никоновской летописи читаем: «Елень же восхити царя рогомъ своимъ за поясъ, и обѣсися на рогу его». Повис! То есть Всеслав повис, полетел синей тучей. Возможно! Был же он чародеем!

Со стрикусами уже разобрались в начале моего исследования, напомним лишь: в словаре «Старабеларускі лексікон»: стрикусъ — сякера. По-украински — сокира, по-русски — топор! А значит, скорее всего было написано не «возни», а «вонзи» или «вонзни». Тогда читается стройная и простая фраза: «...утром же вонзил топоры, отворил ворота Новуграда».

Обеспокоенная воинственностью и непрекращающимися походами князя Всеслава, троица Ярославичей собрала дружины и в начале зимы по замёрзшим ледовым речным дорогам двинулась на затравившегося князя: «Ярославличи же трие: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупише воя, идоша на Всеслава». Объединенные войска братьев вышли к городу Менску (Минск) на берегу Менки, притоке реки Немиги. Жители городка заперлись в крепости. «Си же братья взяша Мѣнескѣ, исьсекоша мужи, а жены и дѣти взяша на щиты и поидоше к Немизѣ». «И бысть сѣча зла», которая, по летописным сведениям, закончилась поражением Всеслава, однако некоторые исследователи считают, что состоялась ничья из-за большого снега.

Ток на Немизѣ: снопы стелють головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животь кладутъ, веють душу отъ тѣла. Немизе кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни — посѣяни костьми рускихъ сыновъ.	Ток на Немиге: снопы стелют головами, молотят цепами харалужными, на току жизни кладут, веют душу от тела. Кровавые берега Немиги не добром были посеяны — посеяны костьми русских сынов.

Снопы, молотят, веют — где? На току! Вот и вышла стройная фраза, когда «ток» отняли от «дуду». Получилась, хотя и жуткая, но очень красивая метафора — сравнение битвы с током, где молотят цепями харалужными, веют душу от тела.

Бологом — выше выяснили: добром. Снова красивая, но страшная фраза: «Кровавые берега Немиги не добром были посеяны — посеяны костями русских сынов». Автор скорбит о потерях с обеих сторон, ведь все они русские сыны, все потомки старого Владимира. Тем более, что сеча закончилась практически ничем, потому что через несколько месяцев «Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ целоваше крестъ честный къ Всеславу, рекше: «приди к нама, а не сотворимъ ти зла». Но обманули они Всеслава...

Всеславъ-князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: из Києва дорискаше до курь Тмутороканя, великому Хрѣсови влъкомъ путь прерискаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша.

Аще и вѣща душа въдрузѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому Вѣщеи боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни питцю горазду суда божіа не минути».

Всеслав-князь людямъ суды рядил, князьямъ города раздавал, а сам по ночам волком рыскал: из Киева добегал до дымов тмутороканских, великому Хорсу путь волком пересекая. Потому в Полоцке звонили заутреню рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон слышал.

Хоть и вещая душа водружена в тело, но часто от бед страдает. Потому Вещий боян древнюю припевку, заумный, и приговаривал: «Ни хитрому, ни ловкому, ни пытцу умелому суда божья не минутъ».

После «тока на Немизѣ» князь обманом был схвачен и посажен в поруб в Киеве. В 1068 году в жестокой битве с половцами на реке Альте княжеский триумвират был разгромлен. Изяслав и Всеволод убежали в столицу и скрылись от врага, но народ требовал организовать ещё один поход против половцев, подняв восстание. Изяслав был изгнан

из Киева, а правителем стал «вырубленный» из поруба Всеслав Полоцкий, который княжил на киевском столе 7 месяцев. Данный абзац как раз о его киевском княжении, о необыкновенных его способностях, о тоске по родному Полоцку. И хотя в летописях не находим записей о его путешествии в Тьмуторокань, нет оснований не верить «Слову».

В конце снова ирония над Вещим бояном, который пытается принизить Всеслава, ведь через семь месяцев он был изгнан из Киева.

В строках о Всеславе, которых немало для недлинного «Слова», ясно прослеживается, «что судьба Полоцкого княжества есть задушевная мысль поэта...» Это и понятно: пишет Болеслава о родном доме и о своём прапрадедушке. Упоминание об этом князе — снова антитеза, сравнение с нынешними князьями, не спешащими на помощь Игорю, равнодушными к судьбам Русской земли, наводящими крамолами поганых на Русскую землю.

О, стонати Руской земли, помянувшє прѣвую годину и прѣвыхъ князей, того стар- го Владимира! Нельзе бо при- гвоздите къ горамъ кievскимъ! Сего бо нынѣ сташа стязи Рю- риковы, а друзii — Давидовы. Нѣ рози нося имъ, хоботы па- шуть, копiа поють.	О, стонать Русской земле, вспоминая подлые времена и первых князей, того старо- го Владимира! Нельзя их при- гвоздить к горам кievским! А ныне встали стяги Рюри- ковы, а другие — Давыдовы. Рога трубят им, косицы-хобо- ты вьются, копя поют.

Автор сокрушён тем, что начавшиеся ещё при старых временах и князьях междоусобицы не прекращаются и сейчас. Игорев полк погиб, а Рюрик и Давыд, у которых просил помощи Владимир Глебович, погибая у Римова (под Переяславлем), опоздали, ожидая Давыда со смолянами: «А Давыд стояшеть у Треполя со Смолняны. Смолняне же почаша вече деяти, рекуще: «мы пошли до Киева, да же бы была рать, билися быхомъ; нам ли иной рати искати, то не можемъ, уже ся изнемоглѣ» — «А Давыд стоял у Треполя со смолянами. Смоляне же, посоветовавшись, сказали: «мы пошли к Киеву, уже была битва и мы бились, нам ли иной рати искать, но не можем, уже изнемогли». «Половцы же взявшє город Римовѣ».

Хоботы. Из письма Лажечникова Пушкину, который тоже искал значение этого слова, от 22 ноября 1835 года, в котором писатель отвечает Пушкину, почему и в каком значении он употребил слово «хобот» в «Ледяном доме»: «Теперь объясню Вам, почему я употребил слово «хобот» в Ледяном доме и, кажется, ещё в Последнем Новике. Всякой лихой сказочник вместо того, чтобы сказать таким-то образом, таким-то путём, пощеголяет выражением таким-то хоботом. Я слышал это, бывало, от моего старого дядьки, слышал потом не раз в народе Московском, следственно по нарецию Великороссийскому».

Но поищем «хобот» в словарях. Этимологический словарь Фасмера, со ссылкой на Александра Потебню, языковеда, литературоведа, философа и лингвиста 19 века украинского происхождения: «русск.-цслав., др.-русск. Хоботь — хвост, также конский хвост в качестве воинского знака отличия». Если полистать Радзивилловскую летопись, то можно увидеть всё разнообразие древних знамён. Они были и одноцветные (красные, зелёные) треугольные вытянутые полотнища, прикреплённые к копыю, и прямоугольные узкие полотнища (красные), прикреплённые к древку без наверхшия, и стяги с копьевидным наверхшием, к древку которых прикреплено красное или жёлтое узкое прямоугольное полотнище, а от него отходят разноцветные косицы-хоботы. В нашем случае именно такие «хоботы» — разноцветные косицы, возможно, сплетённые именно из конского волоса, и развевались. Ведь пахати — с древнего белорусского — веаць, узвіваць (веать, взвивать). Хоботы пашуть — косицы-хоботы вьются.

На дунаи Ярославнынъ
гласъ ся слышитъ, зегзицею
незнаемъ рано кычетъ: «По-
лечю, — рече, — зегзицею
по дунаеви, омочю бебрянъ
рукавъ въ Каялъ-рѣцѣ, утру
князю кровавыя его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Средь небесной реки Ярос-
лавны голос слышится. Лебѣ-
душкой неведомой рано кычет:
«Полечу, — молвила, — лебѣ-
душкой по дунаю, омочу шел-
ков рукав в Каяле-реке, утру
князю кровавые его раны на мо-
гучем его теле».

Ярославна рано плачеть
въ Путивлѣ на забралѣ, арку-
чи: «О, Вѣтрѣ-вѣтрило! Чему,
господине, насильно вѣеши?!
Чему мычещи хиновскыя
стрѣлки на своєю нетрудною
крищю на моя лады вои?
Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ
облаки вѣяти, лелѣючи кораб-
ли на синѣ морѣ! Чему, госпо-
дине, мое веселіе по ковылію
развѣя?»

Ярославна рано плачеть
Путивлю городу на забороле,
аркучи: «О, Днепре словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую. Ты
лелѣялъ еси на себѣ Святослав-
ли носады до плѣку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу
къ мнѣ, а бых не слала къ нему
слезъ на море рано!»

Ярославна рано плачеть въ
Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
«Светлое и тресветлое Слънце!
Всѣмъ тепло и красно еси.
Чему, господине, простре го-
рячюю свою лучю на ладѣ вои?
Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ
луци съпряже, тугою имъ тули
затче?»

Ярославна рано плачет
в Путивле, на забрале, причи-
тая: «О, Ветер-ветрило! Поче-
му, господине, буйно веешь?!
Зачем мечешь ханские стрелы
на своих лёгких крыльях на во-
инов моего любимого?! Мало
тебе было высоко под облака-
ми веять, качая корабли на си-
нем море?! Почему, господине,
мою радость по ковылию раз-
веял?!»

Ярославна рано плачет в го-
роде Путивле, на забрале, при-
читая: «О, славный Днепр! Ты
пробил каменные горы сквозь
землю Половецкую! Ты качал
на себе Святославовы насады
до стана Кобякова. Принеси,
господине, моего любимого
ко мне, чтобы не слала к нему
слёзы на море рано!»

Ярославна рано плачет в Пу-
тивле, на забрале, причитая:
«Светлое и пресветлое Солнце!
Всем тепло и красно ты! Зачем,
господине, простёрло горячие
лучи свои на воинов моего
любимого?! В поле безводном
жаждой их луки свело, печалью
их колчаны затворило?»

Этот шедевр русского Средневековья практически не нуждается в переводе на современный язык. Только остаётся выяснить, в каком Путивле Ефросинья Ярославна плачет на «забороле» и причём тут Дунай. Об этом глава «На дунае Ярославны голос слышится...»

Также не безынтересно будет уточнить значение слова «словутич». СБЛ даёт однозначное трактование: словутичъ — слаўны, славуты (пры звароце да каго-н.) — славный, известный (при обращении к кому-либо). В Плаче слово использовано в звательном падеже при обращении к Днепру: «О, славный Днепр!»

«Насильно вѣши». Находим в СБЛ: насильно прысл. — бурна, моцна (бурно, мощно). То есть не «наильно», а бурно, буйно, сильно. Вспомним: «буйный ветер». Обращение к силам природы с уважением — «господине», поэтому правильно писать с заглавной буквы: «О, Ветер-ветрило!»

Прысну море по луноци;
идуть сморци мѣглами. Игорь-
ви князю богъ путь кажетъ изъ
земли Половецкой на землю Ру-
скую, къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зари. Игорьъ
спитъ, Игорьъ бдитъ, Игорьъ
мыслию поля мѣритъ отъ вели-
каго Дону до малаго Донца.

Комонь въ полуночи Ов-
луръ свисну за рѣкою. Велить
князю разумети: князю Иго-
рю не быть. Кликну, стукну
земля, въшумѣ трава, вежи
ся половецкіи подвизашася,
а Игорьъ князь поскочи горна-
стаемъ къ тростію и бѣлымъ
гоголемъ на воду, вѣврѣжеса
на брѣзь комонь и скочи съ
него бусымъ влъкомъ. И поте-
че къ лугу Донца и полетѣ со-
коломъ подъ мѣглами, избивая
гуси и лебеди завтроку, и обѣду,
и ужинѣ. (Отмеченная строка
воспроизведена неверно. Пока
не восстановлена. — Ю. Сб.).

Плещет море по берегу ди-
кому, идут гучи мороками. Иго-
рю-князю богъ путь указывает
из земли Половецкой в землю
Русскую, к отчему золотому
столу.

Погасла вечерняя заря.
Игорь (не) спит, Игорь бдит,
Игорь путь свой обдумывает
— от великого Дона до малого
Донца.

Коня в полуночи Овлур
свистнул за рекою. Даёт князю
понять: князю Игорю пора идти.
Вскликнула, вздрогнула земля,
вощумела трава, стан половец-
кий зашевелился, а Игорь-князь
поскакал горностаем к трост-
нику и белым гоголем на воду,
вскочил на быстрого коня
и помчался серым волком. И на-
правился к луке Донца, и поле-
тел соколом под небесами...

Строка, неверно воспроизведе-
нённая.

Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу, претръгоста бо своя бръзая комоня.

Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сороки не трескоташа, полозию ползоша только.

Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.

Коли Игорь соколомъ полетел, то Овлур волкомъ помчался, сбивая собою студѣную росу, ибо загнали своих быстрых коней.

Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали...

Дятлы тѣкотомъ путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями свет оповещают.

«Прысну море по луноши». Снова находим в СБЛ: прыснути — захвлявацца — заволноваться. Волнуется (плещет) море по луноши (бездорожью — см. выше, тут можно: по берегу дикому). Вновь используется образ моря, хотя речь идёт, скорее всего о степи (см. выше).

«Идут сморци мглами» — сморци — мн. ч. от «сморщъ» (находим в словаре «Старабеларускі лексікон»: «сморкъ», «сморщъ» — туча, смерч. «Мъглами» встречается в «Слове» четыре раза: «заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла»; «идуть сморци мъглами» и «и полетѣ соколомъ подѣ мъглами небесными»; «одѣвавшу его теплыми мъглами». В этимологическом словаре Макса Фасмера находим: праслав. Мъгла родственно лит. Migla — «туман», нидерл. miggelen «моросить». Проанализировав использование этого слова в контексте всех фраз, можно сделать вывод, что оно обозначает «туман, облако, туча, морось, морока́». В данном случае можно прочесть: «идут тучи мороками». Морока́ — так мои бабушки называли появившиеся после ясной погоды первые мелко-кучевые облака, покрывшие всё небо своеобразным одеялом, это не предвещало заморозка, который бы мог случиться при ясной ночи.

«Вежи ся половецкіи подвизашася». Снова обратимся к словарю старобелорусского лексикона, где найдём: подвизатися — 1. заварушыцца (зашевелиться, задвигаться).

«Бусым волком» — см. выше «время бусово». Бусый — серый. Серым волком.

«Претръгоста бо своя бръзая комоня». В этом же словаре: претрогнути — змарыць, знясілиць (заморить, обессилить), в данном контексте — загнали своих быстрых лошадей.

Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому столу. Это предложение, скорее всего, вписали монахи-переписчики. Если его опустить, то читается: «Плещет море по берегу дикому, идут тучи мороками, погасла вечерняя заря...» и далее по тексту.

«...избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ» — неверно воспроизведённая строка. Хотя бы потому, что на лебедей русичи не охотились, да и когда охотиться и принимать завтрак, обед и ужин, если это побег?

Сюда я перенесла фразу «Тогда вороны не каркали, галки при молкли, сороки не стрекотали...», которая, мне показалось, неуместна там, где едут Гзак с Кончаком. А тут она вполне вписалась: вороны и галки молчали, и сороки, которые всегда трещат, завидя кого-то, тут примолки, чтобы не выдавать беглецов, а дятлы тѣкотом путь к реке указывали, а соловьи весело пели — побег удался.

Донецъ рече: «Княже Игорью! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселіа?»

Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величія, лелѣявшу князя на влѣнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ серебряныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ.

Донецъ сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле радости?»

Игорь ответил: «О Донец! Не мало тебе величия, качавшему князя на волнах, стлавшего ему зелену траву по своим серебряным берегам, укрывавшему его тёплыми туманами под сенью зелёных деревьев, сторожащему его гоголем на воде, чайками на струях, чернетьями на ветрах.

Не тако ли, — рече, — рѣка Стugna, худу струю имея, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князю Ростиславу затвори. Днѣпрѣ темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цветы жалобою, и древо съ тугою къ земли прѣклонило».

Не такая, — сказал, — река Стugna — худую струю имея, поглотив чужие ручьи и струги (лодки), расширена к устью, юношу князя Ростислава затворила. На тёмном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше-князю Ростиславу. Поникли цветы скорбью, и древо с печалью к земле приклонилось».

Сравнение реки Донца, способствовавшего побегу Игоря, с рекой Стугной, на которой почти сто лет назад погиб, утонул молодой князь Ростислав, брат Владимира Мономаха, во время набега половцев. Об этом подробно писали летописи: «И бысть брань люта; побеже и Владимир съ Ростиславомъ. И прибегнуша къ реце Стугне, и вбрде Володимер съ Ростиславом, и нача утопати Ростиславъ пред очима Владимира, и хоте похватити Ростислава, брата своего, и мало не утопе сам; и утопе Ростиславъ, сын Всеволожь. Владимир же Манамахъ перебрде реку Стугну с малою дружиною ... Ростислава же искавше в реце обретоша, и взявше и принесоша к Киеву, и плакася по нем мати его...» — «И была брань лютая; побежал Владимир с Ростиславом. Прибежали к реке Стугне, и забрели Владимир с Ростиславом, и начал тонуть Ростислав на глазах у Владимира, и хотел он схватить Ростислава, брата своего, и чуть не утонул сам; утонул Ростислав, сын Всеволода. Владимир же Мономах перебрёл реку Стугну с малою дружиною ... Ростислава искали в реке и нашли, подняли и понесли в Киев, и плакала по нём мать его...»

А не сорокы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.

Молвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколь къ гнезду летить, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзе: «Аже соколь къ гнѣзду летить, а ве соколца опутаевѣ красною дѣвицею!» И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнуть наю птици бити въ полѣ Половецкомъ».	Молвит Гзак Кончаку: «Пока сокол к гнезду летит, соколича расстреляем своими стрелами золочёными». Ответил Кончак Гзе: «Пока сокол к гнезду летит, мы соколича опутаем красною девицей!» И сказал Гзак Кончаку: «Если его опутаем красною девицей, то не будет нам ни сокольца, ни красной девицы, и начнут наших птиц бить в поле Половецком».

Гза с Кончаком хватились Игоря, едут по его следу и беседуют о Игоре, его сыне и невесте сына. Содержание речи понятно без перевода.

«...почнуть наю птици бити въ полѣ...». Наю — наших. Так же, как ваю — ваши, ваших. Птиц — снова речь о половецких тотемах.

Рекъ боян и ходына Святъ-славля, пѣтворца стараго времени, Ярославля Ольгова коганя хоти.	Рассказала [я], боян и ходына Святославова, летописица старого времени, Олега Ярославича любимая женщина.

Этой заключительной сфрагидой и завершила своё бессмертное повествование Летописица: «Рассказала боян и ходына Святославля, пѣтворца стараго времени, Ярославля Ольгова коганя хоти», перечислив несколько определений своей личности, над которыми более двух веков быются учёные и любители, пытаюсь понять, кто же это.

Ходына — брошенная жена, Святославля — дочь Святослава — Болеслава Святославна. Песътворца старого времени — летописица, сказительница. Об этом подробно в главе «Ходына Святославля».

Некоторые исследователи считают, что оба места, где употреблено «рекъ», испорчены. По их мнению, должно быть рекль — форма причастия (деепричастия) прошедшего времени. Другие знатоки древнерусского языка считают, что это глагол — простой аорист ед. ч. ПЕРВОГО ЛИЦА и обозначает: «Я рассказал(а)». Я разделаю это мнение. Если бы было сказано, что кто-то третий рассказал, то это бы выглядело как: «рече» — «он, она рассказал(а)», то есть в форме третьего лица ед. ч. А если бы это было множественное число (баян и ходына) 3-го лица, то звучало бы так: «рекоша» (ркоша) или архаическая форма «рѣша». Значит, это точно подпись Автора. Она и боян, и ходына, и песьтворца, и коганя хоти, назвавшая себя в первом лице. Всё дальнейшее — поздняя приписка переписчиков.

А теперь самое интересное. В прочтении Ю. Сбитнева: «Ольги Ярославны дитя любимое». Но! Ольга была Юрьевна, дочь Юрия Долгорукого, к тому времени её уже скорее назвали бы по отцу, чем по мужу, ведь Ярослав Осмомысл отослал её от себя в монастырь, и она умерла там уже не Ярославовой женой, а, по летописи, Всеволожей сестрой, за 4 года до похода Игоря, а значит до написания «Слова». «Коганя» сохранилось в белорусском и украинском языках как «кохана» — от слова кохання — любовь, слова, которое означает чувства между мужчиной и женщиной. Это подчёркивает слово «хоти» — желание, которое тоже относится к тяге полов («милья хоти красныя Глебовна»). У меня возник вопрос: а может, речь не об Ольге, а об Олеге? К тому же в «Слове» уже есть притяжательное прилагательное Ольгова — внука Ольгова — внука Олега! А она — коганя хоти Ольгова — Олегова.

В «Слове» и в летописях часто то, что мы называем отчеством, стоит перед именем. Ярославля — отчество Олега в родительном падеже. Значит Олег Ярославич. Стоит поискать, кто был Олег Ярославич — современник Болеславы, с которым она могла пересечься во времени и пространстве. Мало того, полюбить его, а он её. Среди дошедших до нас имён той эпохи есть только один Олег Ярославич — побочный сын галичского князя Ярослава Осмомысла, матерью которого была «Настаська», как назвали её летописи. Олег был немного младше Владимира Ярославича, законного сына Ярослава Осмомысла и мужа Болеславы. Это известно из Киевской летописи,

которая сообщает в 1187 году: «галицкий Ярослав... завещал своё место Олегу, меньшему сыну...», и тот занимает, хоть и ненадолго, княжеский стол, значит вполне взрослый человек. Всё сходится!

Болеславу 13-летней девочкой в 1167 году выдают замуж за Владимира Ярославича, об этом сообщает Киевская летопись: «Том же лете поя Ярославъ Галичський князь за сын свои за Володимира (Свято) славлю дщерь Болеславу Всеволодич (дочь Святослава Всеволодовича)». Само выражение «взял за своего сына» говорит о том, что брак был совершён по расчёту отцов, а не по любви молодых. Поэтому с Владимиром у Болеславы не складываются хорошие супружеские отношения, а из летописей известно, что Владимир был весьма блудлив, охоч до женского пола и выпивоха. Уже здесь, сейчас, приехав замуж в Галич, Болеслава могла встретиться с Олегом, который был любимым сыном Осмомысла, ведь именно ему завещал своё место князь! Уже сейчас могли возникнуть чувства у молодых людей.

В 1173 году, через 6 лет, Ипатьевская летопись сообщает: «Того лета выбеже княгиня из Галича в ляхи со своим сыном Владимиром». Возможно, она больше не могла терпеть соперницу Настаську, растившую князю сына, да и князь, вероятно, пригрозил отправить Ольгу в монастырь, чтобы не мешала, поэтому княгиня и покинула Галич. Известно, что у 22-летнего Владимира с отцом не было взаимопонимания, поэтому и он отправился с матерью «в ляхи». 19-летняя Болеслава, скорее всего, с ними. Там они пробыли 8 месяцев. Затем Владимир с матерью и Болеславой перебрались в Червн. В это время Святополк из Галича ему пишет: «Поедь вборзе; отца ти есмы яли, и приятели его Чаргову чадь избиле, а се твой ворогъ Настаська. Галичани же накладаше огонь, сожгоша ю, а сына ея в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню въправду, и тако уладившеся» — «Скоро приезжай, твоего отца мы взяли и приятелей его, Чаргову чадь, избиле, а твой враг — Настаська. Галичани развели огонь и сожгли её, а сына отослали в заточение (заточили в поруб), а князя водили ко кресту, что будет жить с княгиней, и так уладилось».

Летописец и более поздние историки заняли позицию Ольги, жены Ярослава Осмомысла, осуждая его за внебрачную связь. Но, может быть, «Настаська» была его настоящей единственной любовью, ведь его тоже оженели из политических соображений. Современные

галичские исследователи-историки придерживаются именно этого мнения. Там даже существуют поэтические легенды и повести о их романтической встрече и неземной любви. И ведь именно её сын — Олег — был любимым ребёнком Ярослава.

Владимир возвращается в Галич, но в 1174 году, когда Болеславе 20 лет, а ему 23, он снова убегает с матерью в Луческ (Луцк). В Луцк приходит отец Ярослав Галицкий с ляхами, подкупленными 3 тысячами гривен серебром и двумя городами, и требует вернуть сына. Ярослав Луцкий испугался и отослал Владимира с матерью к её брату в Торцк.

Представляется весьма интересным, что во всех этих событиях, отмеченных летописью, имя Болеславы не упоминается. Не названа она и в дальнейшем. Но то, что она находится с мужем и свекровью — бесспорно, и это подтверждает безымянный автор летописей. Предвидя угрозу, нависшую над «галицкими беглецами», Святослав Всеволодович (отец Болеславы) предлагает им убежище у себя: «А оттуда поваби и Святослав тѣсть его въ Чернигов» — «А оттуда (из Торцка) позвал Святослав, тѣсть его (Владимира), их в Чернигов». И не просто позвал, но, скорее всего, помог безопасно добраться до Чернигова. Далее летописец сообщает, что собирался Святослав отправить их в Суздаль к Андрею Боголюбскому, старшему брату Ольги, но не сделал этого, поскольку путь туда стал небезопасен. И опять нет ни слова о Болеславе в летописи. Почему? На это можно ответить только одно: безымянный летописец — сама княгиня Болеслава — «пѣстворца».

В летописи за 1183 год, через 9 лет, снова читаем: «Владимиръ Ярославичъ Галицкий, шюрин Игоревъ, бяшетъ у Игоря, зане выгнан бяшетъ отцемъ своимъ из Галича». Почему отец таки выгоняет Владимира? Не терпит в нём свой «грех» — прелюбодеяние при живой жене? Но Владимир такая же жертва политического брачного союза, как и он сам. Значит, главная причина в другом — в разгильдяйстве, пристрастии к питию, отсутствии интереса к государственным делам, иными словами: «Володимѣръ не хожаше в волѣ его». Владимир какое-то время мыкается между Владимиром у Романа, Дорогобужем у Ингвара, Туровом у Святополка, Смоленском у Давыда, Суздалем у Всеволода, но нигде не находит пристанища. Почему летописец в таких подробностях знает о передвижениях Владимира? Не потому ли, что «полкается» с ним?

И только Игорь Святославич «прия шюрина в Путивле с любовью и положи на нем честь велику и два лета держи у себя». Почему Игорь принимает Владимира с любовью и честь оказывает велику? Неужто ему так любезен брат жены? А может, из-за своей племянницы Болеславы, с которой вырос и любил её, как сестру, ведь она младше всего на 3–4 года? Игорь два года принимает скитальцев у себя. То есть на момент похода, в 1185 году, Владимир с Болеславой в Путивле новгород-северском! Вот почему Автор так осведомлён о походе Игоря! Она свидетель начала похода и все подробности узнаёт от Игоря после его возвращения. Она вместе с Ярославной находится на «забрале в Путивле», когда Ефросинья Ярославна, сестра её мужа и жена Игоря, причитает о своём ладе Игоре. Болеслава свидетель и возвращения Игоря. Только зная пылкий характер Ярославны, можно было написать, «не могли более терпеть, тотчас вседши на кони, поехала к нему», когда узнаёт о том, что конь Игоря споткнулся и он, повредив ногу, находится в селе в 20 верстах от Новгорода Северского. Так описывает на основе утраченного источника В. Татищев встречу Ярославны с Игорем. Горожане на конях и пешими также вышли Игорю навстречу. Супруги «так друг другу обрадовались, что обнявья плакали, и говорить от радости и слёз ничего не могли». Только будучи свидетелем или участником событий, можно с такими подробностями написать плач Ярославны, встречу супругов после возвращения Игоря из плена. Если она в это время в Киеве или Галиче, откуда ей знать, что Ярославна на забрале в Путивле рано плачет, что вскочила на коня и помчалась навстречу, что «обнявья плакали, и говорить от радости и слез ничего не могли»? Конечно, гениальный поэт, писатель может «мыслию поля мерить», и всё же только личный опыт является источником и причиной гениальных произведений. Именно тут, в новгород-северском Путивле, где все ждут, переживают за Игоря, потом радостно встречают его, после записей в летописце возникает замысел Поэмы, и она начинает его осуществлять! Болеславе 31 год — самый расцвет для женщины и летописицы.

...И только на третий год после прихода Владимира в Путивль, в конце 1185 – начале 1186-го, Игорь мирит Владимира с отцом — «введе и в любовь со отцемъ его» — и посылает в Галич. Болеслава тоже возвращается в Галич и делает записи в своём летописце о смерти Ярослава Осмомысла.

15 сентября 1187 года случилось знамение: «тьма бысть по всей земле, якоже дивитися всим человекомъ, солнце бо погибе, а небо погоре облакы огнезарными ... Тогда бо глаголахуть тму бывшую в Галичи, якои звезды видити, середе дни солнцю померькшю, в Киевской стороне никто же не види въ ть час» — «тьма была по всей земле, с точки зрения людей, солнце погигло, а небо загорелось облаками огнезарными ... Тогда, говорят, тьму, бывшую в Галиче, что даже звёзды видно было при померкшем среди дня солнце, в Киевской стороне никто не видел в это время». То есть очевидец находился в Галиче, а о том, что в Киеве затмения не видели, «глаголахуть» — совр.: «говорят...», «по слухам». А через две недели, 1 октября «преставися» Галицкий князь Ярослав, похоронили его в церкви святой Богородицы. Летопись пишет о нём очень благосклонно и в больших подробностях, ведь автор записей хорошо с ним знаком, Ярослав — свёкор Автору, да и «о мёртвых — хорошо...»: «Князь был мудрый, речен языком и богобоязненный, и честен в землях, и славен полками. Собрал людей перед смертью, три дня плакал, раздал добро людям и завещал своё место меньшему сыну Олегу, а Владимиру Перемышль».

Читаем летопись за 1188 год: Владимир Галицкий «любезлив питу многому и думы не любяшетъ с мужами своими», кроме того, распутник — «зане где улюбив жену или чью дочь, поимашет насилием» ... «И поя у попа жену и постави е себе жену, и родися у нея два сына». То есть за несколько лет до этого сообщения, скорее всего, сразу по возвращении из Путивля два года назад Владимир отсылает от себя законную жену Болеславу, «постави себе попа жену», и становится Болеслава ходыной Святославлей.

Ни в одном летописном сообщении того времени не упомянут Олег Ярославич. И это ещё одна нераскрытая тайна в жизни Автора «Слова» и летописей. Скорее всего, это тайная любовь, поэтому о нём ни слова. Лишь в 1187 году летописец упоминает Олега, когда Ярослав перед смертью, распорядился: «а се приказываю место свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимеру даю Перемышль и приводи Володимера ко кресту. И мужи Галичкыя на семь яко ему не искать подь братомъ Галича, бяшетъ бо Олегъ Настасьчичъ и бе ему миль, а Володимеръ не хожаше в воле его и того дея не дашетъ ему Галича. По смерти же Ярославле бысть

мятежь великъ в Галичкои земли, и сдумавъ же мужи Галичкьи с Володимеромъ переступишеть хрестное целование и выгнаша Олга из Галича, и бежа Олегъ отуду во Вроучии к Рюрикови, а Володимеръ седе в Галиче». Олег бежал в Овруч к Рюрику Ростиславичу, который отказал ему в помощи. Тогда Олег Ярославич пошёл к польскому королю Казимиру, вместе с ним отправился на Владимира в Галич, разбил его (1188 г.) и сел там княжить, но вскоре был отравлен. Была ли с ним где-то Болеслава, неизвестно. Скорее всего, любовь была хранимой в сердце. И его, и её. Но чувство было настолько сильное, что «песьтворца старого времени» не смогла не упомянуть о нём в своём самом выдающемся произведении.

Но это ещё не всё. Считалось до сих пор, что Болеслава была бездетной и это усугубило её несчастье. Но если внимательно читать летописи, то можно делать невероятные открытия. Сразу после известия о том, что Владимир взял себе жену, отобрав её у попа, и родил с ней два сына, сообщается, что Роман Мстиславич (Волынский) «сватася с нимъ (Владимиром) и да дщерь свою за сына его, за старейшаго»(!). Неужели князь Роман, князь новгородский, волынский, в последствии галицко-волынский и великий князь киевский, сын великого киевского князя Мстислава Изяславича, отдал бы дочь за бастарда — сына любовницы-попадьи? Такое же сомнение высказал не один исследователь, ведь на Руси случаи передачи власти внебрачным детям были крайне редкими, даже исключительными. Конечно же Роман хотел породниться, имея виды на княжество, с законным наследником, законным сыном галицкого князя Владимира, рождённым в браке от княгини.

Далее летопись сообщает, что Владимир с двумя сыновьями и женой-попадьёй, очень скоро сбежал в Угры. Роман, увидев, что мужи галичские не живут в мире с Владимиром, подбил их, и они выгнали Владимира, шантажируя его: «не хотим кланятиси попадьи, а хотим ю убити!», хотя при этом предлагали выдать за него любую, кого он захочет. То есть, в это время Владимир свободен от брачных уз с Болеславой. Памятуя об опыте своего отца, когда «Настаську» сожгли, Владимир не стал настаивать на своей власти и бежал с семьёй в Угры. А галичане приняли на служение князем Романа.

Правда, тут же летопись сообщает, что когда Владимир, «поймавъ злато и сребро много с дружиною, и жену свою пойма, и два сына, и ѣха во Угры», галичане «отняша» у него Романову Федеру и послали за Романом. То есть отняли от сына, которого увозят в Угры. Значит попадьин сын достаточно взрослый, чтобы свататься? Но почему тогда эти подробности о попадье и сыновьях появляются только в 1188 году? Если бы он с ними скитался по городам до приюта у Игоря, то, скорее всего, они бы тоже упоминались так же подробно, как здесь. Или они оставались в Галиче? Тогда бы раньше появились сведения о попадье. И взрослых сыновей, один из которых практически был женат, вряд ли бы летописец позже назвал «двеема детятама». Значит, «старейший» сын — не попадьи? Вопросы, вопросы...

Далее события развиваются так. Владимир привёл на помощь угорского (венгерского) короля, но тот воспользовался перевесом сил и посадил в Галиче своего сына Андрея, а Владимира с попадьёй опять забрал «во Угры», на этот раз в заточение. В 1189 году венгерский король связывается с великим князем Святославом Всеволодовичем, и тот тайно от Рюрика, с которым они делили власть на Руси, хочет получить Галич, поэтому послал своего сына Глеба к королю. Рюрик же, узнав об этом, «наряди по нём Святослава Володимерича, приставя к нему мужь свой». Отправил Святослава Владимировича (сына Владимира Галицкого?!), приставив к нему своего мужа, поскольку князь ещё молод? В истории было три князя с таким именем и отчеством, но они все к тому времени умерли. Владимирских князей с именем Святослав тоже не было, а боярин или служивый не мог носить княжеское имя. Значит речь о молодом князе, сыне Владимира и Болеславы, назвавшей его в честь своего отца? Нет ответа на этот вопрос...

В 1190 году «ускочи Володимер Ярославич изъ Угорь, из вежи каменной, в которой держал его король с попадьёю его и с двеема детятама; поставлень бо бе ему шатер на вежи, онъ же изрезавъ шатер, и сви себе ужище и свесия оттуду доловь». Два сторожа, имея к нему приязнь, отвели его к немецкой земле. Немецкий король, узнав, что он племянник великого князя Всеволода Суздальского, принял Владимира с любовью и с великою честью и послал к Казимиру в Ляхи, веля ему «доправити Галича». Галичские мужи встретили Владимира с радостью великою и королевича Андрея «прогнаша изъ

земли своя, а Володимер седе на столь деда своего и отца своего ... и оттоле не бысть на нь никогоже». Владимир заручился поддержкой могущественного тогда владими́ро-суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое гнездо, дяди по матери, и княжил в Галиче до последних своих дней. Такие подробности из жизни Владимира, скорее всего, продиктованы пристрастием к его судьбе летописца. Кто им мог быть? Кто, как не бывшая жена — человек, всё же безразличный к Владимиру!

Дальнейшую судьбу Болеславы попробуем проследить по летописям, ибо её рука заметна в невымаранных и не записанных монахами местах, которые Ю. Сбитнев назвал «русскими гекзаметрами». Болеслава, став ходыной, вероятно, не вернулась сразу к отцу, а жила то в Галиче, то в Новгороде Северском, то в Чернигове, и позже в Киеве. Поэтому современные исследователи видят «след» одного и того же летописца то в Галицкой, то в Черниговской, то в Киевской летописях. Долгое время Болеслава живёт в Новгороде-Северском и Чернигове — у дяди, Игоря Святославича, потому что в летописях следующих лет прослеживается особое к нему внимание, подробное знание его семейных событий и приоритет князя перед другими князьями, даже братьями.

Академик Д. С. Лихачёв предположил существование Летописца Игоря Святославича. Он отмечал, что в составе Киевского свода 1199, входящего в свою очередь в состав Ипатьевской летописи, особый интерес представляют семейные и личные летописцы, среди которых выделяется Черниговская летопись — как он предполагал, Игоря Святославича, ставшего черниговским князем после смерти Ярослава Всеволодовича в 1198 году.

Подробности семейных дел Игоря Святославича, пишет Лихачёв, отмечены в той части Ипатьевской летописи, которая восходит к Летописцу Игоря Святославича последовательно и без пропусков. Под 1151 отмечено рождение Игоря Святославича. Под 1173 отмечено рождение у Игоря сына Владимира, под 1176 — рождение сына Олега, под 1177 — рождение сына Святослава. Под 1188 и 1190 отмечены браки детей Игоря и т. д. К 1198 относится последнее известие Летописца Игоря Святославича о смерти Ярослава Всеволодовича Черниговского и о вокняжении в Чернигове «благоверного князя Игоря Святославича». «Из родственников Игоря Святославича осо-

бо отмечены в Летописце события жизни его брата Всеволода, идеализированного «Словом» («Буй Тур»). Проникновение сведений о нём в Ипатьевскую летопись именно из Летописца Игоря Святославича доказывается тем, что он дважды поясняет его как «Игорева брата», что свидетельствует о том, что летописец считал Игоря наиболее известным его читателям лицом. Так пояснён он под 1180 и под 1196, где отмечена смерть «брата Игоря» Всеволода Святославича и дан краткий некролог его: «во Олговичех всих удалее рожаемь, и воспитаемь, и возрастом, и всею добротою, и мужьственною доблестью, и любовь имеяше ко всем» (Ипатьевская летопись под 1196). Некролог совпадает в общих чертах с характеристикой его в «Слове». А почему? Потому что автор один и тот же — Болеслава. «Отмечена, пишет академик, в Летописце Игоря Святославича и судьба Владимира Галицкого — сына Ярослава Осмомысла. Этого Владимира Ипатьевская летопись дважды отмечает как «шюрина» Игоря. Владимир, рассорившись с отцом, нигде не находил себе приюта, пока его не удержал у себя Игорь и не помирил с отцом». Это наблюдение академика только подтверждает, что и «Слово», и Летописец писаны одной рукой — Болеславы, которая была связана родственными связями и с Игорем, и с Всеволодом, и с Владимиром, сыном Осмомысла. Она была им племянницей и последнему женой.

Читаем летописи дальше. Вот запись за 1193 год: «Посла Святослав к Рюрикови, река ему: «се ты снимался с Половци с лукоморскими...»; «...а лукоморци хотяхуть мира, но Святослав не улюби...» Помните: «а поганого Кобяка изъ лукуморя отъ железныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выгорже»? Или вот: «отецъ твой хочет ити на Литву, а мало ли того дѣля пути не пустить тебе». В «Слове»: «Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?!» или «Рек дружине своей: веремя ны есть, поедем на Половци — «И рече Игорьъ къ дружинѣ своей: «Братіе и дружино!..» Скорее всего, это термины и выражения одного и того же автора. Вероятно, в это время Болеслава у отца в Киеве, потому что летопись полна мелкими подробностями, связанными с поведением и поступками её отца — Святослава Всеволодовича. И везде она его называет просто по имени: «Святослав же рече; Святослав не улюби; Святослав позва братию свою» и т. д. Так мог писать только близкий человек.

В 1194 году летописец подробнейшим образом передаёт диалог заболевшего Святослава со своей княгиней: «Сего же болми охудеваючи силе и отемняючи языкъ, и возбнувъ и рече ко княгине своей: «Коли будет, рче, святыхъ Маковой?» Она же рече: «в понедельникъ». Князь же рче: «оне дождочю ти я того»; бяшетъ бо отец его Всеволодъ во день святыхъ Макъкавей пошел к Богови. Княгиня же усмотревши, яко ино видение виде некако князь ея, нача прашати, он же не поведав ей... И веля ся постричи в черньци, и посла по свата по Рюрика; и преставися месяца июля, и положиша и во святем Кюриле, во отне ему манастыръ» — «Уже теряя силы от болезни и с отнимающимся языком, терпя страдания, спросил княгиню свою: «Когда будет, спросил, святых Маковой? (конструкция из «Слова»!!!)». Она же ответила: «В понедельник». Князь произнёс: «дождусь ли я его»; ведь отец его Всеволод в день святых Макковеев пошёл к Богу. Княгиня же увидев, что князь видит какое-то видение, начала расспрашивать, он же не ответил ей... И велел постричь себя в монахи, и послал за сватом Рюриком и преставился в июле, и положили в святом Кирилле, в отчем монастыре». Такие подробности последних дней князя, его беседу с женой мог написать только человек, присутствовавший при этом, родственник.

После смерти отца в летописях на какое-то время исчезает рука Болеславы.

Позже летописица обращается к Ольговичам, вероятно, переехав опять к Игорю, и подробно описывает их походы, советы, войны с Рюриком и половцами, смерть «брата Игорев»: «Того же лета (1196) во Олговичехъ преставися князь Всеволодъ Святославичъ, братъ Игорев...» Рука нашей летописицы перемежается с рукой монаха или переделанными монахами записями. Но опять среди скупой и «боголюбивой» монашеской писанины встречаем семейные подробности: «Того же лета (1198) на зиму родися дщи у Ростислава у Рюриковича, и нарекоша имя ей Ефросенья, и прозванием Изморагдъ, еже наречеться дорогой камень, и бысть радость велика во граде Кыеве и в Вышегороде; приеха Мъстиславъ Мъстиславичъ и тетка еи Передъслава, и взяста ю к деду и к бабе, и тако воспитана бысть в Кыеве на Горахъ» — «В том же году на зиму родилась дочь у Ростислава Рюриковича, и назвали её Ефросинья с прозвищем Смарагд (Изумруд), так называется дорогой камень, и была радость

великая во граде Киеве и в Вышгороде; приехал Мстислав Мстиславич и тётка её Предслава и взяли её к деду и бабе, так воспитана была в Киеве на Горах». Помните: «Въ Кіевѣ на Горахъ си ночь, съ вечера, одѣвахъте мя...»?! И писал ли бы монах такие семейные подробности о новорождённой и воспитании её дедом и бабой?

Здесь и позже в Ипатьевской летописи появляются ретроспективные записи, не характерные для монашеского стиля. Автор пишет о вокняжении в 1201 году князя Романа, «како держев бывша всей Руской земли» (монашеской рукой исправлено на «самодержца всей Руской земли»). И тут же даётся ему посмертная характеристика: «По смерти же великого князя Романа приснопамятнаго (было «памятнаго») ... устремилбоя бяше на поганья яко левъ, сердить же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожахше землю ихъ яко и орель, храборъ бо бе яко и туръ. Ревноваше бо деду своему Мономаху... тогда Володимерь Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ». Читаем дальше: «да луче есть ва свой земле костью лечи, неже на чюже славному быти». Фразы явно в стилистике «Слова» — сравнения с животными, питание «золотым шеломом Дону», «луче ... костью лечи — неже ... славному быти». Писал или кто-то впечатлённый «Словом», написанным 15 лет назад, или сам автор бессмертной Поэмы. Эта запись сделана в 1205 году или позже, уже после смерти Романа, это означает, что Болеслава ещё жива, ей примерно 50 лет. Значит, прав «Азбучный указатель деятелей, имеющих быть помещенными в «биографический словарь», издаваемый императорским русским историческим обществом» (С.-Петербург, 1887 г.), который содержит запись о Болеславе Святославне и указывает, что она дочь Святослава Всеволодовича, князя Черниговского, жена Владимира Ярославича и закончила свой земной путь в XIII в. Хотя многие исследователи, в частности Б. А. Рыбаков и за ним многие другие, ошибочно считают, что она умерла, будучи совсем молодой.

Далее Ипатьевская летопись «перемещается» в Галич, которому посвящены многие и многие страницы. Была ли автором этих страниц Болеслава, трудно сказать, её слог так явно не прослеживается — он или записан переписчиками, или Галицкую летопись 13 века пишет уже не она.

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ
О
ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ
УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО
ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

ПИСАННАЯ
СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ
ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ
съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА
Въ Сенатской Типографіи,
1800.

С Л О В О ,

П Ъ С Н Ъ

О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ, (а) О ПОХОДЪ ИГОРЯ,
ИГОРЯ СЫНА СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.
ВНУКА ОЛЬГОВА.

*Не лѣлоли ны бѣшетъ, бра-
тѣе, натяти старыми сло-
весы трудныхъ повѣстѣй о
плѣку Игоревѣ, Игоря
Святъслава ли та! натя-
ти же ся тѣѣ лѣсни ло*

Прѣяпно намъ, братцы, на-
чашъ древнимъ слогомъ при-
скорбную повѣсть о походѣ
Игоря, сына Святославова!
начашъ же сѣю пѣснь по бы-
тіямъ того времени, а не по

(а) Игорь Святославичъ родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ Георгіемъ; женился въ 1184 году на Княжнѣ Евфросиніи, дочери Князя Ярослава Володимировича Галисьскаго. Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

былинами сего времени, вымысламъ Бояновымъ. Ибо а не по замысленію Бояню (б). Боянъ бо същій, прославляеть кого, по но

(6) Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ Русской кошорой служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкоторыхъ въ примѣрѣ здѣсь приведенныхъ словъ его явствуетъ, что *Боянъ* воспѣвалъ всегда важныя происшествія и изъяснялъ мысли свои возвышенно. Когда и при кошоромъ Государѣ гремѣла лира его, ни по чему узнать не лзя; ибо не осталось намъ никакого ошривка, прежде великаго Князя *Владиміра Святославита* писаннаго. Отъ временъ же его дошла до насъ между прочими слѣдующая народная пѣсня, въ которой находимъ уже правильное удареніе, *кадансомъ* въ Стихотворствѣ называемое; но вѣроятно, что и ша въ послѣдствіи переправлена :

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
 У Князя у Владиміра,
 У солнышка Святославица,
 Было пированіе почешное,
 Почешное и похвальное
 Про Князей и про Боярѣ,
 Про сильныхъ могучихъ богатырей,
 Про всю Поляницу удалую.
 Въ Полѣ-сыша баря наѣдалися,
 Въ полѣ-пьяна баря напивалися.
 Послѣдняя ѣшва на столѣ пошла,
 Послѣдняя ѣшва лебединая:
 Стали бояре шутѣ хвасшаши : и *проч.*

аще кому хотяше лѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълокмъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо реть лѣрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пуцашеть ꙗко ссоловъ на стадо лебедѣй, который дотеташе, та преди лѣсь поляше, старому Ярославу (в), храброму Мстиславу (г), иже зарѣза Редедю предъ

сился мыслию по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ-либо сраженіи, примѣняли оно къ десяти соколамъ, на спадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣ долеталъ, тому прежде и лѣснь начиналася, либо спарому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю предъ

(в) Чрезъ стараго Ярослава Сочинитель разумѣетъ здѣсь Великаго Князя Ярослава Владимировича, давшего Новгородцамъ законы, подъ именемъ Русской Правды донынѣ извѣстные. Онъ былъ прапрадѣдъ Игорю Святославиту, которому воспѣвается пѣснь сія.

(г) Храбрый Мстиславъ, также сынъ Великаго Князя Владимира Свяtosлавича, родной братъ Ярославу I. Будучи на удѣлѣ въ Тмушараканскомъ Княжествѣ 1022 года, выступилъ онъ въ походъ противъ Косоговъ. Князь Косожскій Редедя, понадѣясь на крѣпость мыщъ своихъ, будшобъ для пощады съ обѣихъ сторонъ воиновъ ошъ напраснаго кровопролитія, предложилъ ему

пѣлки Касожьскими , красному Романови (д) Святъ-славлю. Боянѣ же, братѣ, не ꙗко соколовѣ на стадо лебедѣй пущаше, но своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.

полкани Косожскими , или красному Роману Свято-славичу. А Боянѣ , брашцы ! не десять соколовѣ на стадо лебедей пускалъ : но какъ скоро прикасался искусными своими перспами къ живымъ струнамъ , по сѣи уже сами славу Князей гласили.

поединокѣ. Мстиславъ охотно на сѣе согласясь , сразился съ нимъ , и одолѣвъ своего сопротивника , лишилъ его жизни. По здѣланному предварительно въ пользу побѣдителя условію всунувъ во владѣніе Косоговѣ , наложилъ онѣ на нихъ дань , завладѣлъ всѣмъ богатствомъ Княжескимъ , а жену и дѣтей его увелъ въ плѣнъ за собою.

Отъ сыновей сего побѣжденнаго Князя Косожскаго произошли извѣстныя въ Россіи фамиліи : *Добрыньскихъ , Зайцовыхъ , Бирдюковыхъ , Поджешныхъ , Гусевыхъ , Елизаровыхъ , Симскихъ , Хобаровыхъ и Глѣбовыхъ.*

(д) Романъ , сынъ Князя Святослава Ярославита , былъ на удѣлѣ Княженія Черниговскаго въ Курскѣ. Въ 1079 году согласясь съ Половцами , онѣ кошѣлъ опняшь Переяславъ у Великаго Князя Всеволода Ярославита : но наемные союзники сго измѣнили ему и заключили особенный миръ съ Великимъ Княземъ Кіевскимъ. Когда онѣ за сѣю измѣну спалъ упрекать Половцевѣ , то произошла изъ него ссора , въ которой онѣ былъ отъ нихъ убитъ.

позримъ синего Дону. Сла-
ла Князю умъ похоти,
и жалость ему знаменіе
застули, искусити Дону
великаго. Хочу бо, рече,
коліе приломити конецъ
поля Половецкаго съ вали
Русици, хочу главу свою
приложить, а любо исли-
ти шелокомъ Дону. О
Бояне, соловію стараго
времени! абы ты сіа плѣ-
кы ущекоталъ, скага сла-
вію по мыслену древу,
летая умолю подъ обла-
кы, свивая славы оба ло-
лы сего времени, рица въ
тролу Трояню (з) тресъ
поля на горы. Пѣти бы-
ло пѣсь Игореви, того
(Олга) внуку. Не буря

и посмотримъ на си-
нѣй Донѣ. Пришло Князю
на мысль пренебречь худос
предвѣщаніе и извѣдать ща-
спья на Дону великомъ. „Хо-
чу, сказалъ онъ, съ вами, Рос-
сіяне! переломить копые на
помъ краю поля Половецка-
го; хочу или голову свою по-
ложить, или шлемомъ изъ
Дону воды достать. О Бо-
янь! соловей древнихъ лѣтъ!
шебѣ бы надлежало провозгла-
сить о сихъ подвигахъ, скача
соловьемъ мысленно по дере-
ву, летая умолю подъ облака-
ми, сравнивая славу древнюю
съ нынѣшнимъ временемъ.
мчась по слѣдамъ Трояновымъ
чрезъ поля на горы. Те-
бѣ бы пѣть пѣснь Игоря

(з) Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о Троянѣ, ш. е. трола Трояня, сѣти Трояни, земля Трояня, и седмый вѣкъ Трояновъ: но къ сей Троянѣ, догадашься ни по чему не возможно.

позримъ синего Дона. Сла-
ла Князю умъ похоти,
и жалость ему знаменіе
застули, искусити Дона
великаго. Хошу бо, рече,
коліе приложити конецъ
поля Половецкаго съ вали
Русици, хошу главу свою
приложити, а любо исли-
ти шелокомъ Дона. О
Бояне, соловію стараго
времени! абы ты сіа плѣ-
кы ущекоталъ, скага сла-
вію по мыслену древу,
летая умомъ подъ обла-
кы, свивая славы рба ло-
лы сего времени, рица въ
тролу Трояню (з) тресѣ
поля на горы. Пѣти бы-
ло пѣсь Игореву, того
(Олга) внуку. Не буря

„и посмопримъ на си-
„ній Донъ„. Пришло Князю
на мысль пренебречь худос
предвѣщаніе и извѣдашь ща-
спья на Дону великомъ. „Хо-
„чу, сказалъ онъ, съ вами, Рос-
„сіяне! переломимъ копье на
„помъ краю поля Половецка-
„го; хочу или голову свою по-
„ложимъ, или шлемомъ изъ
„Дону воды dospапъ„. О Бо-
янъ! соловей древнихъ лѣтъ!
пѣбъ бы надлежало провозгла-
сипь о сихъ подвигахъ, скача
соловьемъ мысленно по дере-
ву, летая умомъ подъ облака-
ми, сравнивая славу древнюю
съ нынѣшнимъ временемъ,
мчась по слѣдамъ Трояновымъ
чрезъ поля на горы. Те-
бѣ бы пѣшь пѣснь Игорю

(з) Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о Троянѣ, ш. е. трола Трояня, вѣги Трояни, земля Трояня, и седмый вѣкъ Трояновъ: но кто сей Троянъ, догадаться ни по чему не возможно.

соколы занесе чрезъ поля
широкая; галици стады
бѣжатъ къ дону велико-
му; тили вѣслѣти было
вѣщей Бояне, Велесовъ (и)
внухе! Комони ржутъ за
Сулою; звенить слава въ
Кыевѣ; трубы трубятъ
въ Новѣградѣ; стоятъ
стязи въ Путивлѣ; Игорь
ждетъ мила брата Всево-
лода. И рече ему Буй
Туръ (і) Всеволодъ: одинъ
братъ, одинъ свѣтъ свѣт-
лымъ ты Игорю, оба есѣ
Святѣславился; сѣдай,
брате, свои брѣзвыи комо-
ни, а мои ти готови, осѣд-
лани у Курьска на пере-

внуку Ольгову. Не буря
соколовъ занесла чрезъ поля
широкія, слепаются галки
спадами къ Дону великому.
Тебѣ бы, мудрый Боянъ,
внукъ Велесовъ! сіе воспѣшь.
Ржутъ кони за Сулою, гре-
мишь слава въ Кіевѣ, тру-
бятъ трубы въ Новѣгородѣ,
развѣваютъ знамена въ Пу-
тивлѣ, ждешь Игорь ми-
лаго брата Всеволода. Бо-
гатырь же Всеволодъ вѣ-
щаетъ къ нему: „О Игорь!
„пы одинъ у меня братъ!
„пы одинъ у меня ясный
„свѣтъ! и мы оба сыновья
„Святославовы; пы сѣдай,
„братъ, своихъ борзыхъ ко-

(и) Велесъ, Славянскій въ язычествѣ Богъ, покровитель стадъ Его сципали вторымъ послѣ Перуна. По названію Бояна внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи Христіанской вѣры.

(і) Буй значить дикій, а туръ вола. И такъ Буйтуромъ, или Буйволодъ, называется здѣсь Всеволодъ въ смыслѣ Метасфори-

дн; а мои ти Куряни
 свѣдоми къ мети, подѣ
 трубами повити, подѣ
 шелома възлелѣяны, ко-
 нець колія въскрѣмлени,
 пути имѣ въдоми, яру-
 гы имѣ знаемы, луци у
 нихъ напряжени, тули от-
 ворени, сабли извострени,
 сами скажутъ акы сѣрыи
 вѣлци еѣ полѣ, ищутъ се-
 бе сти, а Князю слава.
 Тогда вѣступилъ Игорьъ
 Князь въ златѣ стремень, и
 побѣха по тистому полю.
 Солнце ему тѣмою луть
 заступаше; ноцъ стону-
 ци ему грозозю лтитъ

„ней, а мои для тебя при-
 „готовасны и давно у Кур-
 „ска осѣданы. Мои Курга-
 „не въ цѣль спрѣлѣашъ зна-
 „ющи, подѣ звукомѣ прубѣ
 „они повипы, подѣ шлема-
 „ми возлелѣяны, концомѣ
 „копья вскормлены; всѣ пу-
 „пи имѣ свѣдомы, всѣ ов-
 „раги знаемы, луки у нихъ на-
 „пханупы, колчаны отворены,
 „сабли изострены; они ска-
 „чуть въ полѣ какѣ волки
 „сѣрые, ища себѣ чести,
 „а Князю славы.„ Тогда
 Князь Игорьъ, вступя въ золо-
 тое стрема, побѣхалъ по чи-
 стому полю. Солнце своимѣ
 затмѣнѣемѣ преграждаетъ
 путь ему, грозная возспав-

ческомѣ, въ разсужденіи силы и храбрости его. — Вѣроятно, что
 изъ сихъ двухъ словъ составилось попомѣ названіе *богатыря*,
 ибо другаго произведенія оному слову до сихъ порѣ не найдено.

убуди; свистъ звѣринъ въ стази; дивъ клистъ ервху древа, велитъ послушати земли незнаемъ, влзъ, и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебъ Тъмуктораканьскій блвванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крытатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди рослущени. Игорьъ къ Дону вои едетъ: уже бо бѣды его ласетъ птиць; подобію влци грозу въ сроятъ, по яругамъ; орли клетомъ на кости звѣри зовутъ (к), лисици

шая ночью буря пробужаетъ пшиць; ревутъ звѣри спадми; кричишь филинь на вершинъ дерева, чпобъ слышали голосъ его въ землѣ незнаемой, по Волгѣ и по морю, по Сулѣ, по Суражу въ Корсунѣ и у шебя, Тмушараканскій испуканъ! Половцы бѣгунъ неготовыми дорогами къ Дону великому; скрипятъ возы въ полуночи, какъ лебеди скликаеся. Игорьъ къ Дону войска ведетъ; уже пшиць бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ выпьемъ своимъ спрахъ наводятъ; орлы звѣрей на трупы сзы-

Всеволодъ Святославль, меньшій братель Игорьъ превосходилъ всѣхъ своего времени Князей нешокмо возрастомъ тѣла и видомъ, которому подобнаго не было, но храбростію и всѣми душевными добродѣтелями прославлялся повсюду — *Татищ. истор.* Часть III. стр: 320.

(к) Пшиць полетъ издавна былъ многихъ народовъ предзнаменованіемъ щастія или нещастія въ предпріятіи намѣреніи; и Рим-

бредуть на трѣлєныя щиты. О руская земля! уже за Шеломянемъ (л) еси. Длго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ залала, мгла поля покрыла, щекотъ славій усле, говоръ галить убуди. Русити великая поля трѣлєными щиты прегородиша, ищутъ себѣ ти, а Князю славы.

Съ заранія въ ляткѣ потолташа поганья плѣкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, потолташа красныя дѣкы Половецкыя, а съ ними злато, и лаволокы, и дра-

ваютъ, а лисицы лають на багряные щипы. О Рускіе люди! далеко уже вы за Шеломенемъ. Ночь меркнетъ, свѣтъ зари погасаетъ, мглою поля успилаются, пѣснь соловьиная умолкаетъ, говоръ галокъ начинается. Преградили Россіане багряными щипами широкія поля, ища себѣ чести, а Князю славы.

На зарѣ въ Пятницу разбили они Половецкіе нечеспивые полки, и рассыпавшись какъ стрѣлы по полю, увезли красныхъ Половецкихъ дѣвицъ, а съ ними золошо, богатыхъ

ляне гадали по пшидамъ. Равномѣрно примѣчали, въ которую сторону слеталась хищныя пшиды, и шамъ неминуемой предполагали быть гибели людской. Волчій вой также предвѣщалъ кровопролитную войну.

(л) Русское село въ области Переславской на границѣ къ Половцамъ лежащее близъ рѣки *Ольты*. *Татищ.* Часть III. стр. 120.

гья оксамиты; ортыма-
ми и ялоницами, и
кожухы нааша мосты
мостити по болотамъ и
грязивымъ мѣстамъ, и
всякими узорогы Поло-
вѣцкыми. Чръленъ стягъ,
бѣла хорюговъ, трълена тол-
ка, сребрено стружѣ (м)
храброму Святъславлюю.
Дремлетъ въ полѣ Ольго-
во хороброе гнѣздо дале-
ге залетѣло; небылонъ
обидѣ порождено, ни соко-
лу, ни крестету, ни тебѣ
крвнѣй воронѣ, поганѣй По-
ловтине. Гзакъ бѣжитъ сѣ-
рымъ волкомъ; Контакъ (н)
ему слѣдѣ править къ
Дону великому.

пкани, и дорогія бархашы.
Охабнями, плащами, шубами
и всякими Половецкими на-
рядами, по болопамъ и
грязнымъ мѣстамъ начали
моспы моспишь. Багряное
знамя, бѣлая хоругвь, баг-
ряная чолка и серебряное
древко достались опважно-
му Свяпославичу. Дремлетъ
въ полѣ Ольгово храброе
гнѣздо, далеко залетѣвъ.
Не родилось оно обидѣ шпер-
пѣшь ни опѣ сокола, ни опѣ
крешпа, ни опѣ тебя,
чернѣй воронѣ, нечеспивѣй
Половчанинѣ! Бѣжитъ Гзакъ
сѣрымъ волкомъ, а въ слѣдѣ
за нимъ и Кончакъ спѣшитъ
къ Дону великому.

(м) Воинскіе почешные доспѣхи.

(н) Гзакъ и Контакъ, оба Половецкіе Князья, предводительство-
вавшіе тогда войскомъ своимъ проливъ Князя Игоря.

Другаго дни вели
рано кровавыя зори свѣтъ
повѣдаютъ; трѣбныя тугя
сѣморя идутъ, хотятъ
прикрыти **Д** солнца:
а въ нихъ трелещуть си-
нии млѣни, быти грому ве-
ликому, итти дождю стрѣ-
лами сѣ Дону великаго:
ту ся колѣмъ приламати,
ту ся саблямъ потрусати
о шелома Половецкыя, на
рѣцѣ на Каялѣ, у Дону
великаго. О Руская землѣ!
уже не Шеломянемъ еси.
Се вѣтри, Сприбожи (о)
внуци, вѣютъ сѣ моря стрѣ-
лами на храбрыя плѣ-
кы Игоревы! земля тут-
нетъ, рѣкы мутно те-
кутъ; пороси поля при-
крываютъ; стязи глаго-

На другой день весьма
рано, заря сѣ кровавымъ
свѣтомъ появляется, нахо-
дятъ сѣ моря лучи черныя,
хопятъ закрышь чепыре
солнца; сверкастъ въ нихъ
молнія, бытъ грому спраш-
ному, липся дождю спрѣ-
лами сѣ Дона великаго
Тупъ - по копьямъ поло-
маться, шупъ - по саблямъ
припупиться обѣ шлемы
Половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ
у Дону великаго. О Русскіе
люди! уже вы за Шеломе-
немъ. Уже вѣпры, внуки
Сприбога, вѣютъ сѣ моря
спрѣлами на храбрые пол-
ки Игоревы; попомъ по зем-
лѣ раздаешся, вода въ рѣ-
кахъ мупишся, пыль спол-
бомъ въ полѣ подымается,

(о) Сприбогъ (Славенскій Золъ) кумиръ во время язычества въ
Кіевѣ Богошворимый; ему приписывали власть надъ вѣшрами.

лѣтъ, Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плѣкы отступлиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрїи Русици преградиша трѣленими щиты. Ярѣ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломи мети харалужными. Камо Турѣ поскогыше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣсивая, тамо лежатъ логанья головы Половецкыя; поскеланы саблями калеными шеломи Оварьскыя отъ тебе Ярѣ Туре Всеволоде. Какя раны дорога, брате, забывѣ ти и живота, и града Чрънигова,

знамена шумящѣ, идущѣ Половцы отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ: войско Русское подалось назадъ. Бѣсовы дѣпи оградили спанъ свой крикомъ, а храбрые Россїяне багряними щитами. О богатырь Всеволодѣ! пы споя на спорожѣ, градомъ пускаешь спрѣлы на враговъ своихъ, а булапными мечами гремишь обѣ шлемы ихъ. Гдѣ пы, богатырь, ни появишся, блиспая золотымъ своимъ шлемомъ, памъ лежатъ нечеспивыя головы Половецкїя, и разбѣчены булапными саблями Оварскїе шлемы ихъ отъ тебя, храбрый Всеволодѣ! Какими, братцы, ранами подорожишь онѣ, забывѣ почеспи и веселую жизнь, городѣ Черниговѣ,

*отня злата стола, и своя
милыя хоти красныя Глѣ-
бовны (л) свята и обыта?
Были вѣси Трояни, минула
лѣта Ярослава (р); бы-
ли плѣци Олговы (с),*

отеческой золошой пре-
шполь, всѣ милыя прихопи,
обычай и привѣтливость пре-
красной своей супруги Глѣбо-
вы! Прошли сѣбзды Трояно-
вы, пропекли лѣта Ярославо-
вы, миновались брани Олговы,

(л) Супруга Всеволода Святославича, брата Игоря, дочь Князя Глѣба Юревича Переяславскаго.

(р) Тридцати-пяти-лѣтнее Государствованіе Ярослава I надолго оставалось памятнымъ для Россіянъ. Храбрость его превозноси-
ма была за одержанныя имъ многократныя побѣды надъ брато-
убійцею Святололомъ и надъ Тьмутараканскимъ Княземъ Мстиславомъ, за отобраніе у Польскаго Короля Болеслава при-
надлежавшихъ Россіи Червенскихъ городовъ и за покореніе Лиф-
ляндіи и Эстляндіи. Не менѣ того и мудрость Ярослава
славилась въ потомствѣ: онъ построилъ по рѣкѣ Рси и за
Днѣпромъ многіе города, населивъ пришельцами и плѣнниками;
набожностію своею укоренилъ онъ въ Россіи православную вѣру,
родителемъ его насажденную, и старался распространить уче-
ность, приказавъ съ Греческаго переводить лучшія книги и нѣ-
сколько оныхъ для народа по Русски сочинить.

(с) Князь Олегъ Святославичъ, бывшій съ 1065 по 1114 годъ
на Тьмутараканскомъ Княженіи. Безпокойный нравъ его и склон-
ность къ возмущеніямъ много навлекли на землю Рускую.
Половцы всегда были орудіемъ замысловъ его. Онъ многократ-
но приглашалъ ихъ на разореніе своего отечества, и вмѣсто
плаши за вспоможеніе, попускалъ имъ опустошать и грабить по-
всюду. Въ 1096 году Русскіе Князья рѣшились усмирить его, и
соединенно выступили противъ него со многочисленнымъ войскомъ;
но по причинѣ всегда вѣроломныхъ съ его стороны примиреній
едва могли удержатъ алчность его, предиксавъ ему съ братьями

Ольга Святъславлица. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градъ Тмутороканъ. Тоже звонъ слыша давный великий Ярославъ (т) сынъ Всеволожь: а Владимиръ (у) по вся утра уши закладше въ Черниговъ; Бориса же Вячеславлица (ф) слава

Олега Святославита. Сей - по Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Онъ ступалъ въ золотое стремя въ городъ Тмуторокани; звукъ побѣдъ его слышалъ спарый великій Ярославъ сынъ Всеволодовъ: но Владимиръ запыкалъ себѣ уши всякое упрю въ Черниговъ; Бориса же Вячеславита слава

своими довольствоваться владѣніемъ Чернигова, Сѣверы, Вятичей, Мурома и Тмутаракани, которыя состояли за опцемъ его.

(т) Князь Ярославъ, сынъ Князя Всеволода Ольговита, съ 1174 по 1200 годъ княжествомъ Черниговскимъ обладавшій.

(у) Князь Владимиръ Всеволодовичъ, бывшій потомъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ и преименованіе Мономаха получившій, въ 1094 году лишасть Черниговскаго Престола отъ вышеупомянутаго Тмутараканскаго Князя Ольга Святославита, принужденъ былъ ошаться на удѣлъ въ Переяславль.

(ф) Сей Борисъ по Ростовской и Никоновской лѣтописямъ Вячеславичемъ, а у Нестора и Ташищева Святославичемъ названъ, и въ поколѣнной I. росписа Г. Скрипшера Исторіи Россійскаго

на судѣ приведе, и на кани-
ну зелену палолому по-
стла, за обиду Олгову
храбра и млада Князя.
Съ тояже Каялы Свято-
плѣкъ (х) повелѣя отца
своего между Угорьскими
иноходцы ко Святой Со-
фїи къ Києву. Тогда при
Олзѣ Гориславлици (ц) свя-
шется и растяшетъ усю-
бицами; погибашеть жизнь

на судѣ привела; онѣ поло-
женѣ на конскую попону зе-
леную за обиду молодого
храбраго Князя Олега. Съ
той же Каялы велѣ Свято-
полкѣ войски опца своего
сквозь Венгерскую конницу
въ Києвъ ко святой Софїи.
Тогда при Олгѣ Горислави-
цѣ сѣялись и возрастали
междоусобя, была гибель

Государства въ 7 степени показанѣ Борисомъ Вячеслави-
чемъ. Но по чему онѣ призыванѣ былѣ на судѣ Великаго Кня-
зя, Лѣтописи о семѣ умолчали.

Обрядѣ же сѣздовѣ для суда Гатишевъ (Исторїи своей въ
Томѣ 2. на стр. 195 и 196) извѣняетъ слѣдующимъ образомъ:
что обвиняемый призыванѣ былѣ въ шатерѣ, гдѣ всѣ Князя
сидѣли на коврѣ, и по обыкновенномъ поздравленїи сажали его
на такой же коверѣ. По томѣ всѣ Князя вышедѣ изъ шатра,
садились на коней, и раздѣлясь, каждой Князь особо разсу-
ждааѣ съ своими Боярами, а судимый оставался одинѣ, по по-
му что никто его въ себѣ не допускааѣ.

- (х) Пашѣ исчисляется Святополковѣ до котораго же изъ нихъ
касается сіе обстоятельство, ничѣмъ не объяснено.
(ц) Неизвѣстенѣ.

*Дажь - Божа (г) внука ,
 въ Княжихъ крамолахъ
 вѣщи селовѣкомъ скрати-
 шась. Тогда по Руской
 земли рѣтко ратаевѣ ки-
 кахуть : нѣ часто врани
 граяхуть , труліа себѣ
 дѣляте ; а галици свою
 рѣть говоряхуть , хотять
 полетѣти на уедіе. То
 было въ ты рати ; и въ
 ты плѣкы ; а сице и ра-
 ти не слышано : сѣ зара-
 нїа до ветра , сѣ вестера
 до свѣта летять стрѣлы
 каленя ; гримлютъ саб-
 ли о шеломы ; трещатъ
 колїа харалужныя , въ по-
 лѣ незнаемѣ среди земли
 Половецкыи. Чрѣна земля
 подѣ колыты , костьми*

Дажь - Божевымѣ внукамѣ ,
 жизнь людей въ Княжескихъ
 ссорахъ прекращалася , и въ
 Русской землѣ рѣдко веселіе
 земледѣльцовѣ раздавалося :
 но часто каркали вороны ,
 дѣля между собою трупы ;
 галки же оплепая на мѣ-
 сто покормки , перекликали-
 ся. Такъ бывало во время
 прежнихъ браней и опѣ
 погдашнихъ войскѣ ; а ша-
 кого сраженїа еще и не
 слыхано , чпобѣ сѣ упра
 до вечера , сѣ вечера до
 свѣша лепали стрѣлы ка-
 леня , гремѣли сабли обѣ
 шлемы , прещали копья бу-
 лашныя , въ полѣ незнаемомѣ
 среди земли Половецкой.
 Черная земля подѣ копытами

(г) Кумирѣ , въ Кїевѣ богошворимый , — податель всякихъ благѣ.

Пользующїеся благоденствїемѣ , какѣ даромѣ Дажь - божевымѣ ,
 названы его внуками .

была посьяна, а кровію
 поляна; тугого въздоша
 по Руской земли. Что ми
 шумить, что ми зевнить
 даветя рано предъ зорями?
 Игорь лѣкы заворогаетъ;
 жаль бо ему мила бра-
 та Всеволода. Бишася
 день, бишася другой:
 третьяго дни къ полуд-
 нію ладоша стязи Иго-
 ревы. Ту ся брата раз-
 лустиста на брезѣ быстрой
 Каялы. Ту кроваваго еина
 недоста; ту пирѣ докон-
 таша храбрїи Русити: сва-
 ты полонша, а сами по-
 легоша за землю Рускую
 (ш). Нисить трава жало-

косьми была посьяна, а
 кровію полиша, и по всей
 Русской землѣ возрасла бѣда.
 Но чпо за шумѣ, чпо за звукѣ
 пакѣ рано, до зари утренней?
 Игорь двигнулся съ своими
 полками: жаль ему милога бра-
 та Всеволода. Билися день,
 бились другой, а на шре-
 птїй передѣ полуднемѣ па-
 ли знамена Игоревы. Тутѣ
 брапья разлучилися на бере-
 гу быспрой Каялы. Не доста-
 ло у нихѣ вина кроваваго;
 храбрые Руссы шамѣ пирѣ
 свой кончили, сватовѣ по-
 поили, а сами полегли за
 землю Русскую. Увяла права
 опѣ жалоспи, наклонились

(ш) Половцы възгордяся побѣдою и взятїемѣ въ плѣнѣ Игоря съ товарищи, прислали къ Великому Князю Святославу купцовѣ Русскихѣ съ росписью, сколько за кого требовали окупа. За Игоря положили они цѣну по погдашнему времени несносную, а именно 2000 гривенѣ (фуншовѣ) серебра; и хотя Великій Князь Кїевскїй, любя его, хотѣлѣ выкупить, но Половцы инако на сїе не согла-

щами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида вѣсилахъ Дажь - Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещути, убуди жирня времена. Усобица Княземъ на логанья погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и нагяща Князи про малое, се великое мѣвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а логани съ есѣхъ странъ приходяху съ побѣдами на землю Рускую. О! да-

деревья отъ печали. Невеселая уже, брапцы, пора пришла: пала въ пустынь сила многая, возспала обида Дажь - Божевымъ внукамъ. Она вступивъ дѣвою на землю Троянову, восплескала крылами лебедиными, на синемъ морѣ у Дону купаючись, разбудила времена пляжкія. Переспали Князь нападать на невѣрныхъ, брашъ брашу спалъ говорить: „се мое, и по моеже, Начали Князь за малое, какъ будто бы за великое, ссориться и сами на себя крамолу ковать. Тѣмъ временемъ нечестивые со всѣхъ споронъ спекалися на одолѣніе Русской земли. О!

шались, какъ шребуя, дабы прежде младшіе Князь всѣ и Воеводы были выкуплены по назначенной въ росписи цѣдѣ. — *Татищ:* III. стр. 266, 269.

лете зайде соколъ , птицъ
 бья къ морю : а Игорева
 храбраго плѣку не крѣси-
 ти (щ). За нимъ кликну
 Карна и Жля (ѳ), по скоти
 по Руской земли, смагу (ы)
 мысюти въ пламянѣ розѣ.
 Жены Рускія въсллакашась
 аркути : уже намъ своихъ
 милыхъ ладъ ни мыслию
 смыслити, ни думою сду-
 жати , ни осима сѣглядати
 , а злата и сребра ни
 мало того потрелати. А
 въстона бо , братіе , Кіевъ
 тугою , а Черниговъ на-
 ластьми ; тоска разліяся
 по Руской земли ; леталь
 жирна тесе средь земли

далеко залетѣлъ пы, соколъ,
 побивая ппицѣ у моря ; а
 Игорева храбраго войска уже
 не воскресипи ! Воскликнули
 тогда Карня и Жля, и при-
 скакавъ въ землю Русскую,
 спали помипѣ людей ог-
 немъ и мечемъ. Зарыдали
 пупѣ жены Рускія, приго-
 варивая : „уже намъ обѣ ми-
 „лыхъ своихъ ни мыслию
 „вмыслипи, ни думою взду-
 „мапи, ни глазами ихъ уви-
 „дѣшь, а золопа и сребра не
 „возвращипь,,. Возспеналъ,
 брашцы, Кіевъ отъ печали,
 а Черниговъ отъ напаси;
 разлилась тоска по всей
 Русской земли ; пляжкая пе-

(щ) Ясное здѣсь знаменованіе глагола *крешу* доказываетъ что слово *Воскресеніе* точно отъ того происходитъ.

(ѳ) *Карня* и *Жля* пр:водители хищныхъ *Половцевъ*, безъ мило-сердія разорявшихъ тогда землю Русскую.

(ы) *Смаго*, Малороссійское названіе, *жажда*, и отъ того говорит-ся: *сохнетъ, смягнетъ во рту*.

Рускый; а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганїи сами побѣдами нарицуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора: Тїи бо два храбрая Святѣславаица, Игорьъ и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бѣше успилъ отецъ ихъ Святѣславъ грозный Великій Кїевскій. Грозюю бѣшетъ; притрелеталъ своими сильными плѣкы и харалужными меси; наступи на землю Половецкую; притолта хлѣми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а погананаго Кобяка (ъ) изъ

чаль поспигла Русскихъ людей. Князья между собой враждовали, а нечестивые рыская по землѣ Русской, брали дань по бѣлкѣ со двора. Сїи - то два храбрые Святославичи, Игорьъ и Всеволодъ, возобновили злобу, копорую прекрапилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ, Великій Князь Кїевскій. Онъ былъ страшенъ всѣмъ, отъ сильнаго воинства и отъ булапныхъ мечей его всѣ пренешали, наспунилъ онъ на землю Половецкую, припопшалъ холмы и буераки, помушилъ воду въ рѣкахъ и озерахъ, изсушилъ испочники и болопа, а нечестиваго Кобяка изъ луки мор-

(ъ) Коблякъ Князь Половецкій, котораго Великій Князь Святославъ III. въ 1184 году не подалеку рѣки Орла побѣдилъ на сраженїи, взялъ его самаго въ плѣнъ съ двумя сыновьями и съ другими Князьями и семь тысячь войска его

луку (ѣ) моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже: и падеся Кобякъ въ градъ Кіевъ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венецици, ту Греци и Моравя поютъ славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насылаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошѣево (э); уныша бо градомъ забрала, а веселіе понисте. А

ской, изъ средины желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, подобно вихрю, испоргнулъ; и очутился Кобякъ въ городъ Кіевъ во дворцѣ Святославовомъ. Тамъ Нѣмцы и Венециане, тамъ Греки и Моравцы воспѣвають славу Святославу и оуждають Князя Игоря, погрузившаго силу на дно Каялы, рѣки Половецкія, и попопившаго въ ней Русское золото. Тогда Игорь Князь изъ своего золотого сѣдла пересѣлъ въ сѣдло Кошѣево. Уныли въ то время городскія спѣвны, помрачилось веселіе. Святославу же

(ѣ) Лука, кривизна, излучина.

(э) О Кошѣе упоминается въ Исторіи Ташицева Том. III. на стр. 159: что онъ въ 1168 году, когда Великій Князь Мстиславъ II отправился съ войскомъ противъ Половцевъ, перебѣжалъ къ нимъ и предварилъ ихъ о семъ наступленіи.

Святѣславъ (ю) мутенѣ сонѣ
видѣ: въ Кіевѣ на горахѣ си
ночь съ вѣтера одѣвахѣте
мя, рече, трѣбною лалоло-
мою, на кровати тисовѣ.
Чрѣлахуть ми синее вино
съ трудомъ смѣшено; сы-
пахутьми тѣщими тулы
логаныхѣ тльковинѣ вели-
кій жентюгъ на лоно, и
нѣгуютѣ мя; уже дѣскы
безѣ кнѣса вмоемѣ теремѣ
златоврѣсѣмѣ. Всю ночь
съ вѣтера босуви врани
възгряху, у Пльснѣска (я)
на болони (ѳ) бѣша дѣбрь Ки-

худой сонѣ привидѣся:
„на горахѣ Кіевскихѣ въ
ночь сію съ вечера одѣвали
вы меня (онѣ Боярамѣ
разказывалѣ) чернымѣ по-
кровомѣ на песовой кровати;
подносили мнѣ синее вино
съ ядомѣ смѣшанное; сыпа-
ли изѣ пуспыхѣ колчановѣ
на лоно мое крупный жем-
чугѣ въ нечистыхѣ ракови-
нахѣ, и меня нѣжили. На
злаповерхомѣ моемѣ теремѣ
будпобѣ всѣ доски безѣ верх-
ней перекладины; будпобѣ
во всю ночь съ вечера до свѣ-
та вороны каркали, усѣвшисѣ
у Пльнска на выгонѣ въ дѣбри

(ю) Великій Князь Святославѣ III, сынѣ Всеволода II, обладавшій
Кіевомѣ во время случившагосѣ съ Княземѣ Игоремѣ нещастія.

(я) Городѣ Галичскаго Княженія, смежный съ Владимірскимѣ на Во-
лынѣ — Тамш. Часть III. стр. 287 и 288.

(ѳ) Болтинѣ въ крипич. примѣч. на 2 Томѣ Исторіи Кн. Щерба-
пова на стр. 194 и 195 извѣщаетѣ: „Болонѣ значитѣ порожее

саню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣта съ отня стола злата, понскати града Тьмутороканя (v), а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крыльца прилѣшали поганыхъ саблями, а самую олустоша въ лутины желѣзны.

Кисановой, и не полетѣли къ морю синему. „Бояре Князю опвѣчали: „одолѣла печаль умы наши! сонъ сей значить: что слетѣли два сокола съ золотого родительскаго Престола доспаваать города Тьмушаракани, или шлемомъ изъ Дона напишься воды, и что пѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечеспивыхъ, и сами они попались въ опушины желѣзныя,„

„пространство между валомъ, окрепность города составляющихъ, которое служило для выгому скопа, для огородовъ, а „иногда и нѣкоторыя строения бывали тамъ дѣланы, — Въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ выгонная за валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и по нынѣ называется Оболонье.

(v) Тьмушараканское Княженіе до сихъ только поръ состояло въ полной власти и принадлежало Россіи, пока единоначаліе имѣло еще нѣкоторую силу; но какъ скоро междуусобія и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ первопрестольному Кіевскому Князю превзошли мѣру, то Половцы, усилившись отъ сихъ несогласій, завладѣли Тьмушараканью. — Смощри Истор. Исслѣд. о Тьмушараканскомъ Княженіи, печат. въ С. Петербургѣ 1794.

Темно бо бѣ въ 7 день :
 два солнца померкоста,
 оба багряная стлѣла пога-
 соста, и съ нимѣ моло-
 дая мѣсяца, Олегѣ и
 Святѣславѣ тѣмою ся лова-
 локоста. На рѣцѣ на Ка-
 ялѣ тѣма свѣтѣ локрыла:
 по Руской земли прост-
 рошася Половци, аки лар-
 дуже гнѣздо, и въ морѣ
 погрузиста, и великое
 буйство подастъ Хинови.
 Уже снесеса хула на хва-
 лу; уже тресну нужда
 на волю; уже вѣржеса дивѣ
 на землю. Се бо Готскія
 (а) красныя дѣвы вѣслѣ-
 ша на брезѣ синему мо-
 рю. Звоня Рускимѣ златомѣ,
 логотѣ время Бу-

Темно спало на прешій день:
 два солнца померкли, оба ба-
 гряные сполна погасли, а съ
 ними и молодые мѣсяцы, Олегѣ
 и Святославѣ, помрачились.
 На рѣкѣ Каялѣ свѣтѣ въ
 пьму преврапился; рассыпа-
 лись Половцы по Русской зе-
 млѣ, какѣ леопарды изв ло-
 говища выпшедше; погрузили
 въ безднѣ силу Русскую и
 придали Хану ихѣ великое
 буйство. Уже хула превзо-
 шла хвалу; уже насиліе
 возспало на вольность; .
 уже филинѣ спустился на
 землю. Раздаюся пѣ с ни
 Готфскихѣ красныхѣ дѣвицѣ
 по берегамѣ моря синяго.
 Звеня Русскимѣ золотомѣ,
 воспѣваюшѣ онѣ времена Бу-

(а) По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла до-
 ставить Готфскимѣ дѣвамѣ Русское золото, сообразить не
 возможно.

сово, лелѣютъ мечь Шуро-
 роканю (б). А мы уже
 дружина жадни веселѣ.
 Тогда Великій Святславъ
 изрони злато слово слеза-
 ми смѣшено, и рече: о
 моя сыновя Игорю и Все-
 володе! рано еста натала
 Половецкую землю мети
 цеѣлти, а себѣ славы
 искати. Нѣ нечестно одо-
 лѣсте: нечестно бо кровь
 поганую проліясте. Ваю
 храбрая сердца въ жесто-
 цемъ харалузѣ скована,
 а въ бцести закалена. Се ли
 створисте моей сребреней
 сѣдинѣ! А уже не вижду
 власти сильнаго, и богата-
 го и многовои брата моего

совы, славяшѣ мщеніе Шу-
 раканово. А намъ уже, брат-
 цы, нѣшѣ веселѣ! Тогда
 Великій Князь Святславъ
 вымолвилъ золопое слово,
 со слезами смѣшанное: „О!
 „кровные мои, Игорь и Всево-
 „лодѣ! рано вы начали вос-
 „вапъ землю Половецкую, а
 „себѣ славы искапъ. Нечесп-
 „но ваше одолѣніе, не пра-
 „ведно пролипа вами кровь не-
 „прѣпельская. Ваши храбрыя
 „сердца изъ крѣпкаго булапа
 „скованы и въ буйспѣвѣ зака-
 „лены. Сего ли я ожидалъ опѣ
 „васѣ при сребристой сѣ-
 „динѣ моей! Я уже не вижу
 „власти сильнаго, богашаго
 „и многовоинаго брата моего

(б) Кто былъ Бузь, не извѣстно; а о Шуро-
 роканѣ, въ Лѣтописяхъ
 подъ 1107 годомъ упоминаешся что по имени сего Князя
 названъ былъ Половецкій на рѣкѣ Донцѣ городъ, съ котораго
 въ 1111 году Русскіе взяли окупъ. Татищ.: част. II стран. 204.

Ярослава съ Черниговскими былями, съ Могути и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Толтакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тѣмъ бо бесщитовъ съ засаложники кликомъ лѣвки побѣждаютъ, звонятъ въ прадѣдную славу. Нѣрекосте мужамъ-ся сами, прадѣдную славу сами похитимъ, а заднюю сами подѣлимъ. А гдѣ диво ся братѣ стару помолодити? Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птица възбываетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло Княжеми не пособіе; на нѣсея години обратиша. Се Уримъ (е) кричатъ подъ саблями Половецкими, а

„Ярослава съ Черниговскими „Боярами, съ Могутиами и съ „Татранами, съ Шелбирами „и съ Топчаками, съ Ревугами „и съ Ольберами. Они безъ „щитовъ съ кинжалами, од- „нимъ крикомъ побѣждаютъ „войска, гремя славою пра- „дѣдовъ. Не говорятъ они, „мы де сами предспящую „славу похитимъ, а про- „шедшею съ другими подѣ- „лимся. Но мудрено ли, браш- „цы, и спарому помолодѣшь? „Когда соколъ перелиняетъ, „погда онъ птица высоко „загоняетъ и не дастъ въ „обиду гнѣзда своего. Но по „бѣда, что мы Князя не въ „пособіе; время все переиначи- „ло„. Уже кричатъ Уримъ подъ саблями Половецкими, а

(е) Одинъ изъ Воеводъ, или изъ союзниковъ Князя Игоря, въ семъ сраженіи участвовавшій.

Володиміръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову (г). Великій Княже Всеволоде (д)! не мыслю ти прелетѣти издаlega, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскролити, а Донъ шеломи выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногашѣ, а Кощей (е) по резанѣ (ж). *Володиміръ подъ рапами. Горе и печаль сыну Глѣбову! О великій Князь Всеволодъ! почпо не помыслишь шы прилешѣшь издаlesка для защишы опеческаго волопаго Преспола? Ты можешъ Волгу веслами разбрызгашъ, а Донъ шлемами вычерпашъ. Когда бы шы здѣсь былъ, шобъ были Чага по ногашѣ, а Кощей по резани. Ты можешъ*

(г) Кого сочинилъ сѣи поэмы разумѣть подъ именемъ сына Глѣбова, рѣшительно сказать нельзя; ибо изъ современниковъ сему происшествію сымовья, отъ Князей Глѣбовыхъ рожденные, была: *Владиміръ*, сынъ Князя Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславѣ; *Ростиславъ*, сынъ Князя Глѣба Всеславича, княжившаго въ Полодкѣ; *Романъ*, сынъ Князя Глѣба Ростиславича, княжившаго въ Рязанѣ.

(д) Сіе относится къ Великому Князю *Всеволоду III* сыну Князя *Ольга Святославича* Тмушараканскаго.

(е) О *Кощей* предъ симъ уже упомянуто; а *Чага* уповашелно поже чпо и *Контакъ* Князь Половецкій (о коемъ ниже упомянется) уменьшительнымъ либо презрительнымъ именемъ названный.

(ж) *Ногата* ходячая монета, коихъ въ кумѣ было 4, а въ гривнѣ кунами 80. — *Рязань* шакже самая мѣлкая монета изъ ходячихъ, и по соображенію кажется состояла ихъ въ векошѣ 4, а векошей въ ногашѣ 2. — *Правда Русская* стр. 18.

Ты бо можеша посуху живыми шерширы (з) стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюрице и Давыде (и), не вая ли златыми шеломи по крови плаваша? Не вая ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступилъта Господина въ злата стремя за обиду сего

на сухомѣ пуши живыми шерширами стрѣляшь чрезъ удалыхъ сыновѣ Глѣбовыхъ. Овы храбрые Рюрикѣ и Давидѣ! Не ваши ли позлащенныя шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаеть, подобно волаиѣ израненымѣ саблями булашными въ полѣ незнамомѣ? Вспуните, Государи, въ свои злапыя спремена за обиду сего времени, за

(з) Неизвѣстный уже мѣшѣ воинскій снарядѣ. Можеть бышь, родѣ пращи, кошорою камня мѣшали, или какое либо огнестрѣльное орудіе; ибо въ Лѣтописяхъ сего времени упоминается: „чшо въ 1185 году *Контакъ* Князь Половецкій собравъ войско великое, пошелъ на предѣлы Русскіе, имѣя съ собою мужа умѣющаго стрѣлять огнемѣ, у коего были самострѣльные пуги шакѣ велики, чшо едва восемь человекѣ могли нашьгивать, и укрѣпленіе былѣ на возу великомѣ, чемѣ онѣ могѣ бросать и каменія въ средину града въ подѣемѣ человекѣ: а для мешанія огня имѣлъ особый малѣйшій возъ. — *Татищ.* Часпѣ III. стр. 259.

(и) Современные сему происшествію Князя Рюрикѣ и Давыдѣ виновья Великого Князя *Ростислава Мстиславата.*

времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, бугега Святславита! Галицкы Осмомысль Ярославъ (і) высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подлерѣ горы Угорскыи своими желѣзными плѣкы, заступивѣ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, мета времени трезѣ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣлявши сѣ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Консакъ, логаного Кощеля за землю Русскую, за раны Игоревы бугега Святславита.

землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святславита. А пы Осмомысль Ярославъ Галицкій! высоко седишь на своемъ златокованномъ Престолѣ. Ты подперѣ горы Венгерскія своими полками желѣзными, пы заградилѣ пущѣ Королю, пы заповорилѣ Дунаю вороша, бросая пягоспи чрезѣ облака, и проспирая власпѣ свою до той рѣкы! Грозное имя пвое разнеслось по всѣмъ землямъ; опверзѣ пы тебѣ пущѣ къ Кіеву, спрѣляешѣ пы сѣ опеческаго золопатаго Престола на Солпановѣ въ земли дальнія. Спрѣляй, о Государь! въ Консакъ и въ невѣрнаго Кощеля за землю Русскую, за раны храбраго Игоря Святславита.

(і) Князь Ярославъ, сынъ Князя Владиміра Володарича Галичскаго.

*А ты буй Романе и Мсти-
славе (к)! храбрая мысль
носитъ васъ умъ на дѣло.
Высоко плаваешь на дѣло
въ буети, яко соколъ на
вѣтрехъ ширяясь, хотя
птицю въ буйстве одо-
лѣти. Суть бо у васю*

А вы, о храбрые *Романъ* и *Мстиславъ!* ваша мысль швер-
дая возноситъ умъ на под-
виги. Вы отважно возвышае-
тесь въ предпріятыяхъ сво-
ихъ подобно соколу, на вѣп-
рахъ ширяющемуся и къ одо-
лѣнію птицы быспро спре-
мяющемуся. У васъ лапы

(к) Великій Князь *Романъ*, сынъ Великаго Князя *Роспислава* *Менши-
славича*. Сей Князь въ 1173 году, въ продолженіе войны своей
противъ *Литвы*, такой страхъ и опустошеніе распространилъ
шамо, что никто не смѣлъ противостать ему. *Литовцы* бѣ-
гая отъ него, укрывались въ дѣсахъ. По возвращеніи изъ по-
хода своего, множество плѣнныхъ роздалъ онъ по селамъ въ
работы и приказалъ ими пахать. Отъ сего произошла въ *Лит-*
вѣ пословица: *зле, Романе! робишь, то Литвиномъ орешъ.*
Татищ. Частъ III. стр. 185.

Подъ именемъ же *Мстислава* здѣсь разумѣть должно Князя
Мстислава Ростиславита, роднаго брата вышепомянутому Кня-
зю *Роману*. Онъ равномѣрно явилъ опыты храбрости своей про-
тивъ Великаго Князя *Андрѣя Юрьевича Боголюбскаго*. Ибо оса-
жденъ будучи въ *Вышеградъ* многочисленнымъ войскомъ и на-
ходясь въ крайней опасности, шакъ благоразумно и отважно
принялъ свои мѣры, что войско непріятелей своихъ, въ кошо-
ремъ находилось до двадцати союзныхъ Князей, разбилъ и
прогналъ.

жельзыны палорзи подѣ
шеломы латынскими.
Тѣми тресну земля,
и многи страны Хи-
нова. Литва, Ятвязи, Де-
ремела, и Половци сули-
ци своя поврѣгоща, а гла-
вы своя поклониша подѣ
тым мети харалужным.
Нѣ уже Княже Игорю, утр-
лѣ солнцю свѣтѣ, а древо
не бологомѣ листвѣ срони:
по Роси, по Сули гради
подѣлиша; а Игорева хра-
браго плѣку не крѣсити.
Донѣ ти Княже клисетѣ,
и зоветь Князи на побѣ-
ду. Олговити (л) храб-
рыи Князи дослѣли на
брань. Ингварь и Всево-
лодѣ, и вси три Мстисла-
вити (м), не худа гнѣзда

жельзыны подѣ шлесами Ла-
шинскими. Попрядася олъ
нихѣ земля, и многія спра-
ны Ханскія. Липва, Яшва-
ги, Деремела и Половцы по-
вергнувъ свои копыя, под-
клонили свои головы подѣ
тѣ мечи булашныи. Но для
Князя Игоря помрачилася уже
свѣтѣ солнечный; не олъ до-
бра опали съ деревѣ листы.
По Роси и по Сулѣ города въ
раздѣлѣ пошли; а Игореву
храброму полку не воскресну-
ти! О Князь! Донѣ тебѣ кли-
чепѣ и Князей на побѣду созы-
васпѣ. Храбрыи Князи Ольго-
вити на брань поспѣшили.
Ингварь и Всеволодѣ, и всѣ
шрое Мстиславити, не худаго

(л) Князь, олъ Князя Ольга Святославита поколѣнѣ свое
ведуще.

(м) Потомки Великаго Князя Мстислава Владиміровича, Моно-
махова сына. У Мстислава было пять сыновей.

шестокрилицъ, нелобѣдными жребіи собѣ власти расхытитисте? Кое ваши златыи шеломи и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы бугею Святѣславлята. Уже бо Сула не тететь сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ тететь онымъ грознымъ Положаномъ подъ кликомъ логаныхъ. Единъ же Изяславъ (н) сынъ Васильковъ позвони своими острыми мекти о шеломи Литовскія; притрела славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ трѣблеными щиты на кро-

гнѣзда шестокрилицы, не побѣдашиль жребій власпи вы себѣ доставили? Къ чему же вамъ золотыи шлемы, копья и щипшы Польскіе! Заградите въ поле воропта стрѣлами своими острыми, вспупишесь за землю Русскую, за раны храбраго Игоря Святославлята. Уже Сула не печеть сребриспыми струями къ городу Переяславлю; Двина уже болотомъ печеть къ тѣмъ грознымъ Положанамъ при восклицаніи нечестпивыхъ. Единъ только Изяславъ сынъ Васильковъ позвенѣлъ своими острыми мечами по шлемамъ Липовскимъ; помрачилъ славу дѣда своего Всеслава, и самъ подъ багрянными щипшами на

(н) О бѣдственной участи Князя Изяслава лѣтописатели Русскіе умолчали.

вавѣ травѣ притреланѣ
 Литовскыи мѣси. И схо-
 ти ю на кровать, и рекѣ:
 дружину твою, Княже,
 птиць крылы пріодѣ, а
 звѣри кровь полизаша. Не
 бысь ту брата Брягясла-
 ва, ни другаго Всеволода;
 единѣ же изрони жемтю-
 жну душу изъ храбра
 тѣла, тресѣ злато оже-
 реліе. Унылы голоса, по-
 ните веселіе. Трубы тру-
 бятѣ Городеньскіи. Яро-
 славе, и вси внуце Все-
 слави (о) уже пони-
 зить стязи свои, сонзить
 свои мѣти сержени; уже
 бо выскочисте изъ дѣдней

окровавленной травѣ погибѣ
 опѣ мечей Липовскихѣ. На
 семѣ - по одрѣ лежа, произ-
 несѣ онѣ: „Дружину пвою,
 „Князь, ппицы пріодѣли
 „крыльями, а звѣри кровь
 „полизали„. Не было шупѣ
 брашьевѣ ни Брягислава, ни
 Всеволода; онѣ одинѣ испу-
 спилѣ жемчужную свою ду-
 шу чрезѣ золотое ожерелье
 изъ храбраго тѣла. Уныли
 голоса; поникло веселіе. За-
 трубили трубы Городеньскія.
 О Ярославе и всѣ внуки Все-
 славы! пеперь приклоните
 вы свои знамена, вложите въ
 ножны мечи ваши поврежден-
 ные; далеко уже опспали вы

(о) Много было внуковѣ Всеславовыхѣ: *Розвальдѣ* сынѣ Князя
 Бориса Всеславица, имѣвшій удѣлѣ въ Полоцкѣ. *Володарѣ* и
Ростиславѣ, сыновья Галѣа Всеславица: первый шакѣ же удѣломѣ
 въ Полоцкѣ пользовался, а другой въ Минскѣ. *Брягиславѣ* сынѣ
 Князя Метислава Всеславица, и *Всеславѣ* сынѣ Князя Давыда
 Всеславица.

славѣ. Вы бо своими крамолами нагясте наводити поганых на землю Русскую, на жизнь Всеславу. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ Трояни ерже Всеславъ жребій о дѣвицѣ себѣ любу. Тѣи клюками подпрѣся о кони, и скоти кѣ граду Києву, и дотгеса стружѣмъ злата стола Киевскаго. Скоти отъ нихъ лютымъ зѣремъ въ плѣноги, изъ Бѣла-града, обѣсиа синѣ мьглѣ, утрѣ же возни стрікусы (л) оттвори врата Носу-граду, разшибе славу Ярославу, скоти вѣдкомъ до Немиги и сѣ Дудутокѣ.

отъ славы дѣда вашего. Вы своими крамолами начали наводити невѣрныхъ на землю Русскую, на жизнь Всеславу. Былоль какое насиліе отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Трояномъ жепнулъ Всеславъ жребій о шилой ему дѣвицѣ. Онъ подпершися клюками сѣлъ на коней, поскакалъ кѣ городу Киеву и коснулся древкомъ копья своего до золотаго преспола Киевскаго; попомъ побѣжалъ онъ лютымъ зѣремъ въ полуночи изъ Бѣла-города, закрывшись мглою синюю; по упру же вонзивъ спрікусы, отворилъ онъ воропа Новгородскія, попралъ славу Ярослава, и сѣ Дудутокѣ пуспился какъ волкъ до Немиги.

(л) По смыслу рѣчи стрікусы не иное что какъ стѣннобитное орудіе, или родъ шарама, при осадѣ городскихъ воропъ улощребляемаго.

На Немизѣ (р) снолы спелюшѣ головами, молотятѣ гели харалужными, на тоцѣ животѣ кладутѣ, сѣютѣ душу отѣ тѣла. Немизѣ кроваси брезѣ не бологомѣ бяхутѣ лосѣяни, лосѣяни костьми Рускихѣ сыновѣ. Всеславѣ Князь людемѣ судяше, Князьмѣ грады рдяше, а самѣ въ ночь вѣлкомѣ рыскаше; изѣ Кыева дорискаше до Курѣ Тмутороканя; великому хрѣсови вѣлкомѣ луть прерыскаше (с). Тому вѣ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Святыя Софѣи вѣ колоколы: а онѣ вѣ Кыевѣ звонѣ слыша. Аще и вѣща душа

На Немегѣ вѣбсѣно снеговѣ спелюшѣ головы, молоплатѣ цѣпями булапными, на покѣ жизнь кладушѣ, и вѣюшѣ душу отѣ тѣла. Окровавленныя Немигскіе берега не былія были засѣяны, засѣяны костьми Русскихѣ сыновѣ. Князь Всеславѣ людемѣ судилѣ, Князьмѣ города раздавалѣ, а самѣ по ночамѣ какѣ волкѣ рыскалѣ изѣ Кіева до Курска и до Тмуторокани. Для него вѣ Полоцкѣ рано позвонили вѣ колокола кѣ заупрени у Святой Софѣи: а онѣ вѣ Кіевѣ звонѣ слышалѣ. Хопя и мудрая была душа вѣ неупоминомѣ

(р) Немиза, что нынѣ Немень, между Мимска и Полоцка. — Татищ. II. Часн. III стр.

(с) Не вразумительно.

еѡ друзѣ тѣлѣ, нѡ тастѡ
бѣды страдаше. Тому вѣ-
щей Боянѣ и прѣвое при-
пѣву смысленый рече:
ни хытру, ни горазду,
ни птицю горазду, суда
Божіа не минути (т). О!
стонати Руской земли,
помянувшѣ прѣвзую годи-
ну, и прѣвыхѣ Князей.
Того стараго Владиміра
не лъзѣ бѣ пригвоздити къ
горамѣ Кіевскимѣ: сего бо
нынѣ сташа стязи Рюри-
ковы, а друзіи Давидовы;
нѣ рози носл имѣ хоботы
лашутѣ, коліа лютѣ на
Дунаи.

Ярославни нѣ
гласѣ слышитѣ: зег-
зицею не знаемъ, ра-
но кытеть: поле-

его тѣлѣ, но онѣ часто
онѣ бѣдѣ спирадалѣ. Для та-
кихѣ-то мудрый Боянѣ изда-
вна соспавилѣ сей разумный
припѣвѣ: „какѣ бы кто
„хипрѣ, какѣ бы кто уменѣ
„ни былѣ, хоть бы пшицей
„лшалѣ, но суда Божіа не
„минешѣ,, О! спонашь шебѣ,
земля Русская, вспоминая
прѣннія времена и прѣнихѣ
Князей своихѣ. Спараго Вла-
диміра не лъзя было прико-
вашѣ къ горамѣ Кіевскимѣ.
Теперь знамена его доста-
лись одни Рюрику, а дру-
гій Давыду; ихѣ носяшѣ на
рогахѣ, вспахивая землю;
копья же на Дунаѣ сла-
вяхся.

Ярославни нѣ голосѣ
слышишся; она, какѣ ос-
павленная горлица, по уп-
рамѣ воркуешѣ: „полечу

(т) Вѣроятно что сей припѣвѣ подлинникомѣ внессѣ сюда изѣ
Бояновыхѣ пѣсней.

стю, рече, зегзицею по Дунави; омогю бобрянѣ рукавѣ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавья его раны на жестоцѣмѣ его тѣлѣ. Ярославна (у) рано платеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркути: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мытеши Хиновскыя стрѣлки на своего не трудною крилицю на моя лады вон? Мало ли ти бяшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣюти корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано платеть Путивлю городу на заборолѣ, аркути: о Днелре

„я, говоритѣ, горлицею „по Дунаю, обмочу бобр-
 „ровой рукавѣ въ рѣкѣ Кая-
 „лѣ, обопру Князю крова-
 „вья раны на твердомѣ его
 „тѣлѣ, „Ярославна по утру
 плачетѣ въ Путивлѣ на го-
 родской стѣнѣ приговаривая:
 „О вѣтерѣ! вѣприло! къ че-
 „му ты такѣ сильно вѣеши?
 „къ чему навѣвашѣ легкими
 „своими крылами Хиновскія
 „стрѣлы на милыхѣ мнѣ вой-
 „новѣ? или мало шебѣ горѣ
 „подѣ облаками? Развѣвай ты
 „памо, лелѣя корабли на си-
 „немѣ морѣ! Но за что развѣ-
 „даль ты, какѣ праву ковыль,
 „мое веселіе? „Ярославна по
 утру плачетѣ, и сидя на го-
 родской стѣнѣ въ Путивлѣ
 приговариваетѣ: „О славный
 „Днѣпрѣ! ты пробилѣ горы

(у) Супруга Князя Игоря Святославича, дочь Князя Ярослава Владиміровича Галичскаго.

*вловутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ з е м л ю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова : вѣзлелѣй господине мою ладѹ къ мнѣ , а быхъ неслала къ нему слезѣ на море рано. Ярославна рано платетѣ къ Путивлѣ на забралѣ, аркути: свѣтлое и тресвѣт-
лое слѣнце ! всѣмѣ теп-
ло и красно еси : темѹ господине простре горя-
тую свою лугю на ладѣ
вои ? вѣ полѣ безводнѣ жа-
ждею имѣ луги сѣлря-
же , тугю имѣ тули
затге.*

*Прысну море полунощи;
идутѣ сморци мѣглами ;
Игореви Князю Богѣ путь
кажетѣ изѣ земли Поло-
вецкой на землю Рускую,*

„каменныя сквозѣ з ем л ю По-
ловецкую; пы носилѣ на се-
„бѣ Святослововы военныя
„суда : до спану Кобякова:
„принеси же и ко мнѣ моего ми-
„лаго, чпобѣ непосылапѣ мнѣ
„къ нему слезѣ своихѣ по уп-
„рамѣ на море.„ Ярославна
плачешѣ поушру вѣ Путивлѣ,
и сидя на городской спѣнѣ
приговариваетѣ : „О свѣшное
„и пресвѣшное солнце ! для
„всѣхѣ пы тепло и красно :
„но къ чему пы такѣ уперло
„знойныя лучи свои на милыхѣ
„мнѣ воиновѣ? Кѣ чему вѣ полѣ
„безводномѣ, муча ихѣ жаж-
„дою, засушило ихѣ луки, и
„къ гореспии колчаны ихѣ за-
„крѣпило ?„

Взволновалось море вѣ по-
луночи; мгла сполбомѣ поды-
маешся; Князю Игорю Богѣ
путь кажетѣ изѣ земли Поло-
вецкой вѣ землю Русскую,

кѣ отню злату столу.
 Погасоша ветеру зари:
 Игорь слитѣ, Игорь бдитѣ,
 Игорь мыслию поля мѣ-
 ритѣ отъ великаго Дону
 до малаго Донца. Кожонъ
 въ полуночи. Овлурѣ (ф)
 свисну за рѣкою; велитъ
 Князю разумѣти. Князю
 Игорю не бытъ: кликну
 стукну земля; въшумѣ
 трава. Вежи ся Половецкѣи
 подвизашася; а Игорьъ
 Князь лоскоги горнастаемѣ
 кѣ тростію, и бѣлымѣ

кѣ золотому престолу опѣче-
 скому. Погасла заря вечерня;
 Игорь лежитѣ, Игорь не
 спитѣ, Игорь мысленно из-
 мѣряетѣ поля отъ великаго
 Дона до малаго Донца. Кѣ по-
 луночи приготовленѣ конѣ.
 Овлурѣ свиснулѣ за рѣкою,
 чтобѣ Князь догадался. Кня-
 зю Игорю тамо не бытъ.
 Заснонала земля, зашумѣла
 трава; двинулись заспавы
 Половецкѣя, а Игорьъ Князь
 горностаемѣ побѣжалѣ кѣ
 тростнику, и бѣлымѣ

(ф) Въ Россійскихъ лѣтописяхъ онѣ названѣ *Лаверь*, чиновникѣ Половецкѣй; его мать была Русская. Когда *Лаверь* здѣлалѣ предложеніе Князю Игорю способствовать ему въ побѣгѣ, то онѣ сперва не понадѣялся на него; но послѣ будучи удостовѣренѣ отъ конюшаго своего и отъ Тысяцкаго въ честности и распорочности его, согласился уйши съ нимѣ. И такѣ въ назначенный день Игорьъ напоилѣ до пьяна приславденную кѣ нему спражу, когда всѣ погружены были въ крѣпкомѣ снѣ, прошелѣ шихо чрезѣ Половецкѣя заспавы, и переплыѣ чрезѣ рѣку, усклакалѣ на приготоваденномѣ ему отъ *Лавера* конѣ. *Тамъицъ*. Часть III стр. 270.

гоголемъ (х) на воду; еврѣжеся на вбрѣзъ комонь, и скоки съ него бо-сымъ елѣкомъ, и потете къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мьглами избивая гуси и лебеди, застроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорьъ соколомъ полетѣ, тогда Влурѣ вѣлкомъ потете, труся собою студеную росу; претрѣвоста бо своя брѣвая комоня. Донецѣ рече: Княже Игорю! не мало ти величїя, а Контаку не-любїя, а Руской земли ве-селїя. Игорьъ рече, о Дон-те! не мало ти величїя,

гоголемъ пуспился по водѣ. Онѣ помчался на борзомъ конѣ, и скочивѣ съ него бо-сымъ волкомъ побѣжалѣ къ лугу Донецкому; летѣлѣ соколомъ подѣ облаками, побивая гусей и лебедей къ завпраку, къ обѣду и къужи-ну. Когда Игорьъ соколомъ полетѣлѣ, тогда Овлурѣ (Лаверѣ) волкомъ побѣжалѣ, опряся съ себя росу хо-лодную; ибо упомили они своихъ борзыхъ коней. „О! „Князь Игорьъ!“, вѣщаешѣ ему рѣка Донецѣ, „не мало для „шебя славы, для Контака „досады, а для Русской зе-„мли веселїя.“, Игорьъ вѣ оп-вѣшѣ къ рѣкѣ сказалѣ: „О „Донецѣ! не мала и для

(х) Красивая ушка съ хохломъ, питающаяся раковинами, за ко-торыми она опмѣнно предѣ прочими ныряешѣ.

лелѣвшу Князя на влѣ-
нахъ, стлавшу ему зе-
лѣну траву на своихъ
сребренныхъ брезѣхъ, одѣ-
вавшу его теплыми мѣла-
ми подъ сѣнію зелену дре-
ву; строжаше е гоголемъ
на водѣ, тайцами на стру-
яхъ, Чрънядьми на вет-
рѣхъ. Не тако ли, рече, рѣ-
ка Стугна худу струю
имѣя, пожрѣши тужи ру-
чьи, и стругы ростре на кус-
ту? Уношу Князю Ростиславу
затвори Днѣлрѣ тем-
нѣ березѣ. Платется мати
Ростислава (ц) по уноши
Князи Ростиславѣ. Уныша

„тебя слава, нося Князя по
„волнамъ своимъ, постилая
„ему зеленую траву на сво-
„ихъ сребристыхъ бере-
„гахъ, одѣвая его теплыми
„иглами подъ сѣнью дере-
„ва зеленого, и охраняя его
„какъ гоголя на водѣ, какъ
„чайку на струяхъ, какъ,
„Чернядей на вѣтрахъ. Не
„пакова, приимилъ онъ,
„рѣка Спугна! Она пагуб-
„ными струями пожираетъ
„чужія ручьи, и разбиваетъ
„спруги у кустовъ.,,
Юному Князю Ростиславу
запворилъ Днѣлрѣ берега
темныя. Плачешся мати
Ростиславова по юномъ
Князѣ Ростиславѣ. Увяли

(ц) Юный Князь Ростиславъ сынъ Великаго Князя Всеволода I и Великія Княгини Анны, дочери Половецкаго Князя уношулъ на рѣкѣ Стугнѣ 1093 года, когда тамъ разбишы были Россійскія войска ошъ Половцевъ.

цѣбты жалобою, и древо стугою кѣ земли прѣкло-нило, а не сороки втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакѣ съ Контакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сороки не троскоташа, полозию ползоша только, дятлове тектомъ путь кѣ рѣцѣ кажутъ, соловьи веселыми лѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Млѣситъ Гзакѣ Контакъ: аже соколѣ кѣ гнѣзду летитъ, соколига рострѣлевѣ своими златеными стрѣлами. Рече Контакѣ ко Гзѣ: аже соколѣ кѣ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца олутаевѣ красною дивлицею (т). И рече

цѣбты отъ жалости, преклонились кѣ землѣ деревья отъ печали. Не сороки спрекочутъ, ѣздитъ по слѣдамъ Игоревымъ Гзакѣ и Контакѣ. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не спрекопашали, но двигались пошько по сучьямъ; дятлы долба, кѣ рѣкѣ путь показывали; соловьи веселымъ пѣнѣмъ свѣтъ повѣдали. Молвилъ Гзакѣ Контаку: „когда соколѣ кѣ гнѣзду лепитъ, „по мы разспрѣляемъ соколѣнка позолочеными своими „спрѣлами., Контакѣ Гзаку отвѣщспвовалъ: „еспыли „соколѣ кѣ гнѣзду полѣпѣль, „по мы опускаемъ „соколига красною дѣвицею., Вѣ отвѣщъ на сіе

(т) Сіи слова Половецкихъ Книзей касались до Игоревѣ сына Князя Владиміра, которой оставался еще у нихъ вѣ полону. Онѣ

Гзакъ къ Контакѣ : *аще его олутаетъ красною дѣвицею , ни нама будетъ соколица , ни нама красны дѣвице , то логнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомѣ .*

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля лѣтворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти : *тяжко ти головы , кромѣ плещю ; зло ти тѣлу , кромѣ головы : Руской земли безъ Игоря . Солнце свѣтитъ на небесѣ , Игорь Князь въ Руской земли . Дѣвици логутъ*

Гзакъ сказалъ Контаку : *„когда его опушаемъ красною „дѣвицею , по не будетъ у „насъ ни соколика , ни красной „дѣвицы , и спанутъ насъ „бить пшпцы въ полѣ По „ловецкомѣ .*

Сказалъ сѣ Боянъ , и о походахъ , воспѣпыхъ имъ въ прежнія времена Князей Святослава , Ярослава и Ольга симъ кончилъ : *„тяжело „быть головѣ безъ плещь ; „худо и шѣлу безъ головы : „а Русской землѣ безъ Иго „ря .“* Свѣпитъ Солнце на небѣ : *Игорь Князь уже въ Русской землѣ .* Поютъ дѣвицы на Дунаѣ ; раздаются

влюбился шамъ въ дочь Князя Кригана , и когда Половцы освободили его , по онъ привезши ее въ Россію , крестилъ и съ дитяпю , и назвавъ Свободою , обвѣнчался съ нею . *Татищ . Книга III . стр . 283 .*

на Дунаи. Вьются голоса голоса ихъ чрезъ море до
 трезъ море до Кіева. Кіева. Игорь ѣдетъ по
 Игорь ѣдетъ по Боригеву Боригеву къ Пресвятой
 (ш) къ Святѣй Богороди- Богородицѣ Пирогощей.
 ци Пирогощей (щ). Страны

(ш) Урочище въ самомъ городѣ Кіевѣ находящееся, по свидѣтельству *Нестора*. Было оно на горѣ къ Подолу на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоить церковь *Андрея Первозваннаго*, или близъ оной. Тутъ *Владиміромъ* поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перунъ. Прежде красивое сіе мѣсто было внѣ града, и пространство между кумиромъ и Кіевомъ помѣщало множество народа для торжественныхъ жертвоприношеній спекавшагося. На сей площади былъ шеремный дворецъ Велико-княжескій. Подъ самую горою *Дибльръ* прежде имѣлъ свое шеченіе, но по времени столько занесло оной пескомъ, что построено шупъ цѣлое предмѣстіе, *Подоломъ* нынѣ называемое. — См. *Татищ.* Кн. II стр. 36.

(щ) Образъ *Владимірской* Богородицы, который нынѣ въ *Успенскомъ* Соборѣ въ *Москвѣ* возлѣ царскихъ вратъ на лѣвой сторонѣ въ кіопѣ. Его въ древности *Богородицею Пирогощею* называли по тому, что изъ *Царя-града* привезенъ былъ въ Кіевъ гостемъ, прозывавшимся *Пирогощею*. Великій Князь *Андрей Юрьевичъ Боголюбскій* въ 1160 году взялъ сію Святую икону отъ отца своего Великаго Князя *Юрѣя Владиміровича* и перенесъ оную въ новопостроенный тогда на *Клязмѣ* городъ *Владиміръ*: въ *Москву* же оная принесена въ 1395 году, и съ тѣхъ поръ уже именуется *Владимірскою*. *Татищ* Томъ III-стр. 97 и 127. и въ примѣчаніяхъ стр. 487.

ради, гради весели, лѣвше
лѣснь старымъ Княземъ,
а по томъ молодымъ.
Пѣти слава Игорю Святъ-
славлицѣ. Буй туру Все-
володѣ, Владиміру Иго-
ревицу. Здрави Князи и
дружина, побаря за
христьяны на поганья
плѣки. Княземъ слава,
а дружинѣ Аминь.

Радость въ народѣ, веселье
въ городахъ. Воспѣша
лѣснь Князьямъ старымъ,
а попомъ молодымъ. Пѣша
слава Игорю Святославиту,
богатырю Всеволоду и Вла-
диміру Игоревиту. Да
здравспвуютъ Князи и ихъ
дружина, побаря за христі-
янѣ на воинство невѣрныхъ!
Слава Князьямъ и дружинѣ !

К О Н Е Ц Ъ .

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Реконструкция

Ю. Свѣтнев,
О. Гринѣва

Не лѣпо ли ны вѣшетъ, братиѣ, начяти старыми словесы
трѣдныхъ повѣстїи о плъку Игореве, Игоря Святославлича!

Начати же ся тѣй пѣсни по вылинамъ сего времени,
а не по замышленїю бояню. Боянъ во вѣщїи, аще кому хотя-
ше песнь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ
вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ
боречь пѣрвыхъ временъ ѹсовїце: тогда пущашетъ І соколовъ
на стадо леведѣй, который дотечаше та преди пѣсь пояше ста-
рому Ярославу, храврому Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ
плъкы косожскими, красному Романови

Святъславличу боянъ же, братиѣ, не І соколовъ на стадо
левѣдей пущаше, нъ своя вѣщїа прѣсты на живая струны
вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

* * *

Почнемъ же, братїѣ, повѣсть сїю отъ стараго Владимира
до нынѣшняго Игоря, иже истягну ѹмь крѣпостью своею и по-
остри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго дѹха,
наведе своя храврыя плъкы за землю Половѣцькѹю на землю
Рѹськѹю.

О, бояне, соловію стараго времени! Абы ты сїа плъки ѹщекоталъ,
скача славїю по мыслену древу, летая ѹмомъ подъ обла-
кы, свивая славы оваполы сего времени. Рища въ тропу Трояню
чресъ поля на горы, пѣти было пѣсь Игореви, того в нѹку: Не
бѹря соколы занесе чрезъ поля широкая — галици стады вѣжатъ
къ Дону великому. Чи ли вѣспѣти было вѣщей бояне, Велесов
внѹче: Комони ржѹтъ за Сѹлою, звенить слава въ Києвѣ!

Трѹбы трѹбятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Пѹтивлѣ — Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

И рече ему Бѹй Тѹръ Всеволодъ:

— Одинъ братъ, одинъ светъ светлый ты, Игорю! Ова есвѣ Святъславличя. Сѣдлай, брате, свои бѣрзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани ѹ Кѹрьска напередѣ. А мои ти кѹряни свѣдоми къ метѣ, подѣ трѹбами повити, в шеломахъ възлелѣяни, конецъ копѣя въскрѣмлени. Пѹти имъ вѣдоми, ярѹгы имъ знаѣми, лѹци ѹ нихъ напряжени, тѹли отворени, сабли изѣострени... Сами скачѹтъ, аки сѣрыи влѣци въ полѣ, ищѹчи себе чти, а князю славѣ.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тѣмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дрѹжинѣ своей:

— Братѣе и дрѹжино! Лѹце жѣ бы потятѹ быти, неже полоненѹ быти. А всядемъ, братѣе, на свои бѣрзыи комони да позримъ синего Донѹ!

Спала князю ѹмъ по хотѣи, и жадость ему знаменѣе застѹпи:

— Искѹсити Донѹ великаго хошѹ бо, — рече, — копѣе приломити конецъ поля половецкаго съ вами, рѹсици! Хошѹ главѹ свою приложити, а любо испити шеломомъ Донѹ.

Тогда вѣстѹпи Игорь-князь въ златъ стѣмень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тѣмою пѹть застѹпаше; ношѣ стонѹщи ему грозою, птичь ѹбѹди свистѣ, звѣринъ вѣста зви. Дивѣ кличетъ врѣхѹ древа — велитъ послушати земли незнаемѣ: влѣзѣ и по морѣю, и по Сѹлѣю, и Сѹрожѹ, и Корсѹню, и тебѣ, тѣмѹтораканьскый блѣванъ!

И полци неготовыми дорогами повѣгоша къ Донѹ великому. Крычатъ телегы по лѹношѣ, рѣцы лебѣди распѹщени — Игорь къ Донѹ вон ведетъ. ѹже бо бѣды его пасетъ птиць по добѣю, влѣци грозѹ вѣсрожатъ по ярѹгамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовѹтъ, лисици брешѹтъ на чрѣленыя щиты.

О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!

Дълго ночь меркнетъ. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славий үспе, говоръ галичъ үбүди... Русичи великая поля чръленими щиты прегородиша, ищүчи себѣ чти, а князю славы...

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетело! Не было онъ обидѣ порождено ни соколү, ни кречетү, ни тебѣ, чръный воронъ!

Съ заранія въ пяткѣ потопташа поганыя плѣкы половецкыя, и рассүшыся стрѣлами, по полю помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними золото, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орытмами, и япончицами, и кожүхы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими үзорочьи половецкыми...

Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стрүжіе — храбромү Святославличю!

Поганый половчин Гзакъ вѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ емү слѣдъ править къ Донү великомү.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя түчя съ моря идүтъ, хотятъ прикрыти Бога солнца, а въ нихъ трепещүтъ синій мльній. Быти громү великомү! Итти дождю стрѣлами съ Донү великаго! Тү ся копіемъ приламати, тү ся саблямъ потрүчяти о шеломя половецкыя, на рѣцѣ, на Каялѣ, ү Донү великаго.

О Руская землѣ, уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, стривожни внүци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы. Земля түтнетъ, рѣкы мүтно текүтъ, пороси поля прикрывають. Стязи глаголютъ: половеци идүтъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, рускыя плѣкы обстүпиша. Дѣти вѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрїи русици преградиша чръленими щиты.

Яръ түре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеси на вон стрѣлами, гремлєши о шеломы мечи харалужными! Камо түрѣ поскочаше, свонмъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, яръ түре Всеволоде! Кая раны, дорога братїе, забывѣ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола и своя милыя хоти — красныя Глебовны.

Свычай и обычая были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя — тѣйво Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣли по земле сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ градѣ Тъмүтороканѣ — то же звонъ слыша давный великий Ярославль сынъ, а Всеволожь Владимірѣ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.

Бориса же Вячеславлича слава на судѣ приведе и на кан ину — зелену — паполому постла за обиду Олгову, хравра и млада князя...

Съ тоя же каял и Святюплъкъ повелѣя отца своего между угорским, и иноходцы ко святѣй Софїи къ Кїеву тогда приползѣ.

Гориславличи сѣяшется и растяшеть үсовницами, погнбашеть жизнь Даждьбожа внука, въ княжих крамолах вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаеве кикахүть, нѣ часто врани граяхүть, трупїа севѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхүть, хотятъ полетѣти на үедїе.

То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицен рати не слышано! Съ заранїа до вечера, с вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копїа харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты костьюи была посѣяна, а кровїю поляна, түгою взыдоша по Руской земли.

Что ми шүмить, что ми звенить давечя рано предѣ зорями?

Игорь плъки заворочаетъ — жаль бо ему мила брата Всеволода! Бишася день, бишася дръгый, третьяго дни къ полуднїю

падоша стязи Игоревы. Тү ся брата разлүчиста на брезѣ быстрой Каялы.

Тү кроваваго вина недоста, тү пирѣ докончаша храврїи рүсичи: сваты попонша, а сами полегоша за землю Рүскюю.

Ничить трава жалощами, а древо съ түгою къ земли преклонилось.

Үже бо, братїе, невеселая година вѣстала, үже пүстыни силу прикрыла. Вѣстала обида вѣ силахъ Даждьбожа внүка, встүпила дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море ү Дону, плещүчи. Үбүди жирня времена...

Үсобица княземъ на поганяя погыбе. Рєкоста бо братъ братү: Се мое, а то мое же. И начяша князи про малое се великое мльвити, а сами на севѣ крамолү ковати. А поганїи съ всѣхъ странъ приходжахү съ поведами на землю Рүскюю.

О, далече зайде соколъ, птиць вья, къ морю!

А Игорева хравраго плѣкү не крѣсити! За нимъ кликнү Карн, а Ижля поскочи по Рүской земли, смагү мычүчи вѣ пламянѣ розѣ.

Жены рүскїя вѣсплакашась, аркүчи: Үже намъ своихъ мильхъ ладъ ни мыслїю смыслити, ни дүмою сдүмати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати...

А вѣстона бо, братїе, Киевъ түгою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлїяся по Рүской земли, печаль жирна тече средь земли Рүский.

А князи сами на себе крамолү ковахү, а поганїи сами повѣдами нарищүще на Рүскюю землю, емляхү дань — по овѣлѣ отъ двора.

Тїи бо два храврая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, үже лжү үбүди, которюю то бяше үспилъ отецъ ихъ...

Святъславъ грозный великий Киевський грозою бяшетъ прирепеталъ своими сильными плѣкы и харалүжными мечи. Настүпи на землю Половецкюю, притопта хлѣмы и ярүгы, взмүти рѣки и озеры, иссүши потоки и болота, а поганаго Ковяка изъ лүкүморя отъ железныхъ великихъ плѣковъ половецкнхъ, яко внүрѣ, выторже! И падеся Ковяк.

Въ граде Києве, въ гридниці Святъславли, тѹ нѣмци и венеѣдици, тѹ греци и морава — поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрѹзи жирѹ во дне Каялы, рѣкы половецкїя, рѹскаго злата насыпаша. Тѹ Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощїево. Уныша бо градомъ завралы, а веселїе пониче.

А Святъславъ мѹтенѹ сонѹ видѣ:

— Въ Кїевѣ на горахѹ си ночь съ вечера одѣвахѹте мя, — рече, — чрѣною паполомою на кровати тисовѣ, чрѣпахѹтъ ми синее вино, съ трѹдомъ смѣшено. Выпахѹтъ тѣщими тѹлы поганыхѹ тѣлковинѹ великїй женчюгъ на лоно и нѣгѹютѹ мя. Уже дѣскы безѹ кнѣса въ моемѹ теремѹ златовѣрсемѹ. Всю ночь съ вечера босѹви врани възгряхѹ и плѣснѣска на волони, вѣша дѣврѣ кисаню и несоша кѹ синемѹ морю.

И ркоша бояре князю:

— Уже, княже, тѹга ѹмѣ полонила: се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тѹмѹтороканя, а люво испити шеломомѹ Донѹ. Уже соколома крыльца припѣшали поганыхѹ саблями, а самаю опѹстоша въ пѹтины железны. Темно бо вѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба вагряная стѣлпа погасоста, и съ нимѹ молодая мѣсяца Олегѹ и Святъславѹ тѣмою ся поволокоста.

На рѣцѣ, на Каялѣ тѣма свѣтѹ покрыла. По Рѹской земли прострошася половци, аки пардѹсы гнѣздо, и въ море погрѹзиста и великое бѹйство подасть хїнови. Уже снесесе хѹла на хвалѹ, уже треснѹ нѹжда на волю. Уже връжесе Дивѹ на землю. Се воготскїя красныя дѣвы възпеша на брезѣ синемѹ морю, звоня рѹскимѹ златомѹ, поють время бѹсово, лелѣютѹ месь шароканю.

— А мы ѹже, дрѹжина, жадни веселїя.

Тогда великїй Святъслав изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече:

— О, моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкѹю землю мечи цвѣлннн, а себе славы искати. Нѣ

не честно одолѣсте, не честно бо кровь поганію проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ бѣсти закалена. Се ли створисте моеѣ сребреней сѣдине! А уже не виждѣ власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ черниговьскими былями: съ могѣты и съ татраны, и съ шельвиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ сольверы. Тѣи бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы повѣждаютъ, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: Мѣжанмѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ! А чи диво ся, братіе, старѣ помолодити! Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ — высоко птиць възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

— Нѣ се зло, княже, ми не пособпе на ниче ся години обратиша.

* * *

Се ѣ Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ — подъ ранами, тѣга и тоска сынѣ Глѣбовѣ!

Великій княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти изда-лека, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеша посухѣ живыми шерешеры стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, бѣи Рюриче и Давыде! Не ваю ли значеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дѣружина рыкаютъ, акы тѣри, ранены саблями калеными на полѣ незнаемъ?! Вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Рускѣю, за раны Игоревы, бѣего Святославича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ золотокованнѣмъ столѣ, подперъ горы ѣгорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви пѣть, затворивъ Дѣнаю ворота, меча времени чрезъ облаки, сѣды ряда до Дѣная. Грозы твоя по землямъ текѣтъ. Отворяеша Кіевѣ врата, стреляеша съ отня злата стола салтани за землями. Стреляй, господине,

Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, вѹего Святъславлича!

А ты, вѹи Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ васъ ѹмь на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ вѹести, яко соколъ, на вѣтрехъ ширяеся, хотя птицю в вѹйствѣ одолѣти. Суть бо ѹ ваю желѣзныи паворзи подъ шеломы латинскими. Тѣм и тресну земля и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сѹлицы своя поврѣгоща, а главы своя поклониша подъ тын мечи харалужныи. По Руси, по Сѹли гради подѣлнша. Нѣ ѹже, княже, Игорю ѹтрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не вологомъ листвѣе срони. А Игорева хробраго пѣлкѹ не крѣсити. Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на повѣдѹ.

Олговичи, хробрый князи, доспели на брань.

Инѣгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не хѹда гнѣзда шестокрилицы! Не повѣдными жребѣи совѣ власти расхытитесте, кое ваши златыи шеломы и сѹлицы ляцкѣи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, вѹего Святъславлича!

ѹже бо Сѹла не течетъ сребренными струями къ граду Переяславу, и Двина болотомъ течетъ.

Онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ единъ же Изяславъ, сын Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскѣя, притрепа славѹ дѣдѹ своему Всеславу, а самъ подъ чрѣлеными щиты на кроваве травѣ притрепанъ литовскими мечи, и схоти ю на кровать и рекъ: Дружинѹ твою, княже, птиць крилы прѣодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не высть тѹ брата Брючяслава, ни дрѹгаго — Всеволода. Единъ же изрони жемчужнѹ дѹшѹ изъ хробра тѣла чресъ злато ожерелѣе. ѹнылы голоса, пониче веселѣе, трѹбы трѹбятъ городеньскѣи.

Ярославе и вси внѹце Всеслави! ѹже понизитъ стязи свои, вонзитъ свои мечи верезени, ѹже бо выскочисте изъ дѣдней славе. Вы бо своими крамолами начястѣ наводите поганыя

на землю Рускую, на жизнь Всеславию, которое бо вѣше насиліе от земли Половецкыи.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жревіи о дѣвицю севѣ любу. Тѣи ключами одпрѣся окна и скочи къ граду Києву и дотчеся стрүжіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи от нихъ лютымъ зверемъ въ пѣночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мыглѣ. Утрѣ же воззни стрикүсы, оттвори врата Новүграду, разшибе славу Ярославү, скочи влѣкомъ до Немиги отдүду.

Ток на Немизѣ: снопы стелютъ головами, молотятъ чеши харалүжными, на тоцѣ животъ кладутъ, веютъ дүшу отъ тѣла. Немизе кровави брезѣ не бологомъ вяхүть посѣяни — посѣяни костьюми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ сүдяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше; из Києва дорискаше до куръ Тмүтороканя, великомү Хрѣсови влѣкомъ пүть прерыскаше. Томү въ Полотскѣ позвониша заүтренюю рано ү святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Києвѣ звонъ слыша. Аще и вѣща дүша вѣдрүзѣ тѣлѣ, нѣ часто вѣды страдаше. Томү вѣщен боянъ и прѣвое припѣвкү, смысленый, рече: Ни хытрү, ни гораздү, ни питцю гораздү сүда божіа не минути.

О, стонати Руской земли, помянүвше прѣвүю годинү и прѣвүхъ князей, того стараго Владимира! Нельзѣ вѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ! Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а дрүзїи Давидовы, нѣ рози нося имъ, хоботы пашүттъ, копіа поютъ.

* * *

На дүнаніи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычетъ:

— Полечю, — рече, — зегзицею по дүнаеви, омочю беврянъ рүкавъ въ Каялѣ-рѣцѣ, үтрү князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Пүтивлѣ на забралѣ, аркүчи:

— О, вѣтрѣ-вѣтрило! Чемү, господине, насильно вѣши! Чемү мычеша хиновьскыя стрѣлки на своею нетрудною

крилицю на моюя лады вон? Мало ли ти вѣшетъ горъ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ! Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?!

Ярославна рано плачетъ Путтивлю городу на забороле, аркучни:

— О, Днепре-словутницю! Ты провилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкюю. Ты лелѣялъ еси на севѣ Святославли носады до пѣккѣ Ковьякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а выхъ не слала къ нему слезъ на море рано!

Ярославна рано плачетъ въ Путтивлѣ на завралѣ, аркучни:

— Светлое и тресветлое Слънце! Всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лүчию на ладѣ вон? Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лүци съпряже, тѣгою имъ тѣли затче?!

* * *

Прыснѣ море по лүнощи, идутъ сморци мѣглами. Игоревни князю вогъ пѣтъ кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рүскюю, къ отню златѣ столу.

Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь вдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца.

Комонь въ полуночи Овлуръ свиснѣ за рѣкою. Велитъ князю разумети: князю Игорю не быть! Кликнѣ, стѣкнѣ земля, вѣшумѣ трава, вежи ся половецкѣи подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и вѣлымъ гоголемъ на воду. Вѣвржеся на вѣзъ комонь и скочи съ него вѣсымъ вѣлкомъ. Тогда врани не граахутъ, галици помлѣкоша, сорокы не троскоташа, полозию ползоша только. Дятлове тектомъ пѣтъ къ рѣцѣ кажутъ, соловѣи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. И потече къ лүгѣ Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гүси и лебеди завтрокѣ, и обѣду, и үжинѣ. (Отмеченная строка воспроизведена неверно. Пока не восстановлена. — Ю. Св.). Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вѣлкомъ потече, трүся совою стѣденүю росу, — претрѣгоста во своя вѣзая комоня.

Донецъ рече:

— Княже Игорю! Не мало ти величїя, а Кончакѣ нелюбїя, а Рүской земли веселїа?

Игорь рече:

— О, Донче! Не мало ти величїя, лелѣявшу князя на влѣнахъ, стлавшү ему зелѣну траву на своихъ сребренныхъ брезѣхъ, одѣвавшү его теплыми мѣглами подѣ сѣнїю зелену древу, стрежаше є гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрѣнядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, — рече, — рѣка Стүгна, хүдү струю именя, пожрѣши чүжи рүчи и стругы рострена к үстү, үношү князю Ростиславу затвори. Днѣпръ темнѣ верезѣ плачется мати Ростиславя по үноши князи Ростиславѣ. Уныша цветы жаловою, и древо съ түгою кѣ земли прѣклонило.

А не сороки втроскоташа — на слѣдү Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Молвитъ Гзакъ Кончакови:

— Аже соколъ кѣ гнездү летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами.

Рече Кончакъ ко Гзѣ:

— Аже соколъ кѣ гнѣздү летитъ, а вѣ соколца опүтаевѣ красною дѣвицею.

И рече Гзакъ кѣ Кончакови:

— Аще его опүтаевѣ красною дѣвицею, ни нама бүдетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнүтъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

* * *

Рекъ боянъ и ходына Святѣславля, пѣтворца стараго времени, Ярославля Ольгова коганя хоти.

**СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА**

Переложение

СЛОВО О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ ЗА ДОН ВЕЛИКИЙ,
ДАБЫ ВЕРНУТЬ РУСИ
ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ ТЪМУТОРОКАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО
С МИРОМ

ТРУДНАЯ ПОВЕСТЬ И ПЕСНЬ, И ГОРЬКИЙ ПЛАЧ О ЗЕМЛЕ
РОДНОЙ, НАПИСАННЫЕ КНЯГИНЕЙ БОЛЕСЛАВОЙ
(МАРИЕЙ) СВЯТОСЛАВНОЙ В
НОВГОРОДЕ СЕВЕРСКОМ ЛЕТА 1185–1186
СТАРЫМИ СЛОВЕСАМИ

Переложение, приближённое к современному пониманию)

**Ю. Сбитнев,
О. Гринева**

Не лучше ли нам было, братья, начать старыми словесами трудную повесть о полку Игореве, Игоря Святославича!

Начаться же той песне по правде сего времени, а не по замышлению бояна. Боян бо Вещий, если кому хотел песнь творить, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облака.

Помнил страшную дань подлых времён усобиц: тогда пускал десятник соколов на стадо лебедей. В поборах тех всё у людей забирали премудрому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, красному Роману.

Святославичу боян же, братья, не десяток соколов на стадо лебедей пускал, но свои вещи персты на живые струны воскладал — они же сами князю славу рокотали!..

Начнём же, братья, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря, иже напруг ум клятвою своею и, поострив сердце мужеством, исполнился ратного духа и повёл свои храбрые полки за землю Половецкую на землю Русскую.

О, боян, соловей старого времени, как бы ты сей поход восщебетал, соловьём скача по мыслену древу, улетаая умом под облака, свивая славы вокруг сего времени. Пускайся в тропу Трояню через поля на горы, петь бы тебе Игорю, того ободряя: «Не буря понесёт соколов через поля широкие — стадам галиц бежать к Дону великому». Или воспеть бы тебе, Вещий боян, Велесов внук: «Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве!»

Трубы трубят в Новеграде, стоят стяги в Путивле — Игорь ждёт мила брата Всеволода.

И сказал ему Буй Тур Всеволод:

— Один брат, один свет светлый ты, Игорь. Оба мы Святослави-чи! Седлай, брат, своих борзых коней, а мои уже готовы, осёдланы у Курска на виду! А мои те куряне сведомы в скачке, под трубы рождены, в шеломах взлелеяны, с конца копья вскормлены. Пути им ведомы, яруги ими знаемы, луки у них напряжены, колчаны отворены, сабли изострены... Сами скачут, как серые волки в поле, ищучи себе чести, а князю славы!

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и видит: все его войны тьмою прикрыты...

И обратился Игорь к дружине своей:

— Братья и дружина! Лучше убитому быть, нежели полоненному быть! А сядем-ка, братья, на своих борзых коней да позрим синего Дона!

Возникло у князя горячее желание, и страсть знамение ему засло-нила.

— Искусить Дона великого хочу, — сказал, — копьё преломить о конец поля Половецкого хочу с вами, русичи! Хочу главу свою преломить да испить шеломом Дона великого!..

Тогда вступил Игорь-князь в злат стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступает, ночь стонет ему грозою, птичий свист затих, зверь затаился. Див возглашает с вершины

древа, велит слушать землям далёким — и возле моря, и по Суле, и Сурожу, и Корсуни... И тебе, тьмутороканский сокол!..

И полки непроторенными дорогами побежали к Дону великому. Кычут телеги по бездорожью, словно лебеди распуганные — Игорь к Дону воев ведёт. Но уже беду его пасут птицы по лесам, волки грозу ворожат по яругам, орлы клёкотом на кости зверей зовут, лисицы брешут на червлёные щиты...

О, Русская земля, уже за речным крутояром ты!

Долго ночь меркнет, заря свет потушила, мгла поля покрыла, щёкот соловьиный утих, говор галочий замолк... Русичи червлёными щитами великие поля перегородили, ищущи себе чести, а князю славы...

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо — далече залетело! Не было оно в обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон!

С зарёю в пляс пустилось стойбище половецкое, и разметавшись стрелами, по полю помчались красные девы половецкие со золотом, и поволоками, и с дорогими бархатами. Ортьмами и япончицами да шубами стали мосты мостить по болотам и лужам, и всяким узорчьем половецким...

Червлен стяг, бела хоругвь, червлена чолка, серебряное стружие — храброму Святославичу!

Поганый половчин Гзак бежит серым волком к Дону великому по следу Кончака.

На другой день вельми рано кровавые зори свет оповестили: чёрные тучи с моря идут, хотят прикрыть Бога солнца, а в них трепещут синие молнии! Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям трещать, тут саблям греметь о шеломы половецкие, на реке, на Каяле, у Дона великого.

О, Русская земля, уже за речным крутояром ты!

И ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пороси поля прикрывают. Стяги глаголят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступают. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи — червлёными щитами.

Яр тур Всеволод, стоишь в обороне, мечешь на врагов стрелы, гремишь о шеломы мечами харалужными! Куда тур поскачет, своим златым шеломом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие! Порублены саблями калёными шеломы оварские тобой, яр тур Всеволод! Презрел раны, дорогие братья, Всеволод, забыв чтить и жизнь свою, и града Чернигова отчий золотой стол, и свою милую жену — красавицу Глебовну!..

* * *

Свычая и обычая были века Трояни, минули лета Ярослава, были страдания Ольговы, Ольга Святославича — будто Олег мечом крாமолу ковал и стрелы по земле сеял. Ступает в злат стремя в граде Тьмуторокани, тут же звон тот слышит хитрый великого Ярослава сын, а Всеволодов Владимир каждое утро уши закладывает в Чернигове.

Бориса же Вячеславича такая слава на суд привела и на кан погребальный иную — зелёную — паполому постлала, за обиду Олегову, храброго и молодого князя...

С того же казнил Святополк наследника отца своего вместе с прикрывшим того венгром. И злодеи-изменники тогда к святой Софии к Киеву приползли.

Гориславичи сеялись и прирастали усобицами, губя жизнь Дажьбожьего внука. В княжьих распрях век людской сократился. Тогда по Русской земле редко пахари коней понукали, но часто вороны граяли, трупы деля меж собою, а галицы о своём кричали, собираясь лететь на добычу.

То было в те рати и в те войны. А нынче рать неслыханная! С зари до вечера, с вечера до света летят стрелы калёные, гремят сабли о шеломы, трещат копыя харалужные в поле неизвестном среди земли Половецкой. Чёрная земля под копытами косями была засеяна и кровью полита, тугою взошли они по Русской земле...

Что мне шумить, что мне звенить давеча рано перед зорями?

Игорь полки поставил заворой, жаль ему мила брата Всеволода! Бились день, бились второй, третьего дня к полудню пали стяги Игоревы. Тут братья разлучились на бреге быстрой Каялы.

Тут кровавого вина не достало, тут пир завершили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую.

Никнет трава жалобой, и дерево с тугью к земле приклонилось.

Уже, братья, невесёлая година настала, уже не до забав. Уже восстала обида Дажьбожьего внука, вступила девою на землю Трояню, всплеснула лебедиными крылами на синем море у Дона. Закончились добрые времена...

Усобица князя — на подлую погибель. Сказал брат брату: «Это моё, а то — моё же!» И начали князя про малое «то великое» молвить, и сами на себя крамолу ковать, а иноверцы со всех сторон приходить с победами на землю Русскую.

О, далеке зайдёт сокол, птиц убивая, к морю...

А Игорева храброго полка не воскресить! О нём расскажет Карн, а Ижля поскачет по русской земле, неправду вещая в рог пламенный.

Жёны русские восплакали, причитая: «Уже нам своих милых лад ни мыслию осмыслить, ни думаю одумать, ни очами оглядеть, а злата и серебра их ни обнять, ни погладить, ни приласкать...»

И восстал, братья, Киев туюю, а Чернигов бедою. Тоска разлилась по Русской земле, печаль велика течёт среди земли Русской...

А князя сами на себя крамолу ковали, а поганые сами с победами приходили на Русскую землю, взимая дань — по рабыне со двора.

Эти же два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, уже беду разбудили, которую усыпил отец их...

Святослав грозный, великий киевский грозой налетел своими сильными полками и харалужными мечами. Наступил на землю половецкую, притоптал холмы и яруги, взмутил реки и озёра, иссушил протоки и болота, а поганого Кобяка из лукоморья от железных великих полков половецких, яко вихрь, исторг. И пал Кобяк.

* * *

Во граде Киеве, в гриднице Святослава, тут немцы и вenedийцы, тут греки и морава — поют славу Святославу, хают князя Игоря, который погрузил казну на дно Каялы, реки половецкой, русского злата насыпал. Тут Игорь-князь пересел из злата седла в седло кочевниче. Тужат стены городские, а веселие поникло...

А Святослав тревожный сон увидел:

— В Киеве на Горах всю ночь, с вечера, укрывали меня, — молвил, — чёрным покрывалом на кровати тисовой. Черпали мне синее вино, с бедою смешанное. Сыпали мне пустыми колчанами поганых иноверцев крупный жемчуг на грудь и хулили меня. Уже домовина стоит в моем тереме златоверхом! И всю ночь с вечера серые вороны орали, неистово скача на болони, трепали тугую мошну и снесли её к синему морю...

И отвечали бояре князю:

— Уже, княже, беда ум полонила! Слетели два сокола с отчего стола золотого поискать града Тьмутороканя и любо испить Дона! Но соколам подрубили крылья саблями половецкими, а самих опутали железными путами. Темно стало на третий день: два солнца померкло, оба багряные столба погасли, а с ними молодые месяцы Олег и Святослав тьмою поволоклись.

На реке, на Каяле тьма свет покрыла. Русскую землю разорили половцы, как пардусы гнездо, и в бездну погрузили и великую дань поднесли хану. Уже сошла хула на славу, уже одолела нужда волю, уже повержен Див на землю. А боготские красные девы воспели на берегу синего моря, звеня русским златом. Поют в предрассветных сумерках, колышут зыбь луговую...

— А мы уже, дружина, жаждем радости...

Тогда Великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное:

— О, сыны мои Игорь и Всеволод, рано благотворить начали землю Половецкую, мечи в ножнах держать и тем славу себе искать. Но не в честь вам одолеть и не в честь кровь иноплеменную пролить. Ваши храбрые сердца боевым железом кованы и отвагой закалены. Что же вы сотворили моей серебряной седине?! И уже не вижу могущества сильного, богатого многими воинами брата моего Ярослава с черниговскими мастерами: с татранами и с шельбирами, с топчаками, и с ревутами, и сольберами. Они без щитов, одним только засапожным кликом полки побеждают, вызванивая прадедней славой! Но сказали вы: «Мужеством своим предстоящую славу завоюем и прежнюю сами поделим». А разве диво, братья, старому помолодеть! Когда сокол в силах бывает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду.

— Но это зло, князь, минет само собой, в ничто эти години обратив.

* * *

Вот у Римова кричат под саблями половецкими. А Владимир изранен, туга и тоска сыну Глебову!..

Великий князь Всеволод, не думаешь ли издалече прилететь, отчего золотого стола поблюсти? Ты же можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шеломом вычерпать. Если бы ты был там, то была бы половецкая пленница по ногате, а кочевник по резани. Ты же посуху можешь живыми шерещирами стрелять — удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буй Рюрик и Давыд! Не ваши ли золотые шелома в крови плавают?! Не ваши ли храбрые дружины рыкают, как туры, раненые саблями калёными в поле далёком?! Вступите, господине, в злат стремя за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, от важного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав, высоко сидишь на своём златокваном столе! Подпёр горы Угорские своими железными полками, заступив королю путь, затворив по Дунаю ворота, меча времена через облака, рядя суды до Дуная. Грозы твои по землям текут. Отворяешь Киеву врата, стреляешь с отчего стола султана за землями! Стреляй, господине, поганого кочевника за землю Русскую, за раны Игоря, буюго Святославича.

А ты, буй Роман и Мстислав! Храбрая мысль возносит вас далёко, высоко плавая в думам, как сокол, что на ветру парит, желая птицу в буйстве одолеть. У вас даже завязки железные под шлемами латинскими, потому и одолели земли и многие страны — Ханство, Литва, Ятвязи, Деремела и Половцы копьа свои повергли, а головы свои преклонили пред вашими мечами харалужными. По Роси, по Суле города поделили. Но уже, князь, для Игоря солнца свет померк, и дерево не добром листву сронило. А Игорева храброго полка не воскресить. Дон тебя, князь, кличет и зовёт князей на победу.

Ольговичи, храбрые князь, попали на брань.

Ингвар и Всеволод и все три Мстиславича, не плохого гнезда соколы! Не по праву побед себе волости заполучили, так же, как и ваши золотые шлемы и копия польские и щиты! Загородите Полю ворота своими острыми стрелами! За землю Русскую, за раны Игоревы, от важного Святославича!

Уже Сула не течёт серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течёт.

Грозным полочанином под кликом поганых только Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, умножил славу деду своему Всеславу, а сам под красными щитами на кровавой траве пронзён литовскими мечами. И положили его на ноши, говоря: «Дружину твою, князь, крылья птиц заслонили, а звери кровь лизали». Не было тут брата Брючислава, ни другого — Всеволода. Один же он изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Печальны голоса, поникло веселие, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава! Склоните стяги свои, воткните в землю мечи свои поверженные, ибо уже растеряли вы славу дедовскую. Ибо начали вы своими раздорами навлекать поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава распрями наводить разор от земли Половецкой.

На седьмом веке Троя кинул Всеслав жребий на девицу себе любу. Той ключами отпер окно и поскакал ко граду Киеву, дотронулся стружием до золотого стола киевского. Поскакал от них лютым зверем в полуночи из Белаграда, повис-полетел синей тучей, утром же, вонзив топоры, отворил ворота Новуграда, поверг славу Ярославову, поскакал волком к Немиге оттуда.

Ток на Немиге: снопы стелют головами, молотят цепями харалужными, на току жизни кладут, веют душу от тела. Кровавые берега Немиги не добром были посеяны — посеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суды рядил, князьям города раздавал, а сам по ночам волком рыскал: из Киева добежал до дымов тьмутороканских, великому Хорсу путь волком пересекая. Потому в Полоцке звонили заутреню рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон слышал.

Хоть и вещая душа водружена в тело, но часто от бед страдает. Потому Вещий боян и древнюю припевку, заумный, приговаривал: «Ни хитрому, ни ловкому, ни пытцу умелому суда божья не минуть».

О, стонать Русской земле, вспоминая подлые времена и первых князей, того старого Владимира! Нельзя их пригвоздить к горам киевским! А ныне встали стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы. Рога трубят им, косицы-хоботы выются, копыта поют.

* * *

Средь небесной реки Ярославны голос слышится.

Лебёдушкой неведомой рано кычет:

— Полечу, — молвила, — лебёдушкой по дунаю, омочу шелков рукав в Каяле-реке, утру князю кровавые его раны на могучем его теле.

Ярославна рано плачет в Путивле, на забрале, причитая:

— О, Ветер-ветрило! Почему, господине, буйно вешь?! Зачем мечешь ханские стрелы на своих лёгких крыльях на воинов моего любимого?! Мало тебе было высоко под облаками веять, качая корабли на синем море?! Почему, господине, мою радость по ковылию развеял?!

Ярославна рано плачет в городе Путивле, на забрале, причитая:

— О, Днепр славный! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую! Ты качал на себе Святославовы насады до стана Кобыкова. Принеси, господине, моего любимого ко мне, чтобы не слала к нему слёзы на море рано!

Ярославна рано плачет в Путивле, на забрале, причитая:

— Светлое и пресветлое Солнце! Всем тепло и красно ты! Зачем, господине, простёрло горячие лучи свои на воинов моего любимого, в поле безводном жаждой луки их свело, печалью их колчаны затворило?

* * *

Плещет море по берегу дикому, идут мороси мглами.

Игорю-князю бог путь кажет из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому столу.

Погасла вечерняя заря. Игорь (не) спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца.

Коня в полуночи Овлур свистнул за рекою, велит князю разуместь: князю Игорю пора идти. Вскликнула, вздрогнула земля, восшумела трава, стан половецкий зашевелился, а Игорь-князь поскакал гор-

ностаем к тростнику и белым гоголем на воду, вскочил на быстрого коня и помчался с него серым волком. Тогда вороны не граяли, галлицы примолкли, сороки не стрекотали, лишь полозьи ползали. Дятлы тѣкотом путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями свет оповещают. И направился к луке Донца, и полетел соколом под небесами, сбивая гусей и лебедей... Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком помчался, сбивая собою студѣные росы, ибо загнали своих быстрых коней.

Донец спросил:

— Князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле радости?

Игорь ответил:

— О, Донче! Не мало тебе величия, лелеющему князя на волнах, стлавшему ему зелену траву на своих серебряных берегах, одевавшему его тѣплыми мглами под сенью зелѣных дерев, сторожащему его гоголем на воде, чайками на перекатах, чернью на стрежнях. Не такова, — молвил, — река Стugna: худую струю имея, поглотив чужие ручьи и струи (лодки), расширяясь к устью, юношу князя Ростислава затворила. На тѣмном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше-князю Ростиславу. Поникли цветы скорбью, и древо с печалью к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.

Молвит Гзак Кончаку:

— Когда сокол к гнезду улетит, соколича расстреляем своими стрелами золочѣными.

Отвечает Кончак Гзе:

— Если сокол к гнезду улетит, так соколича опутаем красною девицей!

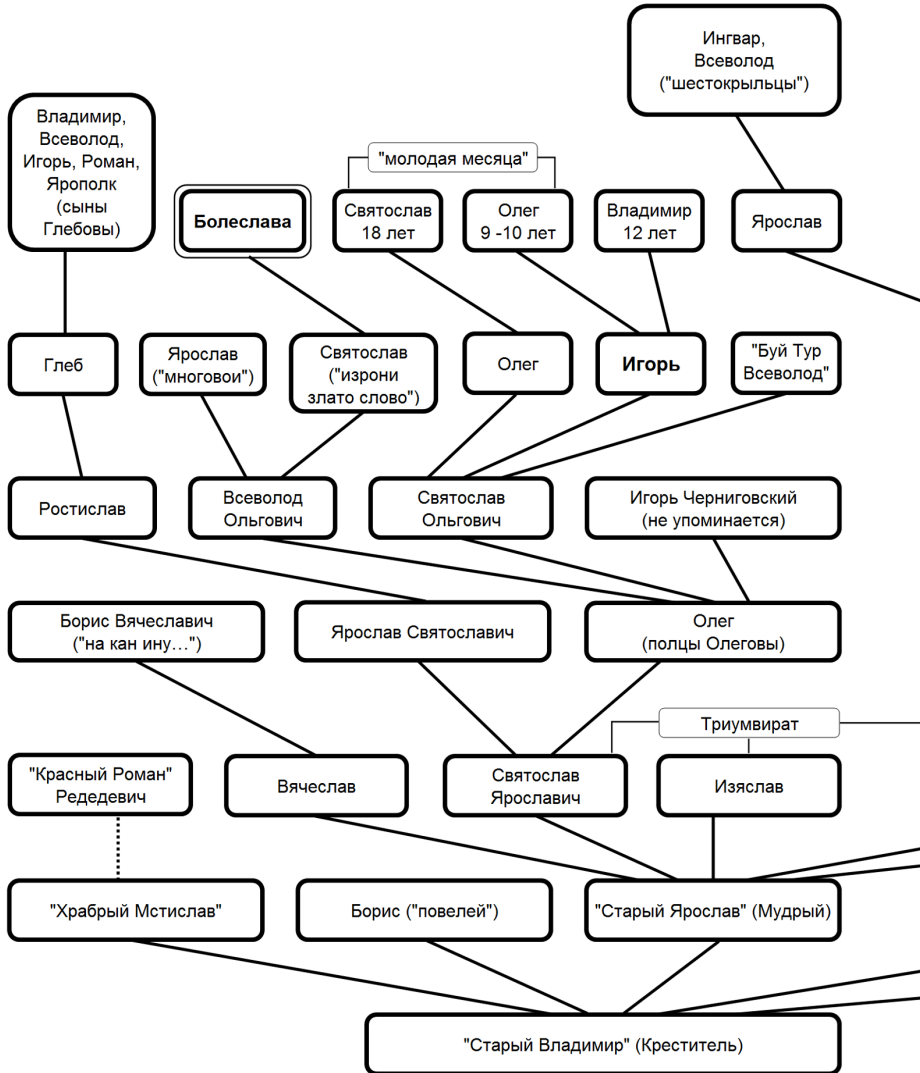
И сказал Гзак Кончаку:

— Если его опутаем красною девицей, то не будет нам ни сокольца, ни красной девицы, так начнут наших птиц бить в поле Половецком.

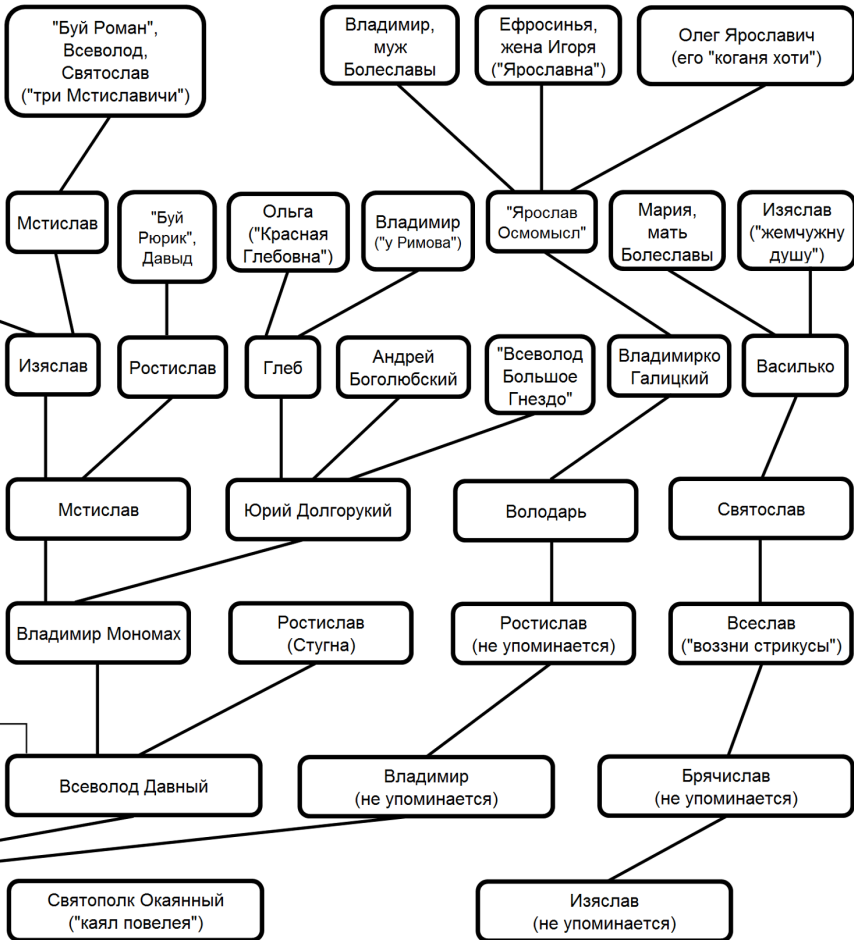
* * *

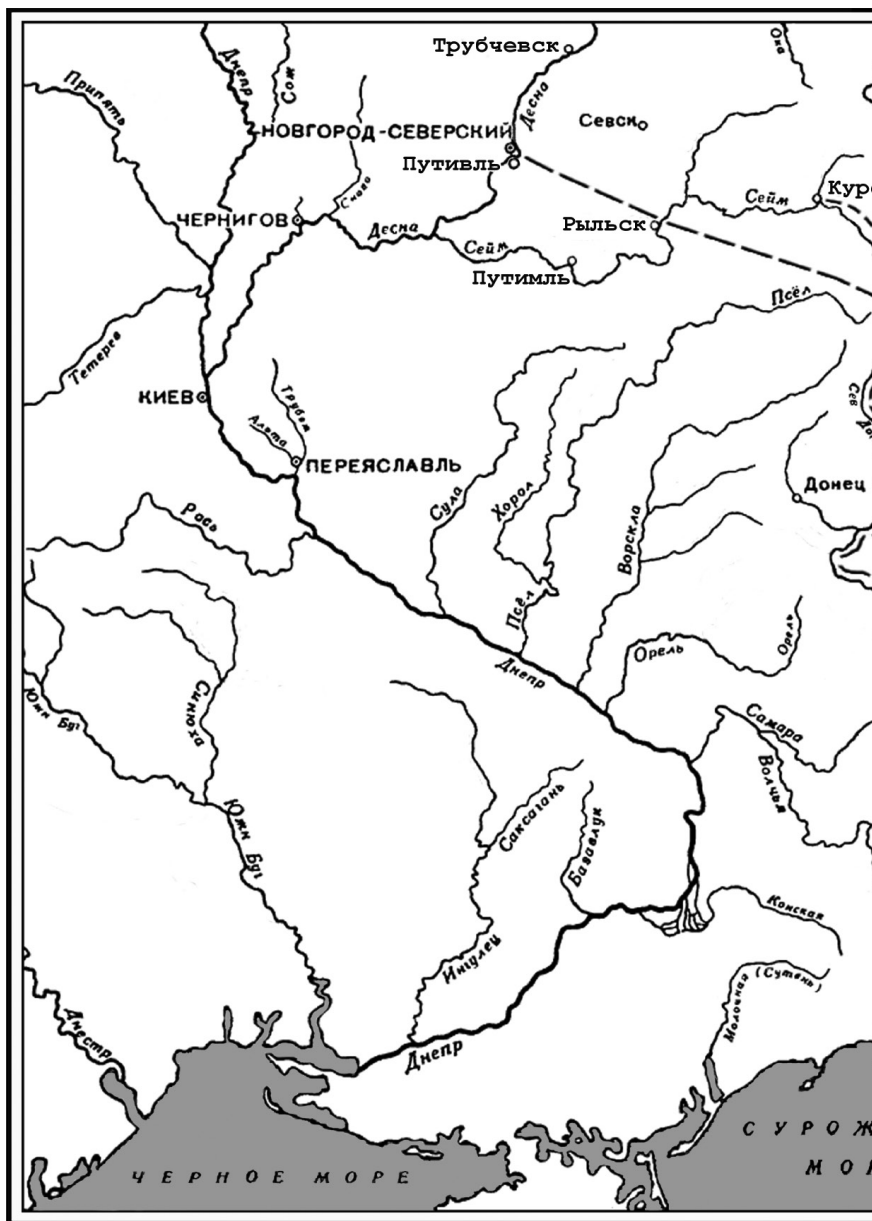
Рассказала боян и ходына Святославова, летописица старого времени, Олега Ярославича любимая женщина.

Древо князей, упоминаемых

В "СЛОВЕ" (по Ю. БИТНЕРУ)

НАПРАВЛЕНИЕ ПОХОДА КНЯЗЯ ИГОРЯ

— путь Игоря

- - - путь Всеволода (Буй Тур)

○ место встречи Игоря и Всеволода

⊗ место битвы

50 0 50 100 км

